

Trapped

The Pentagon File

by Alexandra Gale

Все началось банально: опрометчивая молоденькая студентка и не простивший ей оплошности ректор. Продолжилось не менее заурядно: студентка оказалась амбициозной, а ректор к этому качеству благоволил. И даже результат этой истории нельзя назвать неожиданным: скандальный разрыв с криками, истериками, перелетом за тысячи миль и клятвами избегать друг друга до конца своих дней... Если, конечно, не рассматривать вариант, где спустя два с лишним года я стою в офисе полковника военно-воздушных сил США, который сообщает мне что кто-то, а, скорее всего, мой бывший драгоценный ректор, хакнул Пентагон, и найти виновного, наряду с уликами, должна с какой-то стати именно я...

Александра Гейл

Дело Пентагона

Книга посвящается каждой пролитой во имя мечты слезинке

Пролог. Или самая страшная ночь моей жизни

За три года до описываемых событий

Было уже очень-очень поздно. А суд закончился в четыре часа дня. Не могли же его задержать снова. Или могли? Да нет, конечно, нет. Тогда где они с Алексом так долго мотались? Может, он просто как всегда не хотел возвращаться ко мне, предпочитая какую угодно компанию, кроме моей? А ведь я переживала! Кстати, зачем? Знала ведь, что он не захочет меня видеть.

Именно на этой моей мысли входная дверь хлопнула. Я помимо воли сжалась в комок в ожидании скандала. Да, я позвонила Алексу. И не могла за это не получить.

— Ну и как ты тут без меня, *дорогая*? — спросил Шон таким тоном, что меня затрясло от страха и наплыва дурных предчувствий.

— Ты вернулся, — решила не вестись на провокации я.

— О, я заметил. А ты уверена, что заметила? — Вот что он нес?

— Шон, о чем ты? — устало спросила я, уже не скрывая собственного раздражения. Избежать конфликта не удастся. Он уже в худшем из возможных настроений.

— Какое печальное выражение лица, сейчас расплачусь.

— Хватит!

Он и перестал. Просто взялся за бутылку виски и, забыв обо всех правилах приличия, сделал затяжной глоток из горла. Это было дурным знаком. Наконец, оторвавшись от бутылки, Шон уставился на меня и продолжил:

— Ты позвонила Алексу. Какое право ты имеешь вмешиваться в мои дела, *Джоанна Конелл*?! Ты правда думаешь, что без твоей помощи я остался бы без адвоката?

— Нет, но...

— Ты вызвала моих друзей. На кой хрен ты это сделала?

— Ты в своем уме? Я хотела как лучше.

— Ты хотела как лучше для тебя. Тебе было страшно, и ты вызвала подмогу, чтобы не пришлось самой выпутываться из неприятностей? Напугала их, взбесила меня. Нахрена ты влезла?!

— Я подумала, что раз они твои друзья, ты захочешь их поддержки. В отличие от моей. Они не чужие и тоже замешаны в скандале по поводу Пентагона!

— А ты не думай, Джоанна, сиди и улыбайся, только это у тебя и получается!

Я задохнулась от возмущения. Это было просто вопиюще несправедливо! Он хотел заставить меня заплакать, но вместо этого я разозлилась.

— Это неправда. Ты так не думаешь!

— Я думаю, что ты просто пустышка, Конелл. Маленькая глупая девочка, которая только о себе и думает. Или по-твоему это *мне* было нужно, чтобы Алекс и Карина отводили от меня нелепейшие обвинения непонятно в чем?

— Я вообще не знала, в чем тебя обвиняют, — ткнула я в него пальцем. — Когда у меня на глазах на твоих запястьях застегивали наручники, ты мне ни слова не сказал!

— А должен был? — умиленно спросил Шон. — Разве я тебе хоть что-то вообще должен? Уж либо сидела бы тихо, как всегда, либо собирала свои пожитки и валила отсюда, если нейметя! — А затем подошел ближе и навис надо мной. Угрожая. Подавляя. — Ты самонадеянная идиотка. Всегда была! Посмотри. — Он одним молниеносным движением

схватил меня за затылок, заставляя встать и, одновременно, наклоняя над поверхностью журнального столика, в которой я увидела собственное тусклое отражение. — Эти вечно надутые губки и светлые волосы. Ты одержима внешней атрибутикой, потому что внутри пусто. Бестолковая пустышка! Ты ничего не видела, ничего не испытывала, и потому для тебя я самый страшный кошмар, верно? — Черт, вероятно он уже пришел не совсем трезвый.

Да уж стоя в его захвате, склонившись над стеклянным столиком, куда он может меня в любой момент бросить, пожалуй, о страхе не поспоришь...

— Ты отвратителен! — выкрикнула я.

— Отвратителен, — хмыкнул он и сделал еще один затяжной глоток. — Знаешь, Конелл, есть такое правило: со временем все черствеют. Если ты не в состоянии терпеть мою отвратительность, ищи себе компанию в детском саду! Никто тебя не держит. Ты же просто инфантильная идиотка, которая не в состоянии признать, что никакая ты не жертва. Для тебя имеет значение только то, сколько раз тебе изменили и нагрубили. Потому что ты ребенок. Дядя сказал, что ты плохая, и ты плачешь, дядя приласкал, и ты счастлива. Вот она суть наших — с позволения сказать — отношений. Ты маленькая девочка со взрослыми желаниями и доходящими до абсурда амбициями. Тебе было любопытно прыгнуть в мою постель. И ты это сделала. Тебе было любопытно, а что еще ты можешь с меня получить? Ты заработала себе достойное образование и более чем роскошный круг знакомств. Большого не получишь, хоть всю жизнь болтайся в этом доме.

— Это ТЫ эмоционально застрял на уровне ребенка. Ты не в состоянии общаться с людьми. Кто-то когда-то тебя обидел, и ты носишься со своей обидой, перекидывая ее на каждого человека. Твоя мать умерла, верно? Джастин сказал, что она умерла, и с тех пор твоя крыша не в порядке! — А вот это было определенно лишнее.

— Вооот даже как, — расхохотался Картер и рывком притянул меня за волосы к себе. — И ты, верно, думаешь, что перегнешь меня своей мягкостью и добротой? Очнись, в тебе нет ни того, ни другого. Ты не добрая и не чудесная. Ты всего лишь помнишь каждый раз, когда тебя дернули за косичку, и не повторяешь ошибок в надежде, что тебя станут меньше обижать. Уверяю, Конелл, за что обидеть найдут. Иначе не бывает! Невозможно избежать разочарований. Дело в другом — в том, как ты к ним относишься. А для тебя каждый косой взгляд — катастрофа мирового масштаба. Открой глаза, проконтролировать все на свете нереально! Даже пытаться ненормально, противоестественно. Если ты не будешь беречь собственные нервы, никто кроме этим заниматься не станет! Так что дело не во мне. Я не сломлен, не обижен и не раздавлен. Меня не от чего спасать, Джоанна. Во мне нечего искать, все просто. Ты же вдоль и поперек меня изучить успела! Сколько лет мы живем вместе? Да, кстати, сколько? Три? Четыре года? Ну и сколько еще нужно, чтобы понять, что открывать во мне нечего? Хочешь, чтобы я помог тебе в поисках правды? Так вот она: я люблю компьютеры и не люблю людей. Вот я. Здесь. Я такой. Во мне НЕТ противоречий. Не нравится — проваливай.

— Не уверяй меня, что у тебя нет эмоций. Очень даже есть!

— Конечно есть, но они просты и логичны.

— Логичны? Это по какой такой логике ты уже полчаса на меня орешь? Ни хрена подобного, Картер, ты просто злишься, что увидел вместе Пани и Алекса.

Он устало потер ладонью лицо.

— Тебя еще не тошнит? — Я вопросительно подняла брови. — От Пани. Меня от этой темы уже тошнит!

— Поверь, аж наизнанку выворачивает. Но если нет, за что ты злишься? Не может быть это банальный телефонный звонок! Тем более что Алекс твой друг. Его внимание тебе нисколько не навредит! И мне тоже. Да, у меня сдали нервы, и я сняла трубку. Я не пуленепробиваемая, как ты. У меня эмоции есть. И мне было тяжело.

— Ей. Ей было тяжело! — вдруг заорал он и пинком опрокинул кресло. Я перепугалась. — Тяжело сидеть в камере и не знать, что можно сделать. А знаешь, что еще тяжело? Объясняться какого хрена моя «подружка» звонит в истерике на другой континент и умоляет приехать, если и так все уже благополучно разрешилось!

— Если бы ты хотя бы в известность...

— Пришла бы и спросила, раз уж ты так переживала! — заорал он снова. Я вздрогнула. Ну не могла я стойко переносить его твяканье!

— Ты бы выгнал меня! — резонно заметила я.

— Конечно выгнал бы! И, кстати, именно этим сейчас и займусь. Убирайся! Забирай свои вещи и проваливай.

— Шон, ты...

— Я сказал вон отсюда! — И второе кресло присоединилось к первому. Мне стало действительно страшно. Но, честно говоря, перед знакомыми уже достало объясняться, почему мой бойфренд меня как собаку опять вышвыривает из дома посреди ночи! Эта мысль, словно дятел, злобно долбилась в голове. А потому я не сдалась. Но ведь и он не отстал. — Ты оглохла?

— Успокойся, — попыталась вразумить я его.

— А я спокоен. — И снова отпил виски. Злой Шон — ладно, не привыкать, но злой пьяный Шон — территория несколько неизведанная. — И когда ты уйдешь, я стану еще спокойнее. Проваливай!

— Куда я пойду ночью?!

— Это не мои проблемы! К Клеггу вали, к Керри, да какая мне, на хрен, разница. Или предложи кому-нибудь еще тебя трахнуть в обмен на кров, поверь мне, тебя возьмут с руками и ногами, ты стоишь каждого цента арендной платы.

Это окончательно взорвало мне мозг. Да как он смеет говорить такое?! Я бросилась на него. Но это было, конечно, и глупо, и тщетно. Он просто перехватил мои поднятые для удара руки, а потом прошипел:

— Убирайся вон, — и сильно оттолкнул от себя.

Я не удержала равновесие. Мир остановился. Момент падения был точно такой же, как в фильмах показывают. Все замедлилось, голова отключилась. А потом шипы боли обожгли спину. И я попыталась закричать, но удар вышиб из груди весь воздух. Ножки столика, которые недостаточно прочно крепились к стеклянной столешнице, отломились и отъехали в сторону, оставляя мне лишь короткий момент невесомости, а затем — мягчайшую перину из острых осколков.

Я чувствовала, что под спиной становится все теплее и теплее. Кровь. Было ужасно больно. На несколько мгновений я даже ослепла, а когда зрение вернулось Шон стоял надо мной, и на его лице не было видно ни тени сожаления. Он просто сделал еще глоток виски, развернулся и ушел, хлопнув дверью спальни.

А я не могла сесть, даже думать было больно. Уже почти, почти позвала Шона, но страх победил. Его отсутствующее бесстрастное лицо запечатлелось в памяти навсегда. Он псих, маньяк, а вдруг он окончательно спятил и может меня убить? Долго лежать нельзя, а то я

рискую умереть от кровопотери... Есть ли на спине артерии? Я понятия не имела. Но позвоночник-то точно имеется. Для того, чтобы убедиться, что все не совсем плохо, я попыталась пошевелить пальцами ног и рук. Удалось. Это хорошо, да? Я попыталась сесть, но стало еще больнее, я не сдержала вскрик, перепугалась, что вернется Шон, зажала рот рукой и, не переставая всхлипывать, ползком направилась к двери.

Я ползла по улице, стирая кожу на ладонях и коленях, оставляя за собой кровавую дорожку. А когда миновала несколько домов, решила позвонить в скорую по сотовому, который, к счастью, ни на минуту не выпускала из рук. Я лишь надеялась, что меня спасут раньше, чем я истеку кровью.

Глава 1

Хитрец

Настоящее время

— Эй, Миссисипи, — я поднимаю голову и смотрю на вошедшего. Полагаю, глупо ругаться с дяденькой, который уже давно физически вырос, но все еще зовет тебя именем штата, в котором ты родился, в надежде досадить. — К тебе посетитель.

Вы, наверное, подумали, что я в тюрьме? Поначалу я думала так же. И, временами, до сих пор думаю. Но, несмотря на колоссальное сходство, не угадали. Темные забетонированные стены, пуленепробиваемое стекло и решетки на окнах, строгий режим и суровые наказания, казенная мебель и скудный паек. Добро пожаловать в военно-воздушные силы США. Даже правила посещения, кстати, такие же, как в тюрьме. Тут военная база, а не абь что! По мне так добровольная колония. Ничего, это не первая моя попытка выжить при любом раскладе и добиться успеха.

Я иду по коридору, звонко стуча каблучками по каменному полу. Эти туфли совсем не подходят к обстановке. В них могла бы щеголять самая привередливая невеста. Но, что делать, я люблю классные тряпки, а себя в этих тряпках люблю еще больше. Рядовой отдает честь и толкает дверь. Женщин на этой базе всего трое. И все из разных штатов, потому мы и стали Миссисипи, Вирджинией и Невадой. На самом деле все сложнее и, кажется, это моя вина, но об этом позже.

Как только я вхожу в двери, дурацкие мысли о кличках военных вылетают из головы. Мужчина, который сидит в кресле, некогда являлся мне во снах, которые можно назвать эротическими фантазиями карьеристки, правда, было это года эдак три назад. А теперь я работаю в военно-воздушных силах США и усердно делаю вид, что все остальные должности меня ни капельки не интересуют. Еще бы зарплату иметь более достойную, и вообще не о чем мечтать... Или я это себя так настраиваю?

— Добрый день, доктор Конелл. — Он поднимается и протягивает мне руку. Его мягкий итальянский акцент подобен густому меду. У меня даже на языке приторно становится. А ведь представляться он даже не торопится. Испытывает.

— Мистер Монацелли, — говорю я холодно. Не вижу смысла притворяться, что его внешность мне незнакома.

— Можно Манфред.

— Предпочту мистер Монацелли, — отзываюсь я, добавляя голосу притворной любезности. На самом деле я не всегда такая ядовитая, но Манфред будит во мне грустные воспоминания, а в расстроенных чувствах я за себя не всегда отвечаю. Кстати, шпильку он проглатывает, будто таковой и не было.

— Доктор Конелл, — начинает Монацелли. — Я предлагаю вам работу.

У меня глаза на лоб лезут прежде, чем я могу себя остановить.

— Без тестов и проверок? Без ничего? — Да так же не бывает, это подстава?

— Вот именно, без ничего. — Он улыбается, и вокруг его глаз собираются добрые морщинки. Он знает, как воздействовать на людей, но моя обида на всю их братию сильнее.

— Простите, но я не заинтересована. — И тут уже глаза лезут на лоб у него. Я с удовольствием наблюдаю как морщинки вокруг его глаз медленно перетекают в складки на лбу. Вдохновились его искренним недоумением, не иначе. Спohватившись, я заставляю себя

встать и направиться к двери.

— Доктор Конелл, назовите цену, условия, что угодно.

А ведь это интересно. С чего бы вдруг ему меня умолять? Хотя пусть и интересно, но не настолько, чтобы сдаться. Я же не мазохистка.

— Вы мое условие выполнить не согласитесь.

— Я настаиваю, доктор Конелл.

Он ждет, что я присяду, а я не затрудняю себя подобными условностями, лишь опираюсь о спинку стула.

— Никакого Шона Картера.

— Это можно обсудить, — кивает Монацелли. — Что конкретно вы имеете в виду?

— Я имею в виду, мистер Монацелли, — сладко протягиваю я. — Что меня бы устроило, если бы он сдох. Это вряд ли удастся обсудить.

Глаза Манфреда снова начинают вылезать из орбит, и я не могу сдержать смех.

— В любом случае позвоните мне, если передумаете.

На стол ложится его визитка. Так и быть, пусть успокоится, беру ее с собой и танцующей походкой удаляюсь из комнаты, на ходу качая головой. И только в своем кабинетике я эту чертову карточку выбрасываю в урну.

Воспоминания о Шоне Картере преследуют меня весь день. И хотя со временем, говорят, стирается плохое, а остается хорошее... черт, я не могу вспомнить ни одного нормального дня, а если это не показатель паршивости, то уж и не знаю что! Я бросаю карандаш на стол и закрываю лицо руками. Я не любила Шона, никогда не любила. И он меня никогда не любил. Но мы жили вместе, и жили долго. Наверное, слишком долго, потому, крадучись по отношениям с Шоном осторожными шагами с ножом за пазухой, я все же радостно и бодро зашагнула на излюбленные женщинами грабли и всей силой гротескного вращающего момента мне залепило в лоб, да так, что напрочь отшибло желание иметь дело с подобными мужчинами, тем более программистами, тем более Бабочками Монацелли, к коим Картер и относится. В общем потирая ушибленный лоб и хныча, как истинная представительница слабого пола, я заказала билет на самолет до Индианаполиса и с психикой морального инвалида вернулась в родительский дом зализывать раны. Папа помог мне устроиться в ВВС США, и я доказала, что моральная инвалидка не обязательно должна являться конченной личностью. Хотя... особенной любви, надо сказать, я тут не добилась. Характер у меня далеко не военный.

— Миссисипи, тебя вызывает полковник.

Ну и денек! С полковником я разговаривала пару минут в день прибытия. И все. С тех пор, только я его видела, потупляла взор, шепотом здоровалась и, пытаясь слиться с тенью, прошмыгивала мимо. Его черные глаза настолько жуткие, что мне от них становится дурно.

Переступив порог кабинета полковника, я сразу понимаю, что дела мои плохи. Потому что стоит он перед мониторами, на которых я уже вижу лица Шона Картера, Карины Граданской и еще нескольких человек, принадлежащих к братии Бабочек Монацелли. Грустно-то как...

— Я слышал, у вас с сеньором Хакером состоялся интересный разговор. — Полковник даже не оборачивается, стоит себе на месте, сцепив за спиной руки, демонстрирует мне блестящую лысую макушку.

— Я отказалась, сэр, — как-то хрипло отвечаю я.

— И почему же, доктор Конелл? — спрашивает он все тем же нейтральным тоном.

— Потому что верна ВВС, сэр, — бодро декламирую я.

— Я бы рад, доктор Конелл, чтобы это было так, но ведь вы врете, — вздыхает он. — А стало быть, ваш патриотический дух надо укреплять. И у меня даже есть идея как. Знаете ли вы о взломе Пентагона? — Я бледнею. Всю веселость как ветром сдуло. Слышала. И даже одно то, что об этом со мной говорят, доводит до крайней степени уныния.

— Слышала конечно, сэр, — намеренно равнодушно пожимаю я плечами. Только. Без. Паники.

— Тогда вы должны знать, что виновного не нашли. Но мы ведь должны. — И он, наконец, оборачивается ко мне, а на губах просто змеится улыбочка. Гадкая такая. И его жуткие глаза холодные-холодные. — А точнее вы.

— Не понимаю почему я! Неужели мало программистов... — отчаянно бросаюсь на защиту собственной шкуры.

— Мало, — обрывает мою попытку самообороны полковник. — Вы прекрасно знаете, доктор Конелл, что мало кому предоставляется такой шанс, как работа на Манфреда Монацелли. А еще ваше Картер-прошное... ммм... или вы думаете, что мы за красивые глаза ваш приятный нрав столько лет терпели?

Мой приятный нрав... да он вообще спятил?! Вот это удар под дых! Ну допустим, характер у меня не подарок. Пусть так. Но я отличалась исключительной полезностью! Монацелли, значит, меня оценил, а они, видите ли, терпели!

— Я не стану этого делать... сэр.

— Так и знал, что патриотизм для вас пустой звук, — говорит он со вздохом. — Что ж, придется прибегнуть к крайним мерам.

Он кладет на стол какие-то бумаги, и я жадно их хватаю, не видя причин миндальничать. И только я опускаю в них глаза, как к горлу подступает тошнота. Эти бумаги просто ужасны. Фальсификация? Естественно! Такого не может существовать, не в этой действительности! Ну нет, подобное по-настоящему низко. Думала, шантажируют только бандиты, уж никак не госструктуры.

— Мой отец ничего у вас не крал! Он бы и крошки в магазине не взял не заплатив! — повышаю я голос и, спохватившись, добавляю: — сэр.

— Возможно. Но он спустил воровство с рук. Да, иначе бы его друг оказался на электрическом стуле, но это дела не меняет. Его стараниями мы потеряли слишком многое. А по счетам, доктор Конелл, всегда приходится платить. Джон Конелл теперь соучастник, и все, что вы видите — не фикция. Приказ на его арест самый что ни на есть настоящий.

Мой папа всегда был слишком добр. А мама всегда любила его до безумия. Он был смыслом ее существования. Я не думаю, что она смогла бы жить дальше после его заключения... если, конечно, до этого дойдет. С военным шутки плохи. А ведь папа и мама — моя единственная семья. Знают куда бить!

— А если я соглашаюсь, — словно со стороны слышу я собственный бесцветный голос.

— То, разумеется... — И он чиркает зажигалкой, наблюдает за светом пламени со странным пугающим интересом. Но к бумагам не подносит. — В общем сейчас в эти двери войдет человек, с которым вам стоит быть очень, очень любезной! Он же столько лет о вас мечтает...

И полковник уходит, оставляя меня гадать, кого я увижу. Но вопреки ожиданиям, вошедший человек не встречался мне ни разу в жизни. Я бы не забыла такие прилизанные

волосы и дерьмовый полиэстеровый костюмчик.

— Кто вы? Интерпол? ФБР? — устало спрашиваю я.

— ФБР, разумеется. Агент Льюис Леклер, к вашим услугам.

— К услугам? Что-то я сомневаюсь, — фыркаю я, рассматривая собственные ядовиторозовые ноготочки. — Вы полагаете, что это Шон, да? Иначе зачем вам я?

— Я почти уверен, что это Картер, — кивает Леклер, а у меня от злости аж темнеет в глазах. — Давайте подружмся, Джоанна. Ведь нам придется много времени провести вместе.

Я с трудом подавляю рвотный рефлекс. Эх куда сразу замахнулся! Только вот не на ту нарвался.

— Для вас я доктор Конелл, агент Леклер!

— Конечно, — фыркает он. — Что ж, доктор Конелл, спешу заметить, что у вас есть два часа на сбор вещей. Мы вылетаем в Италию ближайшим рейсом.

В самолете нас трое. Леклер, я и некая Эддисон Келлерер. Она тоже из Бюро и тоже одета в штатское. Но все равно выглядит как ФБР под прикрытием. Наверное, необходима параллельная реальность, чтобы эти двое перестали выглядеть как ФБР под прикрытием.

— Вы правда думаете, что замаскировались? — со смешком спрашиваю я Леклера. — Нет такого идиота, который бы не признал в вас агента.

— Наверное, нам стоило покрасить ногти в розовый, — хмыкает Эддисон, кивая на предмет моей гордости — аккуратные наманикюренные ноготки.

— Ну, я понимаю, не до хорошего, Эдди, но причесаться было вполне в ваших силах, — язвлю я и отворачиваюсь от них.

Уже на втором часу начинает болеть спина. Я никак не могу найти удобное положение, вожусь и ерзаю. Но ни Леклер, ни Келлерер не говорят ни слова. После четырех часов полета я понимаю, что они молчат потому что доподлинно знают причину, по которой я не могу устроиться поудобнее. Они знают о пресловутом стеклянном столике! Настроение проваливается в глубокий минус.

Я зову стюардессу, прошу у нее снотворное и пересадить меня. Вот тогда, под действием препаратов и в отсутствие неусыпного надзора агентов Бюро, я засыпаю. Чтобы проснуться уже в Риме, голодной и несчастной. Оттуда мы, разумеется, не поев, направляемся на Сицилию. Я уже готова влезть на стенку, у меня болит живот, и голова, и спина. И я готова взорваться как большой ноющий шар... Но потом я открываю шторку окна самолета, и вижу внизу море... Все. Проблемы забыты.

Я действительно выросла в Миссисипи, на побережье, в маленьком городке, где море было еще одним богом. Город существовал за счет туризма, и большая часть жителей имела доход исключительно благодаря прибрежному расположению. Таких семей, как моя, можно было по пальцам одной руки пересчитать. Мой отец был военным, дома проводил мало времени, и как только мне исполнилось пятнадцать, мама не выдержала и поехала за ним, прихватив и меня. Разумеется, имел место скандал. И конечно, проигравшей в данном споре стороной оказалась я. Началась полоса путешествий, благодаря которой к восемнадцати годам я оказалась в Сиднее, где и встретила с Шоном Картером. Так что, технически, ВВС испортили мне жизнь уже дважды. К чему это я? Да к тому, что с тех пор как мне исполнилось пятнадцать, я море, порой, месяцами не видела. И Сицилия оказалась вдруг... подарком?

А затем меня кормят. Это кажется просто невероятным. Я счастлива. Эддисон с недоумением и раздражением смотрит, как я уплетаю за обе щеки все что под руку попадается. Они с Леклером оба куда как сдержаннее относятся к пище. Берегут фигуры? Мне беречь нечего, когда я не ем, становлюсь похожей на сушеную воблу с выпирающими костями грудины. Смотрится жутко.

Мне не так уж сильно хочется спать. Напротив, я предпочла бы погрузить спину в песок, порами чувствую, что это снимет мою боль. Я бы сейчас легла на солнце, нацепила очки и выпала из реальности на несколько дней. При условии, что рядом будет еда, конечно. Но, ситуацию-то прояснить надо!

— Вы меня запихаете в фургон? Ну такой, как в фильмах показывают?

— Конечно, — кивает Леклер. Я ему даже не верю, киношники же с правдой вообще на «вы».

— И там мы будем жить? — Пожалуйста, скажи, что нет!

— Нет, доктор Конелл, жить мы будем в отеле.

После трехчасового отдыха (в течение которых я успела покрасить волосы в любимый блонд, но до моря так и не добралась), уже совсем на закате мы едем к бунгалу, которое Манфред Монацелли снял для своей команды. Эддисон с нами нет. Нас с Леклером окутывает напряженное молчание. Хотя это все и не впервой, меня немного трясет перед встречей с людьми, которые сформировали меня как личность. Шон Картер. Карина Граданская. Такаши Мияки.... Я пальцы сжимаю сильно, так как они дрожат. А солнце палит нещадно, кондиционер Леклера не очень-то спасает, и из-под шелкового шарфа, который я повязала поверх своих теперь уже светлых волос, выкатывается капелька пота, она чертит дорожку по виску, и мне приходится ее срочно стереть и чуть припудрить лицо. Кажется, Леклер моих манипуляций даже не замечает. С каждым оборотом колес он становится все более сосредоточенным.

Он останавливает машину около фургона. Господи, настоящего ФБР-фургона, как из дурацких фильмов! Я туда не суюсь, для меня видеть это чудо — уже немалый шок. Жду, пока он переговорит со своими коллегами. И вот только после этого действия мы направляемся к бунгалу. Когда остается совсем немного, Леклер начинает давать рекомендации:

— Я включу громкую связь, чтобы вы слышали наш разговор, доктор Конелл. У меня нет причин вам не доверять, ведь жизнь вашего отца превыше всего, не так ли?

— Вы угадали, — пропеваю я приторно. Стараюсь не выдать собственного волнения. Словно о погоде говорим. Это должно сбить его с толку. Пусть поломают голову и на мой счет тоже! Что ж ему, только Картером интересоваться что ли?

Мы подъезжаем к роскошному бунгалу. Оно настолько вопиюще шикарно, что я почти жалею об отказе Манфреду. Было бы сказочно просто полежать на песочке около подобного домика, и, может быть, папин конфликт утрясся бы сам... Вернись в реальность, Джо, так не бывает! В этот момент я замечаю, что на крыльце сидит Шон Картер, и мой восторг утихает экспоненциально. Угу, полежала бы я на песочке. Как же!

— Почему он сидит тут? Вы сказали, что приедете? Сказали, что привезете меня? — Внутри мгновенно нарастает паника.

— Нет, учитывая скорость сборов, он даже не смог бы проследить за нашим перелетом.

— Вы уверены?

— В чем дело, доктор Конелл?

— В том, что Шон Картер не сидит на крылечке, если у него не обнаружился рядом невидимый ноутбук...

Леклер усмехается.

— Да, Джоанна, выбирая вас, мы не промахнулись.

— Я не давала вам разрешения называть меня Джоанной, агент. Только Эдди можно.

Он хмыкает. Вот гад, это ведь он так пытается втереться ко мне в доверие. Джоанна, Джоанна. Ну уж баста, брататься с парнем, у которого на голове каска из геля для волос не по мне!

Когда Шон видит Леклера, он напрягается всем телом, хоть и демонстрирует расслабленность. Не знаю, заметил ли это агент, или надо четыре года с Картером спать, чтобы научиться читать его движения так легко, но для меня все очевидно.

— Льюис Леклер, агент, какой неприятный сюрприз, — фыркает Картер. Динамик, который оставил мне Леклер, пожалуй, и двадцать лет назад считался допотопным. Не знай я, что это говорит Шон, никогда бы не подумала. Голос напоминает скорее старческое кряхтение!

— Сюрприз очень даже приятный, уверяю тебя, — кряхтит в ответ Леклер. Я вас умоляю, и вот это Бюрошные навороченные гаджеты? — Думаю, что ты даже успел по мне соскучиться.

— А я-то все удивлялся! Мы уже неделю на Сицилии, а ты только сейчас явился.

— Да вот запоздал. Собирал достойную команду. В ответ Манфреду.

— Манфреду? Или мне?

— Тебе, — признает Леклер.

А у них, значит, давние терки? Что ж, не странно, но интересно.

— Разумеется, за последние три года ты разве что не все мое дерьмо изучил. — Я морщусь. Два года терпела подобные фразочки от военных, и тут все то же самое. — Ты так давно ищешь как бы повесить на меня Пентагон, что даже окружающих тошнит.

— Ничего, теперь все изменится.

— Неужели? — фыркает Шон.

— О да, поверь мне. У меня появилось секретное оружие.

— Гипнотизер? Маг вуду? Электрошокер? — скучающим тоном перечисляет Картер.

— Нечто намного, намного, намного более... прекрасное.

Я даже краснею. Это неприятно, надо мной всю жизнь за мои блондинистые замашки насмеются. Леклер у меня еще попляшет! В конце концов я доктор философии, как бы там не выглядела! И мне не за розовые ногти присвоили это звание!

— Давайте сюда, доктор, — наконец, зовет меня Леклер.

И я медленно вылезая из машины. Горячий ветер подхватывает концы шелкового шарфа и чуть не срывает его с волос. Я придерживаю руками ткань, чувствуя себя счастливой от одного лишь бьющего в нос запаха моря. Но недолго. Приходится вернуться в реальность, а потому я захлопываю дверцу машины и, осторожно ступая высоченными каблуками по раскаленному асфальту, направляюсь к мужчинам. Шон при виде меня даже со ступеней поднимается, чтобы удостовериться, что ему не мерещится.

— Серьезно? — спрашивает он, посмотрев своими жестокими глазами на Леклера, как на последнюю из презренных булашек. — До последнего был уверен, что ты не отважишься использовать в своих целях ее! Думал, что в тебе хоть что-то человеческое осталось.

Вдруг за спиной Шона открывается дверь, и оттуда высовывается Карина, с точно таким же недоверчивым выражением на хорошеньком личике. Она останавливается рядом с Картером, взволнованно глядя на меня. Я буквально вижу, как в ее голове крутятся шестеренки, перебирая возможные варианты развития событий. Я хотела бы выдать из себя что-нибудь, хоть что-нибудь, скажем, приветствие, но язык отказывается ворочаться. Мне страшно, воспоминания, большинство из которых болезненные, воскресают и крутятся в голове, как заевшая пластинка.

— А почему нет? — спрашивает Леклер, издевательски растягивая слова. — Если я не могу поймать тебя средствами, которые есть у меня, буду использовать те, что некогда побывали у тебя.

Он как-то так показывает на меня рукой, что в совокупности становится понятно, что я предмет. Вещь и ни на хромосому больше. Поверить не могу! В конце концов я не линейка для измерения длины причинного места. В неверии смотрю на Леклера. Совсем офигел что ли? И он даже не понимает, что я в бешенстве. Ну что ж, поиграем. Если он хочет видеть во мне безделушку, сделаем. Это даже неплохо, недооценка противника обходится, как правило, дорого. Сверкаю убийственными ямочками на щеках, они мужчин наповал разят, это я с детства еще уяснила. Агент буквально столбом замирает. Но только он, так как Картер лишь закатывает глаза. Он все эти приемчики изучил, и на него ни одна ужимка не действует, только больше бесит. Как он вообще меня терпел четыре года под одной крышей?

— Спросите, доктор Конелл. Просто спросите, — велит мне, тем временем, агент и чуть подталкивает вперед.

— Так он и скажет, — бормочу я негромко, но достаточно, чтобы Леклер услышал.

— Не надо усложнять, вы спросите.

Мягкие интонации в голосе Леклера напоминают мне о маме. Она учила меня тем же голосовым приемам. Только использовать их полагалось для покорения мужчин, а не ловли преступников. Мама... как мне сейчас хотелось бы оказаться рядом с ней, спрятаться и не знать забот, как хотелось бы свернуться калачиком у папы на коленях... Было страшно представить, как редко в последние годы я появлялась дома. Боялась, что родители раскроют правду, поймут, как сильно я изменилась и сколько натерпелась в Австралии. А теперь отца могут казнить, и я буду жалеть, что никогда не сказала ему, что не стала их любить меньше за то, что они оставили меня в Сиднее одну. Нет, хуже, не одну, а с Шоном.

Стоит обо всем этом подумать, как вдруг силы находят. Я вскидываю голову и храбро впиваюсь взглядом в черные провалы глаз Шона. И без обычной мягкости, без хождения вокруг да около, спрашиваю:

— Это ты взломал Пентагон?

И в этот же миг мне хочется закричать и убежать, спрятаться в машине Леклера и никогда не вылезать. Потому что я боюсь Шона Картера и того, что он может со мной сделать. А он так жутко смотрит, совсем как раньше, как удав на кролика. Хотя нет, сейчас что-то не так. Словно он не пытается заставить меня бояться, словно получается у него это просто по старой памяти. Почему? Додумать мысль я не успеваю, так как Картер изволит ответить:

— Нет, это сделал не я.

Тут же разворачивается, заталкивает в дом Карину и заходит следом. Щелкает замок. Пиликает сигнализация.

— Гхм, неожиданный поворот, — бормочет Леклер, почесывая подбородок. Поворотов

я не усмотрела, но, кажется, Леклер ответом недоволен. Ну а он, наверное, думал, что Шон увидит меня и растает, как мороженое под солнцем. Да ладно, Леклер, такую бесчувственную скотину, как Картер, еще выискать надо ухитриться!

— Агент, вы собираетесь тут стоять всю ночь?

— А вас приводит общество Шона Картера в дискомфорт?

— А для вас это было неочевидно?! Да я бы в ад с большим энтузиазмом провалилась!

Он фыркает и разворачивается на пятках. Мы усаживаемся в машину. После встречи с Шоном Картером я совсем запуталась. Словно меня пропустили через центрифугу, хотя он сказал мне всего одно предложение. Ооо, это Шон умеет. Общение с ним всегда требовало от меня затрат огромных объемов душевных сил.

После всего приключившегося мне не спится. Сажу в баре отеля, записываю в ежедневник важные наблюдения и вопросы, над которыми стоит подумать. Мои задания страшно перемешаны между личным и рабочим. И хотя толку от таких записей чуть, иначе у меня не получается.

— Привет, красавица, — по-английски обращается ко мне парень с глубоким итальянским акцентом. Ах, прелестно! То, что нужно.

— Привет, — улыбаюсь я во все тридцать два зуба. Он победно смотрит на своих друзей. Спорили, что я американка? Спорили, что я не откажусь познакомиться? В общем о чем-то спорили.

— Как тебя зовут? — Сомневаюсь, стоит ли отвечать, я еще не решила, как относиться к тому, что он рисуется перед друзьями.

— Джоанна.

— А я Винченцо. Можно Винс.

— Приятно познакомиться, — протягиваю я ему ладонь для пожатия.

— Ты одна здесь?

— Технически нет, но лучше б одна, — бормочу я, картинно закатывая глаза. Он смеется.

— Она со мной, — произносит ледяной голос из-за моей спины. Я тут же подпрыгиваю и прячусь за парнем.

— Вы обознались, — брякаю я первое, что пришло в голову.

— Да неужели? — хмыкает Шон. — Это ты, кажется, обозналась. Или мне показалось что я видел тебя сегодня в компании прилизанного Леклера, Конелл?

— Уведи меня, не оставляй наедине с этим человеком, — шепчу я парню в ухо.

Но джентльмены в наш век повывелись. Виновато улыбнувшись, он разворачивается и уходит, оставляя меня в одиночестве, в ночном кошмаре, который становится явью.

— Сосунок, — под нос себе бормочу я. «Винченцо, можно Винс», кажется, это слышал, так как злобно оборачивается. — Славно! Чего тебе, Картер? — перехожу я в наступление.

— Вернулась бы ты лучше в свои Штаты, Джоанна, — говорит он. — Ходить тут и вынюхивать — участь Леклера, а ты возвращайся в свой Техас или откуда ты там.

— Из Миссисипи, — шиплю я и сразу жалею о собственной глупости, ну какая ему разница, что это мой предмет гордости?! Губы Шона ядовито кривятся, думает, что я не изменилась. А что? Я и не изменилась. Это по его мнению я пустышка, а меня в себе все устраивает. Извиняться за это я не собираюсь! — И я не вернусь.

— Там море, солнце, папа, мама и многозагорелых мальчиков, — ммм, моя мечта... была... лет семь назад...

— Тут тоже, только без папы и мамы. Но с этим я уж как-нибудь разберусь.

— И Леклер. Тут Леклер.

Да, в мое представление об идиллии столько геля для волос точно не вписывается.

— Тут ты, — отвечаю я выпадом на выпад.

— Точно, — кивает Шон, рассматривая собственную руку, демонстрирует, что мои слова для него как бы не неожиданность. — Ладно, отбросим этот бред в сторону. Чем он тебя поймал?

— Что?

— Ты здесь потому что где-то ошиблась и он тебя поймал.

— Ах, если бы было все так просто. — Я вздыхаю и закрываю глаза, буквально чувствую, как кожа старится и покрывается морщинами. — Нет. Я не совершила ни одной ошибки.

— И все же ты тут. Значит совершила.

— Даааа, Картер, ты инопланетянин. — Я давно уже выяснила, что для него других людей не существует. Ну разве что Алекс и Карина. Остальные не заслуживают внимания. Он бы спасти отца не стал ни за какие блага подлунного мира. Такого не пошантажируешь.

— Возможно, но таким меня ты знаешь, и для нас всех это хреново, — кивает Шон.

— Да, — подтверждаю я. — У меня хорошая память. Так что Леклер — хитрая скотина и большой молодец.

— Хочешь стереть меня в порошок?

— Нет. Если бы я стерла тебя в порошок, ты бы стал пятном у меня на совести. А я предпочитаю не вспомнить о тебе, Картер. Так что сгинь куда-нибудь, пока меня не вынудили тебя видеть снова. Итак хватает!

Как ни странно, он действительно разворачивается и уходит.

Глава 2

Личная жизнь ректора

Семь лет назад

В тот год я училась в университете кибернетики имени Бенжамина Картера на втором курсе, а если еще точнее — третий семестр близился к концу. Две первые сессии я сдала с блеском и чувствовала себя умиротворенной и всемогущей. Именно это ощущение и заставило меня растерять всю свою природную бдительность.

Шон Картер. В те времена его имя было просто буквами, выбитыми на табличке самого солидного кабинета кампуса. Увидеть его было возможно только на еженедельных семинарах, которые он организовал для студентов факультетов программирования. Разумеется, сознательная половина нашего потока их посещала, но совершенно по разным причинам: а) прикольно послушать умных чуваков; б) ну как бы надо, авось зачтется; в) он тааакой симпаатяжка; г) хочу быть лучше всех. Мой вариант, конечно, последний. Считала себя суперумной. Разумеется, за данную точку зрения мне на голову не могло свалиться ничего хорошего. Но о масштабности моего сумасшествия, спорю, вы даже не догадываетесь.

В тот памятный день Шон не только слушал, но и выступал. Кстати сказать, докладывался Картер действительно хорошо, с большей самоотдачей. И на сей раз почтенный ректор озадачился проблемой отсутствия интереса у подрастающего поколения к такому распрекрасному языку как C++. Естественно, ну какой неграмотный студент не предпочтет C#, учитывая, что его, в отличие от предшественника, так просто кривыми ручонками не сломаешь! Но Шон есть Шон, его недостатком опыта и трудолюбия не пронять! А потому он стоял у доски и пытался вразумить нас посредством целой вереницы доводов. Данный язык гибче, он позволяет больше, он быстрее, он ШЕДЕВР. Эту могла бы быть полноценная научная работа. Но я с ним позволила себе не согласиться, что и высказала вслух. И поначалу Картер отнесся ко мне со снисходительностью человека, который почти на десяток лет старше и целую научную жизнь опытнее.

— Так что же является причиной вашего искреннего негодования, мисс...

— Джоанна Конелл. Причина моего негодования в том, что заниматься выискиванием ошибок такого уродливого компилятора¹, как у C++, может себе позволить только тот человек, у которого нет личной жизни.

¹ Компилятор — то, что преобразует программный код в приложение. И да, у языка C++ он по-настоящему ужасен! (здесь и далее прим. автора)

И весь зал притих. Это было глупо и самонадеянно. Я не знала о Шоне ничего, а если бы знала, убежала бы с воплем раньше, чем открыла рот. Но я это сказала. Вслух. И его лицо не выразило ничего. Вообще.

— Спасибо за ваше мнение, — ответил Шон обманчиво мягким тоном и погрузился в лекцию снова, не удостоив меня ответом, что не только не радовало — даже не обнадеживало.

Я не знаю, чего ожидала, шутливой перепалки ли, насмешки ли над моим ребяческим поведением, признанием, что я права... черт, не знаю. Но реальность превзошла все

ожидания, когда вдруг неожиданно моя учеба резко накренилась и пошла под откос, причем явная несправедливость подобной критики ввергала в искренний ступор!

А сессия стремительно приближалась, и мой «синдром отличницы» проявил себя во всей красе. Со мной невозможно стало разговаривать, я срывалась, рыдала, вредила себе и мебели. И, дойдя до пика отчаяния, признала, что губит меня собственный длинный язык.

И вот тогда, в отчаянной попытке решить свои проблемы, однажды утром я подкараулила в коридоре Шона и, не обращая внимания на вопли разгневанной секретарши, проскользнула в кабинет вслед за ним. Уверена, что он мой финт заметил, но ни слова не сказал. В отличие от сухонькой немолодой секретарши, которая вдруг обнаружила в себе таланты валькирии.

— Мисс, покиньте кабинет сейчас же! — грозно объявила мисс Адамс.

— Прощу, мне нужно всего лишь поговорить, это совсем не долго. — Я смягчила голос и взгляд. — Прощу вас.

Она чуть успокоилась, но все-таки вопросительно посмотрела на Шона. Он кивнул, махнул рукой, чтобы она вышла, и стал снимать плащ. Пока я сходила с ума от беспокойства, этот гад неспешно вытащил из шкафа плечики, аккуратно повесил на них свою верхнюю одежду, вернул все сооружение обратно в шкаф и беззвучно прикрыл дверцу. И только после этого соизволил сесть за стол и выжидающе на меня посмотреть.

— Не делайте вид, что не знаете, зачем я здесь, — выпалила я.

— Я и не делаю. Понятия не имею зачем вы здесь. Но могу предположить почему. — В его глазах появилась злобная насмешка.

— Скажите, неужели я заслужила подобный террор? Что такого ужасного я сказала?

— В этой жизни, мисс Конелл, всегда нужно знать свое место. И я вам всего лишь помогаю узнать ваше.

Вообще-то не могу сказать, что Шон мстителен, но откуда ж мне было знать, что не так давно от него уехала Карина, ну и нашла коса на камень. Обстоятельства, обстоятельства! А я, как всегда, оказалась крайней.

— ОтчислЯя меня? — возмутилась я.

— Ну да. Раз вам так неприятен язык C++, то в программировании вам не место.

— Я не говорила, что он мне неприятен, — выдавила я с трудом и взмахнула ресницами. — Просто...

— Это сурово, но вы правы. Надо выбирать приоритеты: карьера или «личная жизнь». Я выбрал для себя и, полагаю, раз вы тоже выбрали, мы все избежим последующих проблем, если вы покинете...

— Нет! — Он на меня удивленно уставился. И я сначала подумала, что его ошарашил мой вопль, но когда Шон перевел взгляд на мою руку, которой я накрыла его ладонь, поняла, что причина именно в этом самом жесте. Я когда-то читала о способах невербального общения и зонах комфорта, и иногда пользовалась подобными приемчиками, но в тот памятный день еще не знала, что Картера подобным не прошибешь. К тому же меня саму аж трясло от этого прикосновения. И совсем не в сексуальном плане. Было страшно до дрожи в коленках! — Пожалуйста, профессор Картер. Еще один шанс. Всего один. — Я пристально смотрела в черную бездну его глаз, дрожа всем телом. А его взгляд снова опустился на мою руку, и я, не выдержав, отскочила назад.

— Полагаю, больше о личной жизни вышестоящих вы не заикнетесь, не так ли?

— Спасибо, — прошептала я.

— Спасибо, мисс Конелл? Разве я вам что-то пообещал? Я просто сказал, что больше вы о личной жизни вышестоящих не заикнетесь.

— Вам не кажется, что это жестоко? — усиливая свой южноамериканский акцент, протянула я и повела плечами, на этот раз привлекая его внимание к намеренно глубокому декольте. Опять же, эффект нулевой.

— Я не совсем понимаю, что вы имеете ввиду. И, кстати, в прошлый раз мне ваши речи тоже показались странными. Мисс Конелл, вам стоило бы куда как тщательнее следить за языком и... манерами, все это вас доводит до беды.

— Признаю, простите.

Он удивленно вскинул брови.

— За что вы извиняетесь?

— За то, что, очевидно, оскорбила вас своими манерами, — пояснила я, переставая понимать, куда вообще ушел разговор. Нужно было срочно реабилитироваться.

— Ах это, — отмахнулся Шон.

— Профессор Картер, что я могу сделать, чтобы загладить свою вину? — спросила я, делая большие невинные глаза.

— А в чем вы передо мной виноваты? — кажется, в этом чудном разговоре запуталась не я одна.

— Наверное в том, что в моем высказывании вы усмотрели обидный намек для себя, — мягко предположила я.

Он встал, обошел стол и оперся об него, скрестив руки. Теперь мы стояли лицом к лицу, так как сесть мне никто не предлагал.

— Уверяю, я ничего плохого не имела в виду, — медленно развела я руками и взмахнула ресницами.

— У меня собрание через пять минут. Вы сказали, что ваше обращение будет быстрым, но я скорости не заметил. У вас, надеюсь, все?

Это был провал по всем фронтам. А Шон, не дожидаясь ответа и не позволив мне отойти от шока, направился к двери. Я, естественно, бросилась за ним. Даже нахально загородила выход из кабинета.

— Пожалуйста, сэр, — взмолилась я. А он раздраженно втянул носом воздух вместе с изобилием парфюмерной дряни, которой я была в тот день намазана. И, наверное, именно это меня спасло. Не знаю как, но я буквально увидела тот момент, когда он сдался. Однако последовавшее превысило все мои ожидания:

— Проверяете меня на отсутствие «личной жизни»? — На губах Шона заиграла злая усмешка. — Продолжайте, у вас неплохо получается. Как далеко вы намерены зайти, мисс Конелл? Предложите мне то, чего, по-вашему мнению, мне не хватает?

Это предложение было оскорбительным. Мое поведение даже при совсем извращенном восприятии могло быть расценено как флирт, и ни на йоту больше! И, вообще-то в паре взмахов ресниц ничего постыдного нет... Но на этот раз мое поведение было истолковало в корне неверно. Я отпрянула от него, боясь одной только мысли о том, что он может коснуться меня.

— Быстро пасуете перед трудностями, — протянул он насмешливо. — А жаль. — И вот теперь уже его взгляд опустился ровно мне в декольте. Итак, мораль сей басни — с Шоном можно тысячу лет ходить вокруг да около, но пока в лоб не спросишь, все без толку. Ну я и спросила:

— Что я должна сделать, чтобы остаться в университете? — без обиняков, прямо, и на хрен то, чему меня мама учила. Это была ошибка. Но очень действенная.

Насмешка в его глазах стала глубже, а к ней примешалось что-то совершенно незнакомое.

— Вы не в состоянии сделать то, что предлагаете.

— Чтобы спасти учебу — смогу. — Я была уверена, что это так. Потому что заявиться к родителям, жившим тогда в Мельбурне, с чемоданами и грустной миной было вот вообще не вариант.

— Так начинайте спасать, — усмехнулся он.

Серьезно что ли?! И когда я дошла до роли куртизанки? Выбор. Чувство вины или потерянные мечты? Всего один раз. Всего один раз. Господи, не так ли все проститутки начинают? Мне конец. Нет, ну он, конечно, симпатичный, но стала ли я бы делать это в других обстоятельствах? Никогда. Он пугает меня до дрожи.

Его брови приподнялись, я сократила расстояние до минимума. Не думаю, что он расскажет хоть кому-то, если карьера дорога, а мне... ох, четыре года, и я больше никогда его не увижу. Естественно, после университета в Австралии я не останусь. Вспомни, Джо, вспомни, как ты радовалась, что к моменту поступления оказалась в Сиднее. Ведь ты хотела учиться в хорошем университете, а это место считалось одним из лучших в мире. И сейчас от заветной мечты тебя отделяет что? Ночь с ректором? Что ж... он не стар, не уродлив. Давай, Джо, смелее. Уедешь и не вспомнишь.

Я обвила руками его шею, встала на цыпочки и потянулась к его лицу. Но только мои губы коснулись его рта, я не выдержала, струсила. Напряжение и унижение достигли апофеоза.

— Нет, я не могу, — выдохнула я и отстранилась. — Вы правы.

— Слабачка. — Он толкнул меня к двери и прижал своим телом. — Надо бороться за все, чего хотите, мисс Конелл. Что здесь страшного?

И сам впился в меня губами. Сперва каждую мою клеточку пронзило ощущение нервозности, а затем оно словно схлынуло, оставляя за собой только острое, граничащее с болью возбуждение. Столь странно и противоречиво. Чтобы не упасть, я схватилась за его широкие плечи, обтянутые дорожным костюмом. Ощущения меня ошеломили. И забыв обо всех нравственно-моральных вопросах я с детским любопытством скользнула руками выше в жесткие черные волосы, а его губы опустились на мою шею, лаская почти до боли. Признаться честно, я никогда не чувствовала подобного. Весь мой опыт включал в себя лишь сверстников, а если учесть, что мне было даже чуть меньше девятнадцати, ассортимент ласк каждый раз оказывался весьма скуден. Но тут я попала в руки маэстро. И растаяла. Прижалась к нему всем телом, застонала, но вдруг — он меня оттолкнул.

— Тише, мисс Конелл, боюсь мисс Адамс не поймет ваших академических стремлений.

Я зажала рот рукой и закивала. А Шон усмехнулся.

— Вот видите, я намного лучше, чем вы думаете.

Несравнимо лучше, даже страшно вспомнить насколько! Но этого я, конечно, говорить не стала.

— Ну и что теперь? — спросила я хрипло и откашлялась.

— Давайте так, мисс Конелл. — Он рывком распахнул передо мной дверь, а я спешно начала одергивать одежду. — Зайдите после занятий еще раз, сейчас я опаздываю.

Мисс Адамс вежливо мне кивнула, давая понять, что правильно расслышала

начальника. Уж не знаю сколь красноречив был мой видок, но секретарь не выказала ни удивления, ни неодобрения.

Шон ушел в конференц-зал, а я остановилась напротив двери и стала беззастенчиво рассматривать мужчину, который так неожиданно и полно завладел моими желаниями. Что это вообще было? Внезапно он резко повернулся ко мне, в несколько шагов преодолел расстояние до двери и хлопнул ту почти перед самым моим носом. Собственно, этот урок я заучивала снова и снова. Не лезь куда не приглашали, Джоанна!

После занятий я пришла в приемную ректора и уселась напротив мисс Адамс с видом девственницы перед выпускным. Шли минуты. Секретарь ректора изредка отрывалась от бумаг, вежливо мне улыбалась, снова опускала глаза и продолжала заниматься своими делами. А я рассматривала кабинет. Каждую детальку досконально изучить успела. Надписи могла бы повторить, разбуди меня посреди ночи. Прошло не меньше двух часов, прежде чем Картер открыл дверь и с полубезумным видом потребовал у секретарши кофе. Он был там все это время. Пока я сидела за дверью и дожидалась! Что он вообще делал? Увидев меня, он немного нахмурился. Забыл. Он меня забыл! В то время как я не могла выкинуть утреннее происшествие из головы целый день. Складка между бровей Шона разгладилась, и он кивнул внутрь кабинета. Я прошла и, не дожидаясь приглашения сесть, плюхнулась в кресло напротив стола. Наглостью за наглость. Мисс Адамс молча принесла начальству кофе, в последний раз мне улыбнулась и ушла.

— Давайте так, — исключительно деловым тоном произнес Картер и что-то написал на листке бумаги. Я ни буквы не разобрала. У него определенно самый ужасный почерк из всех встречающихся в мире!

— Что это? — опасливо спросила я.

— Адрес, — ответил он.

— А можно по буквам? — попросила я и собственноручно переписала все еще раз. А теперь спрашивается: зачем я сего великого действия ждала два часа? Ну уже нет! Не все так просто! И решила я... поторговаться. — Мне нужны гарантии.

— Вам расписку написать? Или сразу юристу позвонить? — ехидно поинтересовался Шон. — Нет, мисс Конелл, придется удовольствоваться моим словом.

— Одна ночь. И я остаюсь в университете. Надуете меня и...

— Да-да-да. По судам затаскаете, — устало отмахнулся он. — Вы, американцы, это любите.

Я вообще не представляла себя в суде, признающуюся в подобном, но ему об этом было знать необязательно. Из кабинета я вышла на негнущихся ногах. И не нашла сил на улыбку для мисс Адамс. Она имеет полное право считать меня невоспитанной.

Вечером я решила приодеться. Так, для прикрытия. Придумала историю про ночной клуб, чтобы мое отсутствие не выглядело странно, и наряжалась соответственно случаю. Белый топ и джинсы с заниженной талией.

— Ты куда намылилась? — спросила меня соседка по комнате. У нас с Керри были чудесные отношения, просто прекрасные. От нее невозможно было что-либо скрывать. И именно для этой девушки я аж несколько часов продумывала легенду, которую вдруг выдать оказалась не в состоянии.

— Помоги, — вместо ответа попросила я, подставляя ей ленты топа, которые нужно было завязать на шее. Ну не могла я спокойно соврать подруге. Стремление спасти

собственную шкуру оказалось сильнее желания понравиться Картеру. Сколько ситуацию не романтизируй, благовиднее не станет!

— Тебя когда ждать?

— Меня не ждать, — покачала я головой. — У меня на эту ночь большие планы.

— От панический учебы ты перешла к панической гулянке, Джо? Это как-то истерично.

— Учеба наладится! — уверенно объявила я. Ну еще бы, сейчас и наладится. — А значит можно и погулять!

Керри только подняла руки, сдаваясь.

— Туше. Ну все, двигай отсюда, отчаянная красотка, — хмыкнула она.

Я улыбнулась в ответ, накинула пальто и вышла из комнаты, стуча четырехфутовыми каблуками. Керри то ли не заметила, что танцевать на таких невозможно, то ли посчитала нужным не заметить. В любом случае она ничего не сказала. Да и прикрытие прикрытием, но на нее можно было положиться. Всегда. Она бы никому не рассказала, даже если бы все узнала. Просто признаваться в подобном, пусть даже и подруге... ну уж нет!

Ровно в десять часов вечера, как и было написано на злополучном листке бумаги, я оказалась в холле отеля. Шон меня уже встречал. В неловком молчании, бок о бок, мы направились к лифтам. В тесной кабинке я забилась в самый дальний угол. И только когда мы дошли до номера, я подумала, что Шон может расценить мое поведение как задний ход и решила уточнить:

— Я не передумала.

— Я так и понял, — кивнул он, открывая передо мной дверь и пропуская внутрь, а затем даже по-джентльменски помог снять пальто.

Но только его ладони пробежались по голой коже на моих руках, я почувствовала ту же дрожь, что и утром. Напряжение начало отступать. А еще гадала, не плод ли это больной фантазии.

Шон развязал бант на моей шее, и теперь топ можно было снимать без труда. Но давать авансов я не собиралась, а потому потянулась к его галстуку. Раздевание без ласк было неудобным, но о комфорте вообще говорить не приходилось. Может, для Шона такое поведение и было нормальным, но для меня — нет. В один прекрасный момент я не выдержала и попросила:

— Можно я сама?

Шон кивнул и тоже стал снимать одежду. Оказавшись, в одном лишь белье, я не решилась пойти дальше, однако его это не остановило. Он снял все. И мое лицо залила краска стыда и возбуждения.

— Продолжай, — тихо и угрожающе произнес он, пришлось неловкими движениями стягивать остатки одежды.

Я оказалась на кровати под ним в мгновение ока. Понятия не имела как все будет, не знала, что делать, но когда он меня поцеловал, думать над продолжением не пришлось вовсе. Решение нашлось само собой. Потому что его руки и губы творили со мной какую-то магию. Это было намного более, чем изумительно или волшебно, просто слов не подобрать. Совершенно несравнимо со всем, что случалось со мной прежде, а потому было так легко забыть о том, что он и есть тот самый гневно вззирающий на меня ректор. Он был просто мужчиной, без имени, без статусов. Мы определенно вышли за рамки «ты мне, я тебе». По крайней мере уж я-то точно перестала рассматривать происходящее через данную призму. Тем более, что Шон никогда не считается. Он делает что хочет, невзирая на то, уместно ли

оно и как будет впоследствии расценено. Он не вкладывает глубокого смысла в свои действия. Некая сиюминутная честность, предельная откровенность... боже это то, что делает секс с ним незабываемым. Без сомнений и колебаний, безо всех намеков и ужимок, если ты чего-то хочешь, ты просто попроси. Он определенно не рассматривал нашу первую ночь как получение удовольствия в одностороннем порядке (как сначала, признаться, подумала я).

Выскажусь о Шоне предельно просто: прошло семь лет, а полностью забыть его я все равно не в состоянии. И дело не в любви, а в чем-то куда как более темном и сводящем с ума, порой даже лишаящем здравого смысла. Он человек, которого я ненавидела и которым восхищалась в абсолютно равных долях. И даже если бы я знала, во что все выльется и чем все закончится, не уверена, что отказалась бы от знакомства с ним. Потому что, несмотря на его скотский характер и шрамы, которых он оставил в избытке и внутри меня, и снаружи, я до сих не могу сказать с уверенностью, что предпочла бы Шона Картера не знать.

Ну а той ночью я ничего о своем будущем не знала. Решила для себя, что буду наслаждаться происходящим, а потом навсегда о случившемся забуду. И я выполнила данное себе обещание сполна. В смысле первую его часть. Уже под утро я встала с кровати и вышла из номера. И хотя Шон не спал, останавливать меня он не собирался.

Я получила все допуски к экзаменам уже на следующий день. Чудо, подобное манне небесной. Только во рту остался какой-то горький-горький осадок. При свете дня все выглядело пугающе до дрожи. Я гнала от себя мысли, что одnogруппники не могли не заметить, что Керри, скорее всего догадается, если уже не догадалась... И все, что я могла теперь с этим делать — не проходить мимо *его* кабинета, не приближаться к *его* машине и, конечно, не посещать организованные *им* ученые семинары.

Так стоит ли мечта частички души? Я ответила да и продолжаю так думать, но это не мешает раскисать. Раз за разом.

Сессию я сдала блестяще. И вот она — обратная сторона — я не знала, моя это заслуга, все еще *его* благодарность или страх преподавателей, которые стыдливо прятали глаза, проставляя мне допуски к экзаменам. Что было реально, а что фиктивно? Следил ли он за мной после? Мне очень хотелось спросить, но я не посмела с ним встретиться.

Как я уже говорила, родители в то время жили в Мельбурне, там я и провела свои каникулы. Гуляла, веселилась, делала вид, что все в порядке, но вспоминала, и вспоминала, и вспоминала. А когда вернулась в Сидней к началу следующего семестра, грезы канули в небытие, потому что уже перед первой парой следующего семестра я замерла в дверях, увидев за преподавательским столом слишком хорошо знакомую мне фигуру. Да что там! В деталях изученную! Упс, об этом я как-то не подумала.

Вся такая красивая, в лимонной кофточке, бледно-голубых узких и тонких джинсах, в желто-коричневых ковбойских сапожках, с желто-голубым шелковым шарфом, повязанном поверх заново высветленных волос, с замысловатым розово-кремовым маникюром и ярко-красным педикюром, с идеальным макияжем на лице, я пыталась убежать от правды. Раз я вся такая светлая и нежная, точно ангелок, я просто не могу быть шлюхой, с наслаждением отдававшейся ректору за шанс остаться в университете. Нет, это не я. Но все было тщетно, когда обнаружилось, что вести занятия у нас будет именно этот человек. Белый маленький кожаный рюкзачок стал выскальзывать из пальцев, и только тогда я услышала недовольные возгласы позади и обнаружила, что как дура стою и пялюсь на Шона на пороге аудитории,

давая больше поводов для сплетен, чем смогу вынести. Я обернулась и мягко, виновато улыбнулась одноклассникам, а затем пошла к своему месту за первой партой. Завтра, уже завтра я пересяду на последнюю, но после сегодняшней драмы на пороге я не могу себе позволить струсить еще больше и стать объектом обсуждения. Итак, я открыла рюкзачок и, стараясь двигаться медленно и плавно, ни в коем случае не дергаться, достала оттуда кроваво-красный нетбук, на котором записывала лекции. Шон не поднимал головы, меня он не видел. Может быть, действительно не знал, что я в этой группе? Да брось, Джо, такие совпадения бывают только в кино.

— Эй, Джо! Джоанна! — Я обернулась и почти нос к носу столкнулась с наклонившимся ко мне Аароном. — Опять добралась до бутылка перекиси водорода, а?

Аарон был одним из моих поклонников, и я уделяла ему должное внимание. Неплохой парень, мне он нравился, но иногда казался настоящим идиотом. Ну вот как сейчас, например.

— Блондинкой быть веселее, — с густым южно-американским акцентом (бессменным предметом моей гордости) протянула я.

— Заметил, что ты красишь волосы в начале каждого семестра, а к сессии затемняешь. — Он улыбнулся. — Набираешь интеллект, а затем сбрасываешь как ненужную кожу?

— В любом случае это прокатывает, — хмыкнул его друг и сосед по комнате Джек. — Мы сегодня в общежитии устраиваем вечеринку, придешь?

— Сегодня не могу. — Черт, а ведь я отказывалась, потому что за спиной сидел Шон Картер. Странно, если учесть, что я ничего ему не должна. Просто по одному Богу ведомой причине мне вдруг захотелось, чтобы он считал меня взрослее и серьезнее. Захотелось доказать, что я не постыжусь выбивая себе место под солнцем. Собственные мысли заставили меня покраснеть. — Простите, парни.

— Ну ладно, — вздохнул Джек. — Как каникулы с семьей? — пропел он на мой южноамериканский манер. Получилось у него ужасно, однако, Аарон рассмеялся.

— Отлично. Была в Мельбурне.

— Ты же, вроде, оттуда и приехала?

— Я из Миссисипи, ребята!

— Ах да, да, виноваты, — захохотали они. — Когда ты там в последний раз была, говоришь?

— Да ну вас! — отмахнулась я, а они бросились пародировать мой акцент уже скопом.

Раньше я мечтала об оседлом образе жизни, потом стало все равно, а теперь переезды стали скорее... привычкой. Пока ребята болтали и смеялись, я размышляла о собственной жизни. О том, что не представляю, куда и когда меня занесет впоследствии. Даже если и в Штаты, то навряд ли в Миссисипи, сколь бы мне не нравились те края.

Только прозвенел звонок, возвещавший о начале пары, я обернулась и посмотрела на Шона. И хотя тогда я еще этого не знала, думается мне, за время разговора он ни на секунду не оторвался от своего планшета. Зато с последней трелью, не позволяя студентам ни малейших поблажек, Картер поднялся со стула, подошел к двери и запер ее на ключ. Мы хором судорожно сглотнули. В аудитории шесть человек, остальные опаздывают. Первая пара семестра, попробуй, встань ко времени. Однако, Шон так не считал и авансов нам не дал. Зря. Потому что только он успел открыть рот, чтобы начать лекцию, начали прибывать проспавшие. Тогда Картер медленно и бесшумно скользнул к выходу и отпер дверь. Раздался неуверенный вопрос, можно ли войти, однако...

— Всем опоздавшим объяснительные на имя ректора. — Мы снова судорожно сглотнули. — Если таковых не будет, на следующую пару можете тоже не являться. И останьтесь тут, расскажите остальным, пусть не прерывают меня бесконечным стуком. — Затем он вернулся к столу, поигрывая ключом на пальце, и вдруг: — Мисс Конелл, — обратился он ко мне. — Составьте список присутствующих.

Я не посмела сказать, что наша староста — Хелен, и она тоже сидит в аудитории. Я вообще с трудом представляла, как могла возражать ему несколько недель назад. Залившись краской, схватила блокнот и ручку и аккуратным почерком нацарапала имена присутствующих, после чего как-то по-змеиному потянувшись, чтобы упаси Боже не привлечь внимание, я положила листок на стол Шона, пока тот рассказывал, как именно будут проходить занятия по его дисциплине — защите информации.

Глядя на Картера, я сжала губы и закусил щеки. Семестр обещал стать для меня кошмаром. И тут он, словно по заказу, сообщил, что курс будет длиться целых полтора года! Но мне ведь некуда деваться, не так ли? И далеко не факт, что это единственная дисциплина, которую он стал бы у нас вести. Хотя, насколько я знала, ректоры редко преподают лично. Понадеялась, что обойдется. Ага. Как же.

— Перейдем к лекции, — объявил Шон, а я с готовностью поднесла руки к клавиатуре нетбука. Мне пришлось постараться научиться печатать и на суженной клавиатуре этой крошки, и на обычной, не путаясь в клавишах. По причинам, которые выше моего понимания, у меня серьезные проблемы с тем, чтобы попадать по кнопкам новых девайсов. Даже если они совершенно идентичны по раскладке, сначала я буду стучать либо слишком слабо, либо наоборот, а пальцы начнут соскальзывать и колотить по клавишам громче, чем позволено шумовыми нормами. Но в тот день, несмотря на давнее наше с нетбуком знакомство, каждый удар ноготка по пластиковой кнопке казался не просто громким, а подобным раскату грома! И все дело было в нем, в Шоне, который стоял слишком близко. Казалось, руку протяни — и коснешься.

Но отключиться от бытовых проблем и погрузиться в мир высоких технологий оказалось на удивление легко. Я и раньше догадывалась, что Картер — преподаватель от бога, однако сейчас, когда он читал для нас полный курс, проверенный на собственном опыте, поняла, что мы просто счастливы. Возвестивший об окончании пары звонок заставил меня недоверчиво повернуться к двери и проверить, не ослышалась ли я. Дело в том, что впервые за полтора года я ни разу за время занятия не взглянула на часы.

Но только магия кибернетики рассеялась, я очнулась ото сна и начала поспешно собираться, так как наш сладкоголосый преподаватель внезапно снова стал ректором, с которым я переспала, и неловкость накрыла меня с головой с удвоенной силой.

После пары я буквально бросилась к деканату, чтобы изучить расписание. Так и есть, имя преподавателя было замазано штрихом, а новое вписано черной ручкой. Имя Шона Картера. Опасаясь увидеть еще одно подтверждение не случайности нашей встречи, я все-таки перевела взгляд на строчку ниже и обмерла. Практикум. Небольшой кусочек реальных задач в академическом мире теории. И нас, как всегда, поделили на две группы, необычно другое. Половину юных бездарных студентов наш достопочтенный ректор вознамерился вести лично. Разумеется, я понимала, что как преподаватель он лучше, просто безупречен, ведь Картер, черт возьми, на великого Манфреда Монацелли работал, но мои личные с ним отношения заставляли принять решение не в собственную пользу. Мои нервы такого бы не выдержали. Да, я искренне верила, что он ни словом, ни намеком не даст окружающим

заподозрить нас в случившемся, но как бы я стала сидеть напротив него и с умным видом рассказывать теорию защиты информации? Да я бы так заикалась, что и глухой заподозрил неладное. По детской привычке я начала грызть кутикулу большого пальца, но найти выход это, естественно, не помогло, и тогда я решила зайти в деканат — спросить.

— Извините, у нас в расписании изменения?

— Да, мисс Конелл. — Угу, меня там знали.

— Профессор Картер будет вести у нас практические занятия? Это не поменяется снова?

— Вам повезло, — улыбнулся мне зам декана.

Да уж, мне повезло. Теперь наверняка придется выбирать. Я снова мрачно уставилась в расписание, когда вдруг за спиной раздалось банальнейшее «бу». Я так перепугалась, что подпрыгнула, схватилась за сердце и, тяжело дыша, обернулась.

— Джо, ты какая-то нервная сегодня, — пропел Аарон. — Пойдем на пару, — и он, закинув руку мне на плечи, направился к аудитории. — Что у тебя случилось?

— Не хочу говорить об этом, — я коротко ткнула ему в плечо носом и отстранилась.

— Ну же, Джо, — он развернул меня к себе лицом и погладил по плечам. — Что с тобой?

— Я сделала кое-что отвратительное. Не могу об этом говорить, лучше просто обними! — И он действительно прижал меня к груди.

— Не верю, что ты, малышка, могла сделать что-то отвратительное!

— И я тоже не могу поверить, что сделала это. — Я сильно старалась не заплакать, даже прижала пальцы к вискам и покачала головой. — Скажи, я ведь не такая?

Аарон пристально на меня посмотрел.

— Ты никого не убила, ничего не украла? — спросил он с полуусмешкой, искренне не веря в мою аморальность.

— Что ты! Нет, конечно! — запальчиво воскликнула я.

— Ну, тогда все отлично!

Он распахнул объятия, и я снова прижалась к его груди. Он жил на том же этаже общежития, что и я. И был моим другом, я к нему привыкла. Было так спокойно с ним, надежно. Я уже почти поверила, что переживу, что все в порядке, однако он неожиданно приподнял мой подбородок и коснулся губами моих губ, и тут я не выдержала, вырвалась и убежала. Нет, все было не в порядке, определенно не в порядке. Настолько все было плохо, что на следующую пару я опоздала и порадовалась только одному обстоятельству — что вел ее не Шон Картер.

К среде — а именно на этот день был назначен практикум — я чувствовала себя выжатой, как лимон. Я не уснула ночью, все думала, в какую бы подгруппу записаться. Трижды тянулась к телефону, чтобы обо всем рассказать маме и спросить совета, но не пересилила себя. Она бы не поняла. Вообще. Она не такая, она бы во мне разочаровалась. В четыре часа утра я так устала от терзавших меня мыслей, что встала и начала собираться. Без очереди попала в душ, высушила волосы, и когда проснулась Керри, я уже просто перекапывала собственный гардероб в поисках наряда, который поднял бы мне настроение.

Моя соседка по комнате была ужасна тем, что даже заспанной минуя все стадии «хорошенькой» тянула сразу на секси. Со спутанными волосами и не стертой на ночь тушью Керри выглядела так, словно снималась для рекламы. Ее было бы легко возненавидеть, если

бы каждый, буквально каждый, не был обречен влюбиться до беспамятства. Не имели значения даже пол и возраст.

— Ты чего не спишь? — поинтересовалась Керри.

— Не могу заснуть. Слишком много мыслей.

Она как-то странно на меня посмотрела, а затем встала с кровати, с трудом нашла тапочки и затянула на тонкой талии пояс халата. Я было подумала, что она бросится нагревать утюжок для распрямления волос, но, видимо, не в этот раз. А ведь я ей даже половину зеркала освободить уже ухитрилась.

— Я сейчас, — сказала Керри и вышла в коридор.

Пока ее не было, я снова приватизировала зеркало, уложила волосы в замысловатый жгут и вставила в волосы белый ободок, подчеркивая их пепельный отлив, а затем уставилась на свое отражение и стала наносить слой за слоем туши. После пришла очередь светло-розового блеска для губ. В довершение, я натянула белый свитер и темно-коричневые брюки, которые заправила в точно такого же цвета сапоги, а на плечо повесила бессменный белый рюкзачок. В общем, сделала все, чтобы хотя бы выглядеть так, как мечтала себя чувствовать.

Соседка вернулась в комнату только когда сборы были уже завершены. Она принесла нам по чашке с... чем-то, пахнущем травой. Я принялась и брезгливо поморщилась.

— Это эвкалипт. Выпей. Ты сама на своя.

Пока я тянула непривычный травяной чай, Керри оделась, подкрасилась и объявила, что идет со мной в университет пешком. Обычно мы ездили на автобусе, но сегодня было решено прогуляться и развеяться. Ради такого случая подруга даже не стала распрямлять волосы, оставив их в нехудожественном беспорядке, пробормотав, что я еще ей должна буду за такие жертвы.

— Расскажешь? — спросила она, испытующе глядя на меня. А когда я не ответила, сама выдвинула предположение: — В этом замешан парень?

— Да и нет. Я не влюблена, если ты об этом. Но я кое с кем переспала, и теперь жалею.

— Почему? — спросила она.

— Потому что есть мужчины, спать с которыми не следует.

— Он тебя достает?

— Нет, что ты. Он почти и не при чем... теперь. Это мои тараканы.

И вдруг я так захотела поделиться наболевшим. Не могла больше держать все в себе. Ясное дело, маме я рассказать не могла, но с Керри было не страшно. Во взглядах на отношения она была намного свободнее. И если уж соседка скажет, что поступила я по-идиотски, то вопрос с подгруппой будет решен раз и навсегда.

— Керри, прости, мне нужно знать, что ты думаешь. — Я остановилась у ограды госпиталя и оперлась на нее спиной. — Пожалуйста, честно и прямо.

Она на меня внимательно посмотрела и кивнула, при этом движении волосы густой гривой упали ей на лицо, и Керри их раздраженно отбросила назад. У нее самые кудрявые волосы из всех, что я в жизни видела.

— Помнишь в прошлом семестре... — Я глубоко вздохнула, успокаиваясь. — Я чуть не вылетела из универа из-за того, что ляпнула на семинаре какую-то глупость?

Она медленно кивнула, видно, уже понимая, куда я клоню.

— Я пришла к ректору, к Картеру и поговорила с ним. Ох, если бы я его раньше знала, я бы в жизни рта не раскрыла. И, в общем, он не соглашался оставить меня в университете. —

Керри поджала губы и кивнула. В принципе этого было достаточно, но остановиться я уже не могла. — Я не знаю, как мы вообще до этого договорились, Керри, кажется это перешло в разряд «тебе слабо» и я с ним переспала. Вот.

Она закрыла глаза, но ничего не сказала, а раз так, то и заткнуть меня оказалось некому.

— Я была уверена, что все будет в порядке, что я забуду. Я пока я отдыхала у родителей, все получалось, но теперь он ведет у меня занятия...

— И?

— По его поведению вообще никто никогда не догадается, но я не могу спать, видеть его — как живое напоминание того, что я продалась за тридцать сребреников, я чувствую себя шлюхой. Скажи, это действительно так плохо, как я думаю? Просто...

— Джо, стоп, Джо. — Она тронула меня за плечо. — Прекрати. Ты же не из тех, кто сможет переспать с несимпатичным тебе парнем. Значит он тебе понравился?

— Не знаю, Керри, — поежилась я. — Он меня до дрожи пугает, но, может, ты и права. Понимаешь, я уже было пошла на попятный, но он меня поцеловал, и я... просто сказала да.

— Это все меняет, — усмехнулась Керри. — Ты, дорогая, согласилась не ради сделки, а потому что захотела именно нашего симпатичного профессора Картера. И, кстати, я почти восхищаюсь твоей смелостью. Меня он тоже до дрожи пугает!

— Керри, прекрати! Я не могу сейчас оценить подобную шутку!

— Извини, — закивала она. — Джо, давай подумаем об этом с философской позиции. Ты женщина, а он мужчина. И этим отношения осложняются всегда. Скажи мне, если бы он предложил тебе переспать за просто так сейчас, ты бы согласилась?

— О нет, не задавай мне такие вопросы. — Думаю, я покраснела всем телом.

— Давай отвечай, красотка, ты сама меня спросила!

— Возможно. — И я стала еще краснее.

— Ах, — прижала Керри руки в груди. — Сдается мне, врешь ты, подруга. Да ты бы бегом побежала! Джоанна Конелл, официально объявляю, что никакая это не сделка! И если ты еще раз проворочаешься всю ночь, не давая мне уснуть из-за какого-то там ректора, вот к нему я тебя спать и отправлю!

Если не считать последнее предложение, мне очень понравилась ее логика, она пришлась моей развратной душонке по вкусу.

— Так считаешь, я могу идти в его подгруппу по лабораторным? Он лучший, но я...

— Конечно, можешь. И должна, в конце концов, в отличие ото всех, ты это право... в некоем роде выстрадала, — засмеялась Керри.

— КЕРРИ! — задохнулась я, но предпочла не уточнять причину негодования. — Прошу, молчи об этом, иначе я своими слезами не дам тебе спать еще год!

— Угроза принята к сведению. Джо, может быть ты и ошиблась, но ломать жизнь из-за этого не стоит. Мы всего лишь люди. Если разобраться, он взрослый мужчина, куда старше тебя, и полностью отдавал себе отчет в том, что делает.

Она была полностью права, настолько, что мы даже отлепились от ограды и пошли дальше.

— Единственное в чем я сомневаюсь, — в том, что он довел бы твое отчисление до конца. Думаю, он хотел тебя проучить, а ты повелась. И он не отказался от лакомой закуски. Ты же южная красотка.

Эта мысль пригвоздила меня к месту.

— Блеф, Керри? Тогда он это делает очень хорошо.

— Умных всегда стоит опасаться вдвойне, — пожала плечами Керри.

Мы засели в буфете университета и взяли еще по чаю, так как кофе мне был противопоказан. Керри, как заботливая подружка, отвлекала меня забавными историями из ее отдыха не каникулах. И уж в ее-то рассказах имена родителей не звучали. Она знала толк в веселье. Достав телефон, Керри начала документально подтверждать свои слова. И, бесспорно, самой убийственной явилась фотка с заячьим хвостом и белым париком.

— Когда я напаялила эти уши, я сразу же подумала о тебе, — она легонько дернула меня за волосы. — Парик все время сваливался, и в нем было ужасно жарко, но парень, с которым я оказалась-таки в одной комнате, узнав, что я не настоящая блондинка, сбежал, можешь себе представить?! — Я расхохоталась. — Хочешь, вас познакомлю?

— Но я тоже не блондинка, — резонно заметила я.

— Верно, — улыбнулась Керри, которая уже замучалась подкрашивать мне корни волос. — Только, думаю, дело было не в цвете волос, его парик. Наверное, мальчик боится клоуном.

— Я его понимаю. Как вообще их можно не бояться?

И мы дружно рассмеялись, потом смех затих.

— Моего отца переводят обратно в Штаты.

Эта новость явилась для меня таким потрясением! Мы пробыли в Австралии уже почти три года, и я просто не знала, как реагировать на обратный переезд, учитывая, что начала учиться в одном из престижнейших университетов кибернетики во всем мире...

— Джо, — выдохнула Керри сочувственно. — Ты тоже уезжаешь?

— Нет, мы решили, что я останусь здесь и закончу учебу, а вернусь потом. Но это будет тяжело.

— Когда он уезжает?

— С военными никогда не скажешь наверняка. Может, через месяц, а может сейчас.

Керри грустно улыбнулась, но промолчала. Да и что тут скажешь?

После разговора с подругой я чувствовала себя такой спокойной, что пришла на пару, полная решимости. Однако рано обрадовалась, перед аудиторией уже началась грызня и дележка мест в подгруппе Шона.

— Списки тех, кто у Картера, — сказала староста стерва — ой, оговорилась, она же Хелен — и отдала нам бумажку. Для ознакомления.

— Не понимаю почему ты распределила так, — нахмурилась я, узнав, что она не только отправила меня в другую подгруппу, но разделила нас с Джеком и Аароном.

— Ну, я подумала, что после твоей скандальной выходки подобный вариант будет даже лучше.

— Хелен, — включила я все имеющееся обаяние. — Думаю, что с этим уже все в порядке, спасибо за заботу, но...

— Джоанна, избавь меня от своих ужимок!

— А ты меня — от одолжений! — В моем голосе вместо меда появился металл. — Я пришла сюда за знаниями.

— Как и все.

— Нет, не все! — я грозно взглянула на нее. — И ты тоже это знаешь. Вычеркни Нила, ему, могу поспорить, все равно.

— Ты выскочка, Джоанна, и это не всегда будет сходиться тебе с рук. Да, однажды хамство тебе простили и сверху смирлостивились, позволив здесь остаться, но это

исключение, а не правило. Никто тебя главной не назначал, и командовать ты права не имеешь. — Ну вот мне и припомнили список присутствующих.

Краска снова бросилась мне в лицо. «Сверху смиростивились»... нет, я не для того терпела унижение в кабинете Шона Картера, чтобы потом добровольно отказаться от чести чему-то у него научиться! Черт возьми, я даже Керри рассказала о своем позоре ради этой подгруппы!

— Хелен, просто запиши меня и все. Поставить на место можешь попытаться в другой раз.

— Нет, — прошипела она, наклонившись ко мне.

Но в этот самый этот момент в наш гадюжник прибыло подкрепление. В лице distinguished ректора.

— Профессор Картер, добрый день, — буквально засияла Хелен. А он не ответил, вообще внимания на нее не обратил. У него в принципе отсутствовала привычка здороваться со студентами. Высокомерный ублюдок!

Шон дважды повернул ключ и распахнул дверь. Хелен впорхнула бабочкой в аудиторию и заняла место на первой парте напротив преподавательского стола. Мне сказать, что она принадлежала к клубу поклонниц нашего ректора, или вы уже догадались?

— Профессор... — начала я высказывать собственное недовольство решением нашей венценосной особы.

— Заходите, мисс Конелл, или вам особое приглашение? — даже слушать не стал Шон. Да, собственно, мне ничего больше от него и не было нужно, я оказалась не в претензии.

— Спасибо, — сверкнула я самой мягкой и благодарной улыбкой, на какую была способна, а когда перевела взгляд на Хелен, изобразила торжествующий оскал. Однако мой триумф обломали.

— Сядьте сюда, мисс Конелл. — Шон стукнул костяшками пальцев по парте рядом с Хелен. Я недоуменно на него уставилась.

— Зачем? — испуганно спросила я.

— Надеюсь узнать изменилась ли ваша точка зрения по поводу C++ и «личной жизни» за прошедшие... — Он начал выкидывать пальцы. — Семь недель.

Козел! Семь недель прошло с тех пор как мы с ним провели ночь в отеле, а семинар состоялся раньше. Я в очередной раз покраснела.

— Восемь, сэр.

— Досадный просчет с моей стороны, — издевательски кивнул он. — Ну так как, мисс Конелл?

— Боюсь, что я усвоила урок, и больше вслух не высказываюсь, — отозвалась я сухо. Он хмыкнул.

— Но я же спросил, значит мне интересно.

— Если я что и переоценила, профессор, так это взгляды на личную жизнь. — И мрачно на него посмотрела.

— Зато я нет, — холодно произнес он. — Если вы понимаете, о чем я.

Я не понимала, о чем он. Вообще. Но, тем не менее, выскочила из аудитории, задыхаясь. И тут же наткнуться на толпу одгруппников, жёстами спрашивающих кто в какой аудитории. Я указала большим пальцем на дверь и одними губами прошептала «Картер». Некоторые бросились прочь, как от черта. Я им даже почти позавидовала. Плюс еще одна ошибка в мою копилку? Или нет?

Глава 3

Атака видеофайлов

Настоящее время

Этим утром я завтракаю в компании прилизанного Леклера и его бессменной помощницы. Раз я голодная, какая разница, с кем трапезничать? Сажусь за стол и начинаю жадно намазывать джемом тост. Но этого мало, и я с энтузиазмом берусь за масло. Леклер некоторое время наблюдает за моими действиями и, наконец, задает вопрос:

— Ускоренный метаболизм, доктор Конелл?

— Что-то типа того. Если я перестану есть, агент, вас запросто обвинят в жестоком обращении с шантажируемыми. Как поживает фургончик?

— Ждет не дождется более близкого знакомства с вами. — Я начинаю подозревать в его словах двойное дно, потом решаю плюнуть и сделать вид, что померещилось. А если выяснится, что все-таки имело место быть... посоветую ему вымыть голову. Черти, сколько же он тратит денег на гель для волос? Зачем он зализывает волосы так, будто это каска? Я так долго и пристально изучаю прическу Леклера, что Келлерер начинает кашлять, пытаюсь скрыть смех. Леклер при этом делает вид, что читает газету, но, я уверена, он прекрасно осведомлен о моем непочтительном внимании к его волосам. Ладно, пожимаю плечами и возвращаюсь к приятному — к еде.

— К ланчу, доктор Конелл, мы с вами отправимся к бунгалу. Постарайтесь разговорить Картера, — советует мне Леклер.

— Здесь есть парфюмерный магазин? — тут же интересуюсь я.

— Зачем? — настороженно спрашивает он.

— Думаю разговорить Картера с помощью лаванды.

— Ты серьезно? — фыркает Келлерер.

— Серьезнее некуда. Раньше я всегда пользовалась лавандовым мылом, а его этот запах раздражал. А когда Шон бесится, он болтает больше. Не думаю, что это изменилось.

— Ладно, я провожу тебя до парфюмерного магазина, — вздыхает Келлерер.

В итоге в самое ли ни на есть время для ланча, я сижу в машине Леклера, благоухая лавандой.

— Смею заметить, что хоть этот запах и раздражает, по душам поболтать совсем не хочется, — ворчит агент, в очередной протирая раз нос платком. Кажется, у него аллергия на лаванду. Не могу перестать ухмыляться. — Инструкции, — он решительно убирает платок, но носом все же шмыгает. Эти агенты Бюро такие... люди. — Помозольте ему глаза, доктор Конелл, у них через пять минут обед. Картер ест на берегу. — Недоверчиво смотрю на Леклера. Чтобы Шон ел на пляже? Куда катится этот мир? Нервно тереблю свою лимонную юбку. Леклер это замечает. — Посидите, напомните ему кто вы...

— Леклер, — раздраженно смотрю я на него. — Не надо меня учить как вести себя с мужчинами. Если вы, конечно, не мачо среди гомосексуалистов. — А, кстати, может он именно по этой причине гоняется за Шоном и зализывает волосы гелем?

Леклер мне улыбается. Но не весело, а хищно. Ну посмотрим-посмотрим, говорит его ухмылка.

— Пошла, — велит он, и я выхожу из машины, дважды хлопая дверцей. Это моя вечная проблема. Я просто не в состоянии выходить из автомобилей представительно. Хуже только

юбку прищепить! Но, благо, это, кажется, не из моей копилки.

Прежде чем ступить в песок, я снимаю сабо и беру их в руки, хотя тот настолько нагрелся, что больно ступать. Как и предсказывал Леклер, Шон уже сидит на берегу, жует бутерброд и смотрит на возмутительно невозмутимое море. Такой штиль обычно не сулит ничего хорошего.

— Будет шторм, — произношу я из-за спины Картера, не зная, как еще можно завязать с ним диалог.

— Привет, шпионка Леклера, — говорит он, даже головы в мою сторону не повернув. Злости в его голосе не наблюдается. Подхожу ближе, но все равно держусь на почтительном расстоянии. Опасаюсь. Я бы охотно отсюда сбежала, вот только мне поручена миссия дипломатического характера, от результата которой будет зависеть жизнь моего отца. Придется потерпеть!

— Да, это он меня послал, — зачем-то говорю я и делаю к Шону еще один шаг.

— Сама бы ты не пришла, — ровно произносит Картер. Чтобы перестать переживать пробую сосредоточиться на его бутерброде, но тот выглядит так вкусно, что мой живот начинает возмущаться из-за отсутствия пищи. Была не была...

Бросаю босоножки в песок рядом с Шоном и сажусь на расстоянии чуть более полуметра. Это настолько близко, что у меня кожа как от холода мурашками покрывается. Если он выйдет из себя, интересно, Леклер придет ко мне на помощь? Угу, когда солнышко потухнет!

— Будет шторм.

— Я с первого раза расслышал. Предсказание погоды не входит в область моих интересов.

— Окей. Поговорим об интересном. Кто взломал Пентагон?

Он поворачивает ко мне голову, слегка усмехаясь. А я не могу не думать, что его ухмылка может значить какую угодно гадость или подлость.

— Это был не я. Остальные вне твоей компетенции.

— Ты ошибаешься, — огрызаюсь я и прикусываю губу.

Он на меня пристально смотрит, изучает. А морщинка на его лбу становится глубже. И вообще он... постарел? Можно ли так сказать о мужчине, которому всего тридцать пять? Возраст его не портит, Шон просто... стал другим.

— Выдай ответ размером больше одной фразы, и я уйду. Или на моем месте окажется Леклер. И он будет куда менее приятной компанией. — Правда это и неплохо, ведь тогда мне не придется тебя видеть!

Шон снова откусывает от бутерброда. А мой живот начинает урчать. Помнится, Картер всегда хорошо готовил. Мне его стряпня перепадала не так уж и часто, но я запомнила. Потому что это не вписывалось в образ киберзомби.

— Послушай, Джоанна. Ты не знаешь, во что лезешь. Это была очень странная и запутанная история, связанная с нашими внутренними разборками и междоусобицами.

— А кроме вас точно никто бы не смог? — спрашиваю я с надеждой. Ну не нравится мне перспектива сажать за решетку одного из четырех людей, которыми я годами восхищалась!

— Левый программист? Посторонний? — почти оскорбленно спрашивает Шон. — Было бы здорово, но тогда Леклер бы отлип от Бабочек. Нет. Это кто-то из наших, и агент это знает. Он за что-то зацепился и пытается добраться до цели, но пока утыкается только в

задницу. И думает, что это я. Ты тоже так считаешь?

Шон пристально изучает мое лицо. Хочется, так хочется отвернуться или даже отползти подальше. Если бы я сказала ему, что согласна с Леклером, что бы он со мной сделал? Я не могу не вспоминать журнальный столик, а ведь кроме того случая он физического насилия ко мне не применял... Вот все перечеркнул. И зачем? Отчего? Ради какой такой цели? Мне оставалось учиться полгода, и я бы уехала в Штаты. Не смог терпеть меня дальше? Это не про Картера. Он старался меня вообще не замечать, и я ему в этих попытках никогда не мешала... Так что случилось той ночью, когда на моей спине образовалась вереница ужасных шрамов? Кто или что взбесило Шона настолько, что он захотел причинить мне вред? Да, был суд, но он закончился в пользу Картера, а доводы обвинения оказались высосаны из пальца, никто даже не делал вид, что рассчитывает на победу, брали одним лишь измором. Так что случилось?

— Я бы поставила на Карину, — словно со стороны слышу я собственный голос.

— Почему?

— У нее больная дочь, которую надо было спасать. За спиной толпа мстительных русских мафиози, rrrr. И полная безнаказанность за все, что она когда-либо делала. Есть мотив, есть возможность. А еще я ее очень сильно не люблю.

— А со мной что? — даже не усмехнувшись над моей полушуткой, спрашивает Картер.

— Нет мотива. Но есть возможность, и, кстати, тебя я тоже сильно не люблю, так что ты тоже в топе.

Вот теперь он усмехается.

— Когда ты защитилась? — резкий переход темы так сбивает с толку, что я автоматически отвечаю.

— В апреле прошлого года.

— Как параллельщик?

Но я уже пришла в себя.

— Кто взломал Пентагон?

— Ты только что ответила мне и даже аргументировала ответ.

— Значит, я не права, — киваю я и встаю с песка.

— Интересный вывод. Почему?

— Потому если бы Пани была виновата, ты бы в обиду ее не дал. — С этими словами и чувством выполненного долга я встаю с песка.

— Хреновый из тебя Шерлок! — огрызается Картер и поднимается следом.

— А я и не претендую!

Вдруг замечаю, что на окнах бунгало спешно задергиваются шторы. Будто там кто-то что-то прячет... от меня?

— Не обращай внимание. ФБР довели нас до паранойи. Ходят, следят, выпрашивают. Пойдем, Джоанна, я провожу тебя до машины.

Зачем меня провожать? Я не хочу находиться в его обществе дольше положенного. От страха и обилия предчувствий на лбу выступает пот. Шелковый шарф не скрывает влажных разводов, мое состояние очевидно. Но я не хочу, чтобы он со мной шел. А Шон делает вид, что ничего не происходит, он невозмутимо ведет меня к машине. Стараюсь сосредоточиться на какой-нибудь посторонней мысли. Ничего не выходит. И тут вдруг Картер хватается меня за локоть. Я вскрикиваю, но вырваться не получается, а потому я просто отодвигаюсь так далеко, как удастся. Стою, смотрю ему в глаза и задыхаюсь.

— Спокойно, — говорит Шон. — Я не планирую твое убийство. Тем более на глазах у Леклера. — Но вопреки собственным словам дергает меня ближе к себе. Я ударяюсь свободной рукой о его грудь, пытаюсь выставить хоть какой-то барьер, надеюсь вырваться, но не выходит. — И если ты хочешь что-то узнать, Джоанна, тебе стоит не выдергивать меня в перерыв на ланч, а набраться, наконец, мужества, и встретиться после наших с тобой... работ, скажем в людном месте, где тебя, если я окажусь вдруг извергом, коим ты меня и считаешь, спасут прекрасные принцы.

— Они вымерли, — хриплю я. Это неконструктивно, но в другом направлении мои мозги работать не в состоянии.

А Шон закатывает глаза:

— Хорошо, спрошу по-другому. Не хочешь со мной поужинать?

Поднимаю голову и тону в черноте его глаз. Они такие... жуткие. Не от мира сего. Он не человек, определенно не человек. Любой бы на его месте испытывал что-то сродни чувству вины. Но не он. Он ничего не чувствует. Он хочет только мучить меня и дальше.

— Нет.

Этот писк принадлежит не мне, скажите, что не мне. Малышке Джоанне, у которой еще есть розовые очки и любящие мама с папой. Но если эта Джоанна быстренько не повзрослеет, папы и мамы у нее больше не будет никогда. Я закрываю глаза, чтобы сказать «да», мне необходимо как минимум не видеть Шона. Я медленно опускаю руку с его груди, но я сильно к нему прижата, что пальцы касаются его тела, раз, два, три, четыре кубика с левой стороны его живота, косые мышцы и кожа ремня. Это напоминание лишнее. Из всех мужчин, которых я встречала, у него самая потрясающая фигура. И я до сих пор помню ее в деталях.

— Да. Я с тобой поужинаю.

Я помню, что задарма от Шона Картера не получить и хлебной крошки. И любимая его валюта — мои мучения. Приготовься сыграть по его правилам снова, Джо.

— Что ты там пиццишь?

— Я с тобой поужинаю! — рявкаю я ему в лицо.

— Хорошо. Я заеду за тобой в восемь. Ты все еще любишь местную кухню? Итальянскую.

Все еще? Интересно, он гадает или помнит? Но откуда? Когда мы с ним жили под одной крышей, он, казалось, был не в состоянии запомнить сколько ложек сахара я кладу в кофе. А уж любимая кухня...

— Так уж случилось, что да.

Мы идем дальше. Серая тойота Леклера уже близко. Шон останавливается около пассажирской дверцы, но не открывает ее и не позволяет мне.

— Знаешь, отказавшись от предложения Манфреда ты лишила меня параллельщика.

— Да что ты говоришь, — без особого энтузиазма огрызаюсь я. Эти несколько минут разговора, кажется, украли у меня годы жизни.

— Подумай о том, как бы подороже продать то, что ты единственный человек на Сицилии, которому я доверю работу над собственным кодом.

— Куда делся ваш прошлый параллельщик? — вяло спрашиваю я. — Ошибся и ты его в бетон закатал?

— Леклер.

— Что Леклер? Он его в бетон закатал?

— Он его посадил.

Мне от этой мысли становится дурно. Внезапно Шон стягивает с моих волос шарф и протирает мой вспотевший лоб.

— Тебе стоит перед ужином выпить валерьянки, доктор Конелл. В моем присутствии ты совершенно не в себе.

Эти слова приводят меня в бешенство, я хватаю его запястье, впиваюсь ногтями в кожу так сильно, как только могу. Но моя рука дрожит, и я даже рычу, пытаюсь сделать ему как можно больнее. И отрезвляет меня только ощущение стекающей по пальцам крови. На его лице, однако, ни боли, ни удивления. Я рассчитывала хоть на какую-то реакцию, а он только стоит и смотрит. Отдергиваю руку, всхлипываю и, оттолкнув его, ныряю в машину. Меня трясет, кожа покрыта мурашками и холодным потом. Я лихорадочно тру окровавленные пальцы шарфом, не могу сдержать всхлипы. Ненавижу себя за то, что Леклер их слышит. И хотя агент уже ведет машину, я начинаю сдирать с него пиджак. Он благоразумно не сопротивляется, таету мотает по дороге туда-сюда, но мне плевать. Пиджак у меня, и я накидываю его на плечи, а затем продолжаю стирать кровь Шона Картера с собственных пальцев. Самое сложное — выковыривать ее из-под ногтей... только вот уже не уверена, его ли там кровь. Я с таким остервенением терла, что, может, это моя. Когда мы оказываемся в отеле, Леклер берет у администратора успокоительное и заставляет выпить, пока я не вернулась к номер. Видимо, его не на шутку напугал мой срыв.

Я пропустила звонок отцу. Мы с ним созваниваемся примерно раз в три дня, а тут я напрочь забыла, и он разволновался. Набрал меня и начал расспрашивать о том, что случилось. Он чудесный человек, когда я была маленькой считала его своим героем. Еще бы. Добрый, верный, честный патриот. Он всю жизнь проработал в ВВС, но не добился успеха. Такие замечательные люди обычно редко становятся лидерами. Он всего лишь начальник маленького инженерного подразделения. За такого перед полковником никто не заступится. Высокая нравственность ныне никому не интересна.

— Пап, я не звонила, потому что я... на Сицилии.

Ему требуется некоторое время на осознание, а потом он настороженно спрашивает:

— Джо, что происходит?

— Ты знаешь, что происходит, — раздраженно говорю я. — ФБР привлекли меня к одному делу в обмен на твое помилование.

Тяжелый шумный выдох в трубку.

— Ты не должна решать мои проблемы. Ты моя дочь, а я твой отец. Это я должен тебя защищать.

— Такими темпами, па, скоро меня защищать будет некому. По-своему ты уже попробовал. Теперь позволь мне.

— Не надо осуждать меня Джо, ты ситуации не знаешь. — Он всегда так говорит. Не суди, ты не знаешь. И, на мгновение, я действительно чувствую себя виноватой, вдруг у Фила случилось что-то страшное? Карина ломала сервера Европы, чтобы спасти своего ребенка... как можно осуждать людей, отчаявшихся иными путями спасти любимых? И тут папа, к моему удивлению, обнаруживает просто нечеловеческую проницательность. — Это как-то связано с тем мужчиной из Сиднея?

Я никогда толком не рассказывала родителям о Шоне. Они знали, что у меня есть друг, что он старше, что он большая шишка, но я никогда не упоминала ни о том, что он еще и

хакер, ни о том, что наши отношения далеки от идеальных.

— Да, он под колпаком у Бюро. Он и его люди.

— Кто он?

— Он хакер. Лучший в мире.

— Все ясно, — вздыхает отец. — И... ты?

— Пап!

— Что пап? Ты работаешь с ядерным оружием. Я никогда не понимал, как тебя занесло на такие высоты. Что я должен думать?

— Нельзя говорить о подобных вещах по телефону! И я никогда не имела дел непосредственно с ядерными боеголовками. Только с локационными системами... — Хотя что я распинаясь? Для папы это темный лес.

— Он опасен?

— Кто?

— Тот мужчина.

— Шон Картер. Да. Он опасен.

— Послушай, возвращайся домой. Искать преступников — не женское дело. Тебе уже двадцать шесть, пора бы задуматься о семье и о будущем. А ты все приключений ищешь.

— Авантюры?! О чем ты вообще? Именно о семье я и думаю! О единственной, которая у меня есть. И домой это куда? На военную базу, которая продала меня с потрохами? Или к вам с мамой? Вы оставили меня в Австралии одну, не то чтобы я в претензии, но с тех пор прошло семь лет, и вдруг ты предлагаешь мне возврат к прошлому? Я изменилась, пап, я выросла. И как бы там ни было, руку к этому приложил Картер.

— Нет, Джо. Мы раз и навсегда твоя семья. Да, иногда приходится разделяться, но это не означает, что мы друг друга бросаем. Всегда вместе только сиамские близнецы. Никто из нас тебя не прогонял, ты сама решила остаться в Австралии.

— Я знаю. Но это не означает, что после того, как семь лет я жила без вашего надзора, я могу со спокойной совестью вернуться в родительский дом и сделать вид, что все как раньше! И это не считая того, что в результате ты пострадаешь!

— Ладно, сменим тему. Тебя Брюс искал.

Я сглатываю. Это мой бойфренд, но я не сказала ему, что уезжаю. Времени не было, а он даже не позвонил и не поинтересовался, куда я делась.

— Зачем? — спрашиваю я раздраженно.

— Он собирается сделать тебе предложение...

— Великолепно, — слов не находится! — Ну что ж, он опоздал.

— Почему?

— Потому что я уехала. Слушай, пап, мы уже год с Брюсом вместе. И я все ждала-ждала, а он тянул! И вот чем закончилось.

— Джо, он же тебя любит, просто позвони ему.

— Па, я не могу понять одну вещь: почему это говоришь мне ты, а не он? Он мужчина, так пусть имеет смелость сказать все мне лично.

— Джоанна, ты серьезно собираешься считаться?

— Нет! Просто мне нечего ему сказать, кроме как «я не хочу за тебя замуж».

— Из-за Шона Картера?

— Из-за того, что не уверена выберусь ли вообще отсюда целой! Как ты не понимаешь? Я играю ва-банк. Какой, к черту, Шон? Какой Брюс? Некогда о них думать. Здесь свою бы

шкуру спасти! — Повисает неловкое молчание.

— Будь осторожна, дочка. Я люблю тебя.

И с этими словами он кладет трубку.

К ужину Шон удосужился побриться. И неким мистическим образом скинул разом лет пять. Всем бы так. Мы сидим друг против друга за столиком в ресторане. Я нервничаю, мну салфетку и пытаюсь изучить меню, но строчки там какие-то бессмысленные. В итоге, когда приходит официантка, тыкаю пальцем в первую попавшуюся пасту. Понятия не имею, что заказала. Шон, наоборот, копается в винной карте с видом знатока. В который раз чувствую себя ущербной. Ходить по роскошным ресторанам я не была приучена, а он родился, крестился и вырос в этом...

— Спрашивай, — наконец разобравшись с заказом, заявляет Картер.

— Расскажи мне о том времени, когда с Пентагоном начались проблемы. Ведь ты упоминал о том, что что-то происходит.

— Ты совсем не помнишь? Я ведь тебе рассказывал. В Европу летал...

— Я спрашиваю не потому что не помню. Мне нужно знать, что считаешь в этой истории важным ты.

Некоторое время Шон смотрит на меня, словно раздумывая над моими словами. Думает или просчитывает?

— Хорошо, — наконец, кивает Картер и начинает. — Мы с тобой тогда жили в одном доме, но почти параллельно. И до моих проблем тебе было как до лампочки. Врать бессмысленно, меня это устраивало. А потому, полагаю, ты даже не заметила, насколько сильно он повлиял на всех Бабочек вкуче и на меня в частности. — Я задумываюсь над его словами. Нет, ну, наверное, Шон был в бешенстве, но он слишком часто бывал в бешенстве. Потому я просто пожимаю плечами. Не помню. Что вызывало его припадки ярости гадать бесполезно. То, что это была всего лишь ненависть к моей скромной персоне ничуть не менее вероятно. — Однажды ночью, около двенадцати, мне пришло письмо с липового адреса. Это был собственноручно написанный почтовый сервер. А в письме мне предлагали баснословные деньги за взлом Пентагона. Я был достаточно обеспечен, а мое положение в Бабочках — прочно, доказывать было нечего, и я сходу отказался. Однако остальным передал весточку: ищут хакера, который возьмет Пентагон. Мы все тут же, как и ты, заопасались, что Карина согласится, потому что она хваталась за любую работу. За самые сумасшедшие проекты. Но спустя пару дней она тоже написала, что дала анониму от ворот поворот. В адресатах стояли только я и Такаши. С Марко они крупно поругались накануне, и, думаю, это был ее способ отомстить. — Шон делает еще глоток вина. И я так внимательно слушаю, что даже волноваться забываю. — А дальше мне ничего не известно. Такаши человек скрытный. К тому же он не хакер, предлагать ему подобную аферу — что стрелять из рогатки по воробьям. С Марко все еще хуже. Он молокосос и не спец. Но, как бы там ни было, Пентагон-то пал. Месяц спустя после письма, которое я получил, произошел грандиозный скандал, связанный со взрывом самолета. И, полагаю, это сделали, чтобы скрыть следы проникновения в бортовую систему. А потом Пентагон взломали. Но знаешь, что самое интересное? Ни у одного из нас четвертых на ту ночь нет алиби. — Я истуканом замираю от этих слов. Ведь это настоящая зацепка! — Не знаю, что и как у остальных, но за день до падения Пентагона мы с тобой очень крупно поругались. Я был на взводе, даже сломал столешницу на кухне, а ты психанула и уехала на побережье, как всегда. После этого

я напился, потому что все складывалось на редкость хреново. И всю ночь копался в интернете, пытаюсь найти компанию, которая в состоянии доставить столешницу уже к утру.

Ну, что тебе подсказывает твоя женская интуиция?

А моя женская интуиция молчит в тряпочку, и ситуации совершенно не радуется. Но все-таки что-то есть...

— Она подсказывает, что имя ты знаешь наверняка.

Шон усмехается и допивает вино.

— Разве я сказал не достаточно?

— Ты не сказал ничего такого, что я не узнала бы от Леклера! — зло выплевываю я. — Но я сижу здесь и терплю твоё общество, так что с тебя причитается. Спорю, ты все это уже не раз повторял во время допросов.

— Нет. Ты не права. На допросах я не рассказывал про разбитую столешницу. — И выглядит, главное, абсолютно серьезным. Нет, он что, издевается?! Я понимаю, что у него со столешницами вообще отношения особые, но это самая бредовая часть из всего рассказа!

— О да! Эта информация мне сильно помогла, — закатываю я глаза.

— Она не сильно помогла бы Леклеру, а тебе должна. В конце концов, я заказывал ее, едва попадая мышкой по нужным ссылкам только потому что если бы ты вернулась и увидела старую треснутую, ты бы расстроилась и заперлась в своей комнате. Но, тем не менее, я новую нашел и, несмотря на утреннее адское похмелье, прибил. А ты даже не заметила.

— И какой мне толк от этого сентиментального рассказа? — безжалостно спрашиваю я. Выражение глаз Шона ни капельки не меняется. Он просто сидит и насмешливо смотрит на меня. Как всегда. Это заставляет растерять всю храбрость. Я слабачка и признаю это во всеуслышание. Но все-таки настаиваю: — Мне нужно имя человека, который взял Пентагон. И только. К черту твою разбитую столешницу. С таким характером ты их, вероятно, каждую неделю меняешь.

— Имя, Джоанна? Чтобы ты собрала вещички и поехала домой?

— Домой... — фыркаю я, не сдержав горечь.

Правда в том, что дома у меня нет. Если бы Брюс сделал мне, наконец, предложение, он у меня бы был. Но я надеялась на совместное гнездышко, а мой друг отчего-то все тянул. Ждал, когда я уеду? Брюс Монтгомери. Хороший парень. Милый, добрый. Совсем на Шона Картера не похож. Немножко упрямый, но у каждого из нас свои недостатки. Они с моим отцом друг в друге просто души не чают! И на фоне этого я еще больше недоумеваю, с какой стати я ему не пара. Врать бессмысленно, он — моя попытка занижить ожидания. До него я встречалась с парнем, который был просто американской мечтой. В нем было идеально... все. Ну, практически. Семья, воспитание, положение в обществе, внешность, отношение... все, кроме одного — он, видимо, считал, что я недостаточно хороша для него. И однажды я села в собственную машину и вспомнила, что Шон Картер тоже был мне не ровней. Я дочь обычного военного. Так, может, стоило занижить ожидания? Брюс вписался идеально, и я не могу сказать, что пожалела о своем белом флаге... но и для него вдруг оказалась недостаточно хороша?

В чем дело? В чем? Я умная, вполне успешная и, хотя на мисс Мира не тяну, не хорошенькая. А волос так и вовсе на трех человек хватит! И я всегда относилась к Брюсу с уважением и пониманием, была не жестче комка ваты. А именно такие девушки ему по вкусу. Что было не так? Я всегда считала, что после окончания университета должна выйти

замуж, но прошло два с половиной года, а цель все так же далека. Или нет? Или стоило мне взбрыкнуть и уехать, как он запаниковал, что меня потерял? Это шутка что ли? Такое впечатление, что я все время оказываюсь не в том месте не в то время.

Не знаю. Но как бы то ни было, дома у меня нет. Я нигде не живу с тех пор как покинула Миссисипи. Домик Шона, военная база, а до того вечные переезды. Нет. Мне некуда возвращаться. Все, что у меня есть — мои родные. Я не могу позволить их у меня отнять.

— Картер, я сделаю все, чтобы посадить виновного. Все, что в моих силах. Без одной — если одной — из ваших голов я не уеду. — Он мрачнеет и хмурится.

— Особенность киберпреступлений, Джоанна, в том, что либо ты ловишь злоумышленника на горячем, либо улики не найдешь. На что ты надеешься? На чистосердечное признание? — фыркает Шон. — ФБР именно этого и добиваются, потому что зашли в окончательный тупик. Прошло несколько лет. И от отчаяния они привлекают тебя. В надежде, что я сознаюсь в содеянном. Потому что им больше ничего от тебя не может быть нужно, ты ведь не гений криминалистики.

— Нет, я не гений. А вот ты, Картер, да. Ты знаешь, кто это сделал. И если не ты, то скажи мне имя. Хотя бы без улик. Просто имя. Иначе я буду считать виновным тебя. И буду искать доказательства твоей причастности, мозолить глаза, крутиться поблизости. Раздражать. Совсем как раньше.

Однако, судя по виду Шона, перспектива его не пугает. На лице ни один мускул не дрогнул.

— Продолжай. Выбранная стратегия не так плоха, как тебе, возможно, кажется, — наконец, кивает Картер, не отводя от меня задумчивого взгляда. Я не понимаю, что он имеет в виду, но домыслить он мне возможность не дает — поднимается на ноги, хотя я даже свою пасту доесть не успела! — Мы уходим, — объявляет Шон.

Нет, определенно сначала надо было заказать десерт, а уже потом объявлять, что в мои намерения входит бесить Картера до конца своих дней. Ну что ж так не везет-то? Закатываю глаза, бросаю на стол салфетку и поднимаюсь.

Мы выходим из ресторана, и прохладный ветер обдувает лицо. Успокаивает. Но около ступеней Шон вдруг протягивает мне руку. Я не уверена, что в состоянии пересилить себя и принять этот жест вежливости. Стою и пытаюсь вспомнить делал ли он это раньше. Было или нет? Может и да, ведь, по идее, воспитание у него должно быть хорошее, но я не помню.

— Конелл, ты собралась на своих каблуках свалиться с лестницы? — раздраженно спрашивает он. И все встает на места. Возможно, именно с подобными комментариями он всегда вежливость и проявлял.

— Я прекрасно передвигаюсь на шпильках, — вздергиваю я подбородок. Но он уточняет:

— Даже после травмы? — Кажется, в этих словах никакого контекста нет. Он будто просто спрашивает. Буднично и совершенно спокойно. Как он может? Как у него хватает на подобное выдержки?! В отличие от Шона, я далеко не так хладнокровна и глядя ему в лицо сквозь зубы шиплю:

— Да!

А затем хватаюсь за его ладонь и с видом оскорбленной королевы спускаюсь вниз. Но вдруг Шон разворачивает меня к себе и произносит:

— Возможно ты помнишь, что я всегда плачу по счетам.

О чем он? Я хмурюсь, так как не понимаю, и высвобождаю руку. А он все так же ужасающе бесстрастно смотрит на меня. И никаких подсказок. Я понятия не имею, зачем он это сказал. Он о моей спине? Он действительно всегда заглаживал собственную вину, но уж очень специфично. Словом «прости» и не пахло. Зато сюрпризы так и сыпались. И этот раз исключением не является, так как следующие его слова повергают меня в глубочайший шок:

— А еще возможно ты помнишь, Джоанна, что от меня очень сложно что-либо утаить. Да, учитывая обстоятельства, у тебя хорошие шансы заполучить помилование для Джона Конелла.

И вдруг кислород куда-то исчезает.

Утром Леклер сажает меня за просмотр записей из бунгало. Я ужасаюсь, видя количество гигабайт, которые меня ждут не дождутся. Решаю посмотреть их одна. Эти агенты итак уже в печенках. Записи очень удобно промаркированы именами и датами, помощь мне ни к чему. Сначала обращаю внимание на те, что относятся ко времени после моего приезда. Ну а что? Я эгоцентрична и хочу знать, что о моем божественном падении на их бранные головы подумали.

В качестве старта я выбираю видео, заснятое сразу после нашей первой встречи с Шоном — у бунгало. Как только после разговора дверь за Картером захлопывается, я слышу вопрос Карины:

— У нас серьезные проблемы?

Шон не отвечает. Он идет напрямик к бару, наливает себе что-то крепкое и одним глотком осушает стакан. Карина, тем временем, нетерпеливо топает ножкой. Интересно, все мегеры такие хорошенькие? На дух ее не переношу!

— Что тебе надо? Оставь меня в покое, — рывкает Картер, даже не глядя на Пани, которая отчаянно жестикулирует за его спиной. Нервничает.

— Я задала тебе вопрос, Шон! Здесь Джоанна Конелл!

— О, а я-то было надеялся, что по наши души явилась другая стереотипная блондинка из анекдотов! Еще что очевидное скажешь? — Он наливает второй стакан.

— У нас, спрашиваю, серьезные проблемы?

— Откуда по-твоему я должен это знать?

— Ты знаешь Джоанну.

— Я знаю, что у нее на заднице татуировка Love Mississippi. Но это не означает, что я в курсе причины ее появления на Сицилии.

— Может, она мстит? Ей есть за что тебе мстить?

— К тебе точно вся память вернулась? Или, может, ты на радостях забыла какой у меня чудный нрав? Естественно, есть. Тысячи! Миллионы причин! — И к моему удивлению, Шон на видео тяжело опирается о стойку бара. Выходит, новость о моем появлении он воспринял далеко не так безразлично, как пытается показать.

— ЧТО?! — Карина хватается за голову.

— Да. Я немножко не учел, что за мной будет гоняться псих из Бюро и не обращался должным образом со своей экс-подружкой. Прости, Пани. — И осушает еще один стакан виски. — В любом случае она здесь не по собственной воле. И до дрожи в коленках меня боится.

— Я заметила. Ты что с ней сделал?

— Тебе-то что?

— Шон, что ты сделал с Джоанной?

— Иди к черту, — раздраженно посылает ее Картер, но Карина ухитряется пропустить это мимо ушей.

— Если это шантаж, Шон, то у нас проблемы!

— Если это шантаж, Пани, в первую очередь проблемы у нее. И только потом у нас.

— Значит ее проблемы надо решить, и тогда она сама вернется в Штаты.

— Уже бегу. Напоследок в шкафу тебя запереть? Или ты выбираешь вариант прятков под кроватью? С каких пор ты боишься — как ты там ее называла? — ах да, блондинистой барби?

— Бесполезно отрицать, что Джоанна Конелл и есть блондинистая барби. Но она не дура! Мы не можем ее недооценивать.

— Это ТЫ ее недооцениваешь. Я близорукостью никогда не страдал. Она на редкость целеустремленная особа. И если понадобится, Конелл пройдет по трупам. Поморщится, поныть не забудет, но сделает. Ты правильно боишься. С Джоанной Леклер сорвал банк, поверь мне. Если эта стерва решит меня закопать...

— Это невозможно...

— Конечно, невозможно! Сам я разберусь с ней куда как быстрее. Только не хочу, чтобы до этого доходило.

— В смысле? — Она потрясенно моргает. — Ты ничего не собираешься делать с тем, что она здесь? Шон, она не только тебя ненавидит, но и меня, и она отказала Манфреду, так что...

— Слушай, Пани, скройся с глаз, я не хочу оправдываться перед Алексом за то, что прикончил его жену. Если Елисеева твое жужжание не бесит априори, он причину не поймет, — огрызается Шон.

Карина лишь фыркает и уходит. На некоторое время Картер остается в комнате один, а затем пулей вылетает из бунгало. Ну а пока Шона нет, то есть пока мы с ним разговариваем в баре отеля, Карина кому-то звонит. Видимо, Алексу. Говорят по-русски. В отличие от Картера, я их язык не знаю, но несколько раз улавливаю собственное имя. Неужели мне придется просить Леклера перевести их разговор? Пролистываю его, заглядываю в записи других обитателей бунгало. Но там все тихо.

Ничего интересного не происходит до самого возвращения Шона. Он ураганом проносится по бунгало и влетает в собственную спальню, за ним следом — Карина. Не заморачиваясь на условности, будто для нее бывать в его комнате — типичнейшее дело. Хотя черт их разберет. Может, так и есть.

— Как все прошло? — начинает расспрашивать она. Шон сбрасывает пиджак и включает ноутбук. — Шон, что она сказала?

— Ничего. Только время зря потратил, — огрызается он, подхватывает Пани под локоть, выставляет из комнаты и захлопывает дверь перед самым ее носом. Вот! Теперь я его узнаю.

После Шон плюхается на кровать, закатывает манжеты рубашки и ставит на колени ноутбук. В том, что он куда-то полез, никаких сомнений. И ничего, вроде бы, интересного, но я некогда так привыкла видеть его за работой, что даже на перемотку нажимаю не сразу. Спohватившись, ускоряю видео вдвое. Затем втрое. И безошибочно определяю момент, когда он находит то, что искал. Информацию про моего отца? Если он только что вот так вот взял и вскрыл базу данных ВВС, то что ему мешало с той же легкостью влезть в Пентагон? Да

нет, не мог он это сделать так быстро. Ну либо пора возвращаться к старым проверенным бумажным архивам! К тому же Шон не идиот, чтобы взламывать военные базы данных прямо под камерами агентов. Леклер-то может и не просечет, чем там Картер занимается, но я выражение мрачной сосредоточенности на лице Шона ни с чем не перепутаю. А значит у меня дилемма: сказать Леклеру или нет?

Да что за бред?! Они не могут не знать, что за ними следят! В каждой комнате есть камера... и тут вдруг до меня доходит, что Леклер не изобретал велосипед. Он банально подключился к системе слежения, которую поставил Шон. Я усмехаюсь. Вот же молодец. Думаю, Шон в курсе и решил ему это позволить, заодно и он в курсе, что известно агентам. Симбиоз в его лучшем проявлении.

А видеоверсия Картера, тем временем, встает с кровати и берет себе еще выпивки.

— Значит вот как ты играешь, агент, — хмыкает он, даже не глядя в камеру. — Просто на редкость грязно. Ну что ж, ты предоставил мне просто уникальную возможность ответить тебе тем же.

Я не очень понимаю, о чем он, но такое чувство, будто это как-то связано со мной. А Шон, тем временем, поднимает по направлению к камере стакан, и снова выпивает его до дна. Попытавшись подсчитать, который тот по счету, я мрачнею. Шон никогда крепким алкоголем не брезговал, и меня это не пугало... но ночь после его освобождения все изменила. Если он и дальше продолжит столько пить, я откажусь подходить к Картеру на пушечный выстрел!

— Леклер! — кричу я и, как только он входит, спрашиваю, о чем говорит с Алексом Карина. А тема, кстати, крайне интересная. Удивлена, что я сама об этом раньше не подумала. Ну да, молодцы, Пентагон-то взломать взломали. Но что именно оттуда взяли?

А ведь, господа, я за что-то зацепилась, так как не знаю почему, но агенту очень не хочется говорить со мной о пропаже!

Глава 4

Ширма

Семь лет назад

Несмотря на то, что Керри уверяла меня, будто бы все хорошо, она беспокоилась и нетерпеливо дожидалась моего возвращения после практикума, чтобы расспросить как все прошло. И услышав новости про Хелен, расстроилась намного больше, чем я сама. Даже предположила, что нашей старосте так нравился Шон, что из подгруппы она меня пыталась выпереть, так как догадалась о «сделке».

— Она не может знать? — спросила меня Керри. — Давно она проявляет нездоровый интерес к ректору?

Я потянулась к рюкзаку и выудила оттуда свой красный нетбук мисс-Конелл-возьмите-для-задания-что-нибудь-с-тактовой-частотой-на-ядро-процессора-больше-полутора-гигагерц. Включила его.

— Ну, с первого курса точно, — пожала я плечами. — Но знать она не может. Неоткуда. Я была осторожна.

— Спорю, что нет. В таких делах нужен опыт, а у тебя он отсутствует. — От ее слов я побледнела.

— Не пугай меня, Керри! — выдохнула я. — Если этот слух поползет, то я не выживу! И выражение, «сверху смилоствовались» означает, будто она думает, что все вышло само собой.

— Или Хелен просто решила не обсуждать проделки ректора при всех. — Керри задумчиво потрепала губу.

В этот момент мой нетбук загрузился и завопил приветственную мелодию. Мы с Керри дружно вскрикнули и подпрыгнули. А затем рассмеялись. Навыдумывали каких-то небылиц и их же испугались.

Чем современная девушка может отвлечься от грустных мыслей? Шопинг — универсальное средство. Несмотря на то, что мой отец не был последней фигурой в войсках, избытка в средствах мы не знали. Очень много уходило на переезды, ведь не каждую мелочь оплачивает государство, также львиную долю бюджета слопала моя учеба. Потому покупки были не просто бездумным хватанием всего, что приглянулось, а детальным взвешиванием цены и качества, а также сортировкой комплиментов продавцов на «действительно идет» и «как бы спихнуть». Этот процесс требовал серьезной подготовки и меня радовал, несмотря на тернии и заковырки. Как же иначе?

В общежитие я вернулась довольная и нагруженная пакетами, уверенная что сейчас покажу все обновления Керри, но той в комнате не оказалось. Однако скучать мне не пришлось. У студенческих коммун есть одно замечательное свойство: ты никогда не знаешь кто придет в гости, и на этот раз на пороге нарисовались Аарон и Джек. Вот только были какие-то непривычно тихие, хотя, как правило, шумели знатно. Я сразу поняла, что ничего хорошего их визит не сулит.

— Слушай, Джо, — как и было предсказано, начал Джек после пары минут бессодержательного трепа. Я залезла с ногами на стул и, положив щеку на коленку, посмотрела на него. — Что это там Хелен болтает про вас с ректором?

Мое сердце на мгновение остановилось.

— А что Хелен болтает? — Даже для меня это прозвучало неубедительно и бесцветно.

— Что якобы вы... хм...

— Мы не хм, гм и не остальные междометия, — нахмурилась я.

— Но он тебя помнит.

— Да уж, мой длинный язык трудно забыть, — поморщилась я.

— Ого! А поподробнее! — От двусмысленности моей фразы они начали гоготать как два идиота-переростка, а я покраснела до кончиков ушей и закрыла лицо руками.

— Так что болтает Хелен? — напомнила я.

— Что якобы ты продалась Картеру за возможность остаться. Но, судя по тому как легко ты краснеешь при упоминании... Джо?

Я поняла, что выгляжу не лучше призрака.

— Это... не очень приятные слухи, — прошептала я.

— Брось, Джо, ей никто не верит.

— Но почему она так сказала? — спросила я тоном обиженной маленькой девочки.

— Из-за его внимания к тебе. Полагаю, она ревнует. Он, конечно, злющий, но не мог же он в самом деле тебя исключить за ту глупую выходку на семинаре.

— Разумеется не мог, — с трудом выдавила я.

Да, я не ошиблась, разрешение всех моих проблем выглядело действительно слишком чудотворно. А еще... видимо, Керри была права.

На следующее утро я при молчаливой поддержке верной подруги, подглядывавшей из-за угла, устремилась к Хелен Амберт с целью выпустить кишки из нахалки. И то, что она была более чем права, меня не интересовало. Она не смела так поступать со мной, и точка.

— Что ты себе позволяешь?! — накинулась я на Хелен. Ее любимые подружки — Гретхен и Темсин застыли на месте с премемерзкими улыбочками. В нашей группе было всего пятеро девушек. Я, Хелен, Гретхен, Темсин и Эва, но последнюю мало интересовало происходящее в этом мире. Я вообще так и не нашла ни одной мелочи, которая бы взволновала эту девушку, хотя поначалу пыталась, поскольку троица меня в свои ряды принимать не спешила — они образовали собственную высокопоставленную коалицию «местных». Сиднейские аборигены, короче. В общем, в итоге мне достались только Джек с Аароном. Но я не жалуясь, совсем нет.

— А что не так? — пропела Хелен.

— То, что ты не имеешь права распускать подобные слухи!

Да, я негодовала не хуже персонажа детского мультика. Так же театрально.

— А почему? Или ты сама хочешь рассказать всем правду о том, как осталась в университете?

— Постой-ка, Хелен, то есть ты собираешься оклеветать ректора университета, пустив про него грязный слух, зная, что куда как менее оскорбительная шутка чуть не стоила мне билета в один конец? — поинтересовалась я, и на лице старосты промелькнуло беспокойство.

Но тут, на мое счастье, в разговор вмешалась Гретхен.

— Ну так что ты такого сделала? Давай, просвети нас, чтобы мы не гадали...

Я не могла бы скрыть облегчение, потому развернулась и пошла к ждавшей меня Керри. Это были всего лишь слухи, домыслы, я напрасно перепугалась. Сначала мы с Керри счастливо обнялись, а потом я сползла по стене вниз. Это было слишком. Пока я ревела от смеси вины, обиды и облегчения, Керри сидела рядом и успокаивала меня. Но это не очень

помогло, мне даже пришлось пропустить следующую пару.

Одно неверное решение, и я превратилась в комок нервов, не знала как выбраться из паутины, в которую сама себя загнала. Могла ли я подумать, что после того, как пойду на сделку с собственной совестью, вынуждена буду отводить от себя подозрения окружающих? Мне безумно хотелось поговорить с Картером, в конце концов, он тоже оказался под обстрелом. Не мог он не думать о последствиях.

Но, разумеется, к Шону я приблизиться не рискнула, тем более что в отсутствие активной поддержки Хелен Амберт сплетни, вроде, стихли. До самого конца недели я наслаждалась желанным затишьем, а в понедельник... снова случилась пара Шона Картера.

— Ты умеешь гадать по руке? — спросил у меня Аарон, протягивая ладонь. Мы сидели на подоконнике перед аудиторией, дожидаясь появления ректора. Я мучилась ожиданием, настраивалась играть свою роль до конца... снова на первой парте, чтобы точно никто ничего такого не подумал. И вдруг Аарон лезет ко мне с какой-то нелепой хиромантией. Настроения не было совершенно!

— Нет, Аарон, не умею. — Я прислонилась виском к стеклу.

— Может быть, по этой сможешь? — спросил он и протянул мне сжатый кулак другой руки. Захотелось встать и уйти, вот что ему надо? Неужели не видно, что я расстроена? Видимо, не было, так как он не отстал, напротив — раскрыл ладонь. А на ней обнаружилась красивая ромашка. Чутьочку помятая, но все равно хорошенькая.

— Ой, Аарон, — рассмеялась я, вмиг позабыв о своей горькой участи, и взяла цветок в руки.

— Ну что, погадаешь, пойдет ли со мной одна девушка на свидание?

Я на него внимательно посмотрела, чуть поколебалась, а потом кивнула, заставляя его засветиться подобно лампочке. Ходить на свидания с хорошими парнями — нормально. А спать с ректором — нет. Лично я за нормальность.

Однако, мысль о том, что Аарон теперь для меня слишком хорош, никуда не делась. Мне он очень нравился, хотя в качестве собственного парня я его не воспринимала вовсе.

Не зная, куда деть ромашку в аудитории, я уронила ее на парту рядом с веселеньким красненьким нетбуком. Пока ректор что-то объяснял, я автоматически крутила цветок в руках, не видя в этом ничего дурного. Но, видно, только я одна.

— Где вы, мисс Конелл? — спросил Картер.

— Я вас внимательно слушаю, профессор, — сказала я.

— Прочитайте, пожалуйста, мои последние слова.

Я дословно вспомнила целых два предложения. И все бы ничего, но ведь опять начнут задавать вопросы! Именно это заставило меня решиться на разговор с Картером. Но не в аудитории, сразу по факту, а после четвергового семинара.

Мое свидание с Аароном выпало на среду. И было, скажу я вам, очень приятно. Он принес мне букет лилий, пахнувших невероятно сладко и вкусно. Держась за руки, мы погуляли по городу, а потом отправились в кафе. Недорогое, вполне под стать студентам. Там мы поели и поговорили по душам. У Аарона было трое братьев и сестер, и я с удовольствием послушала истории о его семье. Было время, когда я очень жалела о том, что являюсь единственным ребенком, но мама проблем со здоровьем не скрывала, и с возрастом и пониманием вопрос сам собой отпал.

Когда Аарон внезапно поднял мою ладонь и коснулся ее губами, я попыталась

почувствовать хотя бы отголосок страсти, но ни намек не ощутила. В Аароне все было так же гладко и сладко, как во мне самой. Никаких острых углов, никаких неудобств. Он мог бы сделать мою жизнь выверенной и скучной, как череда лекций по социологии. А после устроенного мне Шоном Картером взрыва ничего более умиротворяющего, казалось, и существовать не могло.

С одной стороны, Керри меня понимала, с другой — одобрения от нее я тоже не дождалась. Ей Аарон казался пресным. А, по ее мнению, худшего качества в мужчине существовать не могло.

Сразу говорю как есть: идея поговорить с Шоном после семинара была идиотская. Идиотская-идиотская-идиотская! Но, тем не менее, я туда явилась, и холодные черные глаза впились в мое лицо, как только я оказалась на пороге. Он меня ждал? Знал, что я рано или поздно приду? Я деревянной походкой прошествовала к своему обычному месту у окна, но на этот раз отдала его Керри, а сама села у прохода, чтобы в случае чего выйти побыстрее.

На втором докладе Керри начала засыпать. И когда я поняла, что сейчас она либо упадет, либо захрапит, ощутимо пнула ее под столом. Керри подпрыгнула так, словно рядом как минимум пушечный залп дали, и недоуменно огляделась по сторонам. Я прижала палец к губам, и она кивнула. Разумеется, наше шевеление было замечено, и, поймав издевательский взгляд Картера, я на мгновение перестала дышать.

— Керри, я больше не могу, — прошептала я. — Давай уйдем!

Но за пинок мне отомстили. Каблук подруги безжалостно опустился на мою ногу, пригвоздив ту к месту. Ауч, это было очень больно.

— Сиди, — проговорила она одними губами, и мою ступню начали мучительно медленно отпускать.

Семинар вышел бесполезным, так как я не прослушала толком ни одного доклада. На самом деле, я была абсолютно невменяема все это время, и если бы не шипение подруги, точно пропустила бы момент, когда Картер собрался уходить.

— Беги за ним, сейчас, давай! — зашептала Керри.

Шон в коридоре остановился, чтобы с кем-то поговорить, и я спряталась за открытой дверью ближайшей аудитории, тяжело дыша и набираясь мужества. Шон меня точно видел, но остальные — нет, и это успокаивало. Как только закончился разговор, мой ректор сам подошел ко мне.

— А с вами все интереснее и интереснее, — сказал он с усмешкой, приближая дверь настолько, чтобы нас нельзя было обнаружить.

— Перестаньте меня третировать, как в понедельник. Все сплетничают, — без предисловий прошипела я, пытаясь вжаться в стену и стоять от него как можно дальше. — Я даже согласна пересест за последнюю парту, если вам так будет удобнее меня игнорировать...

— А, ну раз такииине жертвы, — хмыкнул он. — Уверяю вас, мисс Конелл, я не сказал ничего, что бы вы не заслужили.

— И именно поэтому все остальные тоже говорят именно то, чего мы с вами заслуживаем!

Его глаза обласкали мое лицо, волосы и шею, опустились ниже, и я непроизвольно сжала плечи. Его рост позволял увидеть в моем декольте столько, сколько я совсем не планировала показывать. Он поднял взгляд к моим страдальческим глазам.

— Нет, — прошептала я. — Нет и нет.

— Ну вы же склонны пообщаться, мисс Конелл, — спросил Шон. — Милости прошу.

Из-под полы его пиджака показались ручка и визитница. Он что-то накарябал на обратной стороне и протянул мне. Я даже трогать это не хотела.

— Нет, — прошептала я снова.

— Ну так пойдемте вместе, честно и открыто, например, ко мне в кабинет. Или вы так и будете за дверью обсуждать политику дальнейших наших с вами взаимоотношений? — издевательски поинтересовался Шон.

Конечно же я не собиралась идти с ним куда-либо на глазах у всех присутствующих, но, опять же, мы оба знали, что значит адрес. Наконец выбрав из двух зол меньшее, я медленно взяла визитку, пообещав себе, что рецидивов не будет, и взглянула на обратную сторону.

— Не понимаю ваш почерк, — прохрипела я.

— Если сильно захотите поговорить, мисс Конелл, — поймете.

И он ушел. Весь такой мрачный и непреклонный. А я осталась стоять за пресловутой дверью. Там-то Керри меня и нашла, но как только увидела визитку шумно выдохнула.

— Не ходи!

— А, по-твоему, это хуже, чем прослыть на весь университет девушкой, которая торгует собой? — спросила я плаксиво.

— Черти, Джоанна, — воскликнула Керри так, что на нас начали оборачиваться люди, но Керри не обратила внимания, только придвинула ближе дверь.

— Если я туда не пойду, у меня случится нервный срыв, но если пойду — не знаю, что будет! — Керри сочувственно на меня посмотрела, но промолчала, хотя могла бы выдать кучу всяких скабрёзных комментариев. Это вполне по ее части. — Что тут написано? Я не понимаю.

— Завтра в десять вечера в отеле, — вздохнула она. — Так, без истерик, Джо. Он ведь не станет тебя принуждать. Кстати, хочешь я вам с Аароном комнату оставлю?

— Керри, я и так-то чувствую себя проституткой, а ты меня еще и в нимфоманки записала?

— Зато не скучно. — Повела она бровями и дьявольски улыбнулась. — Ну пойдем. — И она прикрыла дверь, но я потянула ту на себя.

— Мы ничего не решили... — начала я.

Но тут из проема высунулась седая и недовольная голова:

— Хватит дергать дверь! — воскликнул пожилой профессор. Мы с Керри разом изобразили идиотически-милые улыбки, но, кажется, настолько уже осточертели, что старичок не поленился закрыться на ключ.

Если бы я в ту пятницу хоть разочек увидела Шона, с воплем побежала бы к маме. Пешком. До самого Мельбурна. Но я его не видела. И потому провидение просто не оставило мне выбора: я собиралась войти в гостиничный номер Картера снова. Тщеславие не позволило выглядеть плохо, а страх — хоть сколько-нибудь провокационно. Ни платьев, ни юбок, ни низких джинсов, просто слаксы и свободная высокодекольтированная блузка под пиджаком. Я выглядела именно так, как запланировала — словно собралась на собеседование. И именно на деловой лад я себя настраивала. Взглянув в зеркало в последний раз, я решительно подхватила сумку и направилась к уже знакомому отелю. Желая быть неузнанной, я спрятала волосы под платок и даже брови карандашом перекрасила. Боялась. Очень боялась. Второй раз иду, могут и запомнить.

Шон снова встретил меня в холле и провел к лифтам, не сказав ни слова. И так до самого номера-люкс, который, как я потом выяснила, был в принципе закреплен за ним.

— Присядьте, мисс Конелл, — произнес он, направляясь к бару. Это обращение прозвучало так издевательски. И правда, я с ним спала, а теперь сижу в его номере и непонятно чего жду. В таких ситуациях люди обычно добиваются до поименных обращений, но не в нашем случае. — Что предпочитаете?

— Минеральную воду без газов, — отозвалась я и услышала, как он усмехнулся, распознав причины моей осторожности. В принципе, мне по закону пить было не положено вовсе. Мне только исполнилось девятнадцать. Но, конечно, если учесть, что я находилась на ночь глядя в номере отеля собственного ректора... мда... выпить бы.

Однако передумать я не успела, Картер уже протянул мне заказанную минералку с лимоном и уселся в кресло с другой стороны столика. О, такого чудесного, восхитительного, удивительного успокаивающего столика, отделившего меня от него.

— Начинайте, мисс Конелл, — протянул он.

— Хелен Амберт подозревает, — без обиняков перешла я к сути, памятуя о том, что иначе разговор затянется на века.

— По-вашему я знаю, кто такая Хелен Амберт? — поинтересовался Шон. — Пусть подозревает. Мне-то что?

— Она уже пыталась распространять слухи, и если вы не прекратите ко мне придирааться, Хелен только утвердится в предположении!

— Мне глубоко наплевать, что думает некая Хелен. А если вам — нет, то это ваши проблемы.

Затем он опустошил свой стакан, потянулся к манжетам рубашки и начал их расстегивать. За ними в ход пошел зажим для галстука. Я в немом оцепенении сидела и смотрела, как Шон раздевается. Вынуждена была дать себе мысленную оплеуху, чтобы очнуться.

— Будет же разбирательство, грядут неприятности! Не говоря уже о загубленной репутации...

— Мисс Конелл, вы знаете кто я?

— В смысле? Вы ректор, вы из Бабочек Монацелли.

— Именно. Какая бы репутация у меня не была, если меня что-то раздражает, обычно это имеет определенные... последствия. Думаю, даже мифическая Хелен это понимает и на рожон не полезет. Так что весь ваш монолог имеет целью защитить только одного человека — вас. Но мне до вас дела нет.

Его пальцы начали медленно распутывать узел галстука, но я не сдалась.

— Я прошу не так много. Просто прекратить это, — устало проговорила я.

— Это — что? — иронично спросил он.

— Ваш террор.

— Ах это. Думаю, что не стану.

Черт, я и забыла эту его игру. С чего я взяла, что у него есть причины бояться? Мне и в голову не приходило, что ему до сплетен может не быть никакого дела. В конце концов, существуют же какие-то инстанции, следящие за подобными случаями. А пальцы Шона, тем временем, добрались до пуговиц рубашки. В моем мозгу начали проноситься бесстыдные воспоминания о собственном грехопадении. И я сидела и смотрела на него, как замороженная. Не в состоянии глаз отвести. Итак, торжественно утверждаю, что вождение

без привязанностей, логики и права на существование случается.

— Либо ты можешь убедить меня, что война за твое душевное спокойствие в моих интересах. — Повисло секундное молчание, а затем он добавил: — Джоанна.

И это имя, имя, которым меня с самого детства звали родители, друзья и знакомые, то, которое я привыкла слышать чаще, нежели любое другое, вдруг оказалось совершенно незнакомым. Оно стало словно стало хитроумным приспособлением, прокатилось по телу обжигающей волной, заставляя кожу покрыться мурашками. Как, черт возьми, он это сделал?!

— Нет, не знаю кем вы меня считаете, профессор, но я не такая. С тем, что сделано, мне жить придется, но еще больше вредить себе я не стану! — С этими словами я вскочила на ноги и бросилась к лифтам так быстро, будто черти за мной гнались.

Я выскочила в холл, на ходу наматывая на голову платок. Присутствующие на меня ошарашенно вытаращились, но я плевать на них хотела. Мне было просто до слез обидно. Я распахнула входную дверь, выскочила наружу, одним прыжком перелетела через ступеньки... и чуть не угодила в объятия девушки, которую видеть хотела меньше всех на этом свете. Хелен Амберт.

Мы с ней застыли друг перед другом с разинутыми ртами. Хуже быть не могло.

— Джоанна? — Ее глаза обратились к вывеске. Поздний вечер. Отель. На лице Хелен отчетливо проступило потрясение.

— Такси, — запоздало взмахнула я рукой, но оно не остановилось. И тут я поняла, что оставила сумочку с деньгами у Шона в номере. Нет, хуже быть могло. Черт, не просить же денег на такси у Хелен. Я лихорадочно пошарила по карманам, но поняла, так там так же пусто, как и графе напротив надписи «добродетели Джоанны Конелл».

Но я снова ошибалась, ведь стало еще хуже. И намного, когда из дверей отеля вдруг появился Шон Картер с моей сумкой в руках и в не до конца застегнутой рубашке. Мы с Хелен дружно вытаращились на него, а он совершенно обычным, будничным тоном сообщил мне:

— Сумку забыла. — Это был полный аут.

В этот самый момент, на короткий миг вселенского помешательства, ось мироздания чуточку сместилась, и Шон Картер — наш упрямый, зловредный ректор — расщедрился на единственный, наверное, порядочный и даже почти бескорыстный поступок в своей жизни. Он подошел ко мне, вручил сумку и обнял за талию на глазах у Хелен.

— Прости, — коротко шепнул он мне в ухо и поднял пальцем подбородок для поцелуя, а я уцепилась за ворот его рубашки так, будто это была последняя вещь, за которую стоило в жизни держаться. А Картер отстранился и громким шепотом (достаточным, чтобы Хелен слышала) произнес: — Не переживай, все равно бы узнали.

А после вытащил из кармана сотенную купюру и выкинул руку в сторону потока машин. Тут же рядом с нами затормозило такси. Шон распахнул дверцу, крепко поцеловал пребывающую в окончательно ступоре меня и сказал:

— Ну все, пока. — Его губы еще раз коснулись моего виска, и я, дрожа от напряжения, рухнула без сил на заднее сиденье веселенькой желтенькой машинки. Однако, шок мой быстро сменился раздражением и отчаянием, когда Шон вдруг наклонился к переднему пассажирскому окошку и тихо сказал таксисту. — Покатай ее минут двадцать и привези сюда снова.

Таксист был счастлив, а я отмерла и резко обернулась на Шона. Он показательно, как

ни в чем не бывало, зашел в двери отеля и исчез из виду, не обмолвившись с Хелен ни словечком. И неким десятым чувством я поняла, что он так и простоит в холле все двадцать минут в ожидании меня, чтобы, упаси Боже, я не сбежала по прибытии и не лишила его возможности отыграться.

Иными словами, статус официальной подружки ректора я заполучила образом исключительно причудливым.

А мой прогноз был пугающе верен. Только такси остановилось у отеля снова, Шон выскочил из своего укрытия, чтобы потащить меня наверх. Разумеется, никакой Хелен поблизости уже не было.

— Эм... Спасибо, — пожала я плечами, не зная что еще сказать.

— Спасибо, мисс Конелл? Только что я вас спас от весьма интересной репутации. И уж точно сделал то, о чем вы меня просили. Не подниметесь со мной... поговорить? — И протянул мне руку, словно бы приглашая последовать за ним наверх.

С одной стороны я обрадовалась тому, что все сложилось именно так. С другой — я не могла не узнать, во что именно вляпалась.

— Что теперь будет? — спросила я.

— Я хочу тебя. Ты — меня. Я никогда не понимал, откуда берутся дальнейшие проблемы. Все просто, — ответил Шон, расстегивая пуговики на моей блузке.

Из его слов выходило действительно просто. Но я ничего похожего не чувствовала, только вес морально-нравственных норм человечества на плечах.

— Вы мне предлагаете одну ночь или две, или сколько? Я не понимаю. Была одна, теперь еще...

— А ты можешь сказать точную цифру, сколько ночей тебе нужно, чтобы перестать меня хотеть? — спросил он.

А постановка вопроса, надо сказать, интересная!

— Неважно сколько, после случившегося мне нужна ширма отношений. Хотя бы ширма.

Он пристально на меня посмотрел, а затем медленно кивнул. Но на его лице я не обнаружила даже тени удовольствия. После этого Картер явно решил, что с вербальной частью мы закончили и продолжил меня раздевать. Но я так переживала, что не могла перестать болтать.

— Ты тоже меня хочешь? — проговорила я, не позволяя окончательно себя раздеть, пока он не ответит.

— Да, — кивнул он, стягивая с меня слаксы.

— И я могу звать тебя Шоном?

— Ты можешь звать меня как угодно, пока мы наедине, только сейчас заткнись, Джоанна. — И я тихо застонала от одного лишь звучания собственного имени.

Вот каким образом я подписала контракт о продаже души. И теперь на озвученный Шоном вопрос я могу ответить, могу назвать цифру. Я хотела его четыре года. Пока однажды он не бросил меня на журнальный столик, одним этим действием обратив желание страхом. Может быть, конечно, я себе вру, и все не так однозначно, но я обязана в это верить, иначе у меня серьезные неприятности.

Глава 5

Счастливый шторм

Настоящее время

Мой папа любил повторять, что люди по натуре существа очень глупые. Он был прав. Он вообще очень мудрый человек. Я вспоминала его слова и ругалась, ведь я была ничуть не лучше. Я была глупой. Всю свою жизнь я была уверена, что я американка, представительница лучшей расы из всех существующих, а значит все обязаны падать ниц передо мной. А если по сути, я отказывалась признавать, что мне могут встретиться люди, с которыми нас будет разделять языковой барьер, и не учила языки. Это и было глупо. Я должна была догадаться, что все не так просто хотя бы когда встретила Шона. Уж он-то явно не восторгался моей национальностью. А теперь я окончательно убедилась, что мир вращается не вокруг Соединенных Штатов, потому что сейчас я сижу в маленькой комнатке и просматриваю видео, деля наушники с Леклером. И его прилизанные волосы слишком близко к моим прелестным белокурым локонам. Так близко, что страшно заразиться. И все дело в том, что этот гад напоминает мультязыковой разговорник, а ни один из изучаемых мной персонажей исключительно по-английски не говорит. Леклер уже продублировал мне некоторые записи на несколько языков, но это не то! Я не чувствую интонаций, правдивых ли, ложных ли. Когда я слышу Леклера, я и вижу Леклера. А мне нужно чувствовать, как это говорит тот, кто действительно произнес фразу.

Это странно, но после нашего с Шоном диалога за ужином агент стал серьезнее ко мне относиться. Кстати, он не отдал мне вечерние записи с камер бунгало, и я подозреваю, что там настоящая бомба. Попыталась вывести у Келлерер, но та всего лишь нахмурилась и покачала головой. Ну и что мне с этими двумя гадами делать? Есть два способа: можно их взломать, можно стырить по старинке. Над этим стоит подумать.

Утро мы с Леклером тратим на пленки, потом он работает, а я обмозговываю информацию на пляже, попивая мохито. Я нашла очаровательное уединенное местечко, где никого не смутят мои шрамы. Точнее, конечно, оно недалеко и найти меня вполне можно, но если уж в мой алтарь кто-нибудь припрется по собственной воле — пусть пеняет на себя, я хочу моря, солнца и отсутствия ФБР на горизонте.

Рядом со мной на песочке мирно покоемся незабвенный блокнот — он помогает мне обмозговать ситуацию. Рисую Шона. Он с рогами и хвостом со стрелочкой. На противоположном конце — пиковая дама из колоды карт моего детства — роковая Карина. Марко я рисую в парике, с моноклем и закрученными усами — представитель Старого Света. И, конечно, Такаши — анимешный персонаж. Они расположены по четырем сторонам креста. Мелко-мелко вписываю все, что о них знаю. С Шоном мне очень просто разобраться. С Кариной сложнее, с Такаши еще сложнее, но Марко... про него я вообще ничего не знаю.

Леклер подтвердил информацию о том, что было два имэйла: от Шона и Карины. Также он рассказал мне об отсутствующих алиби: Карина с ее персональной частичной амнезией о той ночи вообще ничего не помнит, Марко напивался дома в компании девицы, которую выгнал за несколько часов до момента икс, Такаши находился в аэропорту, — длинная пересадка между рейсами, — и хотя на камерах он есть, сидит наш дружок за ноутбуком, и потому запись вообще ничего не доказывает.

Что мне это дает? А ничего. Рисую графики встреч и совпадений, но номердохлый. Кому вообще придет в голову сунуть нос в компьютер сидящего на лавочке человека? И при этом каждый из таковых может оказаться злоумышленником, взламывающим министерство обороны США. Какая-то неутешительная у меня выходит картинка. Шон прав, как можно через несколько лет поймать человека, совершившего киберпреступление? Либо тебя ловят по IP-адресу сразу, либо не ловят вообще. Ну, еще есть вариант с украденными данными, но там история тоже мутная. Видно, у них сперли что-то такое, что ввергает народ в огромный ступор. У Шона что ли спросить?

Гхм, а ведь если этот гад точно знает, кто пощекотал пятки Пентагону, то есть как минимум еще один человек, который тоже в курсе. Человек, который в курсе всегда, который связывает всех воедино — Манфред Монацелли. Кто, как не сеньор Хакер, осведомлен о каждом шаге своих крылатых подчиненных? Вроде бы, вариант восхитительный, за исключением одного но: я никогда о нем как о программисте ничего не слышала. Да, он глава Бабочек, но взломщик ли он? Если так, то он должен быть самым талантливым, но об этом ни слова. Так кто он: теневая фигура или вообще не из нашей братии?

Я хватаю блокнот, натягиваю сарафан и иду к фургончику. Энтузиазм — штука прекрасная! Потому что идти туда час как минимум, а на мне высоченные шпильки, и нисколько не напряжно. А все почему? Правильно, потому что каждому хочется побывать в дурацком ФБР-фургончике, напичканном следящей аппаратурой по самую крышу. Агентов, разумеется, моя наглость оскорбляет в лучших чувствах! Меня ж, если вдуматься, никто не приглашал, а тут все сплошь конфиденциально. Но первой в себя приходит Келлерер, у которой вопрос самый что ни на есть дурацкий женский:

— Ты на таких каблучицах со своего пляжа сюда дошла? — удивляется она.

— А что? Тут удобная колодка.

Мужчины начинают хохотать. Им никогда не понять. Кстати, эту парочку вредных представителей сильной половины человечества я не знаю. И никто не торопится меня с ними знакомить. Может быть Леклер прав, чем меньше мне внимания, тем я сосредоточеннее.

— Леклер. — Я картинно падаю на одно из сидений (последнее свободное). — Расскажите-ка мне о Монацелли.

— Марко? — тут же откликается он.

— Не угадали, агент. Поведайте мне лучше о загадочной личности нашего сеньора Хакера.

Леклер кивает. Он мой вопрос предвидел и отвечает на него так, словно текст заучивал. Чтобы, например, лишнего не сболтнуть. Нет, мне определенно не нравится этот тип.

— Монацелли никакой не хакер. Он вообще не имеет программистского образования. И хотя никто об этом рассказывать не спешит, Бабочки ему достались в наследство. Видите ли, доктор Конелл, у Манфреда был брат, который погиб лет пятнадцать назад. И тот унаследовал его дело. Ему просто крупно подфартило. Да, вероятно в программировании он поднатаскался. Но он не программист, на его счету взломов нет. Кстати, он неплохой историк. Поищите в интернете, у него есть забавные работы.

— Историк? — недоверчиво шурюсь я. Это ж как далеко его занесло!

— Историк. Он доктор философии. И просто хороший стратег. Его брат Бабочек до таких высот не довел. Не смог. Или не успел.

— А как, говорите, погиб его брат, агент?

— Случайно, доктор Конелл. Сход лавины на горнолыжном курорте. Разумеется, он проверен вдоль и поперек. Иными словами, звание сеньора Хакера сильно завышает достоинства Манфреда Монацелли.

— Вы недолюбливаете историков, агент? Экая дискриминация, — хмыкаю я.

— Знаете сколько историков я пытался поймать, доктор Конелл?

— Ни одного? — без промедления выдаю я предположение.

— Угадали. А хакеров?

— Мириады!

— Восемнадцать. Так что с вам подобными, доктор Конелл, намного интереснее.

— Но я не хакер.

— Вы превосходно разбираетесь в компьютерах, в более широком смысле этого слова вы очень даже хакер. Но, в общем-то, вы правы, я всех брал исключительно на взломе. Это мой профиль. И обычно я не ошибаюсь, чую, кто виноват. На этот раз мой радар указывает на Картера. И я его возьму. Он станет моим бриллиантом. Я даже попытаюсь добиться, чтобы его не казнили. Буду до конца жизни ходить к нему в тюрьму и любоваться. — Остается лишь покачать головой. Стоит позавидовать. Шон даже в этом стал лучшим. Спорю, он единственный хакер, за которым гоняются с таким вдохновением. — Так что, доктор Конелл, да поможет мне Бог. Вы верите в Бога?

— Только когда дела совсем плохи. И не стесняюсь в этом признаваться, — пожимаю я плечами. — А что, если это не он? Не Шон. Мне не кажется, что это он. Не знаю почему.

— Уж не потому ли, что он заказывал вам столешницу? — сухо интересуется Леклер.

— Столешницу? Вы серьезно? Если вы думаете, что меня можно разжалобить столешницей, то мне срочно надо пересмотреть свою манеру поведения!

— Доктор Конелл, — холодно улыбается Леклер. — Я бы точно не стал соблазнять вас рассказами о столешницах, но мне бы очень хотелось узнать, почему это делает Шон Картер. Что-то мне подсказывает, что букеты цветов он вам не дарил ни разу. Но столешницу почему-то решил важным поставить на место.

— А вы полагаете, что все его поступки логически обоснованы? Уверяю вас, я видела достаточно доказательств обратного. Он человек очень раздражительный. Крайне. Но, можно, конечно, предположить и то, что Картер действительно был настолько страстно в меня влюблен, что подарил... столешницу. — Келлерер загибается от смеха. А дальше моя логическая цепь обрывается, потому что придумать продолжение вообще не представляется возможным. Ну маразм потому что! Когда-то Шон сыпал программистскими метафорами, и получалось у него куда как прозрачнее. А вот к чему приткнуть столешницу я вообще не понимаю. — Действительно хотите продолжить этот разговор? — устало интересуюсь я у Леклера.

— Пожалуй, нет, — на удивление искренне улыбается Леклер.

И пока мне не начало мерещиться, что в этом типе есть нечто человеческое, я покидаю фургончик.

— Сюда идут ужинать наши горе-хакеры. Живо вниз, — говорит Келлерер, врываясь в мой номер. — Сегодня работаем без Леклера.

Закатываю глаза. Я только собралась на пробежку. На мне лента поверх перепутанных волос, белый топик, черные спортивные бриджи и миниатюрные кроссовки. Да, прикид для

ресторана что надо! С другой стороны, какая разница.

Мы спускаемся вниз, но в ресторан нас не больно жаждут пускать, так как вид у Келлерер еще хуже, чем у меня. Этот вид значит: щас, падла, значок достану! И пока она не успела, я касаюсь пальцами руки швейцара и мягким голосом, улыбаясь во все тридцать два зуба, объясняю, что мы собирались прогуляться, но так проголодались после шопинга, что просто не дошли до дверей, решили перекусить. Несколько взмахов ресниц, парочка улыбок «с ямочками», и через минуту мы внутри.

— Ты вообще человек?

Я ей насмешливо улыбаюсь.

— Бери выше. Я женщина. Слышишь, как звучит? Я женщина. Почувствуй всю силу этого слова.

— Боюсь, что меня в Бюро не поймут, — бурчит она себе под нос.

— Вот именно поэтому ты так и не умеешь. Полюби свою суть, и мужчины захотят пускать тебя куда угодно. — И посылаю одному из парней воздушный поцелуй. Келлерер лишь качает головой.

Она договаривается с персоналом очень-очень тихо, чтобы никто не знал о прослушке. И вот мы с ней, как чертова парочка, сидим в закрытой шторками кабинке над передатчиком. Он идет вкупе с жучком, который прикреплен к подставке для соли и сахара, стоящей на будущем столике наших хакеров. И вдруг Келлерер возвращается в нашему дневному разговору.

— Ты думаешь, что это не Картер?

— Думаю, что не Картер.

— Почему?

— Кто лучший в мире хакер?

— Картер.

— А у кого больше всех взломов?

— У Карины.

— Но кто лучший хакер?

— Картер.

— Вот поэтому это был не он.

— Нет мотива, — задумчиво говорит Келлерер. Мне сдается, что Леклеру она просто ученица, помощница. Или ее цель — изображать мою подружку. Втираться в доверие. Такое тоже возможно.

— Истерическая попытка отвоевывания позиций не в его характере. Хотя он бы мог. Да, мог, и легко. Просто он великий и ужасный Картер, он великий и ужасный хакер. Перед кем ему выделяться? — О, и раз уже мне представился уникальный шанс... — Да, кстати, давно хотела спросить, что с волосами Леклера?

Келлерер начинает хохотать.

— Еще пара дней и, чувствую, ты их собственноручно бросишься отмывать.

— Ну нет, к такому обилию геля я в жизни не прикоснусь.

А затем появляются наши «объекты». Они усаживаются за тот самый столик, который был зарезервирован. И ведь знают, что их прослушивают, но даже не пытаются обхитрить. Мы с Келлерер синхронно наклоняемся к динамику и чуть не сталкиваемся лбами.

— Я никак не могу понять почему мы приперлись в отель, где живут почтенные господа из Бюро, — фыркает Марко.

— По той же самой причине, что Шон третий день подряд побрился, — издевательски фыркает Пани. Мы с Келлерер поднимаем головы и вопросительно смотрим друг на друга. Это вот что сейчас, все на меня намекают? Эдди хмыкает. — По-моему ему стоит наладить, скажем, межгалактический контакт с Джоанной Конелл. Или воспользоваться, наконец, услугами телефонного оператора, спросить ее номер телефона и с чистой совестью следить по GPS за каждым ее шагом. Картер, ты собираешься устроить ей здесь засаду? Дождаться, пока она выйдет? Или тайком проберешься в ее номер с целью поставить в каждое удобное место прослушивающее устройство?

Я аж подпрыгиваю. Да, об этом я как-то не подумала. Очень не хочу, чтобы Шон меня прослушивал. Причин объективных нет, но от одной лишь этой мысли хочется убивать.

— Успокойся, Карина, — невозмутимо, будто и не о нем речь, отвечает Шон. — Уверен, что они уже сидят и нас слушают. Твой гениальный план провалился.

— Естественно, слушают, они же этим всегда занимаются. Знаешь, это бесит. Не понимаю, зачем мы это терпим...

— Советую тебе прикусить язык, поверь, лучше знать, что именно Леклер видит, чем догадываться. И это хороший стимул держать себя в руках при любых обстоятельствах. Теперь возвращаюсь к твоему вопросу, это такая уступка: мы ужинаем под носом у Леклера, позволяем ему нас видеть и слышать, а он, в свою очередь, достает нас чуточку меньше.

— Ну, рациональное зерно в этом есть, — вздыхает Карина. — Предлагаю сменить тему.

И дальше идет разговор о компьютерах. Я даже встаю на колени перед низеньким столиком, чтобы слышать лучше. Келлерер на меня непонимающе косится. А это именно то, что так ценно в Бабочках — новости, разговоры себе подобных о том, что вам всем интересно. Я уже почти, почти жалею, что не согласилась на предложение Монацелли. Я хочу к ним.

— Да нет же, идиот, — говорю я в ответ на реплику одного из программистов, который, видимо, их параллельщик. И мне вторит Шон:

— Ты что, совсем идиот? Это не заработает! Это невозможно. — Я даже улыбаюсь.

— Почему?

— Уведите этого идиота отсюда, пока я его не убил.

— Хватит третировать окружающих, Картер, — злится Марко.

— Ну наконец-то еда, — вздыхает Карина. — А то я уже боялась, что Шон перегрызет нам глотки в ожидании.

Стук вилок и бокалов. И все молчат. Мы с Келлерер ждем. Это скучно. Но приходится. Я откидываюсь на спинку дивана. Только что я получила подтверждение своей догадке о том, что Бабочки работают над проектами моей мечты. Работая в ВВС, я не могла похвастаться большим разнообразием заданий. Локационные системы, безопасный отзыв ядерных боеголовок. Вот с чем я ковырялась целых два года. А тут просто букет: банковские системы безопасности, разработка алгоритмов шифрования, новые языки программирования. Я бы сказала, что попала в рай, если бы не сидела за его воротами. Праздник жизни прекращается в районе десяти часов вечера и Келлерер тянет меня к себе в номер. Мы с ней сидим около ноутбука и смотрим съемку с камеры. Думала, Бабочки хоть как-то пообщаются, но они молча расходятся по комнатам. Такое впечатление, будто им друг с другом... некомфортно?

Келлерер, как выясняется, человек адекватный и женские замашки в ней все-таки

наличествуют, так как переключается она на видео из комнаты Картера. Полностью поддерживаю ее выбор. Но мужского стриптиза, на который мы с ней втайне рассчитывали, на этот раз нам не перепадает. Шон стоит около окна. В руке опять стакан. Я не видела, сколько он выпил за ужином, но... почему я вообще за этим слежу? Почему меня интересует количество потребляемого им алкоголя? Никакой зависимости я за ним никогда не замечала, неужели дело в том, что его поведение в ту роковую ночь я пытаюсь оправдать именно опьянением? Он развязывает галстук, но не снимает его. Окно Шона выходит на море. И даже с камеры видно, как волнуется море. Внезапно Картер распахивает створки, и в комнату врывается ветер и дождь. Острых ощущений что ли захотел? Раздается стук в дверь.

— Картер! Электричество отключилось, — кричит Марко. — Врубай запасной генератор. Сейчас ноутбуки сядут.

Шон даже не делает вид, что услышал. Сам он не стал включать ни свет, ни ноутбук, и все, что мы хоть что-то видим — следствие светочувствительной матрицы камеры.

— КАРТЕР! — орет Марко громче. Ноль эмоций.

Но к Монацелли младшему на помощь спешит подкрепление. Бабочки ругаются, и уже не только по-английски, но Шон все стоит у окна, даже головы в сторону двери не повернув. Но вдруг он вздрагивает, разворачивается и бросается к выходу. Дверь аж от стены рикошетит.

— Леклера не было. Куда делся Леклер? — рывкает он. Так вот о чем Картер так усердно размышлял. Однако, кроме него никому до пресловутого агента и дела нет.

— Электричества нет, — возмущается Марко.

— Леклер где?! — Они друг друга будто и не слышат. — Его хоть кто-нибудь где-нибудь видел? Если бы он был в отеле, он бы обязательно помозолил нам глаза. Или заставил Конелл это сделать.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Келлерер переключается на другую камеру. Коридор, где стоят наши программисты. Те переглядываются и раздраженно пожимают плечами, будто для них все в порядке и ничего криминального не произошло...

— Дьявол! Куда делся Леклер?! — Картер срывается с места и несется по коридору, очевидно, к лестнице.

Келлерер переключается на еще одну камеру. Прихожая.

— Ты серьезно собираешься ехать в отель по такой погоде? — рычит Марко. — Ты спятил?

— Остановись, — возмущается Карина. — Ты пьян! Не смей приближаться к машине!

Но Шон уже выскакивает из бунгало.

Я перевожу взгляд на окно, дождь хлещет невероятный. В такую погоду можно с равным успехом и разбиться, и утонуть. Даже если ты трезвый.

— Да, Эдди, а где Леклер? — совершенно ровно спрашиваю я, хотя сердце заходится от дурных предчувствий. — Что это он тебя оставил моим тюремщиком?

— Он в Риме, — хрипло и виновато отвечает она.

— Значит он, говорите, считает, что это Картер к Пентагону лапку приложил? И, тем не менее, дражайший агент поехал к Манфреду, как только я его надоумила. То есть пока меня сбивают со следа, Льюис Леклер пытается единолично заграбастать себе всю славу и оставить моего отца без помилования?!

— Джоанна! — орет мне вслед Эдди. — Джо!

А я уже покидаю ее номер и высказываю на улицу. Надеюсь, что Картер доберется до отеля живым. Кто мои друзья? Кто мои враги? Келлерер была такой милой и любезной, что жалкая нуждавшаяся в тепле и поддержке Джоанна Конелл потеряла бдительность. Нет, эта агентша точно прикрывает Леклеру тылы, и здесь только из-за меня. Ну, Картер, конечно, тоже не друг, но эта сволочь хотя бы знакомая. Как мне себя вести, чтобы выжить и не прогореть? Играть на два фронта? Господи, дай же мне хоть одно преимущество, пусть в данных обстоятельствах я буду хоть в чем-то уверена!

Я стою под дождем и мерзну. Льет так, словно небеса прорвало. Выглядываю во тьме фары машины Шона. Даже почти решаюсь помолиться за его благополучие. Мне же нужны ответы! А у него они есть. Я знаю, что по такой водной подушке машину ведет, и сквозь лобовое стекло не видно ни зги. Я попала в шторм на трассе всего однажды, мне было двенадцать, и я никогда не забуду это ощущение беспомощности маленького человечка перед лицом беснующейся стихии. Машинами был усеян каждый поворот. А ведь сейчас льет ничуть не слабее!

Я знаю, что за моей спиной стоит Келлерер и тоже ждет. Она под козырьком, а вот у меня мозгов не намочить не хватило. И от холода уже трясет. Когда я вижу фары машины Шона, чуть не падаю на асфальт от облегчения. Он даже притормаживает, заметив меня. Надо сказать, за время пробежки от парковки, он вымокает далеко не так сильно, как я. Может Картер и повел себя глупо, но я сама-то чем лучше?

— Ты что тут стоишь? — пытается перекричать он непогоду.

— Я видела тебя с камер. — Дрожу я от холода.

— То есть поэтому ты стоишь на улице? — недоумевающе интересуется Шон.

— Нет. — И я буквально заталкиваю его внутрь помещения. Келлерер на меня мрачно смотрит.

— Не делай глупостей, — говорит она и протягивает мне какой-то диск. Не знаю, что там, но коробочку беру. На ней позавчерашняя дата. Запись после ужина в ресторане? Должно быть, там запечатлено нечто воистину эпохальное.

— Бюрошные ублюдки, — бормочу я.

Келлерер закатывает глаза и уходит, качая головой. Шон выглядит крайне заинтересованным. Администратор отеля в шоке, но он быстро приходит в себя, чтобы сообщить пренеприятнейшие новости:

— Мистер, номеров больше нет, — участливо произносит сердобольный сотрудник. — Сожалею.

— Он со мной, — говорю я.

— Мисс, но у вас одноместный номер.

Однако, меня голыми руками сегодня не взять, я же в бешенстве.

— Вот как? То есть вы помните, что номер у меня одноместный, но запомнили, что я не мисс, а доктор? Доктор Конелл, пометьте себе где-нибудь. И свои сожаления засуньте себе в задницу. По-вашему, лучше выставить человека в такой шторм на улицу, чем поделиться парой квадратных сантиметров, рассчитанных, как правило, на одну персону? Приветливая итальянцы нация, ничего не скажешь.

Администратор впадает в окончательный ступор, даже заливается краской праведного гнева, а Картер хмыкает. Злость и беспокойство за судьбу отца вытеснили из меня страх перед ним. Стою в лифте, дрожу от холода, но не боюсь. В руке автоматически сжимаю диск. Интересно, Келлерер бы отдала его мне, если бы я не психанула?

Только мы оказываемся в номере, я включаю свой ноутбук и выпроваживаю Шона в душ. Не потому что склонна к альтруизму, просто хочу посмотреть видео в одиночестве.

— Там есть банный халат. Он один, но возьми его. Не хочу, чтобы твоя смерть наступила вследствие моей скупости.

Сама я сажусь на пол и смотрю запись.

А там опять Шон и Карина. Гм, и почему я не удивлена. Они вообще расстаются? Хотя, пожалуй, я рада видеть ее нервозность воочию. Она заслуживает каждой минуты беспокойства!

— Ну и? Я так понимаю, она не растаяла и в твою постель не прыгнула, а то ты бы не отправился прямиком к бутылке. — Так, кажется, счет неоплаченных долгов Пани стремительно увеличивается. И пора бы мне уже начать с ним разбираться. Тем не менее, в ответ на слова Карины молчание. — Что случилось?

— Ничего. — И Картер, естественно, выпивает залпом свое пойло. Затем ныряет в бар за нераспечатанной бутылкой и несет ее в спальню. Выглядит до крайности невозмутимым.

— Ты выяснил, почему она здесь? — Ни на шаг не отстают Карина.

— Конечно, выяснил. Только это не твое дело.

— Шон, я хочу знать, что ты собираешься предпринять по поводу Джоанны Конелл. И я не о свиданиях, на которые ты собираешься, словно на школьный выпускной, спрашиваю.

— Ты что несешь? — устало спрашивает Картер.

— Ты трижды перевязывал галстук, хотя в первый раз у тебя получилось лучше остальных двух! Ты же с ума сходишь. Неужто ты надеешься на продолжение вашего совместного прошлого? Прошло два с лишним года, она теперь с ФБР якшается, очнись! И она из-за тебя отказала Манфреду, причем жестко, не скрывая причин. Там тебе ловить нечего, я...

Но внезапно Картер молниеносно оборачивается:

— Я думал, что она умерла! — орет на Карину Шон. Та отшатывается от него точно так же, как я от ноутбука. Хотя это не помогает, я же в наушниках. — Ты считаешь, что все знаешь о жизни, а ты ни хрена не знаешь, Пани. Ты когда-нибудь чувствовала себя виноватой каждую гребаную минуту... Я обзванивал больницы и опознавал всех крашенных блондинок в моргах, а ты удивишься, если узнаешь сколько ихдохнет по Сиднею и в пригородах. А все потому что она ушла, оставив все вещи и документы. И это была моя вина. Это есть моя вина. Доктор, который ее оперировал, который видел, что я с ней сделал, испугался за ее жизнь, испугался, что ее будут и дальше преследовать, и разрешил ей назваться именем матери. И, черт меня дери, даже если бы я знал имя ее матери, я бы никогда не догадался, что она им подпишет свою медкарту. Но, что еще хуже, имен ее родителей я не знал, мне и в голову не приходило, что это вообще может быть полезной информацией. Я не хотел о ней знать ничего. Вообще. А вот она, напротив, меня хорошо изучила. Настолько хорошо, что мою черствость она использовала против меня же. Зои Хэрроу! На карте было написано Зои Хэрроу, я сам видел!

Когда в американское посольство пришел запрос на выдачу новых документов на имя Джоанны Конелл, и мне об этом сообщили, я думал... нет, помнится, я даже думать был не в состоянии. Так тоже, оказывается, бывает. Я несколько месяцев жил как в аду, уверенный, что я ее не только случайно убил человека, я даже тело найти не в состоянии! Ты хоть представляешь какой ужас чувствовать себя беспомощным настолько? До того момента я вообще не понимал значение слова «бессилие». Так что ни хрена ты не знаешь, Пани, и не

надо мне рассказывать сколько раз я перевязывал галстук, я в состоянии посчитать!

— Шон... — она стоит, обхватив себя руками. На лице шок и ужас.

— Я убью, клянусь, я убью Леклера за то, что он с ней сделал, за то, что притащил ее на Сицилию. У меня есть свои границы, переступать которые я считаю недопустимым. Я не собирался вынуждать Джоанну Конелл меня видеть снова. Но Леклер посчитал, что он вправе. По-моему, настало время его разубедить.

Карина некоторое время хранит молчание, а потом спрашивает:

— Ты знаешь кто это был?

— Знаю.

— И что ты будешь с этим делать?

— Скажу Джоанне и буду любоваться, как она медленно выносит Леклеру мозг. У нее на этот счет настоящий талант. Он страстно жаждал пообщаться с Конелл? Вперед.

— И что потом? Все будет плохо или очень плохо?

— Нет, Пани, будет очень и очень хорошо, если я с большой точностью выгадаю момент, — сухо объявляет Картер.

Но Карина не промах, следующий ее вопрос очень-очень правильный:

— А будет хорошо всем или только тебе?

— Мне, конечно. А вы со своим дерьмом сами разбирайтесь.

И затем... затем его губы расплываются в улыбке. Мечтательной. Я такого вообще никогда не видела. Чтобы Шон просто радостно, просто искренне улыбнулся? Мир сошел с ума. Но в этот самый момент шум воды в душе прекращается.

Я быстро выключаю ноутбук, диск прячу между мусорной корзиной и мешком. Ну уж туда-то Шон его искать, я полагаю, не полезет. Обдумываю услышанное. Что ж, кажется, я все необходимое уже знаю. То есть Леклер решил, будто имя Шон мне уже сказал, и поэтому полетел доставать Монацелли? Как бы там ни было, я очень рада, что эта запись существует, потому как теперь не столь сильно боюсь Картера. Да, возможно все быльем поросло, но то, что он переживал, доказывает адекватность одного небезызвестно субъекта. Это очень в тему, учитывая, что мы заперты в одном номере, а он у меня недостаточно большой, и бегать друг от друга кругами не выйдет.

Шон выходит из ванной. На нем банный халат. И, кажется, больше совсем-совсем ничего. Прочь шальные мысли!

— Пока я в душе, доверяю тебе обыскать мой номер на предмет жучков Леклера — где угодно. — Боюсь подумать куда он полезет. — Кроме ноутбука!

С этими словами я скрываюсь в ванной. Я совсем не согрелась, потому что боюсь, что Шон все-таки решит взломать моей тридцатидвухсимвольный пароль! Выхожу в кофте до колен и теплых гольфах. И все равно мерзну. Снимаю телефонную трубку и заказываю два горячих кофе. Можно было бы и что-нибудь алкогольное, но не в такой же компании! А Шон демонстративно невинно сидит в кресле. Рядом с ним три жучка. Один сломан, один вырван, третий просто лежит. Значит не прослушка, а что-то еще. Почти уверена, что это блокиратор интернета (видела у Шона дома подобные). То есть захочет Леклер, и останусь я без доступа к сети? Прелестно.

Сажусь на кровать.

— Леклер встречается с Монацелли, — начинаю я диалог.

— От Манфреда он ничего не узнает, — спокойно отвечает Шон.

— Он встречается с Монацелли, чтобы присвоить себе все заслуги, и моему отцу не

дали помилование, Картер! — Ради убедительности я даже сажусь на самый край кровати, поближе.

— Успокойся! — отмахивается Шон.

— Мне не давали просмотреть записи, чтобы я не узнала, что ты обещал сказать мне имя. Но что за момент? Чего ты ждешь? О чем говорил?

— О том, что когда мы закончим проект, Манфред оставит мне Бабочек. И я смогу делать все, что захочу. — Картер тоже ради убедительности наклоняется ко мне. Халат распахивается на его груди. Мне было бы много спокойнее, если бы этого не случилось, но он даже не замечает моего смущения, только вкрадчиво шепчет: — Конелл, это расколует команду. Каждый хочет занять трон сеньора Хакера. Каждый считает, что он достоин. И, бесспорно это так, потому что сам Манфред не заслуживает даже в ногах посидеть! — Ауч! Жестко он Монацелли... — А мне нужны надежные люди, Джоанна. Мне нужна их поддержка. Я не могу потерять всех. Но, полагаю, они захотят разбежаться и начать хакерскую гонку. Надо ли говорить, что после Пентагон-скандала это очень неуместно? Тем не менее, они решатся, я уверен. Все тщеславны и считают себя неуязвимыми.

— И что ты будешь делать?

— Большая часть Бабочек поддержат меня. Как бы то ни было, это факт. Но слабых Бабочек. А мне нужны сильные сторонники. Мне нужна ты — человек, которого пригласил Манфред лично и который займет мою сторону.

Я отшатываюсь.

— Шон, я не могу с тобой работать. И на тебя работать — тоже. Не заставляй меня озвучивать причины.

Он тоже откидывается на спинку кресла.

— Ну давай подумаем, Конелл. Теоретически, ты можешь вернуться в Штаты и работать на ВВС США. Но ты уверена, что после подобного предательства, выдержишь? Мне не нужно, чтобы ты жила в Сиднее. Хоть в Антарктиду отправляйся, мне плевать, лишь бы Wi-Fi там имелся. Ты злишься, у тебя есть причины, но вот так взять и погубить карьеру..? — На его лоб падает зачесанная прежде назад прядка черных волос. От него пахнет моим шампунем. Это раздражает. Но еще больше раздражает, что он опять соблазняет меня моими же амбициями! — И я больше никогда не причиню тебе вреда. Обещаю.

Молния разрезает небо, и адов раскат грома сотрясает отель, заставляя меня подпрыгнуть. На фоне этого грохота стук в дверь чуть не добивает. Забирая заказанный кофе, я борюсь с дрожью в коленях.

— Как ты относишься к бартеру, Конелл? — вдруг интересуется Шон. — Давай поторгуюсь, если угодно. Не согласишься — ни хрена от меня не получишь, — хмыкает он, размешивая в чашке сахар. — Решайся, Джоанна, я дам тебе даже больше, чем сказал Леклеру. После того, как Манфред отдаст мне Бабочек, я передам тебе и имя, и доказательства. — Я даже задыхаться начинаю. — При условии, что ты никогда никому о моем участии не расскажешь.

— Откуда они у тебя?

— Этот разговор не для сегодняшнего вечера, — качает он головой.

Офигеть. У Шона действительно есть доказательства? То есть вот так все просто? То есть это значит, что нужно всего лишь согласиться стать Бабочкой, и у меня будет не только виновный по делу Пентагона со всеми уликами, но и роспись полковника на документах о помиловании?

— А если так, что будет с Бабочками? — шепотом спрашиваю я.

— На Марко мне наплевать. После того, как ФБР начали за нами гоняться, он попал в психушку, и доверять ему больше нельзя. Он до сих пор психически нестабилен. — Нет, я, конечно, слышала об этом, но Шон жесток. Без поправок на человеческий фактор, как всегда. Только что толку его воспитывать? — Карина? Карина моя. — Меня от такой формулировки коробит. Потому что даже спустя столько лет, при том, что делить нам с ней больше нечего, я ощущаю эту ужасную гложащую ревность. У меня, должно быть, с головой не все ладно, как у Марко. Ну что за дело мне теперь до их отношений? Никакого, и тем не менее бесит, что Шон одно лишь ее имя произносит! — Это я ее привел к Бабочкам, и она уйдет за мной. Пострадает, но без вопросов подчинится. Она из таких. Карина пофыркает и успокоится, утешившись соображениями возраста, статуса и тем, что у нее полный комплект в лице детей и мужа. Но Такаши — никогда. И будет прав. А я не могу его потерять. Он мне нужен. Он единственный человек из всех Бабочек, которого я по-настоящему уважаю. Он хорош.

— Но ты лучше.

Шон кивает.

— Да, Конелл, именно потому что ты в это веришь, я и прошу тебя на меня работать.

И что мы имеем в сухом остатке? Шон предлагает мне жизнь отца и работу мечты, охотно поддерживая легенду, будто меня последняя несколько не интересует, хотя мы оба прекрасно знаем, что это не так. Вот если бы еще мне не пришлось работать именно с Шоном... Но глупо отпираться, он уже победил. Без доказательств мои догадки гроша ломаного не стоят. Пусть мне не хочется иметь дело именно с Картером, но все равно я медленно протягиваю ему руку для пожатия.

— Спаси моего отца.

А дальше мы сидим в тишине при тусклом свете и пьем кофе. Буря не утихает. Я уношу чашки в ванную, переодеваюсь в пижаму и возвращаюсь в комнату.

— Ты можешь остаться, пока шторм не утихнет. Я сейчас ложусь спать. — И половину своих жизненных сил я трачу на следующее предложение: — Ты тоже ложись.

Почему в одноместных номерах ставят двухспальные кровати я, наверное, никогда не пойму. Но сегодня впервые в жизни мне пригодилась эта странная особенность. Шон Картер есть Шон Картер. Его не надо десять раз просить. Он преспокойненько занимает одну из двух сдвинутых вместе кроватей и растягивается на ней во всю длину. Какая-то часть меня надеялась, что он откажется. Но этот человек с ощущением неловкости не знаком.

Лежу к нему спиной. Не могу уснуть, потому что рядом Шон. И мне очень тревожно. Даже когда мы жили вместе я не спала в его постели, а уж теперь, после всего, что с нами было, после той ночи и трех лет, что мы друг друга не видели, мне крайне беспокойно. И я не уверена, что мое предложение о совместном ночлеге он воспринял правильно... Но вдруг его пальцы чуть приподнимают край моего спального топа на спине и касаются вереницы рубцов. Я вздрагиваю и закусываю подушку, чтобы сдержать рыдания, стараюсь лежать максимально неподвижно. Но, думаю, судорожное неровное дыхание все равно меня выдает. В темноте скрыться намного сложнее, чем кажется. Ночь — настоящий подарок для всех органов чувств, кроме зрения.

Ни один из нас не говорит ни слова. Наконец, Шон убирает руку и притворяется, будто его и нет. Но мне требуется несколько часов, чтобы в это поверить и уснуть.

Утро застаёт меня солнечными лучами. Я сажусь в кровати и поворачиваюсь к окну с улыбкой. Я никогда не перестану радоваться солнцу и свету. Вот только мой взгляд натывается на Шона. И я тут же кисну.

— Доброе утро, — говорит он, издевательски приподнимая одну бровь. Но вместо ответа я чихаю. Ненавижу мужчин, которые в шторм разъезжают на своих красных быюиках, заставляя дам в беде переживать ещё и за сохранность их жизней. А правда, чего это я выскочила на улицу? Наверное, я все-таки за Картера волнуюсь. Почему? Потому что есть мужчины, которые нас определяют. Шон меня определяет, плохо это или нет, я не знаю. Думаю, это не плохо, а настоящий кошмар.

— Я на пробежку, — говорю я, запихивая ноутбук в рюкзачок. Не оставлю его с Шоном в одном номере.

— Я не собирался его трогать, — раздраженно замечает Картер.

— Нельзя же исключать вариант, что тебе станет скучно. Давай сюда кредитку, я куплю тебе одежду.

Брови Картера ползут вверх. В глазах застывает явная насмешка.

— И не надо на меня так пялиться. — Стою перед зеркалом и убираю волосы вверх. Затем натягиваю эластичную ленточку поверх своей не особенно изящной прически. После пробежки вымою и уложу волосы как подобает типичной Джоанне, а пока и так сойдет. Когда я, переодевшись, выхожу из ванной, Картер сидит за столом и крутит в руках кредитку.

— Ты угадаешь мой размер, Джоанна? Или нуждаешься в напоминании? — многозначительно спрашивает Шон.

— Я не собираюсь тебе подбирать вечерний костюм. Уверена, что ты переживешь, если вещи не сядут по фигуре так, как ты привык, — с легкостью игнорирую я все поползновения.

Я закидываю на плечи рюкзачок и покидаю отель. Шторм не пощадил нас. Линии электропередач во многих местах оборваны, по некоторым улицам сходят настоящие селевые потоки, такое впечатление, будто прошел целый тайфун. Моя пробежка носит очень избирательный характер, так как в некоторых местах приходится долго искать обходной путь. В таких условиях не побегаешь, прискорбно. И магазины преимущественно закрыты, но один работающий мне найти удастся. Покупаю мужские джинсы и футболку. Продавщица несколько раз смотрит на мою руку, удостовераясь что кольца там нет и никогда не было. Начинаю ненавидеть итальянцев. Я и забыла, что у них не особенно эмансипированные порядки. Не станешь же ей объяснять, что я покупаю тряпки для мужчины, который попал в шторм, а раньше был моим любовником?

Мне звонит отец. Слышал о случившемся. И пока продавщица ищет нужный размер, говорю по телефону.

— Пап, все в порядке. Ты не говорил с мамой? Она знает где я?

— Я сказал, что у меня неприятности. И сказал, что ты на Сицилии, но она не связывает эти два события.

— Хорошо.

— Ты не передумала?

— Все будет хорошо. Мне помогут, пап, — говорю я.

— Ладно, Джо, будь очень осторожна. Эти люди не такие хорошие...

— Я не доверяю ни одному. Но Шон может помочь...

— Люди не меняются, Джоанна. Если он однажды тебя обидел...

— Если для того, чтобы спасти тебя мне придется всего лишь обидеться, уверена, я это переживу. Но одной мне не справиться. Ты просто держись, па, и не делай глупостей. Ты это умеешь. А я буду делать то, что умею я... — пытаться обаять всех подряд, отводя от себя многочисленные подозрения.

Глава 6

Кибербог

Семь лет назад

В тот понедельник я зашла в здание университета, и все вокруг как-то странно притихло. Казалось, даже время остановилось. Все на меня пялились. ВСЕ! Я будто на приборном стекле под микроскопом оказалась! Мои ноги не желали слушаться, но Керри схватила меня за локоть и потянула вперед. И только когда мы оказались вне зоны видимости сотни глаз, она позволила мне привалиться к стене и отдышаться.

— Тихо, — сказала она, сжимая мои плечи руками. Я затравленно на нее посмотрела. — Тихо. А чего ты ждала? Ты у нас теперь первая леди.

— Прошло всего два дня! Выходных! Так откуда все знают?! — возмутилась я.

— Этот слух пустила я, пока Хелен не начала трепать что похуже. И теперь ты — скромная королева, а она — злобная узурпаторша.

У Керри весьма специфический взгляд на некоторые вещи. Королева? Серьезно?

— А как же... Аарон? — вдруг вспомнила я о том, что у меня, вообще-то, как бы парень на горизонте замаячил, и я его вот так жестко, получается, продинамила... и даже не объяснить! Вот же закон подлости!

Мы с Керри дружно потупились. Мне даже захотелось пойти и помыться, чтобы вернуть себе сверкающий блеск, будто я в грязи вывалялась. Но умом я понимала, что рано. Об меня теперь все, кому не лень, ноги вытрут!

Пока мы с Керри болтали и обсуждали сложившуюся ситуацию, я чуть не опоздала на пару Шона. В последний момент прошмыгнула в аудиторию и вытащила нетбук. Включая его, не учла, что у меня не отключен звук, и когда он запел приветствие на всю аудиторию, покраснела. Опасливо взглянула на Шона, убавила громкость и села, скрестив руки на коленях, ну образец смирения. И только тогда заметила, что на этот раз не одинока, и рядом со мной сидит Хелен Амберт. Что-то было с этим не так. Несколько раз она задавала уточняющие вопросы, старательно обращая на себя внимание. На третий раз Шон предложил ей выступить на следующей паре с докладом по столь сложной и непонятной теме. Разумеется, детально в ней разобравшись, так как у него нет времени вдаваться в курс программирования до самых азов. Народ захихикал. Но я молчала, потому что внезапно поняла, что делает Хелен. Если раньше ректор был высотой недосягаемой, то теперь, когда он спустился на землю грешных студенток, Хелен решила постоять за род не крашенных не блондинок.

Ревновала ли я? Да, конечно. Я буду ревновать все, что принадлежит мне, иначе очень скоро останусь у разбитого корыта. Шон диктовал, а мне тяжело было сосредоточиться, так как я злилась на Хелен. И все ждала, когда же он сделает мне хоть какой-то жест, обратит внимание, попросит задержаться после пары. Но ничего подобного не произошло. И я отправилась на остальные пары, возмущенная до предела. Говорят, что отношения — это приятно. Но лично я никогда не чувствовала с мужчинами легкости. Я видела маму и других женщин, для них брак был радостью, но ни на одну из них я сама не походила. У меня вечно существовали какие-то условности и ограничения, заставлявшие подстраиваться и втискиваться в рамки. Уменьшаться. Быть то менее амбициозной, то менее заинтересованной. Изматывающее, скажу я вам, занятие.

Я прилежно занималась до позднего вечера. Изучала книги, решала задания. Рядом лежал телефон, и признаков жизни он не подавал, а ведь я так ждала. Мы с Шоном обменялись номерами, но он не звонил. А я боялась набрать номер первой, не из гордости, а потому что подозревала в собственном новоиспеченном ректоре тирана, которому не понравится мой звонок.

Не знаю, как я дожила такими темпами до среды, не ворвавшись в его кабинет, не потребовав срочных объяснений и не напомнив о нашем уговоре. И, разумеется, я не для него наряжалась часа два утром. Ну конечно нет, просто мне хотелось быть красивой. И определенно эти светлые блестящие локоны, спущенные на одно плечо, совершенно не для него. И то, что я смешала три помады, чтобы добиться желаемого оттенка, тоже не имело к Шону Картеру никакого отношения. А короткая юбка? Да вы что! Просто я купила себе новые красивые колготки, которые необходимо продемонстрировать...

— Это не для него, — бросила я зеркальному отражению ухмыляющейся Керри.

— И кого ж тогда ты собралась соблазнить сегодня? Я начинаю завидовать легкости, с которой ты это делаешь, — хмыкнула Керри, старательно разлепляя склеившиеся от туши реснички.

— Очень смешно. Я наряжаюсь для себя!

— А знаешь, Love Mississippi, ты сегодня вечером меня не жди. Я намереваюсь найти себе тоже какого-нибудь себя, — улыбнулась Керри и шутливо дернула меня за волосы. — Хотя, тебе бы я тоже посоветовала с самой собой задержаться. А то ты уже три дня себе места не находишь, уверенная, что ты сама себя же и забыла!

Я лишь фыркнула и поспешила ретироваться в коридор подальше от подруги, которая определенно взяла след и теперь не отстанет! Однако, поскольку процесс любования собственным отражением не закончила — приватизировала зеркало при входе. Там я уж и с одной стороны себя осмотрела, и с другой, и поулыбалась, и волосы взбила по тысячному, наверное, разу. А что? Главное самой себе нравится, и не в том смысле, который вкладывала в эти слова Керри! Но вдруг я почувствовала, что за мной наблюдают, повернулась и встретила взглядом с Аароном. Ох, лучше бы я ушла и побыстрее.

— Привет, — опустила я глаза. В ответ он здороваться не стал.

— Для него наряжаешься? — даже не пытаясь скрывать обиду, спросил Аарон.

— Нет, просто все запуталось, — выдавила я. И вдруг поняла, что звучит как наибанальнейшая отмазка!

— Угу, — кивнул Аарон. — Так всегда говорят. А ведь Хелен была права, да? Ты с ним переспала, чтобы остаться в университете.

— Нет! — воскликнула я. Однако меня уже никто и слушать не собирался.

— Ну, он, должно быть, остался доволен, раз теперь вы начали встречаться. Но ты-то что в этой ситуации нашла? Или ради блестящего будущего на что угодно и кого угодно согласишься? Он же тебя на сколько, говоришь, старше?

— Перестань, — устало ответила я. — Ты не понимаешь. Я не смогу тебе объяснить.

— Потому что все именно так, как я говорю.

— Нет, Аарон...

— Не бойся, я не собираюсь как Хелен кричать об этом на каждом углу, просто... это отвратительно!

— Мне он нравится. Он умный и... и симпатичный. Так что в этом отвратительного? Да, так уж случилось, что он еще и ректор, который устроил мне прессинг, но... Аарон,

прости, я знаю, что тебя обидела, но это правда. Шон мне нравится.

— У него виски седые!

— А вот и нет!

— Через несколько лет будут!

— Он не такой уж и старый! Ну, может, лет на десять старше. Определенно не дедушка.

Так что прекрати его оскорблять!

— Ты во всем такая, Джо. Если ты что-то для себя решила, до тебя не достучаться. Я, значит, проверку не прошел? Ладно. Но этот бесчувственный робот ничуть не лучше. Знаешь, по университету ходит слухок, что он предпочитает умненьких иностранок, чтобы потом не задерживались...

— Все, я ухожу.

И действительно ушла. Речи Аарона мне были неприятны, а потому я предпочла его не послушать. И оказалась душой. Аарон парень потрясающий, он сумел меня простить и остаться другом до самого выпуска из университета, но когда мне было девятнадцать, я идеализировала и мир, и людей. А сквозь призму розовых очков на фоне Шона Картера ни один из моих сверстников совершенно не смотрелся.

И вот я снова села на первую парту перед Шоном, намереваясь привлечь его внимание любым способом.

— Доброе утро, профессор Картер, — пропела я, заставляя его если не ответить (как он обычно это делал), то хотя бы отвлечься от бумаг. И он действительно поднял на меня глаза, а потом... потом даже ответил:

— Если оно у вас доброе, мисс Конелл, то пусть так.

В аудитории повисла тишина такая, словно случилось что-то почище второго пришествия! А я не сдержалась и улыбнулась. Знала, что Шона, скорее всего, это взбесит, но не сдержалась. Я вообще человек улыбчивый. Однако...

— Задержитесь после пары, — вдруг сказал он мне. И на улыбку никак не отреагировал, что, вероятно, являлось знаком хорошим.

А после пары Картер вручил мне какую-то бумажку. Я не поняла, что это, но Шон сообразовал пояснить, что это его адрес, по которому он меня ждет вечером... Надо ли говорить, как счастлива я была?

Разобрала загадочные каракули Шона я опять же с помощью Керри. Та даже изволила пошутить, что я слишком старательная студентка и слишком мало конспектов переписываю у одноклассников. Ладно, продолжим, ровно в семь часов вечера я стояла на ступеньках небольшого двухэтажного домика с деревянными перилами и звонила в звонок. Здесь было на редкость уютно, но чуточку пусто, что в Сиднее редкость. Наверное, все дело в том, что дом находился на окраине города. Кстати, приглашение домой я рассматривала как знак очень даже хороший. Ну, по крайней мере до тех пор, пока окончательно не уверилась, что открывать мне никто не собирается. Я снова позвонила. Потом постучала. Но результат сих манипуляций был тот же — нулевой. Я подкралась к гаражу, с трудом отыскала щелочку и обнаружила, что машины там нет. То есть он не просто так не открывает, он действительно еще не приехал. Ладно, подожду. В общем, я села на ступеньки и включила плеер.

На улице было холодно, а оделась я скорее сексуально, нежели тепло, и потому первые полчаса безбожно мерзла, после чего, видимо, настолько окоченела, что даже замечать перестала. Несколько раз я позвонила Шону на мобильный, но трубку он не взял. Может, мы

неправильно разобрали адрес? С таким почерком ему и шифровальщик не нужен! Черти что!

Я ждала. И ждала. И ждала. Почему ждала — не знаю. Может быть, потому что не хотела, чтобы Керри знала, как все ужасно, может быть, потому что мне эта шоковая терапия была необходима, и я это понимала, но так или иначе, я осталась, а машина Шона появилась на подъездной дорожке только в четверть десятого. К тому моменту мои руки были синего цвета. Шон, в свою очередь, деловито припарковался в гараже, вышел, закрыл с брелока дверь и только затем увидел меня... Его брови взметнулись вверх. Не ждал.

— Надеялся, что ты уже уехала, — сухо бросил он.

— Зачем пригласил, если надеялся, что я уеду? — поинтересовалась я. Нет, я собиралась ему устроить скандал, куда там, я настолько замерзла, что сил не осталось даже на выяснения отношений. Почему я не уехала? Наверное, потому что на что-то надеялась! На ошибку, например.

— Мне нужно было задержаться на работе. — Он прошел мимо и стал открывать дверь.

— Ладно, — кивнула я и прошла за ним следом в дом.

Было темно, и я ничего не разглядела. Он стал снимать пальто, и уже направился к шкафу, чтобы его повесить, но я не позволила — шагнула к нему и прильнула к груди.

— Мне холодно, согрей меня, — прошептала я.

— Джоанна, ты должна была уехать, — устало пробормотал он. Но я лишь крепче прижалась к нему. Он чуть приподнял голову и коснулся подбородком моей макушки. И обнял.

— Согрей меня, — повторила я.

Не знаю почему, он мне показалось, что согласился он неохотно, наверное, подумывал таким образом проучить меня за то, что я осталась... С ним вообще не существовало равновесия, он меня обижал, потом успокаивал и наоборот, если он что-то делал для меня, потом я получала за это пощечину. Если это был такой способ держать меня на почтительном расстоянии... что ж, он работал.

На следующий день я слегла с температурой тридцать восемь, адским насморком и ангиной. Керри, конечно, прелесть, но на этот раз смылась куда-то подальше от заразной соседки по комнате, а Шон даже не позвонил, чтобы поинтересоваться моим самочувствием. Хотя, может, просто догадаться, что я заболела после его «гостеприимства». И за день до моего выздоровления эта скотина смылась в Италию, к Манфреду Монацелли.

Прошло две недели с тех пор как мы виделись в его доме. В понедельник все прошло без проблем и эксцессов. Только я дико обижалась. В среду он, кажется, понял, что я скоро взорвусь как чайник, в который забыли налить воды, сел рядом со мной на практикуме и начал в своей неповторимой манере учить.

— Что вы делаете? — фыркнул он. — Нарочно пытаетесь замедлить программу? — изогнул он бровь. — Зачем вы все это наподключали? Если у вас есть лишняя планка оперативной памяти, — хмыкнул он, взглянув на мой крошечный и далеко не самый быстрый нетбук. — Подарите ее мне.

Я покраснела почти до состояния своего любимого девайса, а Шон не отстал.

— Отключайте все. И консоль.

— А куда я буду выводить данные?!

— В файл, — как на идиотку посмотрел на меня Шон. — И считывайте его другой программой.

— Еще одной?! И это, по-вашему, быстрее? — рявкнула я.

— Для исполнения каждой из них — разумеется. Не для вас, конечно, но дело ведь не в трудозатратах, а результате. Не жалейте себя никогда, мисс Конелл, — хмыкнул Картер. — Да, я видел ваши ведомости, мисс Конелл. Впечатляет. Но если вы вообразили себя крутым программистом, сверните эту улыбочку, вообще рот закройте и вспомните, что скромность украшает. И вас, и код.

Я вспыхнула и зло уставилась на собственный компьютер. Надеюсь, что уйдет. Нифига! Он только ближе ко мне наклонился и шепнул в ухо:

— Пиши, Джоанна.

Мне оставалось только подчиниться, в то время как Шон ни на мгновение не отвел глаз от моего монитора. Когда я закончила со второй программой, он мне кивнул, отставил стул и пошел искать следующую жертву. К концу пары нагоняй получили все. А под конец пары он снова сказал:

— Загляните ко мне часиков в семь, мисс Конелл.

У меня аж челюсть отвисла, тем более что в аудитории мы были далеко не одни. Это, значит, вот как он мою ширму воспринял? Он велит мне при всех прийти, но не приходит сам?!

— Я, пожалуй, откажусь. Не совсем еще выздоровела, — огрызнулась я.

— Хотите сказать, я помешаю вашему выздоровлению?

— Разумеется, нет. Но заболела я потому два с лишним часа ждала вас на ступеньках дома, — тихо прорычала я.

— Я работал, у нас с Манфредом большая разница во времени и всего несколько часов, в течение которых можно что-либо обсудить, — совершенно невозмутимо пожал он плечами.

— Я и не говорю, что вы не работали, сэр. Я только говорю, что можно было бы позвонить и предупредить, чтобы я не сидела на холодных ступеньках, гадая, правильно ли разобрала кое-как накарябанный адрес.

— Вы могли бы уехать, вас никто к моему крыльцу не привязывал!

— Я. Не знаю. Почему. Осталась. Но чтобы рецидивов не было, предпочитаю к вам больше не ездить вовсе!

Внезапно Шон достал из кожаного портфеля для ноутбука стикер и ключи и начал что-то писать. Но когда он протянул все это мне, я даже слов не нашла.

— Код от сигнализации и имя собаки. — Не знаю, как я все это взяла, у меня даже пальцы дрожали! — Постарайтесь к семи не опоздать, у меня запасного комплекта ключей с собой нет. Этот оставьте себе, он ваш. Если задержусь, сварите себе кофе.

— Я не люблю кофе.

— Для программиста это непростительная черта, мисс Конелл. Полюбите.

В семь часов я снова стояла около дома Шона Картера, глядя на него с не меньшим испугом, нежели на владельца. Собака Шона, конечно же, должна была быть огромным злоющим доберманом. Почему я ее в прошлый раз не встретила? Не пришлось бы гадать. Я открыла дверь и бросилась к сигнализации. Набрала код, уверенная, что Шон меня обманул, и сейчас приедут копы. Но все прошло гладко. Кроме того, что за спиной раздалось рычание.

— Ох... — Это был не доберман, а лабрадор. Милый песочный лабрадор, который, очевидно предпочитал крашенных блондинок на обед. Не удивлюсь, если Шон и впрямь парочку таких, как я, своей питомице скормил. — Привет, Франсин, — прошептала я. Но

собаке это не понравилось.

В конечном итоге мне пришлось пробраться бочком к холодильнику и своровать оттуда колбасу. Решила попытаться покормить Франсин с руки. Первый раз было ужасно страшно, потом стало получше, а через пять минут собака радостно виляла хвостом и глядела на меня преданными влюбленными глазами. Я ее кормила, гладила, чесала живот, разговаривала и пропускать сквозь пальцы мягкую шерсть. Тем и занималась, пока в дверь не позвонили. Шон опоздал всего на пятнадцать минут. Реабилитировался, наверное. Я даже собралась открыть ему дверь, но собака обняла лапами мою ногу и злобно зарычала, не отпуская. Ей колбасы и ласки вместо хозяина, пожалуйста.

— Иду! — крикнула я и потянула собаку за собой, «на буксире». Эта псина ко мне точно приклеилась. А я... ну я, эм, вообще собак побаиваюсь. В общем, добиралась я долго, боялась, что меня тяпнут. Вопрос только кто именно. Когда я открыла Шону дверь, Франсин все еще висела как клещ на моей лодыжке. И чтобы меня гарантированно не укусили, почесала собаку за ухом. В целом знакомство прошло отлично, без потерь (колбаса не в счет). — Пусти меня, Франсин.

Шон буквально столбом застыл от такого зрелища. Он просто стоял и смотрел на нас, кажется, потеряв дар речи.

— Франсин. — Я снова потянула ногу, но та зарычала и крепче обняла меня лапами. — Ну же, отпусти.

Шон гневно шагнул к собаке, присел, и я подумала, что он ее ударит или что-нибудь еще. Но тут Франсин оставила в покое мою ногу, встала на плечи Шону лапами и попыталась лизнуть его в лицо, радостно погавкивая и поскуливая. Шон, однако, облизать себя не позволил, только потрепал питомицу по шее.

— Пойдем, я тебя накормлю...

— Да она, вроде как, накормленная...

— Чем?

— Колбасой. Она на меня рычала, и я...

— Ясно, — фыркнул Шон.

— Франсин? Ты назвал собаку Франсин? — Это в моей голове вообще не укладывалось.

— Мой отец.

— Оу, он тебе ее подарил?

— Он погиб. Собаку взять было некому, а усыпи я ее, отец бы мне и с того света голову открутить ухитрился.

— Мне жаль.

— Угу, я знаю, что положено говорить в таких случаях.

— И у тебя больше никого из родных?

— Никого.

— Я правда могу оставить себе ключи? — Ну а что? Он был прав, я не чувствовала сожалений по поводу смерти Картера-старшего. А младшего жалеть не видела смысла.

— Да. Они твои.

Я ему улыбнулась, он скривился, развернулся и пошел умываться.

— Ты покажешь мне дом?

— Охотно.

Вот только он не зашел ни в одну комнату, пока вел меня по коридору до самой последней двери.

— Моя спальня. Заходи и чувствуй себя как дома.
Это было ну просто восхитительно грубо.

Приказ на возвращение отца в Штаты пришел в конце августа. Это означало, что в Южном полушарии у меня не оставалось ни одного родного человека. Это была жуткая мысль. Пребывая в США, я всегда знала, что в крайнем случае мне есть куда податься, а отсюда нужно сначала пролететь тысячи и тысячи миль. Не говоря уже о стоимости билетов... в общем из-за этих новостей я растерялась.

Они вылетали из Сиднея в выходной, и мы решили истратить друг на друга каждую оставшуюся минутку. За время пребывания в Австралии они уже несколько раз были в этом городе... в моем городе, но я знала, что папа и мама не так прикипели к нему, как я. Не знаю почему, но, в отличие от них, мне Сидней понравился с первой же минутки. Думаю, если бы не это обстоятельство, университет кибернетики имени Бенжамина Картера никогда бы не приобрел одну потрясающую студентку-американку. А это я к тому, что смотреть красоты и достопримечательности родителям было не очень интересно, и мы решили посидеть в ресторанчике с потрясающей кухней, где мама могла бы найти какой-нибудь новенький сногшибательный рецепт.

И вдруг, стоило папе отойти, как мама завела со мной серьезный родительский разговор.

— Ханна, ты изменилась, — сказала она. О да, так зовет меня только она. По ее мнению, каждый должен иметь домашнее милое прозвище, а Джо — имя для мужчины. — У тебя кто-то появился?

— Да, — кивнула я, морально готовясь к нравоучениям.

— Ты должна быть осторожна, деточка, мы тебе издалека ничем помочь не сможем. Кто он такой?

Я мысленно проштудировала список личностных качеств Шона, попыталась понять, что из этого не доведет маму до истерики в рекордное время. И, надо сказать, если исключить некоторые странности в наших с ним взаимоотношениях, список получился очень даже представительный! Это моей амбициозной душонке пришлось по вкусу.

— Ну, он взрослый и серьезный. Уже многого достигший, мам. Все будет хорошо.

— Ты любишь его?

— Мы не так долго знакомы, пока нет. Но он мне нравится.

Это было ключевой фразой той эпохи моей жизни. Я говорила «пока», уверенная, что настанет момент, когда это слово канет в небытие. И, разумеется, любовь подразумевалась счастливая и взаимная. Чуть-чуть я мечтала быть миссис Картер, но не позволяла мечтам выйти дальше, чем из разряда «не исключаю такого итога, но никому не скажу». Я была уверена, что в конце концов сумею разбудить Шона, ведь в любовных романах за неумной страстью всегда следуют свадебные колокола. Правильно? Правильно.

— И сколько ему лет? — насторожилась мама, узнав, что Шон «старше». А, стало быть, не зря я после разговора с Аароном выучила назубок биографию собственного бойфренда.

— Двадцать восемь, — осторожно сказала я. Это означало, что у нас девять лет разницы. А мама с облегчением улыбнулась.

— Ну, не такой уж и взрослый.

— Взрослый, мам, ты просто с ним не знакома. Ему с тем же успехом могло быть и тридцать восемь, — шутливо сказала я, хотя все это было правдой. Но маме уже было не до

того, в ней проснулось банальное женское любопытство:

— Он красивый?

— Ну... да... Только я с ним не поэтому.

Гхм, маме не стоило объяснять, по каким причинам я встречалась с Шоном. Не думаю, что она желала бы для своей дочери подобного. Не скажешь же, что мам, я увязла в этой истории по самые уши, и выбора не осталось... Я решила, пусть лучше думает, будто я встречаюсь с симпатичным и перспективным парнем, вместо того, чтобы знать, что я всего лишь сплю с пугающе сексуальным лучшим хакером мира. Я ей о нашей жизни почти не рассказывала, а когда она спрашивала — приходилось придумывать или выщипывать из пальца.

— Ханна, все равно осторожнее. — То ли чувствовала она, то ли просто переживала за меня, я не знаю. Но она, как и все мамы, была права.

А на следующее утро они с папой улетели. Родные и любимые. И оставила меня жизнь одну-одинешеньку на растерзание Шону Картеру.

Мы с Шоном встречались уже месяц. Ровно. А, потому, по такому поводу я пришла к Картеру с шампанским и двумя бокалами (которые взяла напрокат у пьянчужки Керри). Разумеется, мой порыв так и зачах на корню (как всегда). Но! Прошу заметить, что ради разнообразия виной тому был не Картер. Точнее Картер, но не тот, о котором вы подумали. И началось с того, что когда я постучалась в дверь домика Шона, открыл мне незнакомый высокий парень с каштановыми волосами. Очень раздраженный высокий парень с каштановыми волосами.

— Аааа... эээ... Шон где? — окончательно смутилась я.

Вот, клянусь, если бы мне после всех уже состоявшихся сюрпризов объявили, что этот дом принадлежит не Шону Картеру, я бы вот ни капельки не удивилась. Это не значит, что я адекватно отреагировала бы, нет, скорее всего, я бы начала орать и бросила бы Шона на глазах у всего университета уже на следующий день, но я бы не удивилась. А вот уже потом начала бы думать, что наделала и как открутиться от неизбежного отчисления.

— А ты кто? — грубо спросил парень. Но я же такая я, и не могла просто назвать имя, меня же он взбесил!

— А ты?

Он оказался и умнее, и сговорчивее:

— Джастин Картер.

И у меня отнялся дар речи. Кажется, Шон говорил, что у него нет родственников...

— А я уж было надеялся, что ты ушел, — раздраженно пробормотал Шон, появляясь в коридоре. Ну то есть для этого осла как бы вовсе не неожиданность, что у него есть брат-племянник-или-кто-он-там, и это притом, что он сказал, будто родных у него нет. И почему Шон выставляет этого парня из дома? Уж не из-за меня ли? — Впусти ее уже, я с ней сплю. — Вот еще одна радость жизни вдогонку, нет, они меня сговорились добить? Дар речи окончательно покинул меня.

— Она не похожа на проститутку. — Так вот она где была, конечная станция поезда под названием «шоковая терапия».

Губы Шона сложились в такую улыбку, что я вознамерилась размахнуться и один бокал о голову одного Картера, второй — о голову другого. С Керри потом стану объясняться. Полагаю, она даже посочувствует, и мы коллективно выпьем. Из чашек.

— Ясно, она и не проститутка, — видимо, заметил выражения наших лиц Джастин.

Ой, да неужели?! Вот уж никогда бы не подумала! Интересно, сколько еще у Картеров подобных родственников-уродов? Надеюсь, от встреч с остальными меня провидение убережет!

Но нет же, Джастин так и не уговорился, он решил, видимо, что мне и этого мало.

— Ну раз ты не проститутка, то иностранка. И я уже все про вас знаю. Хорошенькая и умненькая, но вы вместе недавно. И поэтому пока еще не живете под одной крышей. Но скоро это изменится, так как Шон у нас один быть не любит. Жаль только, что его романы всегда заканчиваются неудачно.

— Романы? — ровно поинтересовался Шон. Будто это слово было ему незнакомо в принципе.

— Ну да, была тут такая рыжая красotka, прожила в этом самом доме два года. И бросила тебя ради одного наркомана.

Это было так неприятно слышать, что самой захотелось выгнать Джастина взащей. Шон, однако, смолчал. Не отвергал, не спорил, а ведь он всегда этим занимается. Тревожный звоночек. Нет, тысяча тревожных звоночков. Я уже было начала разворачиваться, чтобы уйти и позволить Картерам выяснять отношения наедине, но тут услышала нечто, что заставило притормозить и пересмотреть поведение Джастина.

— Я не дам тебе денег, — сообщил Шон.

Хм, надеюсь это все-таки Джастину. А то я уже и проституткой сегодня побывала, и вообще каждый визит в дом Шона — как игра в рулетку!

— Это деньги отца, а не твои! — возмутился Джастин.

— Проваливай, — буднично посоветовал ему Шон, развернулся и скрылся в гостиной.

А мы с Джастином так на пороге и остались. Ему, вроде как, велели свалить, мне, вроде как, вообще приветственных слов не сказали.

— Так ты его... хм...

— Я с ним вроде как встречаюсь, — раздраженно скрестила я руки на груди, ухитрившись и вид грозный принять, и хрупкую амуницию не разбить.

— Ну-ну, посмотрим, сколько ты продержишься. С этим паразитом.

И ушел. А я, наконец, получила возможность войти в дом. Прошла в гостиную, поставила на пресловутый стеклянный столик шампанское и бокалы и стала дожидаться, когда Шон оторвался ради меня от ноутбука. Только он этого не сделал, просто буркнул:

— Я не стану с тобой спать сегодня. Я занят.

— Ну тогда я просто... посмотрю.

— Нет.

— Да!

— Чего тебе надо?

— Сесть рядом и посмотреть в твой экран!

— Будто ты что-то поймешь.

— Это уже не твои проблемы.

Шон раздраженно взглянул на меня и пожал плечами. А я присела рядом и постаралась сделать вид, что меня нет. Постаралась не мешать. Но, вообще-то, когда Шон был увлечен кодом, он вообще больше никого не замечал. Так что мера была перестраховочная.

Печатал он быстро. Его пальцы на мгновение зависали над клавишами, а потом продолжали свой причудливый танец. Она умел на одном дыхании выдавать сложный код

целыми фрагментами. И таким прекрасными в своей организованности и сложности, что я могла лишь мечтать, чтобы у меня хоть когда-нибудь мозги заработали так же. Сложно ли мне было сидеть и вникать? Поначалу — практически невозможно, я начинала зевать, возиться, быстро уходила (да-да, я не один раз сидела, прилипнув к монитору Шона, точно пиявка), а потом привыкла. Я смотрела и впитывала его мастерство и даже образ мышления. Потому что он взаправду творил. Он был создателем чего-то невообразимого.

Мы живем в реальности, где миром правит Бог. Уж есть он или нет — не знаю. Но это наше пространство, и мы есть нечто, подчиняющееся чьим-то законам, прописанным свыше. Законам Бога. Но еще есть киберпространство. Шон Картер, открывающий новый проект, был творцом наравне с Богом. Он мог все. Любая идея, приходившая ему на ум, легко и просто программно реализовывалась. И я сидела рядом и думала, а что если мы тоже есть всего лишь попытка неудачника-программиста? Что если компьютер, который нами управляет, попал в руки не к Шону, а к Джоанне, и потому мир так несовершенен? Если бы человечество попало в руки Шона — мы бы стали чистым идеалом, без депрессий и сомнений, без ошибок и нелепых случайностей... В общем, если в киберпространстве существовал Бог, то его звали Шоном Картером. Каким бы гадом он не был, его гениальность воистину неоспорима. И это была вторая причина, по которой я не могла торжественно хлопнуть дверью домика на окраине Сиднея аж целых четыре года.

Однако, тем вечером я приобщилась к миру Шона Картера еще одним способом: посредством телефонного звонка. Шон либо не слышал трелей, либо решил не слышать, и трубку решила снять я. Звонке, эдак, на десятом.

— Я могу ответить?

— Ответь, — вполне миролюбиво бросил мне Картер.

Ну я и сняла трубку, поздоровалась. Молчание. А потом на ломаном английском у меня поинтересовались правильно ли попали в дом Шона Картера. Я попыталась попроще объяснить, что все в порядке, но, видимо, мой кибербог понял, что происходит, оторвался от ноутбука и забрал трубку. Так я познакомилась с Александром Елисеевым — человеком, ради которого Шон соизволил отлепиться от ноутбука.

Телефонный разговор длился очень долго, а я все это время посматривала на часы. Было уже очень поздно, если бы Шон меня выставил на улицу, я бы навряд ли поймала автобус, несмотря на то, что мне остаться на ночь не предлагали. А задержаться так хотелось, что я решила рискнуть. Кусая губы, стала дожидаться, когда и мне перепадет минуточка внимания.

Наконец, трубка была повешена, и Картер повернулся, взглянул на шампанское и бокалы, потом — на меня.

— Праздник?

— Да, Шон, праздник. — Но я вдруг почувствовала, что не стоит озвучивать, какой именно. — Выпьешь со мной?

— Выпью. Пойдем, — сказал он, подхватывая бутылку, и отвел меня в спальню.

Шампанское пила только я. Картер предпочел алкоголь покрепче. И кроме этого я помню только то, что было безумно хорошо. Я проснулась наутро в его постели и чуть не его объятиях. Естественно, я посчитала это добрым знаком.

Спустя, однако, три дня, мне представился шанс отомстить родственничку Шона, потому что все повторилось с точностью до наоборот: на этот раз я открыла дверь в ответ на

стук Джастина. Увидев меня, младшенький растерялся:

— Привет, эээ... — начал он миролюбиво.

— Проститутка, — вежливо подсказала совсем не дружелюбная я.

— Да ладно тебе, я был сильно зол, — сказал Джастин и неловко взъерошил волосы.

Расстроен. Ну ладно-ладно, почти разжалобил.

— Так ты его брат? — попыталась уточнить я у человека, который на беседы настроен куда как больше, нежели Шон.

— Да. А он обо мне не говорил? — горько хмыкнул Джас.

— Нет, — вздохнула я, вспоминая слова Картера о семье. — Он занят, Джастин.

— Так как тебя зовут? — продолжил настаивать парень.

— Джоанна.

— Впусти меня, я все же попробую.

Ну что ж, не маленькие уже, пусть сами разбираются. Я толкнула дверь, позволяя Картеру младшему пройти в гостиную. Шон поднял голову и коротко взглянул на брата.

— Выстави его, или я выставлю вас обоих, — рявкнул Картер и снова приклеился к экрану.

— Эээ... я не думаю, что разговаривать — хорошая идея, — тут же пошла на попятный я.

— Да брось, я хочу просто поговорить, — возмутился в ответ Джастин.

— Я сказал, выстави его, — полностью проигнорировал брата Шон.

— Как я могу выставить твоего брата из твоего дома? — возмутилась я.

Вот так мы с Джастином оба и оказались на улице, все еще не до конца веря в происходящее. Напару брели по аллее, забыв обо всех наметках конфронтации. Враг моего врага, как говорится... В общем Джастин попинывал камень, найденный по дороге, и периодически, когда тот долетал до меня, я возвращала его законному правообладателю.

— Он съехал с катушек с тех пор как мать умерла. Ему было десять. Мне — четыре, — вдруг заговорил Джастин.

Я чуть не задохнулась от восторга. Это же был реальный шанс узнать о Шоне, не нарываясь на скандал.

— Он сказал, что отец тоже погиб... мне так жаль.

— Погиб... — Джастин опустил голову. — Его убили. Зарезали в машине, где он ехал с любовницей... моей ровесницей, — рассмеялся Джастин. Меня это немного покорило. — Ей чуть не перерезали горло тоже, но она дотянулась до руля, и машина съехала с моста. Сама спаслась, а отцу повезло меньше. Шон не любил отца, но смерти ему не желал. Собаку он приютил, а меня, напротив, выставил из дома. Отдал, называется, сыновний долг. С тех пор мы совсем отделились. Кажется, лабрадор пришелся брату по душе больше, чем я...

— Да брось...

— Ну и наивная же ты. Сколько ты с ним? Неужели еще не поняла, что он не человек, а киберзомби. Он безжалостен и совершенно черств, Джо.

— Нет, он не такой. Он... помог мне.

— Ага, и теперь ты с ним за это спишь. Он это сделал с одной единственной целью — затащить тебя в собственную постель. Я же уже говорил, ты в его вкусе. За просто так ради другого человека Шон ничем не пожертвует. Даже каплей воздуха.

Я тайком попыталась разглядеть Джастина и удостоверилась в двух вещах: с Шоном они совсем не похожи, а еще у него кольцо на безымянном пальце. Как выяснилось, мой интерес

без внимания не остался.

— Хочешь познакомиться? — спросил Джастин. Я даже не стала делать вид, что не поняла, о ком речь.

— Хочу, — кивнула я. Еще бы, с женой брата моего парня как не познакомиться.

— Она тебе понравится. Она милая. Ее зовут Аня, и как все русские девушки, она очень хорошенькая.

Я засмеялась.

— У нас сегодня дома вечеринка, хочешь присоединиться?

— Ага. — Все равно теперь делать было нечего.

Но, как оказалось, не все просто так. Вечеринки не было, однако с друзьями Ани и Джастина собрать ее труда не составляло. И увидев, сколько понавалялось студентов, я поняла, куда делись накопления молодой семьи.

Аня оказалась очень приветливой и крайне энергичной. Она бегала между гостями, болтала, суежилась, но каким-то мистическим образом организации мероприятия это не помогало совершенно. А ко мне весь вечер приставал какой-то парень, и отвязаться от него удалось только с помощью Джастина. Правда последний не раз намекнул мне, что незадачливый ухажер — парень куда более отзывчивый, нежели Шон. Еще бы! Но ведь меня простыми доводами не проймешь. Я хотела перевоспитать своего ректора, и точка! Я не собиралась его ни на кого менять!

Таким образом, ровно в полночь, точно Золушка, я ушла с вечеринки в гордом одиночестве. Но стоило выйти из дома к поджидавшему меня такси, как вдруг в глаза ударил дальний свет фар какой-то машины. Я заслонила лицо рукой, едва устояв на ногах. Было ужасно ярко. Я чуть не ослепла.

Затем фары приглушили до габаритов, но оглушительно взревел клаксон. И я поняла, кто за рулем. Черти. Игнорируя такси, я подошла к машине Шона и наклонилась.

— Ты что тут делаешь? — спросила я.

— Залезай, — буркнул Шон. И я возликовала. Он же приехал за мной! Я тут же скользнула в машину. Но рано обрадовалась.

— Хорошо повеселились? — поинтересовался Шон и, не дожидаясь ответа, рванул с места. Он ехал так, словно тест-драйв проводил, вписываясь в повороты на двух колесах. Двигатель издавал звуки реактивного самолета. Я вцепилась в ручку двери и смотрела вперед, боясь, что мы разобьемся.

Но внезапно машина остановилась на обочине, и Шон наклонился ко мне.

— Ты что... — попыталась возмутиться я.

Он схватил меня за руку и в пару движений опустил спинку сидения. Я сначала попыталась сопротивляться, но это было бесполезно. Это был заведомый проигрыш, и даже не в неравенстве сил дело. Проверка? Или что? Я совершенно не понимала, зачем ему это было нужно.

Но теперь я знаю. По какой-то неведомой причине Шон не хотел, чтобы я приближалась, но и отпугнуть не желал. Я не знаю, как так, я не знаю почему, но за четыре года я насобирала достаточно доказательств своей правоты. А это значит, что раз однажды он чуть не лишил меня жизни, то мой отец может рассчитывать на помощь с его стороны...

Глава 7

Просто стекло

Настоящее время

Я возвращаюсь в отель и бросаю на стул перед Шоном покупки, а сама, не сказав ни слова, направляюсь в душ. Когда я выхожу оттуда, Шон уже оделся и обулся. Вещи подошли ему идеально, я даже удивлена. Пожалуй, хорошо, что в обычной жизни он не носит футболки, почему-то на нем они смотрятся на редкость провокационно. С тем же успехом он мог бы быть голым. Рехнуться можно. Достаю из ящичка фен. Как-то это странно, он в моем номере, а я сушу волосы, слишком интимно. Шону, конечно, высший балл за невозмутимость, но я никогда подобной выдержкой не обладала, а потому, чтобы отвлечься от мыслей, начинаю болтать.

— На улице кошмар. Много разрушений и везде валяются провода.

Шон смотрит на меня молча. Ну а чего я удивляюсь? Пока у него есть ноутбук, он о таких мелочах как «негде жить», «нечего есть» и «никуда не добраться» не печется. От его взгляда мне становится не по себе, особенно если учесть, что у меня на голове настоящий веник. Лихорадочно хватаюсь за расческу.

— Движение местами перекрыто, но, возможно, ты сможешь доехать до бунгало. — Это я так намекаю, что устала от его общества.

— Как там дела? Из моих никто не пострадал? — спрашивает Шон. Сначала даже не понимаю, при чем здесь я, но потом догадываюсь: он полагает, что я успела на записи с камер взглянуть.

— У Келлерер спросишь. У меня нет доступа к видео, только у агентов. И до первой чашки кофе я с ними не общаюсь.

Далее, старательно игнорируя присутствие Шона, я взбиваю волосы, наношу макияж, завязываю на голове шелковый шарф и, наконец, ухожу в ванную, чтобы переодеться.

Спускаемся в ресторан. К собственному удивлению, вижу там Карину с ноутбуком Шона. Кажется, в отсутствие обилия девайсов у Картера началась ломка, и он заставил ее принести хоть что-нибудь. Тогда почему он не спросил о своих людях у нее?

— Мог и вчера позвонить! Мы вообще-то переживали, — раздраженно говорит Пани, а ее глаза раз за разом проходятся по Шону вверх и вниз. Кажется, ее смена образа впечатлила. Честно говоря, я тоже раньше его в подобных шмотках не видела. Разве что во времена какого-нибудь ремонта. — Гхм, непривычное амплуа.

— У нас с Конелл разошлись взгляды на мой внешний вид, — невозмутимо сообщает Шон. Карина опасливо на меня поглядывает.

Но я ей облегчать задачу собираюсь и, не дожидаясь, когда она начнет болтать со мной тоже, — сажусь за столик около окна с видом на грязное после шторма море. Тут хорошо, можно парочку хакеров игнорировать. Изучаю спасательные лодки. Ищут пострадавших. Как ни странно, эта мысль наполняет меня теплом и уютом. Я очень тоскую по дому, но не по стенам, а по ощущениям. Ко мне подходит официант, я заказываю еду и дожидаясь, когда ее принесут.

Вместе с завтраком показывается и Келлерер. Идет напрямик ко мне. Она не зла, но и счастливой не назовешь.

— Самолет Леклера вылетает из Рима через сорок минут, потрудись спрятать все

колючки. Это тебе дружеский совет.

— Твоих дружеских советов мне не нужно... *Эдди.*

Ее чутьчку передергивает от моего тона, но раз уж мы заговорили о дружбе, почему бы и не уколоть? Уверена, что ни Келлерер, ни Леклера уменьшительными именами не зовут.

— А как называет Леклера матушка? Лью? Луи?

— Ты забыла, что ты полностью в наших руках?

— Это не я полностью в ваших руках. И обращаться СО МНОЙ как с преступницей вы не имеете никаких прав. Ну давай, что ты со мной сделаешь за хамство? Вздернешь? Я уже ничему не удивлюсь, — шиплю я на нее. — В чем ты пытаешься меня обвинить, в том, что я училась в университете Картера и знакома с ним... близко? Это, вроде как, моя главная жизненная ошибка! И я, и мой отец работали на ВВС годами, не надо теперь обвинять нас в том, что мы для кого-то там недостаточно хороши.

— Думаешь, что я ничего не знаю? Никакая ты не патриотка, просто ты из тех тихонь, которые смотрят и наблюдают, а затем, выгадав нужный момент нападают исподтишка.

— Тогда не надо меня злить, и я останусь сидеть в своем уголке, буду мирно красить ногти. В розовый. — И я начинаю рассматривать собственные пальчики со свеженьким веселеньким маникюром.

Келлерер качает головой и уходит. Слежу за ней. Карина и Шон тоже наблюдают, как Келлерер садится за соседний с ними столик, прикрыв лицо газетой. Они кисло переглядываются, а затем Картер открывает ноутбук и утыкается в него. Совсем как Эдди в газету. Это самая идиотическая ФБР-афера мира. Хакеры знают о Бюро, Бюро — о хакерах все они мирно сосуществуют и только делают вид, что не в курсе, кто за кем следит. А я-то думала, что тут собрались серьезные ребята. С аппетитом поглощаю еду. Наконец, подкрасив губы, я встаю из-за столика и иду в собственный номер, со всеми попрощавшись. Потому что у меня в руках переписанный номер кредитки Картера. Не то, чтобы я надеялась там что-то стоящее обнаружить, но вдруг таким образом удастся выяснить, можно ли ему доверять.

Я сажусь за ноутбук и пытаюсь подключиться к интернету. Нет сигнала. Был же... ах да, тут же у меня Шон побывал. Обшариваю каждый сантиметр комнаты, но жучка нет. Наконец, открываю дверь. На том месте, где было прежнее отверстие для замка стоит третий жучок, который я опознала как блокиратор интернета. Раздавливаю его каблуком, и коннект появляется словно по волшебству! Вот ведь козел. Зачем ему это понадобилось? Быстро и болезненно вскрываю банковские счета Картера. Нет времени заморачиваться на аккуратность, скоро появится Леклер и понапишет в мою комнату устройства слежения снова. Однако когда я вижу выписки по счету, у меня отнимается дар речи. За последние полчаса он даром что остров не купил. Так вот зачем он заблокировал мой интернет! Раскусил, значит!

Добавляю еще один кредит на несколько миллионов и в графе пометок ставлю:

Ты придурок! — Хамка, ага, но что поделать. Он только что потратил больше, чем я заработаю за несколько лет! И, главное, на что! На то, чтобы меня позлить!

Я думал, мы договорились, — отвечает он мне счетом еще на несколько миллионов.

Мы договорились.

И что же это тогда ты здесь делаешь?

Проверяю

Например что?

Заказ авиабилетов, регистрация подозрительных телефонных номеров... Тут же все грязные делишки как на ладони

Где угодно, но только не здесь и не со мной. Кстати, я не поблагодарил тебя за вещи, ведь ты так спешила сбежать

Обращайся, если совсем тяжело станет

Итак. Ему только что не отказали в кредите на тридцать шесть миллионов... Что-то я в своей жизни делаю не так. По кредитке Картера можно чатиться за сумасшедшие деньги, а у меня на жилье не хватает. И даже нет соображений, где его купить. Как-то это совсем печально.

Памятуя о том, что скоро прибудет Леклер, спускаюсь вниз, прихватив с собой любовный роман. Сiju и деловито листаю страницы, делая вид, что меня совсем не интересует происходящее вокруг. Рядом садится парень и что-то спрашивает на итальянском, я ему очаровательно улыбаюсь, но не понимаю ни слова. Только плечами пожимаю. Он тоже улыбается, но, кажется, очень хочет до меня что-то донести, а потому пытается снова и снова. Наверное, думает, что языковые способности возрастают пропорционально количеству повторений. Может и так, но не когда ты впервые каждое из этих слов слышишь.

— Он интересуется не хочешь ли ты устроить совместную пробежку завтра утром, — словно из-под земли вырастает за моей спиной Картер.

— Да, конечно, и переводчика, пожалуйста, для полного комплекта.

Шон что-то отвечает парню по-итальянски. Думаю, фразой про переводчика дело не ограничилось, так как бедняга буквально на глазах зеленеет. Нет, я даже спрашивать не буду, что Картер добавил от себя. Хватает того, что итальянец убегает, чуть не спотыкаясь. А на его место вдруг дружным хором шмыгают Шон с Кариной. Это что еще за новости?

— Да-да, я не возражаю, спасибо, что поинтересовались, — ехидничаю я.

— Извини, просто других свободных мест нет, — отвечает мне Пани. Браво. Светское воспитание, а как же. Только фигня все это.

— Неужели? Кажется, у тебя проблемы со зрением. — Ага, лично меня этикету никто не учил, а если и учили, то пользуюсь знаниями я весьма избирательно.

— Для людей нашей профессии, это нормально.

— Для людей любой профессии посещать врачей нормально. Этого не стоит стесняться. Очки тебе пойдут.

В попытке подавить раздражение Карина даже глаза прикрывает. А я что? Я торжествую. Иногда доводить людей до белого каления так приятно!

— Рад, что вы закончили, — сухо говорит Шон. — Конелл, устраивать чат в моей кредитной истории — не самая умная мысль. — Совсем офигел? Ладно если бы мы с ним наедине это обсуждали, ладно даже если бы просто в холле, но тут же страшная, ужасная, и противная Карина!

— Не понимаю, о чем ты, — огрызаюсь я.

— Да, это, конечно, не ты сегодня выпросила у меня кредитку, чтобы узнать ее номер.

Мои щеки заливаются румянцем. Черт...

— Я просто читаю. — И картинно показываю ему глупую книжку.

— Тебе стоит осторожнее... читать. Когда торопишься, ты... читаешь слишком топорно.

— Я читаю как умею, — резко говорю я.

— Нет, ты читаешь намного лучше.

И я снова краснею, но теперь уже от удовольствия, а Шон продолжает:

— Ты хотя бы куки² почистила?

— Где ты в книге видел куки? — спрашиваю я.

— Тебе стоит их срочно найти и почистить. У тебя на хвосте два агента ФБР, а ты... прочитала мою кредитку, и это может быть очевидно.

— Ты бредишь? — спрашиваю я, мило улыбаясь и хлопая вычерненными

²От англ. cookie —печенье) — небольшой фрагмент данных, отправленный веб-сервером и хранимый на компьютере пользователя. Применяется для сохранения данных на стороне пользователя.

ресницами.

— Я всего лишь призываю тебя быть осторожнее. Им не стоит знать, что можешь делать подобные вещи.

— Читать? — продолжаю изображать невинность и бесить Шона. Нет, он что серьезно полагает, что агенты идиоты и думают, будто Манфред со мной в ладушки играть собирался?

— Ты пойдешь и почистишь их сейчас! — рявкает Картер так, что несколько человек оборачиваются. Ну вот, наконец, нормальная реакция на Джоанну Конелл. А то я уж было подумала, что Шон начал ратовать за спасение собственной души!

Но его истерия на меня подействовала. Сажу в номере, сначала чищу сегодняшние куки (не стоит агентам знать, что я их все снесла, это будет подозрительно), затем лихорадочно выкидываю компрометирующую информацию на сервер ВВС, шифрованный-перешифрованный, пароленный-перезапароленный. Я его сама защищала. Интересно можно ли его вскрыть? Я бы предложила Картеру попытаться, но он ведь будет знать где искать, и, как и любой маньяк, не успокоится, пока не завершит начатое! Кстати, о поисках, диск со вчерашним видео пропал. Кто это сделал? Картер? Келлерер? Карина?

Подкрашиваю губы и спускаюсь. По моим подсчетам, минут через пятнадцать здесь будет Леклер, если ему, конечно, удастся быстро объехать все селийные потоки. Я должна его встретить во всеоружии. Но Леклер быстр, едва я спускаюсь, вижу как ко входу уже спешит Келлерер.

— Меня доставили вертолетом, — объясняет он напарнице.

— Агент. — Я иду к нему, распахнув объятия. — А мы уже по вас соскучились!

С толку сбиты все. Я крепко обнимаю Леклера, даже поцелуй на его щеке запечатлею.

— Как встреча с Манфредом Монацелли? — Я веду его к диванчикам, на которых сидят хакеры и сажаю на свое место. Он на меня смотрит как-то устало. То ли не спал, то ли это я его так сходу доконала. Если последнее верно, то он никудышный агент, а это не так.

— Доктор Конелл...

— Джоанна. За время вашего отсутствия мы с Эдди нашли общий язык, знаете ли. Думаю, и с вами сможем.

После этих слов Эдисон начинает изумленно моргать. Скоро она расскажет напарнику все, как оно есть, но при хакерах раскрыть карты не может. Джоанна молодец!

— Это Келлерер вам сказала, что я встречаюсь с Монацелли?

— Конечно. Как он поживает?

— Даже лучше, чем вы можете себе представить, Джоанна.

— Он вам выдал имя преступника века?

— Нет, — рычит он.

— Какая жалость, — пою я. — А как поживает полковник? С ним вы давно говорили в последний раз?

Глаза Леклера сужаются. Он понимает, что я на что-то намекаю.

— Джоанна, что они здесь делают?

— Очаровательная Карина ищет Шона, — я сладко улыбаюсь. — А Шон здесь со вчерашнего вечера. Мы с Эдди решили не выпроваживать на улицу человека в шторм и любезно приютили вашего любимчика. Кстати, это ваше, агент, простите. — Я протягиваю ему раздавленный жучок. — Я так соскучилась по интернету, что не выдержала.

— Келлерер? — гневно спрашивает Леклер. — Что тут без меня было?

— Охотно обсудим это за чашечкой кофе, — тяну я с таким акцентом, что даже мне самой он кажется вульгарным. Чуть поддвигаюсь вперед по подлокотнику, и моя далеко не самая длинная юбка скользит вверх по ногам. Сама же я наклоняюсь к агенту и почти в самое ухо шепчу:

— Да, и у меня из номера пропал диск. Который Эдди мне дала вчера. Ну тот, где Шон говорит, что точно знает, кто взял Пентагон, и расскажет об этом мне.

Глаза Леклера расширяются и мигом выныривают из моего декольте. Хочется рассмеяться.

— Келлерер, ты отдала ей диск, а она его, к тому же, потеряла?

— Вот он, — хрипло говорит Келлерер и достает из-под рубашки диск.

— Все мое нижнее белье перерыла, пока его искала, Эдди? Спорю, что начала ты оттуда! — говорю я ледяным тоном. Молчит, значит я угадала. Мерзко-то как! — Если Монацелли уже сказал вам имя, Леклер, давайте срочно обменяем его на новенькие погоны. Ведь обещания для вас пустой звук, — картинно взмахиваю я рукой. — Так вы давно разговаривали с полковником?

На лице у Карины выражение страдания. Она вообще ничего не понимает.

— Что вам надо, доктор Конелл?

— Звоните в Штаты и срочно выправляйте документы, где будет указано, что все как в браке: по завершении трудовых отношений блага напололам! Пока бумаг нет, меня у вас тоже не будет. На документах должны стоять все подписи, кроме одной — полковника. Два экземпляра, один для вас, другой — для меня. Ну, на этом все, отдохайте, агент. Выглядите так, будто по вам кто-то проехался. — Я хлопаю его по плечу, целую его в щеку, а затем ухожу. — Ну в раз у меня отпуск за ваш счет и погода ужасная, пойду, наконец, куплю родителям сувенирчиков!

В номере я беру ноутбук и лак для ногтей. Открываю дверь и капаю капельку розового лака на пол. Если кто-то войдет, дверь его поцарапает, и я узнаю. Ну не родился еще человек, который может не свезти лак для ногтей!

Я наклоняюсь за плоским камушком и бросаю «лягушку». Но море все еще беспокойное, и после трех ударов о воду он тонет. В штиль я могу бросить «лягушку» на восемь прыжков. Мой многообожаемый сосед Коул бросал на девять, но меня все равно считали чуть ли не чемпионкой, так как не каждый мальчишка сумеет повторить мой рекорд. Это был особый ритуал издевательств над приезжими. Девчонка вас влет побьет. У выходцев побережья свои законы и игрушки. Мы прекрасно плаваем, и нет ни одного ребенка, который бы ни разу не встал на доску для серфинга.

Передо мной лежит мертвая медуза, выброшенная штормом на берег. Я боюсь медуз. Не могу выносить, когда их маленькие скользкие тела касаются моей кожи, и довод «не укусит» не действует. Они противные. Почти как тараканы. Те тоже не кусаются, но от этого менее гадкими не становятся. Я наклоняюсь к медузе. Фу-фу-фу. Мне всегда приходилось делать вид, что я их не боюсь, а то бы обсмеяли с ног до головы. Но от этого мое сердце не перестает пытаться остановиться при соприкосновении с тварью.

Сажусь на колени и смотрю на медузу. Прозрачная и безобидная. Пока не попадает в ладонь, когда ты гребешь на глубине. Вот тогда самое время утонуть. Пальцем трогаю мертвое медузе тельце, вскрикиваю, вскакиваю, начинаю отряхивать палец и отплевываться. Ну с чего я могла подумать, что высушенная солнцем медуза чем-то лучше живой? И после этого я гордо называю себя доктором философии. Начинаю хохотать. Со стороны, готова поспорить, мое поведение выглядит маразматически.

Это мне урок, который стоит применить и к Шону. Несмотря на то, что сейчас он ведет себя на удивление мирно, суть не поменялась. Он все еще черствый ублюдок, который может ужалить и обидеть.

Снимаю кеды и шагаю в воду. После шторма она холодная. Я бреду в сторону бунгало хакеров. Не знаю зачем. Просто, чтобы убить время. Непосредственно к бунгало я не подхожу. Стою и смотрю издали. Я всегда наблюдала за жизнью Бабочек сквозь щелку в заборе. Сквозь окошки домика Шона. Но с этим покончено. Бабочки уже не те, что прежде. Пентагон-скандал уничтожил все. Я ненавижу человека, который решился на памятный славный подвиг и порушил мечты тысяч и тысяч людей во всем мире. Людей, которые надеялись и стремились. Теперь стать Бабочкой менее почетно и в сотни раз более опасно. Они были богами, а теперь за ними по всему миру таскается прилизанный маньяк с Бюрошной звездочкой. Вздрагиваю от этих мыслей, разворачиваюсь и иду в отель.

Захожу в холл и вижу двух дедушек-итальянцев, играющих в шахматы. Подсаживаюсь и смотрю. Разумеется, мне тоже предлагают сыграть. Мы с папой постоянно играли в шахматы с тех пор, как мне исполнилось... лет шесть, наверное. Я играю хорошо, даже слишком, настолько, что стыдно обыгрывать пенсионеров.

Когда я возвращаюсь в комнату, обнаруживаю, что лак смазан. Причем так, словно его и не было. Вздыхаю. А что мне это дает? Это мог быть кто угодно, от горничных до Леклера и Картера. Как ни крути, а я подозреваю всех хором.

— Привет, Леклер, — говорю я пустоте.

На моем письменном столе лежат документы. Но я все равно не верю, что он заходил только за этим. Я не юрист, я не доверю своим не испытанным на юридической практике мозгам жизнь отца! Я могу только пригрозить взорвать перегрузом все мэйнфрэймы ВВС. Очень крутая угроза, но за это я буду объявлена национальной преступницей. И на эшафот мы с отцом пойдем вместе.

А потому я беру документы и иду к бунгало снова. Леклеру я даже отправку факса более не доверю! Стучусь. На небе собираются тучи. Новый шторм? Я категорически отказываюсь застревать с Картером под одной крышей на еще одну ночь. Пока я изучаю тучи, дверь открывается. На пороге Шон лично. В руке — стакан. И прежде, чем успеваю подумать, что говорю, как-то само вырывается:

— Ты слишком много пьешь. — Но он всего лишь поднимает брови, ждет, когда я перейду к конструктивной части. Окей. — Мне нужно отправить факс.

Шон отталкивает дверь, не говоря ни слова. Демонстрирует, что я могу зайти. Прохожу

внутри домика, который рассматривала на камере и машу ладонью агентам. Картер спускается вниз, в подвал, там они работают. От изобилия техники у меня перехватывает дыхание. Я хочу это все и сразу.

— Факс, — сухо говорит Шон, и садится на один из столов. Даже вид не делает, что доверяет мне. Я набираю номер отца. У него ночь, но на военной базе можно найти работающий факс в любое время суток.

— Пап, привет, — говорю я.

— Что-то случилось, Джо?

— Нет. Мне нужно, чтобы ты принял факс. Перезвони, как будешь готов.

Чтобы не молчать, пока ждем, завожу дежурный разговор.

— Думала, вы работаете допоздна.

— Так и есть.

— Но...

— Линии еще не восстановили, а у меня генератор много техники не потянет, поэтому у нас что-то вроде выходного, — сухо отвечает Шон.

— Понятно, — киваю я.

В этот момент, к счастью, раздается звонок, и я начинаю давать отцу указания:

— Проверишь у юристов. Есть одна контора... я даже не знаю, как тебе передать... ах да, у Брюса должен был остаться мой старый ежедневник, там записан адрес, прямо на форзаце. Только сделай это срочно!

— Я люблю тебя, Джо, — тихо говорит он.

— Я знаю, — вздыхаю я и отключаюсь.

И уйду обратно в отель. От бесконечного хождения у меня сильно болят ноги, и завтра мне возвращаться на службу Отечеству.

И хотя Шон пообещал мне помочь, и хотя я надеюсь, что у Бабочек все сложится хорошо, ищу хакера сама. Не могу я просто плыть по течению. Не мое это! Сажу, весь день просматриваю записи с камер наблюдения. Глаза болят. Хочется отвлечься. Это тяжелый труд. Ну, когда приходится вдумываться. Разумеется, большая часть записей — фигня. Чуть-чуть просыпаюсь я только во время приезда хакеров на Сицилию. Шон объявился здесь за месяц до остальных. Что они с Манфредом делали? Документы о передаче Бабочек готовили? Не знаю. Об этом ни слова. В общем, Манфред приводит остальных, рассказывает, как будет проходить работа, а затем эти двое — в смысле бывший и будущий сеньоры Хакеры — остаются наедине.

— Твоя работа найти нам приличного параллельщика, — обвиняет Монацелли Шон.

— Я одного знаю не просто приличного, а очень классного, и этот кадр попросту гниет на военной базе ВВС, развлекаясь запуском ядерных боеголовок на Иран и их отзывом. Только сможете ли вы вместе работать?

— Я смогу работать с кем угодно. Только она тебя пошлет быстрее, чем успеешь сказать пару фраз.

— Картер, как ты ухитрился потерять такого программиста?

— Я, Манфред? — Шон выпрямляется во весь рост и буквально нависает над итальянцем. — Ты набрал в Бабочек всякой швали, Такаши туда же, и ты мне теперь говоришь, что я прошляпил Джоанну Конелл?! Я много лет твердил, что нет у нас параллельщиков, а ты что? Гнул свою линию, что тебе никто не указ. Вот и наслаждайся

теперь обществом тех, кто остался. Потому что если все пойдет так и дальше, когда нас посадят, сам ты уже никого не наберешь!

— Ладно, не спорю, доля моей вины тоже есть. Ты просто внятно объясни мне, что вы с Джоанной Конелл не поделили? — спрашивает Манфред.

— Журнальный столик.

Леклер входит именно в тот момент, когда я сгибаюсь пополам от хохота на стуле.

— На сегодня, я полагаю, все?

— Я тоже... так... полагаю, — выдыхаю я на каждом слове, протирая глаза от слез.

Сицилия медленно, но верно становится моей клеткой. Есть здесь люди, с которыми я не могу общаться, есть те, с которыми не хочу, есть те, с которыми пыталась, но ничего не вышло. Сажу на пляже, но море совсем не такое веселое, как в детстве. Я пытаюсь складывать все, что происходит в бунгало в отдельную картинку, но на кого не смотрю, кажется, что кругом одни лишь жертвы обстоятельств. Злодея вычислить просто в книжке, когда тебе предлагают полный ассортимент персонажей, и один из них непременно злой. А кто антигерой в реальной жизни? И кому я могу верить? Вообще-то я не вижу ни одного полностью положительного героя. Все они играют. Со мной и друг с другом... Вот как сейчас. Иначе почему бы еще рядом со мной оказалась Карина?

— Не возражаешь?

Я не знаю, что на это ответить. Пожимаю плечами. Иногда я не понимаю, каким образом мы с Шоном вообще ухитрились сойтись. Если он любил Карину, если она в его вкусе, то каким ветром его могло вынести на меня? Мы же с ней настолько разные, что говорить даже о дне и ночи, воде и огне не приходится. Мы вообще несравнимы. Вот просто нет, вообще. Она из мира соболей и бриллиантов, а я — текилы и серфинга. Без Шона Картера мы бы не пересеклись никогда. Не в этой реальности!

— Нас подслушивают? — опасливо оглядывается Карина.

— Конечно, — отвечаю я.

— Кто?

— Не знаю, все? — Я прикусываю собачку молнии на куртке, стараюсь смотреть только на море. Присутствие Пани всегда роняет мое настроение. Хотя сегодня, пожалуй, оно и без ее участия не блещет.

— Здесь так одиноко, — вдруг говорит она. Стараюсь не выдать удивления. Но мир определенно переворачивается с ног на голову.

— Ты просто скучаешь по Алексу. — Сухо сообщаю я, потому что скорее с Келлерер еще разок подружусь, нежели с Мариной Граданской.

— Нет. В смысле да, но не в этом дело. Просто я не чувствую, что мне здесь хоть кто-то рад. После Пентагона это наш первый общий проект. Все боялись встречаться, боялись взглянуть друг другу в глаза. И до сих пор вместе нам не так легко, как прежде. Осознание, что один из нас предатель, который всех подставил, не способствует налаживанию отношений. Мы все друг друга подозреваем. Мы все друг для друга Леклеры. — Аа, ясно. То есть с остальными ей еще более неловко, чем со мной? Ну что ж, у меня для нее нерадостные новости. Лично я не чувствую ничего подобного. Я ее все еще ненавижу.

— Как там поживает Алекс?

— Алекс?

— Алекс — единственная безопасная тема для разговора, которую я смогла придумать, — сухо говорю я.

— Нормально поживает. В данный момент с детьми сидит.

— Ты уверена, что это хорошая идея — оставлять мужчину с детьми одного в стране?

Карина смеется. У нее даже смех красивый. Ну не должно быть так, чтобы все сразу, и одному человеку...

— Поверь, кроме как на детей, сил у него ни на что не останется вовсе.

Это не то, что я слышала об Алексе, но благоразумно молчу. К тому же мне плевать. А она, тем временем, добавляет нечто интересное:

— В любом случае, я скоро вернусь, проект не продлится больше месяца, так что мы доживем. Должны.

Не больше месяца, значит... это мне подходит. Самые последние лучи солнца скрываются за водной гладью, и мы погружаемся в темноту. Мне надо бы вернуться в отель. К видео файлам, но от них, если честно, уже тошнит. Карина молчит, неотрывно смотрит на воду.

— Джоанна, я хотела тебе сказать, что сторону выбирать все равно придется. Одной тебе не справишься. Кому ты доверяешь?

— Я никому не могу верить.

— Так не выжить...

— Главное не выбрать, а чтобы выбрали тебя.

Она как-то странно притихает. Это прозвучало весьма двусмысленно. И она понимает...

— Шон. Я думаю, ему ты можешь верить, — говорит она опасливо. Я надменно усмехаюсь. А она долго смотрит на меня.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Потому что он не такой, как тебе кажется.

— Не такой? А какой?

— Он не плохой, Джоанна.

— Ты не все понимаешь. Дело не в том, кто плохой, а кто нет. Все сложнее. Знаешь, я должна тебя поблагодарить. Ты сдала мне козырные. До того, как я узнала вашу с Шоном историю, мне нечем было крыть. Вообще. А потом... потом каждый раз, когда он начинал зарываться, я хлестала его именно тобой. — От этих слов она вздрагивает. — В общем, каким бы замечательным Шон ни был, мы четыре года прокручивали друг друга в мясорубке. Буквально устраивали персональный ад. И это с вами он может быть хорошим, не со мной. Я не верю, что он мне желает только добра. И я не стану ему безоговорочно доверять. Больно было. Подставляться снова нет ни малейшего желания.

— Что ж, я тебя поняла, — хрипло говорит Карина, а потом откашливается. — Хм, ты знаешь, что пропало из данных Пентагона, Джоанна?

У меня аж дыхание перехватывает.

— Нет.

— Карты.

— Карты? — Это кажется совершенно невероятным. Зачем кому-то могли понадобиться карты?

— Сами по себе они абсолютно бесполезны. Это просто карты с обозначением полной застройки Земли. Они ежедневно обновляются со спутников, и они пропали. Можно говорить о том, что кто-то хотел построить локационную модель, но нет. Каждый день военные отслеживают количество поступающих на спутник запросов, но ни одного лишнего никто не засек. Карты просто где-то лежат. Ситуация очень сильно напоминает злую шутку.

Именно по этой причине власти все еще тянут с поимкой злоумышленника. Не взлом, а показуха. Взяли трофей, на стенку повесили. Но мне жаловаться грех, ведь именно благодаря амбициям злоумышленника я осталась на свободе. В отличие от него, мне нужны были деньги, а взломщик явно жаждет Величия с большой буквы. Поэтому Леклер и думает, что это Шон себе такую корону приобрести вздумал. Что ж, не стану тебя утомлять своим обществом далее. Спокойной ночи, Джоанна.

Она ушла, а я сижу в темноте в одиночестве и жду озарения. Какому ненормальному могли понадобиться карты застройки, если они просто лежат? Или им нужен был спутник? Да бред! Уверена, даже Шон не смог бы перепрограммировать спутник! Не в нем дело. Что за чертовщина?!

Той ночью я не сплю. Не понимаю, а когда я не понимаю, я сама не своя. Может, прав был агент, что не сообщал мне эту информацию. Определенно сбивает с толку.

Я встаю и иду в бар. Там сидит Леклер. Сюрприз. И, пожалуй, приятный. Разговор с ним мне не помешает.

— Вы слышали? — спрашиваю я.

— Конечно.

— И что вы можете на это сказать?

— Есть идеи?

— Если бы были, я бы уже спала, — ворчу я. — Вы поэтому ищете исполнителя, а не заказчика? Думаете, последнего просто нет?

— Даже если предположить, что он был, доказать, что кому-то понадобился голографический глобус, не так просто. Для чего? И, опять же, военные уже тысячу раз сменили адреса обращений к спутникам, пытались таким образом выманить хакера, но нет. Ни единой зацепки.

— Хреновая у вас работа, агент.

Сидим с ним в баре и пьем. А я еще обвиняла Шона чуть ли не в алкоголизме. Спиртное, кстати достаточно развязывает мне язык, чтобы наконец, спросить:

— Почему вы так по-дурацки зализываете свои волосы? — Бармен смотрит на меня и хмыкает. Он тут, кстати, забавный. Мне этот парень определенно нравится.

— Потому же, почему вы не носите раздельное бикини, доктор Конелл. Все всегда предельно просто.

Я застываю на месте.

— Смелее, — подбадривает меня Леклер.

Подавляя неприязнь, запускаю пальцы в его волосы и обнаруживаю под каской из геля большой рубец. Из моего горла вырывается странный звук.

— Это пулевой ожог. Ваша очередь?

Вместо ответа я роняю голову на сложенные на барной стойке руки и начинаю плакать. Леклер ведет рукой по моей спине прямо по одежде и добирается до места, откуда начинаются шрамы. Собственно, их и искать нечего. Там их очень-очень много, начинаются они чуть ниже поясницы и поднимаются вверх, почти до самых лопаток... Леклер, как и я, отдергивает руку и трет пальцы. А я не могу остановиться, не могу перестать плакать.

— За что он это сделал?

— Я не знаю, — всхлипываю я. — Или знаю. Понимаете, агент, это удивительно, но женщина может продолжать уважать мужчину даже после такого. — Я указываю на собственную спину. — Бояться, но уважать. Но если он ухитрится свалить на ее свои

проблемы, потому что сам с ними справиться не смог, — нет. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Тогда в ее глазах он просто перестает быть мужчиной, опорой. Кто бы он ни был: муж, брат, друг, любовник или... — и на выдохе я заканчиваю, — отец. В тот день, когда я уехала на Сицилию, я потеряла своего папу. Ничто никогда не будет так, как прежде. Я больше никогда не позволю себе на него положиться. А Шону Картеру браво, собственную только зрения он до меня донес однозначно, но все-таки можно было выбрать способ помягче, чем стеклянный журнальный столик.

Глава 8

По Фурье

Семь лет назад

Во вторник вечером в общежитиях отключили электричество. Цунами обрушило электропровода на всем побережье. Мы пришли совершенно неподготовленные к лабораторным Шона, так как у нас не было возможности воспользоваться компьютерами. И он рассвирепел. Он рвал и метал, и все страшно перепугались. Никто не понимал, что мы должны были в такой ситуации делать. Но, как выяснилось, претензии были вообще не к нам.

В рекордные сроки в аудиторию были вызваны начальники общежитий, техники, заведующие учебной частью, а также пара проректоров и несколько совершенно неопознанных личностей. И всему этому звездному составу была устроена выволочка по первое число. Дошло до отчетов и объяснительных. Занятия были сорваны во всем университете. Начали собираться комиссии. Ректор негодовал. Как же можно оставить человека одного-одинешенька во враждебном мире? Нужен как минимум один родственник компьютер на душу! Мы стояли перед огромной аудиторией и слушали сбивчивые объяснения и оправдания нашего по большей части свирепого коменданта перед вальяжно раскинувшимся на первой парте ректором.

Мы даже не стали скрывать своего злорадства, когда вся понурая свора власть имущих, вывалилась из аудитории, обещая нам много радостей жизни одним лишь взглядом. Приказом ректора было велено жителям общежитий разъехаться по домам или не посещать занятия, чтобы не мозолить глаза своими бестолковыми физиономиями. Мне в Штаты слетать было, конечно, не слишком сподручно, а потому я уже закинула на плечо рюкзачок и направилась к выходу, когда...

— Стоять, — рявкнул мой ректор.

Я немного опешила, но послушаться не посмела.

— Поезжай ко мне домой и жди, когда вернусь.

Мне стало неудобно. Это так странно. Да еще и все присутствующие, включая административный состав, на меня ошарашенно уставились.

Я до последнего боялась, что он не придет. Ну его, взбредет еще в голову меня продинамить и остаться в отеле. Или это он так понимает благотворительность? У него-то свет есть. Собственно, я не стала об этом размышлять слишком уж натужно, воспользовалась предложением и подключила жаждущий энергетической пищи нетбук к сети, после чего занялась лабораторной все для того же Шона. Именно за этим занятием он и застал меня четыре часа спустя. Его губы при виде меня искривились.

— Чувствуй себя как дома, не стесняйся. — И к моим ногам упал чемодан с вещами. Шон ушел, а я все еще не могла найти слов и оправданий его поступку.

— Да как ты посмел копаться в моем шкафу?! — завопила я. А он поднял на меня удивленные глаза.

— Не говори ерунды. Я попросил коменданта, — кисло отозвался он и уткнулся носом в собственный ноутбук.

— Отлично. Лучше бы это сделал ты. Ты хотя бы часть моего нижнего белья видел прежде!

И неожиданно он вскочил со стула и угрожающе навис надо мной.

— В таких случаях говорят спасибо и все. Я тебе не служанка. Я избавил тебя от арендной платы, согласился тебя учить...

— А я согласилась с тобой спать.

— Ты умоляла меня с тобой спать. Но я не жалуюсь. Закончили бессмысленную дискуссию!

— Это не так! В смысле я не умоляла!

— Ладно, не умоляла. Но ты уверена, что хочешь отказаться от нашей договоренности, раз твоё бельё перебирал не я?

Я зарычала и ушла.

Правила проживания в доме Шона Картера были простыми: чистота и порядок. Делай все сама, и лучше, чтобы он не знал о том, что именно ты делаешь. Он не знал какой я люблю кофе и дату моего рождения, имена моих родителей и количество досиднейских переездов. Он знал, что я крашеная блондинка Джоанна, со всеми вытекающими заскоками. Меня можно было иметь, срывать на мне злость, а потом не замечать. И мне безопаснее всего было просто не попадаться ему на глаза. Правда некоторые аспекты жизни он делил со мной охотно.

— Расскажи мне о Манфреде Монацелли, — попросила я.

— Мерзкий италяляшка. Хитрый и наглый. Но платит. Потому я его терплю.

Шон Картер терпит Манфреда Монацелли. Сейчас надорву живот от хохота.

— Я не очень понимаю, как организована его компания.

— Виртуально. — Это могло бы прозвучать как угодно, но прозвучало презрительно, словно я ребенок, который не понимает, сколько будет один плюс один. — Мы встречаемся на виртуальных конференциях, обсуждаем проекты. Пересылаем коды. Встречаемся только для больших проектов.

— А... взлом?

Он перегнулся через кухонный стол.

— Вали отсюда, — мягко и тихо проговорил он.

Этого оказалось достаточно, чтобы я заперлась в спальне до конца дня.

А в другой раз я села рядом с ним на диван и на столик прекрасно сваренный кофе ака взятку. Крепкий, горький. Совсем как он любил. Шон понюхал кофе, и пара складочек на лбу разгладилась. Ничего не сказал. Это значило, что боги жертвой удовлетворились.

— Чего тебе? — пробормотал он весьма себе миролюбиво.

— Ты пиши, а я посмотрю.

Он недовольно на меня взглянул, но хрен ему! Я ведь не просто так кофе сварила и, рискуя нарваться на неприятности, принесла.

— Я буду молчать и ни о чем не спрошу.

— Хочешь научиться — читай книги.

— Нет. Я хочу не научиться, а научиться у тебя. Ты пиши, а я просто посижу рядом.

Я села в позу пансионатской воспитанницы и замерла, а Шон повернулся к компьютеру и забыл о моем существовании. И поскольку я знала, что Картер и пустая угроза существуют в параллельных реальностях, я молчала на протяжении трех часов. После этого не выдержала и ушла.

— Есть то, что тебе не дается? — однажды спросила я у Шона.

— Распараллеливание, — даже не задумываясь, ответил он. — Видимо, моя голова работает исключительно линейно.

Со временем, путем таких вот задабриваний и подглядываний, я начала понимать, как думает Шон Картер, с чего начинается проект и как продолжает, какой логикой руководствуется. А он всегда продумывал свои продукты до мелочей. Сначала чертил на бумаге схемы, копировал, цеплял листы на холодильник, зеркало в спальне, зеркало в прихожей, около раковины и, конечно, рядом с монитором любимого компьютера. Затем он писал код, исправлял с помощью программы ошибки, но после не завершал работу, нет, конечно. Он начинал ковыряться в логике снова: все распечатывал, и начинал помечать черной ручкой ошибки, менял местами фрагменты, уменьшал вычисления. Потом он помечал места, где нужно было параллелить, и отправлял Манфреду, признаваясь в собственном невежестве. Это-то меня и удивляло больше всего. Он действительно верил, что параллельные вычисления — не его конек и не стыдился говорить об этом. О да, Шон Картер определенно не является бездумным кодером, который бестолково стучит по клавиатуре.

И я пыталась научиться тому же. Хотела думать как Шон. Но врать бесполезно, настолько абстрактной мне никогда не стать.

Первые полгода вместе на вопрос, как мне живется с Шоном, я неизменно отвечала, что все в порядке. Я надеялась, что он меня полюбит. Это было равносильно покорению Эвереста. Но однажды все изменилось. Однажды наш преподаватель заболел, и пришла замена... Вот так в моей жизни появился профессор Роберт Клегг...

Только новый преподаватель окинул взглядом нашу аудиторию, его глаза зацепились за меня, и я почувствовала волну острого неудовольствия. В тот миг как-то сразу понялось, что одобрения ждать бесполезно. Так и случилось. Несмотря на то, что на лабораторных я сдавала все работы вовремя и толково защищалась, понимала, что не в любимчиках. Это... чувствуется. Но обычно, в ответ на подобное, пожимаешь плечами и терпишь, а тут... его отношение отчего-то задевало. Не знаю почему, но, наверное, Роберт Клегг мне сразу стал симпатичен. И, может, не без взаимности? Ведь после одного из занятий он позвал меня на кафедру якобы для того, чтобы помочь донести стопки отчетов. Меня, не кого-то из парней, а значит, намечался разговор.

— Мисс Конелл, вы неглупая девушка и, судя по всему, неплохая. Я это вижу. И ректор тоже. Вы у него не первая... гхм... ученица. — Слышать это было на редкость неприятно. — Спору нет, учитель он хороший. Та, другая теперь работает на Манфреда Монацелли. — У меня перехватило дыхание. — Но, как вы, наверное, уже поняли, я не одобряю подобного рода отношений между преподавателем и студенткой. Это первое. А второе, вы-то сами уверены, что вас все устраивает? Вам нужен не такой человек, как ректор. Я его знаю очень давно. Подумайте о том, что делаете, еще раз.

Разумеется, устраивало меня не все. Я надеялась очень многое поменять. Но то был первый раз, когда я всерьез задумалась об уходе. Потому что Роберт Клегг озвучил жуткую правду — Картер злобный робот, и ничего не меняется. Я хотела быть любимой женщиной, а не мебелью. И уж точно не желала навечно застрять в должности подружки ректора. Но когда вернулась домой, собираясь поделиться с Шоном наблюдениями, он вдруг сообщил:

— Я улетаю на три недели в Италию. — Мне оставалось лишь кивнуть. — У нас намечается небольшой проект, в рамках которого сюда прилетит один человек — Такаши

Мияки. Знаешь кто это?

Все слова об уходе были позабыты. У меня аж дыхание перехватило. Та другая на Монацелли работает, говорите? Ну так вот Такаши тоже на него работал, и идея познакомиться с человеком подобной величины мне пришлось очень даже по душе. Шону моя реакция понравилась.

— Думаю, вас стоит познакомить. Кстати, в мое отсутствие можешь тут делать что угодно, если, конечно, ничего не сломаешь.

После таких слов я, разумеется, оставила мысли о том, чтобы с Шоном порвать.

И, разумеется, как только Картер вышел за порог, я предложением воспользовалась и пригласила Керри, которая деловито прошлась по всем комнатам и объявила, что ничего-то особенного в доме ректора нет. Вот так ему, так. В общем, мы с подругой не один вечер транжирили винно-кофейные запасы Картера и спускали на металлолом исконно американские машины во Flatout³. Было безумно весело. И в тот момент, в окружении вещей Шона, в отсутствие его самого, я вдруг почувствовала, что почти люблю этого гада, что хочу быть с ним и дальше. Короче, я была такой непрошибаемой идиоткой, что хоть веревку мылить иди!

А еще я безумно скучала по Шону. Утыкалась носом в его подушку, нюхала лосьон для бритья. В общем, мне не хватало Картера во всех смыслах. До него со

³Flatout — гоночная компьютерная игра.

мной такого не случалось никогда. Иными словами, пока Шона не было рядом, я ухитрилась уверить саму себя в том, что хочу быть с ним, что все у нас хорошо. Иногда это умение очень полезное, но, временами, выживанию не способствует совершенно. И в день, когда он обещал вернуться, я поступила как последняя дура: запекла утку и приготовила свой любимый лаймовый пирог. Тысячу раз успела пересчитать, во сколько он приедет, места себе не находила. Даже надела красивое белье...

И как только хлопнула дверь, я бросилась в коридор. А Шон был бледен, как привидение, под глазами залегли темные тени. Казалось, он едва на ногах держится. Впоследствии я узнала, что у него от перепадов давления на высоте начинается мигрень, но в первый раз пришла в ужас — едва не бросилась спасти беднягу. Ха! И, черт, я бы так и поступила, но вдруг он повернулся ко мне, и лицо его исказила такая досада вперемешку с презрением, что я, напротив, буквально отпрыгнула и ударилась спиной о косяк, а Шон злобно произнес:

— Испекли мне пирожок любви, мисс Конелл? Обрядились в шелка и кружево. Образцовый пример жены, только с той разницей, что ты мне не жена. Я устал и не нуждаюсь в компании. Проваливай, и чтобы я тебя сегодня не видел!

— Кто первый на защиту? — вместо приветствия спросил Шон на следующий день.

Я оглядела аудиторию, но жаждой первооткрывательства одnogруппники не горели. И я решила пойти защищаться первой, не зря же готовилась к приезду ректора. С самым невозмутимым видом я села на скамью подсудимого (вот так ласково мы прозвали место защищавшегося), и собралась отвечать. Уже аккуратно положила отчет на стол, открыла рот, чтобы начать рассказ, но вдруг Шон вырвал листы прямо у меня из-под пальцев и стал небрежно перелистывать страницы. Он не стал смотреть теорию, сразу перешел к коду. Его глаза переползали по строчкам вниз и вверх, очевидно создавая в воображении namного

более эффективный способ организации. И хотя я старалась все сделать идеально, Шон вдруг ткнул пальцем в одну из строчек и прорычал:

— Что это?

— Вычисление косинуса... — удивилась я. Ну что можно найти критичного в обыкновенном косинусе?

— Я не слеп, мисс Конелл! — рявкнул он. — Что он здесь делает?

Я нервно оглянулась на одноклассников, но все как-то сразу стали значительно меньше и незаметнее. Это казалось совершенно невероятным, но при том, что в аудитории находилось человек двенадцать, она вдруг... опустела.

— Вычисляется, — тупо ответила я.

И тут-то и рвануло!

— А вы хоть представляете, сколько времени вычисляется косинус?! — заорал Шон. Я, признаться, сначала подумала, что это шутка, но у него на виске даже жилка запульсировала. Господи, это был такой ужас! — Вы, помнится, тянете на красный диплом?!

— Д-да, — пробормотала я под нос себе, однако в тот момент не была уверена, что вообще хочу учиться где-либо, на кого-либо и когда-либо.

— Что? — отчет хлопнулся на стол, но в тишине казалось, что это не бумага по дереву ударила, а пушечный залп прогремел...

— Да. — Даже глаза было страшно поняться... — Профессор.

— И, стало быть, у вас по математическому анализу стоит отлично, так?!

— Д-да, — я сжала пальцами сидение стула.

— Как компьютерно вычисляется косинус, мисс Конелл? — этот мягкий тон меня добил.

— Осмелюсь предположить, что через разложение в ряд Фурье⁴... сэр.

— Вы правильно делаете, что осмеливаетесь. — Я бросила на него быстрый взгляд, но это было ошибкой. — А почему вы глупее разработчиков, мисс Конелл?

— Но я не могу задать точ...

— Точность?! Вы пишете программу, результаты которой не повлияют на вращение Земли. И, судя по всему, никогда не напишете ничего, что на это бы повлияло! Тогда на кой вам эта точность?! — он схватил мой отчет и разорвал его напополам, а потом швырнул в мусорку и даже руки стряхнул. — Вон из аудитории...

Я не могла в это поверить. Сколько не пыталась — не могла в это, черт подери, поверить. Меня выгнали с пары за то, что я не подумала разложить косинус в ряд Фурье в практической работе, которую никогда, никто и нигде больше не увидит. Я шла по коридорам университета и смеялась сквозь слезы. У Шона отвратительный характер. Всегда был, есть и будет! И при случае он этим не стесняется пользоваться!

Но на самом деле, если разложить по Фурье поведение Шона Картера с поправками на время и дополнительные знания, то, выходит все максимально просто: в Италии он наслаждался ли нет ли обществом Пани, в которую был влюблен... А затем вернулся в серую действительность, где дома его встретила совершенно посторонняя девушка, не такая роскошная, не такая успешная, а проще говоря, нежеланная. Да еще и с какими-то претензиями. Вот и вся наука.

Мне было так плохо, что я вытащила с пар Керри, соблазнив подругу

⁴Ряд Фурье — представление произвольной функции с периодом в виде ряда с

бесконечным количеством элементов, каждый из которых обеспечивает большую точность вычислений, но и более сложен алгебраически.

мороженым. Мне просто необходим был приятный день, полный спокойного, мирного и очень женского нытья. Керри против такого расклада ничуть не возражала, и потому в скором времени мы оказались в кафе, где собирались долго и обстоятельно жаловаться друг другу на жизнь тяжелую.

— Он психованный подонок, — возмущалась Керри, поддерживая меня руками, ногами и всеми остальными частями тела.

— Он меня ненавидит, — вторила ей я, размахивая ложкой. — Можно мне заночевать у тебя?

— А ты...

— Я уломаю охранницу. Наплету про ключи или что-нибудь в этом духе. Меня помнят, к тому же я... — Я начала истерически хохотать. — Шлюшка ректора, — задыхаясь, проговорила я.

— Что? — не поняла Керри, потому что приступы смеха заглушили слова. Но я не могла перестать смеяться.

— Шлюшка... ректора, — громко сказала я, и почти все в кафе обернулись на нас.

И тогда вдруг победили слезы. Я начала захлебываться собственными эмоциями и разревелась. Но самое удивительное, что Керри тоже заплакала, за компанию, конечно. Я даже удивляюсь, как нас не попросили уйти!

— Я знаю, — всхлипывала Керри. — Что нам надо. Пойдем на вечеринку Бьянки. Только сначала по магазинам. Я... — ее голос прервался всхлипом. — Я просто мечтаю увидеть тебя с заячьими ушками.

Бьянка была из девушек местных. У нее были вполне состоятельные родители. Училась она с Керри, я же была с ней знакома весьма условно. И хотя Бьянка с моей соседкой близко не дружили, на вечеринки друг друга приглашали. Таким образом, мы с Керри завалились в сотрясавшийся от грохота музыки домик и тут же нахватили себе выпивки. Таков был план — наладить собственную жизнь путем вливания в себя нескольких литров разной дряни.

Однако план не очень-то работал. В смысле напиться удалось, да еще и качественно, но все остальное шло вкривь и вкось, хотя с виду и не скажешь. Я познакомилась с симпатичным парнем, с которым мы смеялись, танцевали и пили. Набрав определенный градус, я даже примерила на него костюмчик Шона, будучи уверенной, что о прошлом бойфренде пора забыть, но затем...

— Тебе не идет имя Джо, — глубокомысленно протянул мой ухажер.

— Ну тогда зови меня Джоанной, — игриво протянула я.

— Джоанной? Ты... Джоанна Конелл? — Его руки так быстро убрались от меня, что я не устояла и рухнула на стол с выпивкой. — Прости, я не... прости...

И ретировался. Словно я прокаженная. А все почему? Потому что с Картером связалась. Нет. Мне еще вовсе не хватит, я еще совсем трезвая, раз беспокоюсь о таких мелочах. А Керри уже с кем-то вовсю целовалась. И мне тоже вдруг просто дико захотелось просто поцеловать парня. Нормального, может быть не такого красивого, умного и влиятельного, как Шон, просто парня. В конце концов, куда я замахнулась? Я даже не самая хорошенькая. Но, черт возьми, достаточно привлекательная, чтобы кому-то нравилось со мной целоваться!

Потому, я взяла еще текилы и пошла на поиски своего счастья. Однако, оно нашло меня

самостоятельно. Парнишке мне и улыбался, и комплименты делал, и не мог оторвать взгляд от моей груди. Это было приятно. Может быть, я бы и предпочла более старомодный способ восхищения, но уроненные платки ушли в прошлое. Однако надо мной точно злой рок повис: меня окликнули по имени ровно за секунду до того, как губы героя коснулись моих. И был это... Джастин.

— Эм, привет, — смущенно проговорил он.

— Только не начинай! Я пьяна и ненавижу твоего брата! — выпалила я, но послушно убрала руки за спину, словно занималась чем-то и впрямь неприличным.

— Я тоже ненавижу своего брата. Все в порядке. Просто я хотел убедиться, что ты достаточно трезвая, чтобы отвечать за последствия своих действий...

Вот так. Он, оказывается, из лучших побуждений сорвал мне все планы на вечер. Оставалось только забрать подругу и, все еще поскуливая, вернуться в общежитие.

Обменявшись впечатлениями, мы с Керри уже улеглись спать, как вдруг дверь распахнулась с пинка, и в комнату ворвался Шон.

— Дверь завтра поменяют, — невозмутимо сообщил он Керри, а затем накинул мне на плечи свой пиджак и, очень больно удерживая за локоть, повел к выходу из общежития.

Вот так я впервые не ушла от Шона.

Утром я решила завести серьезный разговор. Ведь, в конце концов, должна была я выяснить, что можно, что нельзя, и чего вообще он от меня хочет.

— Я хочу поговорить о том, что случилось. — Но Шон рывком поднялся с кровати и начал одеваться. — Ты мне обещал хотя бы ширму отношений. Все знают, что мы с тобой вместе, но никто не в курсе, что на самом деле ты меня презираешь. Что я делаю не так? — На ходу завязывая галстук, он вышел из комнаты. Я последовала за ним. — Пожалуйста, скажи, и я это исправлю. Я не понимаю тебя, я стараюсь узнать тебя лучше, но ты... — Он демонстративно меня игнорировал, просмотрел папку с бумагами, потом достал пачку сигарет и вытянул оттуда одну шуку. Я слегка обомлела (не замечала за ним пристрастия к курению), но даже это не заставило меня замолчать, я просто не могла остановиться! — Шон, дело ведь не в лабораторной работе, не в Фурье-разложении! Почему ты со мной не разговариваешь? — А он глянул на меня так, что страшно стало, и выскочил из дома, хлопнув дверью. Даже галстук не завязал.

После утреннего инцидента я сидела на лекции по культуре, старательно игнорируя смешки и злые взгляды Хелен. Однако губы сами собой обиженно изгибались. Внезапно мне на парту легла записка: «Если у вас все, дай знать — я девочка не гордая». Это было просто отвратительно, но то, что Шон ухитрился втянуть меня в нечто подобное — еще хуже. Я чувствовала хихиканье Хелен и ее подружек каждой клеточкой тела. Эти отношения с Шоном с самого их начала только унижали меня. Лучше бы я тогда смолчала. Лучше бы вылетела из университета!

Когда я вернулась домой, Шон разговаривал по телефону со своим русским другом Алексом. И он... смеялся. Я оказалась под таким впечатлением, что даже сунула голову в гостиную, чтобы проверить, не померещилось ли. Но только Шон меня заметил — сделал внушительный глоток чего-то крепкоалкогольного и отвернулся.

Дабы никого не бесить, я ушла в спальню и уселась за ноутбук. Когда Шон вошел в двери, я нервно замерла. Но вместо того, чтобы начать на меня орать, он скинул обувь и уселся рядом на кровать. Все это время мои пальцы безжизненно лежали на клавиатуре.

— Этот код неправильный, — сообщил он внезапно. И начал объяснять, что именно ему

не нравится.

— Может быть, сначала извинишься? — спросила я раздраженно.

Он издал звук, сильно напоминающий рычание, а затем снова спокойным тоном начал диктовать, что писать. Это был его способ помириться? Я поджала губы.

— Продолжай сама, не обращай на меня внимания.

Он сидел со мной долго. Почти весь вечер. Но не коснулся даже пальцем. Зачем он это делал? Что он пытался мне сказать? Что, несмотря на все разногласия, мы можем симбиотически сосуществовать?

Но странности на этом не закончились. На следующее утро я стояла около аудитории в короткой юбке цвета хаки и горчичной блузке с большим шелковым бантом на груди, накрашенная, хорошенькая, как куколка. И радовалась, что прошлый вечер был довольно приятным. В моей новой жизни это было достижением. Но вдруг в коридоре показался Шон, и все студенты притихли, старательно делая вид, что им совсем, вот ни капельки не интересно происходящее.

— Вечером прилетит Такаши Мияки, пару дней поживет у нас, — без предисловий сказал Шон. Я онемела, но сдержать глупую, счастливую улыбку не смогла. А несколько человек попытались подобрать челюсть с пола. — Используй это знакомство с умом. И промолчи про C++ и личную жизнь!

— Да, да, да, — я зажала глаза рукой, оттопырив мизинчик. — Что-то еще?

Только я оторвала руку от глаз, он схватил меня за талию и жадно поцеловал. И хотя это был прекрасный поцелуй, просто невероятный, я смутилась, потому что не фанат проявлений чувств на публике. А затем Шон ну просто не мог не сделать хоть маленькую, но подлянку. Он потянул за ленточку банта, отчего лиф моей блузки чуть не расползся в стороны. Я вскрикнула и прижала руки к груди.

— Очаровательная вещица. До вечера, мисс Конелл.

Да, я была вся красная, да, переживала, что наше поведение было крайне неприличным, но то, с какой завистью на меня смотрели окружающие, придало мне уверенности в правильности поступка ректора. Шон точно знал, что делает. Он заставлял всех видеть, что я... желанна? Полагал ли он, что этого достаточно и мне тоже? Поблажка. Так я назвала это для себя. Шон дал мне поблажку, таймаут в череде тирании. Да, толку от нее было мало, но иногда обманываться так чудесно...

Такаши Мияки оказался японцем до мозга костей. Он улыбался. И я тоже. Он и Шону улыбался, но тот не реагировал. А у меня уже начинали болеть скулы, но Такаши улыбался, и улыбался, и улыбался, и мне было совестно перестать.

— Он так и будет улыбаться? — спросила я у Шона, пока мы вместе варили кофе для Такаши.

— Да. У японцев как принято. Можешь перестать сиять как мегаваттная лампочка, он не обидится.

Но я не могла. Было неловко. К тому же, Шон и Такаши обсуждали проект, а вообще ничего не понимала, даже я не была уверена, что они говорили на английском. Посреди вечера я, извинившись, сбежала в спальню Шона, достала справочники и начала искать неизвестные мне слова. Да, я их находила, но если вы думаете, что объяснения понимала... Ха! Нифига подобного!

— Ты куда пропала? Что ты делаешь? — спросил Шон, закрывая дверь.

— Схожу с ума от собственного невежества.

— Никто и не говорил, что ты должна нас понимать.

— Я это говорю. — Уголок губ Шона дернулся от этих слов вверх. — Иначе что я вообще делаю в вашей компании? Подстраиваюсь под интерьер?

— Идем, — велел мне Картер вдруг, а вернувшись в гостиную, усадил рядом с Такаши и объявил, что они утомили его крайне перспективную студентку.

— Перспективную? — не удержалась я от шпильки. — Я же не могу разложить косинус по Фурье!

Шон изумленно замолк, а Такаши вдруг начал смеяться, чем меня очень сильно удивил.

— Мисс Конелл, вы поймите правильно, мы ведь бьемся совсем не в той же лиге, что студенты. Иногда забываемся. — Да жизнь готова поставить, что Картер ни разу не забылся!

— И раскладываем косинусы по Фурье, чтобы меньше напрягать наших холеных параллельщиков. — Я очень удивилась его словам.

— Холеных?

— Холеных, ведь мы предпочитаем их не тревожить без крайней надобности и обходиться собственными силами.

— Но почему? Ведь скорости хватает... — И я развернулась к нему всем корпусом.

— Да, конечно, все верно, — охотно начал он объяснять. — Но каждая выигранная миллисекунда — огромное достижение, иначе нам бы и суперкомпьютеров не хватало. Знаете, сколько времени уходит на распараллеливание кода? Чем его меньше, тем лучше, тем меньше путаницы у нас.

— Но если оно есть, почему бы не запастись временем и не поставить на параллельное программирование все?

— Ах, мисс Конелл, — заулыбался Такаши. — Потому что грамотные параллельщики — такая великая редкость... У вас сколько голов? Одна? И вы думаете одной головой. Сядьте за компьютер с Шоном и напишите мне сходу код, пользуясь двумя головами за два процесса, код. Вы вытерпите ровно минуту, никак не больше. — Ох, это он был прав. — А также проблемы отладки, проблемы обдумки. У человека должны быть невероятные мозги, чтобы он был грамотным параллельщиком. Незаурядные.

Слушая его, я заулыбалась снова. Но скулы больше не болели. Потому что искренняя улыбка еще никому не навредила. А еще Такаши мне очень понравился. Я даже заварила ему традиционный американский чай, что его, как представителя страны Восходящего Солнца, сильно позабавило. Но искренность всегда окупается. Всегда. Мы с Такаши сходу нашли общий язык, чем изрядно польстили самолюбию Шона, который воспринял это как подтверждение собственной гениальности.

Это был хороший день. Стоя в спальне, я все думала, почему если Такаши так мил, то Шон, будучи звездой той же величины, временами просто невероятно гадкий? Вдруг я почувствовала руку Шона на талии.

— Ты что собираешься делать?! В доме гость!

— Он ко мне приехал, вот если бы я к нему — совсем другое дело.

— Шон, нет, я не...

— Просто води себя тише, чем обычно. — И он зажал мне ладонью рот. А другой рукой уже поднимал юбку, добираясь до тонких кружевных трусиков. Я попыталась вырваться и возразить, но Шон мне просто не позволил. Когда его пальцы скользнули под кружево, я просто запрокинула голову, не в состоянии сопротивляться. Ему пришлось держать меня,

чтобы я не упала и приглушать мои крики собственными губами.

Он меня поднял и перенес на кровать. И все продолжилось. Он сидя сжимал меня в объятиях, я смотрела на его лицо, как причудливо ложится свет на его скулы. Смотрела и думала, что он красивый мужчина, по-настоящему красивый и по-настоящему мужчина. С ним легко быть маленькой и слабой. И, в то же время, так опасно. Коснувшись его впалых щек, я оцарапала кожу о щетину чуть не в кровь, а затем запустила пальцы в черные волосы и вдруг заметила, что они у него... волнистые, почти кудрявые, просто Шон как-то так их укладывает, что в глаза не бросается. А затем меня внезапно накрыло волной удовольствия...

Глава 9

Человечность

Настоящее время

И я проснулась в своем настоящем на Сицилии. Подушка еще в слезах после возвращения от Леклера. Мне пора перестать вспоминать Картера. Мы с ним договорились работать, а не трахаться на каждом углу, как это было раньше. Только что-то внутри меня противится целибату. Или какого хрена я по ночам вспоминаю как мы с Картером... совокуплялись в его Сиднейском домике семь лет назад? Черт, я дура. Хватаю халат, в котором спал Картер, и подозрительно его обнюхиваю. Да, конечно, он пропах Шоном. Предатель! Почему им, а не мной? Как, спрашивается, я должна теперь его носить?! Никак. Пусть горничные стирают. Одежду Шона, кстати, услужливо унесли, могли бы и халат забрать. Начинает заниматься рассвет, неужели я после своих эротических грез больше не усну? После Брюса я ни с кем не спала, если разобраться, неделю я на Сицилии, а до того неделю мы работали как проклятые. Две недели? Ну, для нас с Брюсом это не странно. А вот с Шоном нас подобное воздержание могло бы довести до сумасшествия. Смеюсь и встаю на пробежку.

Однако решение выйти из собственной комнаты не такое уж хорошее, так как на меня обрушивается весь наш разговор с Кариной, а затем — с Леклером, и настроение портится. И внезапно идея остаться в номере с эротическими грезами о Шоне становится очень даже заманчивой. Потому что, видимо, меня снова ждет целый день просмотра видео. Это просто стрельба. Я уже ненавижу снующих туда-сюда человечков. Агент Бюро во мне точно не умер. Это ж такая тоска!

У меня появляется мысль изучить, кто из хакеров, когда и с кем пересекался. Ведь раз мы отмели идею о том, что Монацелли был заказчиком, значит, должен был быть еще один суперосведомленный о жизнях остальных хакеров человек. А потому я забираю у агентов папки с делами и начинаю изучать как, когда и где кто с кем из Бабочек пересекался. Изучаю все вплоть до переписок. Но толку от этого чуть. Всем исправно и приветливо отвечает только Такаши, но он приятельских отношений не поддерживает ни с кем. Шон общается только с японцем, остальных иногда даже подчеркнуто игнорирует. Карина вообще обитает в параллельной реальности, где у нее куча собственных проблем. А Марко задирает нос, он ведь сын Манфреда. Я черчу какие-то схемы, как в фильмах вешаю на стены, смотрится внушительно. И думается легче. Чувствую себя Расселом Кроу в Играх Разума. Может быть, и у меня уже началась шизофрения? Может быть, я ищу послания там, где их нет? Так проходит день, еще один. Я даже о еде забываю, каждый раз в ресторан меня зовет Келлерер. Но этим я общение с агентами и ограничиваю. Меня тошнит от двойных игр. Проходили, спасибо.

Попивая кофе на балкончике с видом на море, я все еще рассуждаю о хакерах. Из моих записей выходит, что если об отсутствии алиби Такаши можно было догадаться, то с остальными сложнее — для составления полной картины происходящего нужно было их знать достаточно близко...

Итак, подводим итоги:

1) Шон близок с Кариной, но Марко все его компетенции. Он не мог знать об

отсутствии алиби последнего.

2) И все-таки Манфред оставляет Бабочек Шону, а не кому-либо, значит что-то Шон для него сделал.

3) Но Манфред единственный, кто мог бы слить исполнителю информацию о хакерах.

4) И все же карты никак не использовались. Зачем Манфреду еще один трофей, если у него их итак тьма? Если только это сделал не он сам, а он не мог.

Все, мой мозг закипает, что-то не сходится. Видимо, я знаю недостаточно. И надо понять, что я упустила. Но не сейчас, потому что сегодня пятница, и мне не помешает отдых.

Сиюю в баре. Вокруг — молодежь. Явно студенты, только они могут жить в атмосфере безостановочного праздника круглогодично. Я им завидую, университет — прекрасная пора. Помню, как раньше была счастлива со своими друзьями. Керри, Клегги, Джек, Аарон... Закрываю глаза. Хватит уже о прошлом! Для того, чтобы отвлечься, достаю припасенный блокнот и рисую новый сценарий. Крест из персонажей не меняется. Шон — чертик, Карина — соблазнительница, европейский аристократ Марко и анимешный Такаши. А между ними сеньор с моноклем...

— Забавно, — раздается голос из-за спины. Я подпрыгиваю и хватаюсь за сердце. Позади меня стоит Шон. Черт... Откуда он тут? А, тем временем, Шон присаживается на стул рядом, не отводя от меня глаз. Мне все это крайне не нравится. Особенно в свете одного расчудесного сна.

— Ты что здесь делаешь?

— Проверяю, жива ли ты еще.

— Жива, — говорю я, будто оно не очевидно.

— Пить будешь? — спрашивает Шон и, наконец, отворачивается.

— Пиво, — пожимаю я плечами. А бармен услужливо протягивает мне напиток. Будто был уверен, что я закажу именно его.

— Ты права, — вдруг говорит Шон.

— В том, что выбрала пиво?

— Нет. — Как на идиотку смотрит он на меня. — В том, что я много пью. Тебя это беспокоит?

— Шон, к чему ты клонишь? — прямо спрашиваю я, так как совершенно не понимаю, чего он от меня хочет. Я определенно не собираюсь сидеть тут и вести светские беседы о состоянии его печени.

— Я думаю, что ты боишься.

— Конечно, боюсь, — киваю я, но все-таки пытаюсь уточнить: — А чего я боюсь?

Картер закатывает глаза.

— Того, что я сорвусь.

— Это бред. Мы не настолько близко общаемся, чтобы ты мог мне причинить вред снова.

Ну да, собственно, этими словами я подтвердила его догадку.

— Я пью, потому что здесь ты. А значит, мне стоит с тобой поговорить, чтобы больше этим не промышлять.

— Так ты... пообщаться вздумал? Уверить в отсутствии дурных намерений по отношению ко мне? Как это мило. — Я немножко в шоке. — Это тебе правда поможет? Ну... начинай. — И делаю глоток пива.

Но у Шона, как всегда, тактика радикально отличается:

— Переспи со мной. — И я захлебываюсь. Вот и весь разговор... Коротко, ясно, понятно, спасибо.

— ЧТО?! Ты спятил? Ты пьешь, потому что я с тобой не сплю?

— Нет, я пью, потому что ты меня винишь.

— Но ты виноват!

— Но если ты со мной переспишь, ты перестанешь бояться, и я не буду чувствовать себя последним подонком.

— Погоди-ка, так это мне надо?

— Не только. Я просто хочу с тобой переспать, — невозмутимо сообщает мне Шон и протягивает руку за пивом, которое ему протягивает хихикающий бармен. По-моему мне стоит перестать садиться за стойки! Но на них удобно писать... и не нужно дожидаться выпивки... стооооп! Какие барные стойки?! Мне Картер предлагает переспать!

— Шон, нет, — качаю я головой. — Мало того, что это аморально, так еще и только больше все запутает. Мы договорились, что я буду на тебя работать и...

— Всегда знал, что разговоры — пустая трата времени.

Его бросок похож на змеиный. Не увернуться. Вот он сидит, а в следующий момент я чувствую прикосновение его губ и уже раздвигаю ноги, притягивая Шона к своему телу. Я ненавижу себя за это. Все законы подлунного мира гласят, что мы разумные, труд сделал из обезьяны человека и тому подобное, тогда почему вдруг в двадцать первом веке, в эпоху расцвета разумности и логичности, два доктора философии без малейшей поправки на время, место, статус и прошлые обиды бросаются друг на друга посреди переполненного улюлюкающим народом бара? И почему ни одно противоядие не действует? Мы же друг от друга знатно натерпелись.

Вокруг разговаривают люди на своем эмоциональном чудноватом языке, я их не понимаю, но знаю, что говорят они о нас, если бы я оказалась на их месте, я бы тоже говорила. И собрав все силы, я решаюсь на сверхчеловеческий поступок — отталкиваю Шона.

— Еще! — вопят пьяные студенты. А одна из девочек идет и нагло виснет у Картера на плече, выдавая целую итальянскую скороговорку. Мне не надо знать язык, чтобы понимать, о чем она говорит. Предлагает более покладистую... себя. Ревность затапливает каждую клеточку тела. Черт возьми, я же целовалась с ним минуту назад так, что чуть не потеряла сознание, а эта стерва... Шон что-то отвечает девушке. В его исполнении итальянский кажется издевательством, ведь он, даже не пытаясь подражать темпераментным местным жителям, растягивает слова на австралийский манер. Он говорит достаточно долго, чтобы я успела почувствовать себя душой... Но девчонку словно сдувает. И несколько человек погибают от смеха.

— Пойдем? — он протягивает мне руку, и я уже почти соглашаюсь, особенно после выходки маленькой стервы, но нет!

Да какого хрена?! Если я собираюсь с ним переспать, я должна что-то стоящее получить взамен!

— Кааартер, — тяну я с улыбкой. — Ты, помнится, хочешь, чтобы я перестала тебя бояться, ну так отлично. Договорились. Я проведу с тобой ночь при одном условии. О таком я тебя никогда еще не просила. — Он смотрит на меня подозрительно, но не отказывается. — Я хочу увидеть в тебе нечто человеческое! Я хочу, наконец, увериться, что ты не

гуманоид. Давай, начинай убеждать меня в собственной безобидности!

— За это ты проведешь со мной ВСЮ ночь.

— Легко. — Прости Господи, это будет и впрямь легко. Легче просто не придумать!

Студенты визжат от восторга, им бы лишь хлеба и зрелищ. Шон подманивает бармена пальцем и заказывает выпивку на всех. А себе берет водки и текилы, и я начинаю подозревать, что до секса у нас не дойдет. Потому что именно после этого сочетания я каждый раз просыпаюсь в неожиданном месте. Искренне жалею, что настояла на таком глупом варианте развития событий, потому что, несмотря на все бравады, я хочу закончить этот вечер в объятиях Картера. После нескольких стопок адской алкогольной смеси Шон, как ни странно, все еще в состоянии стоять на ногах, но сказать, что твердо, язык не поворачивается. Забавное зрелище. Чтобы не оставаться трезвой и занудной на празднике жизни, сама я тоже пью текилу. Меня еще в Миссисипи научили ее стопками хлестать. И, главное, последствия почти нулевые.

Через некоторое время Шон тащит меня танцевать, но он не просто не ведет, он даже не сохраняет вертикальное положение тела. После того, как мы опрокидываем пару столиков, я начинаю опасаться, что администрация нас вышвырнет, а никуда довести я его не смогу, потому уговариваю сесть. Пытаюсь завести разговор, но он мне не позволяет. Вместо этого Шон протягивает бармену купюру и просит сменить музыку на «что-нибудь приличное». Собственно, сколько я знаю Картера, у него метод один — заплати, и все путем. Он считает, что все покупается, вопрос в цене. В чем-то он прав, меня ведь ему купить удалось. Именно купить. Не деньгами, но сути не меняет. Расчувствовавшись, бармен наливает Шону «за счет заведения», якобы в благодарность за щедрые чаевые. Насколько я знаю, мелодию можно сменить и за просто так, а учитывая, сколько Картер пожертвовал парню за стойкой на чай, тот может весь вечер нас поить, не потратив ни цента.

А жизнь, тем временем, налаживается, и вместо занудных переливов волюнки включается Тина Тернер и ее «I will survive». Это я твержу себе каждый день. Я выживу. Выживу. Все мы выживем. Мной завладевает меланхолия, но ровно до того момента, пока Шон со студентами снова не выпивают и не начинают ходить кругами, изображая нечто подозрительно напоминающее американских ковбоев. Текила, которую я пытаюсь проглотить, попадает аккуратно в легкие, и я чуть не умираю от кашля. Серьезно? Ковбой? Мои руки так и чешутся записать их на видео и выложить на ютуб. А еще эти чудаки поют. Хором, хотя получается, разумеется, нескладно. То, что Миссисипи граничит с Техасом не означает, что мы любим наших соседей. Открою вам тайну, техасцев никто не любит. Но мужчины там на зависть: пыльные, потные, широкоплечие и со шпорами на ботинках... И, черт, в исполнении Шона это так смешно! Студенты вопят и улюлюкают. И где-то внутри меня распространяется тепло. Мне хочется улыбаться, и все равно, даже если виной тому одна лишь текила. Но почему Шон не может быть таким всегда? Может быть, спившийся Картер не такая уж плохая идея? Он веселится и никого не взламывает. А потом я вспоминаю про журнальный столик, и... мне нужно еще текилы.

Но только я делаю глоток, Шон вдруг поднимает руку и заявляет:

— Спо... спорим. — У него даже язык заплетается. — Что хоть я и пьяный, обыграю в бильярд каждого из вас. — И студенты, которые едва ли более трезвые, соглашаются с готовностью бойскаутов!

Пока мы с Шоном идем к столу (в некотором смысле я его тащу на себе), он мне рассказывает, что бильярд — одно из немногих увлечений, которое они разделяют с

Алексом. И эти слова снова посылают по моему телу теплые токи, заставляют улыбаться. Ну, я понимаю, что влюбляться в Шона — худшая идея в мире, но в отсутствие других кандидатур и при наличии бутылки он просто идеал!

Я, признаться, сильно сомневалась, что Шон обыграет в бильярд хоть кого-то, но он... обыгрывает. Одного за другим. Словно насмехаясь. Может быть, пьяным он только притворяется? Это длится уже несколько часов, удары по шарам, пьяные крики и новые, и новые порции выпивки. И все так чудесно, что я бы и дальше продолжала волшебный вечер, но мысли о сексе гонят прочь. Когда мы покидаем бар, на часах уже три.

— Как мы доберемся и куда? — спрашиваю я Картера, не особенно рассчитывая на ответ, потому что адекватным он не выглядит. А он и не отвечает, просто со второй попытки достает из кармана ту самую, уже знакомую мне, кредитку и указывает на ближайший отель.

На нас с ужасом смотрит администратор. Видимо, мы сегодня собой являем тот еще колорит. Надо собраться. Соберись, Джоанна, сделай умное выражение лица, ты же доктор философии! Да не перекошенное, а умное. Я залихватским жестом (чуть не промахнувшись) откидываю назад волосы, стараюсь идти ровно и придать себе максимально высокомерный вид, потому что это у меня получается лучше, чем все остальное. Мне, кстати сказать, удастся, но тут, за моей спиной Шон сносит вазу и цветисто ругается, а я оборачиваюсь, спотыкаюсь и в итоге повисаю на стойке регистрации. Администратор в шоке.

— Здравствуйте, я доктор Конелл, а это редкий вредитель и будущий труп, если вы нас не впустите, — сообщаю я весьма трезвым голосом. Затем, вспомнив о карточке, протягиваю ее женщине за стойкой.

— Но эта кредитка на имя мистера Картера.

— Он *профессор* Картер, и этим именем вы можете опознавать будущий труп в морге. Не обращайтесь внимания на мой лепет. Американцы, — доверительно сообщаю я, подкладывая ладонь под щеку. Кстати, когда говоришь слово американцы, все как-то сразу становится проще, никому неохота связываться со свободомыслящей нацией. Только вот сволочь-Картер каким-то образом услышал мои слова и орет на весь вестибюль, что он австралиец. Но, как ни странно, администратору это очень даже помогает — она начинает стучать по клавиатуре с удвоенной скоростью.

— Что-нибудь еще нужно? — спрашивает женщина, пока я медленно засыпаю, опершись о стойку.

— Бутылку вина на опохмел, — сообщаю я сонно и веду Шона к лифту.

Пока мы едем несчастные пять этажей, взгляд Шона трезвеет с каждым последующим. Интересно, что ему помогает: высота, время или созерцание меня? Он будто приклеился ко мне взглядом. Я, кстати, отвечаю взаимностью, но мой IQ не прибавляется. Звяк, я, покачнувшись, иду к выходу из лифта.

— Джо, — вдруг совершенно осознанно выдыхает Шон, и что-то в этом есть очень непривычное. Что-то настолько интимное, что я спотыкаюсь на выходе. Картер честно пытается меня поймать, но в его состоянии это невозможно, и мы падаем на коврик и начинаем целоваться. Не знаю, чем бы все закончилось, если бы ногу Шона не зажали дверями лифта. После этого нам удастся встать и найти номер с указанными в буклетике цифрами. Как самый трезвый из имеющихся в наличии, я беру на себя обязанность открыть дверь, но, как выясняется, вставить карту в замок — задача экстра-класса. Не меньше двадцати минут мы пытаемся открыть дверь. Точнее первые пять пытаюсь я, потом меня разбирает истерический хохот, и я сползаю вниз по стене, а спасать безвыходную (или

безвыходную) ситуацию берется лучший хакер мира. Оказывается, за пятнадцать минут трезвый Картер может вскрыть средненький суперкомпьютер, и те же пятнадцать минут пьяный Картер может попытаться попасть в щель замка простейшей двери.

Наконец, задача выполнена. Дверь распаивается, и мы дружно падаем на пол. Снова. Он лежит на мне. И, собственно, не о чем больше мечтать, ибо мы в номере, пьяные и счастливые, вероятно даже более счастливые, чем когда-либо за те четыре года, потому что ограничений, наконец-таки, нет. Это просто одна ночь, именно то, что могло бы быть у меня в самом начале, но не вышло из-за моих же тараканов. Да, такова реальность: я определенно не из тех, кто может спокойно отдаваться каждому встречному. Но теперь Шон — никакой не первый встречный, он у меня в печеньку вьелся, даже в ФБР оценили, а потому сейчас... сейчас все просто идеально. Мне удастся пинком захлопнуть дверь, и все, мы одни, отрезаны ото всего внешнего мира, скрытые пузырем безмятежности, обеспеченного нам избытком алкоголя.

Губы Шона касаются моей шеи и, видимо, чтобы не отрываться от процесса, мой топик он снимает через ноги, но возражать по этому поводу я не вижу смысла, так как его губы опускаются ниже, все ближе к груди. А я не в состоянии расстегнуть его пуговицы, потому рву рубашку, ломая ногти (Бог мой, представляете насколько я не в себе, раз не обращаю на это внимания?), мои стоны, наверное, до первого этажа слышны. Я определенно счастливейшая из женщин этого потрясающего мира! А у меня больше нет ни одной проблемы, кроме той, что он все еще не во мне, что он все еще недостаточно близко. Но это случится, скоро.

Под моими пальцами тело, знакомое, пожалуй, лучше, чем собственное. Я переворачиваю Шона на спину и начинаю целовать его. Что делает его таким невероятно сексуальным? Только тело? Да, он красивый, но он не самый красивый. Может быть дело в том, что в нем не найти ни одной женской черточки? Его нос с горбинкой, а щетина всегда оставляет на моей коже борозды. И весь он состоит из мышц и углов. Это сводит с ума. Его губы ни капельки не мягкие, и его пальцы причиняют мне боль. Я люблю видеть, как он теряет из-за меня контроль. Я люблю, когда он входит в меня, и реальность еще больше отдаляется. Какая же я дура, почему от этого отказалась? Почему мы оба от этого отказались? Разве оно того не стоило?

Где-то в процессе нас прерывают, приносят игристое вино, и я, загородившись дверью, беру его. Если бы не это, мы бы, наверное, так до кровати и не добрались — остались на полу.

В первых лучах солнца я почти достаточно трезвая, чтобы быть в шоке от видения того, что стало с мебелью гостиничного номера. Радуюсь, что я не попросила номер люкс и внезапно проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь я только в полдень. Шон лежит на кровати, накрыв голову подушкой. Простыня бесстыдно откинута в сторону, почти ничего не скрывает, и я вижу, как свет струится по рельефным мышцам его тела. И почему мы договорились всего об одной ночи? Но на самом деле ответ я уже прекрасно помню, потому что алкоголь выветрился. Теперь я трезвая и разумная. Картер, кстати, тоже. Если жив, конечно. Я чувствую себя человеком процентов на сорок, никак не больше. Тяну простынь на себя, ведь Шону она все равно ни к чему. Он так бесподобен, что ему нечего стыдиться. Я бы на его месте тоже не стеснялась. Наверное. Начинаю искать припасенную бутылку вина. Гхм, она стояла на столике, но

столик находится определенно не в этом углу, а то бы дверь не открылась... Наконец, пропажа обнаружена — бутылка закатилась под тумбочку и теперь стыдливо прикрыта моим бюстгальтером. Кладу вино в безжизненную руку Шона, и он чуть ли не одним пальцем ее откупоривает.

— Это именно то, чего я хочу больше всего на свете, — бормочет он и делает большой глоток. Ему определенно повезло, что на бутылке крышка, а не пробка. Некачественное вино только что спасло жизнь Шона Картера. Ха-ха.

— Дай и мне, — говорю я и, выхватывая у него бутылку, сама пью прямо из горла. Простыня при этом практически падает, обнажает мой бок. Я не могу одной рукой ее поправить и не хочу, чтобы Шон видел меня голой, но его глаза уже изучают кожу. Возвращаю вино и поправляю простынь. Но глаза Картера горят, будто прожигают дыры в ткани. — Шон, не смотри так на меня. Одна ночь. Таков был уговор.

Но в этот же момент на его виске начинает пульсировать жилка. И я не хочу смотреть ниже, я не выдержу если взгляну!

— ШОН! — окликаю я его громко.

— Да? — спрашивает он так, словно контролирует не только себя, но и весь мир. И я все-таки смотрю ниже. Мда, до настоящего самообладания ему далеко.

— Одна ночь. И все.

— Одна ночь, из которой я ничего не помню, — буднично сообщает мне он.

Вот это новость... как я жалею, что не знала об этом раньше. Я бы позволила себе больше, в десятки, сотни раз. Я могла бы заставить его говорить, заставить объяснить все, что я так и не поняла о нас. И самое главное — выяснить, почему он сделал все, чтобы я ушла. Это больно. Прошло три года, а рана не заживает. Ведь вопрос остается без ответа. Почему он не оставил мне даже шанса? Измены? Их я терпела — обижалась, но привыкла. Унижения? Он умел за них извиняться в своей единоличной эгоистичной манере, что я, в конечном счете, научилась понимать и принимать. Но последнее, что он сделал, не оставило мне выбора. Сознательно причиненный вред — не то, что я смогла бы пережить. Тогда встает вопрос: почему я в этом номере, наедине с голым Картером, который не помнит ни одной позы, в которой имел меня прошлой ночью?

— Это не моя проблема. И, поверь, тебе повезло.

— Я был настолько плох?

— Если подпевание Тине Тернер считается.

— Я был настолько плох, что ты отказываешься со мной спать? — полностью игнорирует он мои колкости.

— Шон, ты не был плох, и мы оба это знаем. А еще мы оба знаем, почему я с тобой отказываюсь спать и дальше.

Внезапно он встает и подходит ко мне.

— Один раз, чтобы я запомнил. Иначе это эгоизм.

— Ты был пьян, но свое получил.

— Фактически, о том, чтобы я напился, меня попросила ты. Косвенно, но все же. И мне нужно получить то, о чем просил тебя я.

Он рывком выхватывает у меня простыню. И я стою перед ним голая. Но недолго. В следующее мгновение я уже повисаю у него на шее, обвивая его бедра ногой. Я рехнулась. Не забудьте записать в медкарте!

Ночью мне все виделось иначе. Как-то мягче, без горьковатого привкуса последующего

расставания. А он словно делает все возможное, чтобы я пожалела о своем решении. Не может же он в самом деле хотеть, чтобы я вернулась? Или он рассчитывает на курортный романчик, который нам Леклер по доброте душевной позволит? Это безумие, это неправильно. Так не должно быть. То, что уходит, исчезает навсегда, иначе быть просто не может. «Мы» — я и Шон Картер — канули в Лету, возврата нет. Это блажь, уступка прошлому, попытка расставить все по местам, так что он делает? Зачем?

Я лежу на кровати. Воздуха мало, а тот, что остался — слишком горячий. Кожа липкая от пота, но я безмерно, безгранично счастлива. Будто все проблемы решились. Выброс эндорфинов в кровь и все тому подобное. Черт подери! Что я творю?!

— И ты хочешь, чтобы это не повторилось? — спрашивает Шон.

— Я... согласна на отсутствие рецидивов, — говорю ему я. И искренне верю собственным словам. — Это не значит, что я тебя не хочу, — неожиданно добавляю я. Мне даже не надо поворачивать голову, чтобы знать, что он на меня смотрит. — Но это не меняет того, что мы с тобой совершенно разные. И не меняет того, что я не в состоянии простить то, что ты со мной сделал. Тебе никогда не понять, сколько сил я тратила на то, чтобы быть совершенством, чувствовать себя совершенством. А ты только брал и разрушал мои попытки. Унижал, заставлял уподобляться тебе. Или не тебе, но кому-то, кто совсем на меня не похож. А по-моему на этом свете нет ничего, что стоило бы отказа от себя. Я уже пыталась подстраиваться, но ничего не вышло. С чего ты взял, что я хочу рискнуть снова?

Может быть, дело не в том, что он осознанно меня ломал раз за разом? Может, так само получалось? Ведь, как бы там ни было, Картер харизматичен. Вы не найдете человека, который остался бы к нему равнодушен. Нет, это не обаяние. Он ублюдок, и это видно, — но харизма... она есть. Да. Без нее Шон при всем своем уме был бы ничуть не лучше любого мальчишки.

Из отеля мы выезжаем крайне весело. Шон в бешенстве. Не знаю из-за моих слов или тараканов в собственной голове, но он очень зол. На его рубашке осталась лишь половина пуговиц, а потому только она и застегнута. Его прическа свидетельствует о том, что он занимался сексом всю ночь и до душа не добрался по странным сомнительным причинам. Глаза у него с похмелья все еще красные и воспаленные. Но все-все-все это меркнет по сравнению с выражением лица. Ах, сколько достоинства, он же властелин мира. Отвергнутый, обиженный и рассерженный. Меж бровей глубокая складка, губы сжаты в ниточку, подбородок поднят.

Администраторша поглядывает на нас очень заинтересованно. Я ее понимаю, сейчас Шон не очень похож на человека, который может запросто завопить на весь вестибюль, что он австралиец. Однако, Картер как всегда непрошибаем, успешно делает вид, что ничего странного не происходит.

— Признаться, я не ожидала, что сегодня вы вообще выедете, — говорит администраторша, сверкая улыбкой и поглядывая на Шона. Он смеряет ее подозрительным взглядом, но вместо того, чтобы ответить, обращается ко мне:

— Не напомнишь, что вчера было?

— Ты пел I will survive, обещал обыграть в бильярд каждого студента в округе, вопил, что ты австралиец, ползком выбирался из лифта и пятнадцать минут пытался открыть замок номера. — А Шон ничуть не смущается, просто закатывает глаза.

— Надеюсь ты удовлетворена моей «человечностью».

— Вчера была, сегодня протрезвела. Ты на машине?

— Нет. Я знал, что придется пить.

— По-моему ты пришел ко мне, собираясь бросить это пагубное пристрастие.

— Не рассчитывал, что ты так легко согласишься.

У меня отнимается дар речи. И правда. Иногда я сама себе поражаюсь. Что он со мной делает? Как? Где, в конце концов, моя голова? Почему в присутствии Картера мне регулярно сносит крышу?

Но на лице у Шона ни торжества, ни ехидных ухмылок. Он равнодушно постукивает кредиткой по стойке рецепшна. Будто не ошарашил меня новостью про мою же непозволительную сговорчивость. Поэтому я просто меняю тему:

— Как ты меня нашел?

Он замирает, а затем смотрит как на идиотку.

— По GPS твоего телефона, конечно.

— Конечно. Вместо того, чтобы позвонить, спросить где я и предложить собственную компанию, ты решил пробить мое местоположение по спутнику. Очень по-человечески, Картер. Bravo.

— Мне легче общаться с компьютерами, чем с людьми. Мои социальные контакты ограничиваются, как правило, постелью. Меня это устраивает. И не надо делать вид, что ты этого не знаешь. Если хочешь, чтобы я не искал тебя, не пытался взломать твой блэкбери и не тащил в постель, тебе стоит вернуться в Штаты ближайшим же рейсом.

Мое раздражение выливается на администраторшу, которая слишком уж долго копается в своем компьютере. Помнится, ночью у нее получалось значительно лучше.

— Простите, у вас система повисла? — спрашиваю я раздраженно. — Потому что сейчас у вас уникальный шанс попросить этого мужчину помочь. Поверьте, он и Пентагон запросто взломает, лишь бы отсюда побыстрее убраться.

— Неужели, — снова улыбается она Шону. И на этот раз его августейшее изволит ответить:

— Советую разобраться самостоятельно, потому что после моего вмешательства вы можете обнаружить массу неприятных сюрпризов, — сухо говорит он.

Администраторша принимает его слова за шутку и смеется, а Картер снова переключает внимание на меня:

— Как поживают Леклер и Келлерер? Давно вас не видно.

— А что, страшно? — осеняет вдруг меня. Пока мы с Картером не виделись, он весь извелся, гадая, не строим ли мы собственный коварный план. — Не бойся, я не составила контрзаговор против тебя.

— Ты смешная, — вдруг улыбается он холодно. — Запомни, я тебе предложил отличную сделку, а Леклеру ты нужна будешь максимум две недели. Для него ты не долгосрочный проект. Он гоняется за мной три года, ищет, копает землю. Ничего не находит. Он тыкается в тупики, разыскивая мои слабости. А теперь нашел тебя и машет перед моим носом, надеясь, что я взбешусь или отвлекусь. И ошибусь. Вот зачем ты ему. Не больше.

— Но ты же не ошибешься, — меланхолично отзываюсь я, скорее по привычке.

— Разумеется, ошибусь. Я же человек.

У меня отвисает челюсть, а Шон фыркает, качает головой и выходит из отеля. На подобное признание я даже не рассчитывала. Не то, чтобы я полагала Шона безгрешным, но одно дело, когда это знаешь ты, и совсем другое, когда он в своей слабости признается

самостоятельно. Раньше такого не случалось.

Итак, он вышел из вестибюля, а я остаюсь, чтобы подписать бумаги. Была уверена, что он уже уехал, но когда выхожу, обнаруживаю, что он стоит на пороге и выдыхает в небо сигаретный дым. За все время, что мы жили вместе, курящим я его видела считанное число раз, и то, что сейчас он снимает стресс посредством никотина, — знак не очень хороший.

— Сэр, здесь нельзя курить! — говорит швейцар, спеша к Картеру. Но тот просто бросает ему пару банкнот, как кость собаке. Это сравнение наводит меня на мысль.

— Как Франсин?

— Умерла через месяц после твоего ухода, — невозмутимо отвечает Шон.

Не знаю почему, но новость потрясает меня настолько, что я непроизвольно начинаю искать себе оправдание:

— Она была немолода...

— Да-да, Конелл, была, — перебивает меня Шон и вдруг смотрит так, словно я настоящий враг человечества. — Но она скучала, скулила и не давала мне спать по ночам.

Я чешу бровь. Кажется, я попала в паутинку Шона, и он мной играет, а я все больше запутываюсь. Так делают некоторые животные: кусают, отходят и смотрят как ты отреагируешь. Он что-то хочет мне сказать?

— Мне ужасно жаль. — Никогда не понимала, что говорить в таких случаях. Но на этот раз Шон на мой ответ не обращает внимания вовсе.

— Так интересно было за вами наблюдать. Не знаю, чем тебе столь сильно не угодил моя собака, но ведь она пыталась выслужиться, ходила вокруг тебя, а когда ты уезжала — ложилась на кухне и ждала возвращения. Я не умею разговаривать с животными, а то бы дал ей хороший подзатыльник и объяснил, кто ты есть. А ты, Конелл, беспардонная стерва, которая никому не дает вторых шансов, не так ли?

От этих слов у меня начинают гореть уши. Хочется ему врезать! Да как он вообще смеет говорить мне такое?!

— Франсин не таранила мною мебель, — рывкаю я. — А ты не помираешь с горя из-за моего ухода. Ты не оставил мне ни единого шанса остаться с тобой.

— Я знаю, — кивает он.

— Тогда о чем ты говоришь?

— О том, что умение прощать может сильно облегчить тебе муки совести. Ты ведь уже пожалела, что была с собакой неласкова? Ты всегда так поступаешь: ставишь клеймо и раскаиваешься, только когда исправлять что-либо уже поздно. Когда-то давно ты поставила клеймо, что на Франсин, что на мне. И никогда даже не сделала попытки пересмотреть собственное мнение, не так ли? А стоило бы! Я надеялся, что за три года ты изменилась, Джоанна. Может и так, но не в лучшую сторону.

Оставляю Шона докуривать свою сигарету, а сама ловлю нам такси. Потому что стоять рядом и выслушивать оскорбления только за то, что отказываюсь с ним спать, как минимум неразумно. Он чуть ли не инвалидом меня сделал, а я, значит, виновата и не даю ему реабилитироваться? Экая чудесная логика!

Такси я ловлю по методу Шона. Выбрасываю в сторону руку с зажатой купюрой. Это существенно ускоряет процесс. И спустя пять минут мы сидим рядом в такси.

— Так... гхм, у тебя теперь нет собаки?

— Что? — Картер выглядит удивленным до глубины души.

— Мне казалось, что ты любил Франсин...

— Я взял Франсин только потому, что чувствовал себя в долгу перед отцом за собственный сволочный характер.

— Но ты привязался к собаке.

— Если я и привязался, то только к одной собаке. Другую я буду ненавидеть так же сильно, как и всех остальных.

— Да, и с людьми у тебя так же, — бормочу я и отворачиваюсь к окошку.

После этого молчание превращается в раздраженное. Сидим и таращимся в разные стороны. За последние сутки случилось столько всего, что мне необходим электрошок. Меня вышибло из комфортной зоны. Раньше я всегда знала, где находятся стоп-линии Шона. И старалась к ним даже не приближаться. Теперь же он сам заставляет меня их пересекать, а я не хочу, потому что не знаю, чем это чревато.

— То есть ты всегда метил в кресло сеньора Хакера? — озвучиваю я единственную идею. Вот же она, эта причина. Шон на пороге собственного потолка, естественно, он счастлив и спокоен. Ему не о чем больше переживать. Он просто снимает сливки, наслаждается собственным триумфом. Всеми способами.

— Конечно, — спокойно отвечает он.

Итак, Шон Картер перестал лихорадочно цепляться за ступеньки лестницы в поднебесную, теперь он разрешает себе пожить. Это смешно, но, тем не менее, действительно. Он достиг всего. Он наш новый Бог. Может быть, он и прав, может быть разбрасываться неправильно, но кто еще в состоянии идти к поставленной цели, годами не сбиваясь с курса? Честно говоря, я никого, кроме Шона, не знаю.

— Из тебя выйдет замечательный сеньор Хакер, — говорю я, когда такси тормозит перед отелем, и выхожу из машины.

Забираю у администратора ключ от номера, и именно в этот момент рядом со мной появляется Леклер. Злой, как черт.

— Ну и как впечатления, доктор Конелл? Понравилось спать с подозреваемым? — спрашивает он. Не говорит, а шипит подобно змее. Администратор начинает кашлять. У него культурный шок.

— Как и всегда, агент, — без обвиняков заявляю я. Не его, вообще-то дело!

— Еще раз вытворите что-то подобное, и можете прощаться как с Картером, так и с папочкой. Я вас вышлю отсюда первым рейсом, на который билет найдется. И если даже придется лететь с пересадкой в Антарктиде, это меня не остановит.

— ЧТО?!

— Он подозреваемый, а вы...

— Шантажируемая. Я не блюстителю закона!

— Мне кажется, вы не понимаете серьезности ситуации, доктор Конелл. Это не игрушки. Спать с подозреваемыми нельзя. Ни при каких обстоятельствах. Стоило бы помнить, с кем вы в одной упряжке! Ведь вы итак не беспристрастны.

— Я была с вами в одной упряжке, Леклер, пока вы не свалили в Рим. Теперь каждый сам по себе, уж извините.

— Я делал свою работу. Так, как умею. И ничего согласовывать с вами не обязан.

— А я обязана согласовывать с вами с кем мне спать, мой маленький сладкий сутенер? — игриво провожу я пальчиком по его груди. — А хоть разговаривать с Шоном я могу? Или вы составите мне список дозволенных тем?

— Перед камерами или жучками говорите о чем угодно. Только чтобы до стонов не

доходило. Кстати об этом, у вас, помнится, в Штатах жених остался.

— Он мне не жених.

— Ваш отец так не считает.

— Если мужчина спохватился, что может меня потерять только после того, как потерял — он мне не нужен! Я хочу, чтобы меня жаждали каждую секунду, миллисекунду, не только когда я пропадаю из поля зрения. Вот что называется правильной помолвкой, а Брюс...

— А Шон Картер, конечно, жаждет вас каждую секунду и миллисекунду, когда не находится в постели другой. Вы видели записи до вашего приезда? Посмотрите. Он не скучал.

— Да.

— Что да?

— Конечно, видела. Агент, вы думаете, что я настолько наивна? Он мне верность не хранил никогда. Поначалу было обидно и непонятно, но со временем удивляться перестаешь. Противно, но терпимо — я же не замуж за него собиралась.

— Полагаю, что это потому, что он никогда бы вам этого не предложил.

— Логично, не находите? Я никогда не собиралась за него замуж, потому что мы слишком разные. Не стану отрицать, что я определенно не та женщина, которая может поставить на колени Шона Картера. А, может, он просто не из тех, кто способен связать свою жизнь с кем-либо.

— Тем не менее, Карине Граданской он предложение делал, — сообщает мне Леклер. А вот этого я не знала. И новость парализует мой мозг. Есть ли у вас люди, которых вы откровенно ненавидите, которых просто не можете не ненавидеть, которые для вас просто средоточие собственной ненависти и отчаяния? У меня такой человек есть. Это Карина Граданская. И пусть мне не нравятся слова Шона о том, что я не даю вторых шансов, не прощаю, не пересматриваю свое отношение, с Кариной это правда.

— Удивительно наглые администраторы пошли, подслушивают, подслушивают... мой ключ у вас, вы его потеряли или кому-то отдали? Я точно знаю, что ко мне в комнату, пока меня нет, целыми табунами ходят. И это не горничные. Это Леклер, Келлерер, полагаю, что и гости из бунгало тоже!

— Простите, но мне ничего об этом не известно, — чопорно отвечает сотрудник отеля.

— Вы в состоянии ключ найти?

И он протягивает мне ключ.

— Вы официально занесены в список людей, которые меня очень-очень сильно раздражают! — Наверное, он просто под горячую руку попался, но я не могу не выплеснуть яд хоть на кого-нибудь.

Но мне везет еще больше, поскольку когда я захожу в собственную спальню, обнаруживаю там Карину Граданскую. И изучает она материалы, которые я повесила на стенку. Ну все, попалась, стерва. Объективно, она конечно, не виновата в том, что Леклер меня попытался уколоть, но это не значит, что ей не достанется. Даже администратору влетела, а эта — еще хуже.

— Какое... потрясающее зрелище.

— Шон с тобой? — спрашивает она, на провокации не ведется.

— Шон с тобой. — Нет, я не в состоянии сдержаться. Просто не могу. И пусть понимает, как хочет.

— Не поняла... — И так по-детски удивленно на меня смотрит. У нее вообще хорошо

получается делать большие невинные глазки.

— В бунгало. Шон туда поехал, — поясняю я, будто именно это и имела в виду.

— Аа... — тянет она. — Ты... эээ...

— Ты говорила кому-нибудь о своей болезни? — ухожу я от расспросов.

— Ты о провалах в памяти? Н-нет, — она смущена.

— Я изучила вашу переписку, и поняла, что в курсе был только Манфред.

— О. — Она думала, что я интересуюсь не для дела? Так Карина еще и наивная? В жизни не поверю. — Да, так и было. Это значит, что я попадаю под подозрение?

— Значит, никто из хакеров больше не знал?

— Я скрывала дочь, о ней был осведомлен только Манфред. Так я под подозрением?

Итак, Манфред или Карина? Или кто-то из них кого-то покрывает. Кого-то, кому сообщил все, как есть.

— Тебе лучше покинуть мою комнату.

— Конечно, извини за вторжение, просто Шон пропал и я вспомнила шторм... — Не верю ей. — Ты знаешь, где он был?

— Я знаю где он был.

Она качает головой.

— Ты ведь его используешь. Для этого. — Она обводит рукой мои записи. — Он знает?

— Конечно, знает. Он сам предложил.

Она тяжело вздыхает.

— И теперь ты с ним спишь.

— Вы с Леклером коллективный набор свечей заказали? — иронично спрашиваю я. — Это здесь не при чем. — Я указываю на стену. — Ты за Шона не переживай, Пани, с ним уж точно ничего не сделается.

— Откуда тебе знать? — рявкает она. Защищает? Как же меня бесит эта парочка. — Я всегда подозревала, что ты эгоистка!

— Взаимно. Только ты еще и с**а.

— Я изменилась!

— Легко быть хорошей, когда в твоей жизни все прекрасно. Это как облагодетельствовать окружающих, когда на твоём счету миллиарды. А когда у тебя болела дочь, а тебе не хватало человеческого сострадания, ты пришла в дом, в котором я жила, и разрушила сказку, в которую я верила. Сдернула с меня розовые очки. А я любила свои розовые очки. И не надо обвинять меня в скупости и черствости теперь!

Сейчас, Пани, я уйду, вернусь через двадцать минут. И лучше, чтобы тебя здесь не было!

Глава 10

Джоанна vs Карина

Шесть с половиной лет назад

Тот день был выходным. Я старательно писала программу удаленного доступа, которую задал мне Шон в рамках индивидуального учебного плана. Он занял компьютерную комнату, а мне досталась гостиная. В одном помещении мы работать не могли, Картер не терпел конкурентного стука по клавишам. Это его отвлекало. По крайней мере, я предпочитала именно эту версию объяснений.

На мне было платье с цветами и широкими белыми полосками окантовки по краям, волосы скручены в замысловатый жгут и красиво спущены на одно плечо. Я не собиралась выходить на улицу, но раз Шон был дома, не поленилась нарядиться, причесаться и накраситься. Какой же я была душой! Однако, в тот собственное стремление к внешнему совершенству стало для меня неким утешением, потому что в дверь позвонили, и то, что случилось после, не описать цензурными словами...

Я не стала дожидаться, чтобы на звонок вышел крайне раздраженный Шон, к тому же уже выучила урок: кто бы ни пришел его нужно выставить и побыстрее. Поэтому я подошла к двери и, не глядя в глазок, ее распахнула... а затем все заготовленные вежливые слова застряли в горле. Я сразу поняла, кто передо мной. Именно об этой особе рассказывали Джастин Картер и Роберт Клефт. Иными словами, по наши души явились концентрированные неприятности.

Одеты они были, однако, экстравагантно: в жакет с раскраской под зебру, желтый топик, аквамариновые брюки и золотые туфли на сумасшедших каблуках. В пальчиках, с длинными ногтями под цвет брюк, была зажата совсем не женская сигарета. И пахло так, будто незнакомка выкурила уже пачку. Однако, за табачным амбре я почувствовала духи. Очень дорогие духи. О да, рядом с Пани (а, разумеется, это была она) я в своем платье в цветочек показалась себе дешевкой. И не представляю, каким образом, ведь одета она была на зависть любому попугаю!

Видно, дело было не в одежде, ведь ее глаза обладали кошачьи прищуром и металлическим блеском поверх странной фиолетовой радужки, кожа не была знакома ни с расширенными порами, ни с солнечными лучами, а цвет ее волос смог бы повторить не каждый художник. Она была ниже меня сантиметров на десять, но сумасшедшие шпильки украли как минимум половину моего преимущества. И, черт, она была безупречнее не придумать!

Я возненавидела ее сразу. Вот на этом самом месте. Даже на порог пускать не хотела, потому что чувствовала, будто стою на пути у движущегося на всех парах состава. И сойти с рельсов уже не успеваю.

Мы с ней подняли глаза одновременно. Она, выходит, тоже меня разглядывала. Интересно, что увидела во мне она?

— Шон дома? — спросила Пани с легким австралийским акцентом. То есть приехала и жила здесь, совсем как я.

— Он занят и в такие моменты не очень любит посетителей, — попыталась я избежать лобового столкновения с поездом. Но это не прокатило.

— О, — рассмеялась она хриловато. — Я курсе, но меня он точно примет.

И тут, словно в доказательство ее слов, к дверям ломанулась Франсин. Она и лаяла, и счастливо скулила, и облизать гостью пыталась...

О да, это меня обидело. Да, я посчитала ее поведение предательством. И да, я больше никогда не была добра с бедняжкой Франсин. Сейчас мне кажется это сплошным безумием, но если вы читали о таком явлении, как проецирование, то знаете, на кого я злилась, вы знаете, что раз мне нечем было задеть Шона, то его собаке досталось по полной. Пусть я, как и прежде, кормила Франсин и гуляла с ней, но отношение прежним не стало.

— Я позову его, — сказала я, задаваясь вопросом, насколько велика вероятность, что и остальные обитатели дома будут так же рады госте, как собака. Мое сердце стучало глухо и больно. Что ей надо? Зачем она приехала?

— Шон, к тебе гости. — А он, чтоб его, даже не повернулся в мою сторону.

— Я занят.

— Гости передали, что ты отвлечешься и будешь очень рад их присутствию, — переступая через себя, сказала я.

— Вот как... Какие интересные гости. И кто это? — скучающим тоном спросил он.

— Женщина, — пожала я плечами, сама не понимая, почему назвала ее именно так. — Рыжая.

И вдруг случилось невероятное. Шон на мгновение замер, а затем моментально поднялся со стула и направился к двери на звуки лая и счастливого скулежа. А я подходить не стала, мне нужна была дистанция. Если бы в тот миг я могла убежать, чтобы сохранить свои иллюзии, я бы это сделала. Но вылезать в окно было как бы ниже моего достоинства.

А тем временем, Шон и Пани остановились друг напротив друга, и что-то такое повисло в воздухе, что даже Франсин притихла, реагируя на происходящее. Воздух стал душным, толстым, плотным, его стало невозможно проглотить. И тут губы Карины дрогнули в улыбке. А я... пусть это было трусостью, но я обрадовалась, что не видела выражения лица Шона.

Затем эти двое заговорили. Не по-английски. Я сразу вспомнила Алекса и заподозрила в иностранке русскую... Я не сильно ошиблась. А Шон махнул рукой в сторону кухни и выгнал собаку на улицу.

— Джоанна, Карина или, среди Бабочек, Пани. Потому что якобы по происхождению она в каком-то там колоне полячка.

— Я чистокровная полячка, — сухо заметила она.

— Да? А ты хоть раз в Польше была? — фыркнул Шон. — Если мне не изменяет память, ты скрываешься от праведного возмездия в более... урбанизированных странах. — И хотя это было жалко, я все равно обрадовалась, что он начал знакомство с привычных подколов и придинок.

— Это тут вообще не при чем! — сощурилась Карина.

— Каждый из нас останется при своем мнении, — пожал плечами Шон.

А во мне разыгралась вежливость.

— Что будете пить? — спросила я, выдавливая из себя улыбку.

— Кофе, конечно, — огрызнулся Шон. Карина не возразила.

Итак, она красивая, умная и любит кофе. Идеальная девушка для Шона Картера. Хотя раньше мне казалось, что и я на эту должность очень даже подхожу. Просто до нее — до Карины Граданской — я никогда не встречала ни одной красавицы, которой бы однозначно проиграла внешне. В тот день это случилось впервые. И осознание оказалось до смешного неприятным.

— Так что тебя забросило в Нижний Мир?

— Деньги, — ответила Пани без обиняков, чем изрядно меня удивила. Ей нужны деньги, но она не поскупилась на билетик до Сиднея.

— Зачем? Когда, чтоб тебя, ты промотала все, что получила от Алекса и не Алекса тоже?

— Как тебе удастся опошлить все на свете? — кисло поинтересовалась она, но не обиделась.

— Ты уехала из Сиднея к нему. Я немного удивлен, что и из Петербурга ты тоже смоталась. На этот раз к кому?

— К Лиз Маер, если тебе действительно интересно.

— Уверяю тебя, мне абсолютно похрен. Я спросил, чтобы тебя позлить.

А она засмеялась. Она, черт ее дери, просто рассмеялась!

— Годы идут, а Шон Картер остается незыблемым.

— Ты хочешь поговорить за жизнь? Охотно оставлю вас с Джоанной. Это у вас общее. — И сказано было так, словно больше у нас нет общего ничего. Вероятно, он был прав, но я расстроилась, потому что ОНА в его глазах точно выигрывала. — А если хочешь, чтобы я сделал вид, что поддерживаю подобного рода беседу, извести меня за несколько дней до в письменной форме. Мне нужно морально подготовиться к такому событию.

— Ты отвратительный, — отмахнулась Карина.

— Деньги тебе зачем?

— Не могу сказать.

— Тогда катись отсюда, — без труда решил вопрос Шон.

И вот теперь она обиделась. Даже топнула ножкой. Я не смотрела пропустить такое зрелище и обернулась. И не прогадала. От взгляда Пани и каменная глыба почувствовала бы себя виноватой. Но не Картер.

— Шон, я не прошу наличности. Только о возможности заработать!

— И ты приехала, чтобы попросить меня...

— Отказаться от нелегалки.

— Ты меня, должно быть, разыгрываешь.

— Шон, у Монацелли есть сетевики, есть интеллектуальщики, параллельщики... но ты хакер и я хакер. Мы делим одну ветку и одних заказчиков, при всем том, что ты известнее и лучше. Я ничуть не спорю, но мне нужны деньги. Очень. И срочно.

— Карина, к чему мне твои нервы, драмы и отрепетированные речи? Пустое. Вопрос не меняется: за-чем?

Я поставила перед ними по чашке кофе, и Карина свою опустошила залпом, хотя я даже вазочку со сладостями не успела принести. Почувствовала себя прислугой, которую никто даже не замечает.

— Кое-кто болен. И этот человек мне безмерно дорог.

— Вот видишь, как все просто. — После этих слов Шон постучал по столу пальцами и, наконец, произнес: — Хорошо. Забирай.

— В-всех? — Ее глаза расширились и стали квадратными.

— Половину. Мне тоже нужно на что-то жить.

— Это смешно. Ты на легальной части срываешь больше, чем я на нелегалке!

— Пани, я не собираюсь выходить из игры, — фыркнул Шон. — Всех я тебе не отдам, забирай половину или проваливай ни с чем.

Она несколько смутилась.

— Хорошо, спасибо.

Шон лишь кивнул.

— Зачем ты приехала?

— Поговорить...

— Разговор пятиминутный и вполне себе телефонный.

— Если подслушают...

— Меня не подслушают!

— Меня подслушают.

— Значит среди хакеров тебе не место. — Пани так посмотрела на Шона, что, клянусь, еще чуть-чуть, и у нее бы волосы как змеи зашевелились.

— Ты знаешь, что это не так.

— Хватит устраивать пляски с бубнами, я задал вопрос.

— Я приехала, потому что мне нужен друг! — выпалила она, наконец.

— И ты решила меня записать в категорию, прости, друзей? Я друг Алексу, тебе я не друг, не был и не собираюсь становиться. Ты поступила с Алексом как последняя дрянь, назови хоть одну причину, почему я не должен вышвырнуть тебя пинком под зад, а лучше за волосы затащить в самолет и отправить в твой гребаный Лондон или где ты теперь ошиваешься.

— Скажем, потому что меня так часто пинали под зад и таскали за волосы, что ты не встанешь в один ряд с другими ублюдками, считая себя особенным? — иронично поинтересовалась она. У нее еще и чувство юмора имеется. Я чуть не взвыла.

— Причина достойная, — признал Шон. — Но жилетку из меня сделать не выйдет, как ни старайся. Мне хватает той парочки идиотов, которые кончают от счастья, что получили статусы моих друзей. Они даже не догадываются, что я терплю их девчачье нытье только потому что изредка они бывают исключительно полезны.

— И Алекс?

— Подумываю понизить его приоритет, так как он не только идиот, а еще и наркоман. И толку от него в последнее время ноль. На самом деле я молча терплю все его закидоны только потому что в его срыве виновата ты...

— Думаешь, мне так хотелось взять и уехать? — прервала она монолог Шона. И я попыталась прикинуть, что это за любовный треугольничек такой получился. Более странной ситуации не придумать. То есть Шон и Алекс дружат, хотя как минимум один из них увел у другого девушку, а ненавидят оба теперь, пардон, ее? Это возможно, только если Пани — последняя стерва. Стало быть, я не ошиблась в оценке.

— Да, именно так я и думаю. Сколько я тебя помню, ты всегда собиралась уехать, то куда-то, то откуда-то.

— Я похоронила родителей, меня чуть не убили, и я решила, наконец, построить собственную жизнь без вмешательства толпы мужиков, размахивающими стволами в дело и не в дело!

— А я был уверен, что ты раздвигаешь ноги, как только слышишь слово «мафия»! Неужели надоело?

— Так, все, с меня хватит.

Она встала и собралась уйти, но Шон схватил ее за запястье и потянул в гостиную. А я осталась сидеть на кухне в компании двух пустых кофейных чашек и нетронутой вазочки

конфет. Почувствовала на себе взгляд Шона, и повернулась к выходу. На секунду наши глаза встретились, а затем он резко отвернулся и с грохотом захлопнул за ними обоими дверь гостиной. Оттуда уже раздавался Пани, который было никакими затворами не скрыть и не спрятать.

И хотя Шон был с ней груб, а затем и вовсе довел до слез, жалкой себя почувствовала именно я. И, признаться, ни до того момента, ни после я НИКОГДА больше не чувствовала себя никчемной настолько.

Они закрылись в гостиной. С моим нетбуком. И мне ничего не оставалось, кроме как оккупировать компьютер Шона и продолжить свою работу. Таким образом, я восстановила с нуля код, подумала, еще что-то дописала, погрузила о собственной участи, пожалела себя (как же без этого), попереживала по поводу отсутствия всхлипов в коридоре, поразмышляла над тем, чем эта парочка может заниматься... и тут меня осенило. Я только что написала программу удаленного доступа, а в гостиной остался мой ноутбук, до которого с моим новеньким кодом можно было запросто добраться. И я лихорадочно, наполовину интуитивно начала дописывать код, который должен был обеспечить мне изображение с камеры нетбука. К слову, торопясь открыть дверь неприятностям, я оставила тот на комод и теперь получила просто роскошный ракурс.

Шон обнял рукой плечи Пани, она прильнула к его груди, скрутилась, точно кошка. И все еще плакала, все еще вздрагивала. Учítывая, сколько я проковырялась с кодом, она могла бы уже и успокоиться! Раз, скажем, пять.

А потом... я не знаю и не хочу знать, кто в этом был виноват, но Карина подняла голову и их губы встретились. Думаете, что хоть один из них остановился? Нифига подобного. Шон-падла, кажется, только этого и ждал. Их поцелуй не был страстным, по крайней мере не сразу стал. Сначала губы двигались медленно, с чувством, с наслаждением, он долго убирал с ее лица прилипшие к мокрым щекам волосы. Но я видела, чувствовала, что он хотел ее, просто задышался от вожделения, а ей нужно было совсем не это. У нее были проблемы, которые заставили ее плакать, и мыслями Пани витала именно в них. Здесь же, с ним, она всего лишь хотела почувствовать себя нужной, желанной. Вот зачем она приехала. И даже несмотря на препятствие в виде меня, она заполучила задуманное. Я буквально кожей чувствовала, что Шон ее любил, я и раньше подозревала, что именно из-за другой женщины он так холоден со мной, но теперь... узнала наверняка. На примере. И все, что оставалось — постыдно радоваться, что она ему взаимностью не ответила. Наконец, поцелуй перерос в нечто большее, Пани перекинула ногу через бедра моего ректора и села верхом, обнимая затылок Шона обеими ладонями. Он целовал ее шею, жадно, но явно сдерживаясь. Будто напугать боялся. А затем начал осторожно стягивать жакет. И тогда я поняла, что зрелище обнаженной Карины Граданской в объятиях Шона не вынесу — потянулась к красному кресту, как к спасительному кругу, и нажала на него.

Было и плохо, и больно, и тошно. Просто ужасно. Я не знала, что еще можно сделать, кроме как сбежать. Крадущимися шагами я скользнула в нашу с Шоном (тогда еще нашу) спальню, вывалила содержимое собственного рюкзака на кровать, нашла права от машины, собрала всю имевшуюся наличность, подхватила первую попавшуюся кофту, оглядела все это безобразие и добавила к своим пожиткам... косметичку (я неисправима). Чтобы сделать вид, что все в порядке, что ничего не произошло, я собрала вещи обратно в рюкзачок и поставила его на место, а затем прокралась к холодильнику и чуть ли не каллиграфическим

почерком (чтобы Картер заметил послание, написанное не своей рукой) вывела: поехала к морю.

Замирая на каждом вдохе, я подошла к входной двери, сняла с крючка ключи от машины Шона (тихо-тихо, чтобы не дай Бог не звякнули) и уже порывисто засунула их в собственный бюстгальтер. Не знаю, чего я испугалась больше: что меня с ними поймают или что не удастся сбежать из этого отвратительного места! Мне оставалось только надеяться, что Шон не заявит в полицию по поводу угона машины... хотя бы до утра.

Оказавшись в мазде Шона, я чуть не умерла от облегчения. Знала, что даже если меня теперь уже и вычислят, то не остановят. Но двери на всякий случай заблокировала. А затем действительно развернула машину в сторону побережья. Потому что понятия не имела, где еще искать утешения в этом городе.

Я сидела на холодном песке, мерзла и рыдала, глядя на бликующую воду. Мои мечты, домик с белым забором, бегающие дети с ямочками на щеках — все уплывало в небытие. Я больше не надеялась, что однажды Шон проснется и улыбнется, увидев меня рядом... как я могла быть такой душой? Как не заметила симптомов? Шон сказал, что она уехала к Алексу. Я не была с этим человеком знакома, но очень надеялась, что Пани любила его, а не Шона. Даже если этот Алекс наркоман, он все равно лучше. В тот день я поняла, что я не просто не люблю Шона, я даже не понимаю, как возможно полюбить подобного ему человека!

Впоследствии, когда мне удалось дистанцироваться от происходящего, я обнаружила, что извращенная логика в произошедшем присутствовала. Себе Шон остался верен. Приехала любимая, и он остался с ней, забыв обо мне, невзирая на мои чувства. Но лично я о себе заботиться собиралась, и еще как! Я родилась и выросла в краю, где джентльмен не обидит даму, где неподобающее отношение может вылиться в скандал городского уровня. И хотя я не совсем вписываюсь в южноамериканский антураж, моя модель семьи именно такова! Понять бы еще, каким образом я, такая белая и пушистая, попала в мир волков и шакалов. Я стала словно инородным объектом, который этот мир раз за разом пытался вытолкнуть. Будто Джоанна Конелл была признана для существования слишком розовой и мягкой. Но в тот день все изменилось. Я изменилась. Я потеряла свои розовые очки. Моя уверенность, что я самая-самая, что лучше меня — барби-американки — нет никого, растаяла как дым. Я увидела людей, которые играют с подобными мне, как с настоящими куклами. Кто я? Что я? Просто развлечение для ректора. Роберт Клегг был прав.

Спрятать такую машину, как у Шона, оказалось очень проблематично, но я попыталась. Собиралась в ней спать за неимением других вариантов. Я не хотела идти к Керри и рассказывать о случившемся. Это... ну стыдно, короче, было. В общем переночевала я прямо в машине, припаркованной в прибрежных кустах. Благо, было очень тепло.

Утром на треть сбережений я купила себе бикини. Цвета фуксии, чтобы никто не пропустил! Мне это было необходимо. Чувствовать себя заметной и интересной. А потому, в этом самом бикини я целый день провалялась на пляже, флиртуя с мальчиками, которые угощали меня прохладительными напитками за собственный счет, позволяя экономить оставшиеся гроши. После случившегося мне стало особенно важно, чтобы я нравилась мужчинам. Но тем днем все предстало в новом свете. Нравилась я только сверстникам и престарелым извращенцам, а целевая аудитория, как выяснилось, предпочитала женщин под зонтами в больших очках и дизайнерских бикини. Именно такой мне представлялась Карина Граданская. Я же совсем другая. Мои волосы под сиднейским солнцем выгорели до белизны,

а кожа покрылась равномерным золотистым загаром, потому что я обожала валяться целыми днями на пляже, смеясь над пошловатыми шуточками Керри. В общем на VIP определенно не тянула.

На второй день пляжных скитаний я поняла, что не взять кредитку из дома Шона, было величайшей глупостью всей моей жизни. Я не привыкла таскать ее без надобности, не любила тратить попусту деньги родителей, и искать ее в вещах не стала. Но теперь выяснилось, что долго на своем скудном финансировании не протяну. Еще, может, пару дней – не больше. Но лучше сдохнуть, чем пойти за ней и предстать перед Шоном странной массой из сопливых обид.

Кроме того, надо мной висела грозная тень понедельника. Что делать? Идти в университет? Просить общежитие? Шел декабрь, конец семестра, нужно было где-то жить, на лето я собиралась поехать с Керри в Ньюкасл и снять там квартирку, чтобы и семью Робинс не напрягать, и одной не остаться. Но до этого счастливого момента нужно было еще дожить. Кто согласится сдать на месяц недорогое жилье одинокой нетрудоустроенной студентке?

Ответ на вопрос, как жить дальше после крушения собственного крошечного мирка, упорно не находился. Не странно, ведь я впервые искала выход из, казалось бы, неразрешимой ситуации.

Можно, конечно, было послать к черту образование и стать официанткой (но это не по мне), позвонить и пожаловаться папе, он бы помог материально (но это стало бы ударом по их с мамой бюджету, особенно если учесть, что они только что в очередной раз переехали, и маму государство не спонсировало), или встретиться со своими демонами лицом к лицу (последнее было бы идеально, не окажись я такой трусишкой). Однако решение вдруг само ко мне пришло. Оно было спонтанным, безумным, но, как выяснилось, просто гениальным.

Моя первая пара была у Шона и, разумеется, я на нее не явилась. Вместо этого я окольными путями добралась до аудитории этажом выше и постучала в дверь.

— Простите, профессор, можно поговорить?

Роберт Клегг согласился выслушать рассказ о моих неприятностях, ради такого дела даже отпустил пораньше своих студентов и нашел нам пустую аудиторию, без «ушей». Прерывая рассказ усердными всхлипываниями, я коротко поведала преподавателю о возвращении Карины Граданской и попросила помочь мне заполучить комнату в общежитии снова.

В общем, когда я упоминала гениальную идею, то... короче, это была не она. Потому что, забегая вперед, как только ненавистный Шону Роберт Клегг сунулся с просьбой к администрации, общежитие стало закрыто для меня навечно. Я тогда еще не знала о давней и лютой ненависти главного хакера и главного параллельщика университета друг к другу, а то бы, конечно, такой глупости не сделала. В общем, вот так я осталась без возможности иметь в Сиднее собственное жилье по приемлемой цене. Но с этим разберемся позже. А пока Роб — а впоследствии именно так я и стала звать своего сиднейского друга и научного руководителя — рассказал мне о студенческих временах Карины. Из его слов выходило, что без Шона она была никем, ничего бы не добилась самостоятельно, все, чем она обладала на сегодняшний момент, было его заслугой. И начинала она да, совсем так же, как я. С должности предмета мебели в его домике. Только я определенно не собиралась повторять ее подвиги. Я вообще не хотела иметь с этой женщиной ничего общего. Я собиралась уйти от Шона Картера. Навсегда, насовсем.

А вот с вопросом «куда» мне как раз и помогли.

Роберт и Мадлен Клегги были людьми прекрасными. Чуть старше Шона, то есть аккурат посерединке между мной и моими родителями, чуть больше чем на десять лет меня старше. Он был отличным мужем, образцовым. Она — настоящим подарком любому мужчине (поправка, любому, кроме Шона). Мягкая и добрая женщина, домашняя до мозга костей. Я влюбилась в нее с первого взгляда. И в их отношения тоже. Впервые я познакомилась с Мадлен Клегг именно в тот самый понедельник. Роб сразу понял суть моей проблемы и предложил пожить у них, пока мне не вернут комнату в общежитии. Собственно, может, оно и выглядело странно, но в некоторых ситуациях приходится из двух зол выбирать меньшее, не могла же я прятаться от управления общежитий у Керри под кроватью! Да и вообще, представьте себе новость: бывшая подружка ректора становится приживалкой черт знает где, просто потому что к нему вернулась прошлая пассия. Да Роберт Клегг своим предложением, считай, спас мне репутацию!

А Мадлен Клегг приняла бездомную студентку очень тепло, словно потерянную родственницу. Она выделила мне персональный диван и весь вечер отвлекала от грустных мыслей болтовней. Уж не знаю, что именно рассказал ей обо мне Роберт, но она ни одним косым взглядом меня не наградила.

Только все это не помогло уснуть, я все время гоняла мысли о том, что подумает Шон, когда увидит на стоянке перед университетом собственную машину с ключами на водительском сидении.

По тому, как посматривали на меня Клегги утром, я поняла, что они собирались завязать серьезный разговор, но не представляли, как его начать. В итоге, удар принял на себя, конечно, Роб. Так бывало всегда.

— Что ты собираешься делать дальше? — спросил он без обиняков.

— Выйду в университет, а там посмотрим, как все будет. Попробую ориентироваться по ситуации. Я у вас не задержусь...

— Не переживай, нам не в тягость, — начала отмахиваться Мадлен. И хотя это было заманчиво, я не собиралась злоупотреблять гостеприимством. Существуют грани, после которых дружба становится в тягость. А тогда еще о таковой не шло даже речи!

— Хм, профессор? А можно деликатный вопрос? Я бы хотела сменить специализацию на параллельное программирование, — заговорила я. Роберт и Мадлен на удивление синхронно переглянулись.

— Не надо решать под влиянием обстоятельств... — начал он.

— Обстоятельства не при чем. Я просто не хочу становиться еще одной бледной тенью Шона Картера. Раз обойти его невозможно, нужно выбрать иную область. Я не буду повторять подвиг Пани!

Клегги снова переглянулись.

— Простите... — Кажется, в запальчивости я перегнула палку.

— Что ж, неплохой настрой, мисс Конелл. Если вы уверены...

— На все сто процентов.

— Тогда добро пожаловать. — И он протянул мне руку для пожатия.

В университет возвращаться было откровенно страшно. Я понятия не имела о том, сколько уже знают студенты. Но когда оказалась в кампусе, никто не стал на меня таращиться (ну или не больше, чем обычно), и это придало сил. Я даже храбро вошла в

аудиторию и села на свое место. Джек тут же ткнул меня в плечо и спросил почему это я прогуляла университет, но сверкаю свеженьким загаром. Я честно призналась, что у меня в голове случилось временное короткое замыкание, но теперь все в порядке. Вот таким образом он подтвердил мою догадку — студенты понятия не имели о произошедшем... Это стало лучшей новостью за всю мою жизнь...

Среда потребовала от меня максимальных душевных затрат. Но я знала, что дальше прятаться нельзя. Да, так случилось, знала, что встречаясь с ректором, рискую, но что поделать, не бросать же учебу? Я вздохнула и, резко выдохнув, наконец, толкнула дверь аудитории. Мы с Шоном всего на мгновение встретились глазами, и я внутренне содрогнулась, но сделала вид, что ничего не происходит, и села на привычную первую парту, уставившись в свой нетбук и только. Заявление о переводе на другую специальность буквально грело мне душу.

Всю пару я старательно выдавливала из себя строчки кода, но ничего осмысленного не написала. Отчасти потому что Шон-падла стоял за моей спиной, глядя в экран и, видимо, ожидая чуда. На вопросы студентов он не реагировал вообще, его целью было терроризировать меня. Под конец пары я начала сомневаться, что он человек: он простоял полтора часа, тупо пялясь в мой компьютер! Ни слова не произнес. А вот мне пришлось с ним заговорить.

— Простите, сэр, у меня есть просьба, — начала я, и вся аудитория предвкушающе замерла (собственно, эти фрагменты можно и пропускать, потому что все четыре года и студенты, и преподаватели подслушивали и подсматривали за нами так, будто новость о нашем сожительстве все еще в хит-параде академических сплетен). — Со следующего семестра я хотела бы перевестись на другую специальность.

Раздался коллективный студенческий «ах». А Шон поднял глаза и уставится на меня, словно змеюка. Не мигая, парализуя. Один Бог знал сколько сил у меня ушло на то, чтобы не отвести глаз.

— Не думаю, что это возможно, мисс Конелл. Даже если бы я очень хотел вас перевести, мест в других группах нет. Но, скрывать не буду, уступать вас кому-либо я не намерен. — И мое заявление оказалось демонстративно разорвано. Снова издевался. Да неужто ему мало? Ну сколько можно?!

— Только удовлетворите мое любопытство: куда это вы собрались сбежать? — У меня возникло чувство, что говорит он вовсе не о кафедрах! Хотя, что врать, мой ответ можно было интерпретировать точно так же многозначно.

— Параллельное программирование. И даже если вы не подпишете мое заявление, в качестве научного руководителя я выбираю Роберта Клегга.

На долю секунды лицо Шона аж перекосило от ярости.

— Умоляю, вытянуть на отлично диплом параллельщика могут единицы, — однако, сравнительно спокойно фыркнул он.

— А теперь повторите последнее предложение в следующей интерпретации: какое же вы ничтожество, мисс Конелл.

Из рук Хелен с грохотом посыпались тетради. Аарон буквально подскочил ко мне и схватил за запястье. Защищая, предупреждая и успокаивая. Шон, при этом, за его жестом проследил, и его брови сошлись на переносице, чуть пар из ушей не повалил. Сейчас табличку повесит «мое, не трогать».

— Знаете, мисс Конелл, сдается мне, только что вы назвали меня... ничтожеством? — Я

попыталась расправить плечи и сделать вид, что его слова меня ничуть не напугали, но не вышло. Шумные вздохи со всех сторон подсказали, что я снова перегнула палку. Мой язык определенно стоило бы укоротить. Я же знала, что Шон не ас параллельного программирования, но как было не поиграть с огнем? Я не учла такого поворота, я просто пыталась его уколоть. — Что ж, флаг в руки, мисс Конелл, вы правы, в отличие от специальности, выбор научного руководителя остается за вами. Но если вы потом придете ко мне плакаться и умолять взять вас под крылышко снова, за это придется расплачиваться. Очень дорого. И не тем, чем обычно. — Клянусь, я до самых корней волос вспыхнула от смеси злости и смущения. — Мистер Шейдерман, выпустите уже запястье мисс Конелл. Или, может, вы вздумали грудью броситься на ее защиту?

И рука Аарона тут же разжалась. После этого я буквально побежала на кафедру параллельного программирования.

— Профессор Клегг, — крикнула я с порога. — Он не запретил мне выбрать вас в качестве научного руководителя, но на другую специальность не переведет.

Клегг оторвался от бумаг и нахмурился.

— Ну, попрощайтесь со свободным временем, мисс Конелл. По двум специальностям учиться будет непросто!

В среду же вечером посреди скрэббла⁵ мы с Клеггом и Мадлен каким-то чудом перешли на поименные обращения. А в четверг после пар я окончательно отчаялась, села на автобус и поехала к Шону домой, уверенная, что он задержится на семинаре. Мне нужны были документы, кредитка, вещи. Больше за счет Клегга и Мадлен существовать было нельзя! И хотя я надеялась не столкнуться с мисс Каблучки (поначалу мы с Керри называли ее именно так), чуда не произошло. Она встретила меня прямо в прихожей. В халате Шона и с чашкой кофе в руках. Разумеется, ждала она вовсе не меня, и это означало, что Шон мог вернуться в любую минуту.

Я даже вторым взглядом ее не удостоила. Двинулась в спальню. К своим вещам.

— Хочешь поговорить? — спросила Пани, буквально преследуя меня.

— Нет, — я старательно сохраняла нейтральный тон, хотя по моему животу будто съезжала кошка впившись когтями в кожу.

— Я не хотела так поступать с тобой. Вообще не думала, что так получится. — Уверена, от этого признания ей полегчало намного больше, чем мне!

Я присела около кровати Шона, где оставила свой рюкзачок. Его не подвинули ни на миллиметр. Не странно. А от кровати явственно веяло табаком и духами Карины. Меня затошнило. Стараясь дышать как можно реже, я перекопала все содержимое рюкзака, удостоверилась в том, что мой паспорт и лекции на месте и приступила к поискам кредитки. Она обнаружилась в кармашке чемодана в шкафу. Как мне хотелось вывезти отсюда все свои вещи, но черта с два я бы стала перебирать свое нижнее белье на глазах у Пани! Она итак, кажется, меня оценивала. Плевать, кредитка есть — куплю необходимое. Или дождусь другой возможности. Да лучше милостыню попрошу, чем стану унижаться перед этой дрянью.

Внезапно мне на глаза попался торчащий из-за дверцы шкафа уголок шелкового шарфа, не выдержала, вытянула его. Мне так не хватало моих красивых вещичек. Кажется, Шон совсем съехал с катушек, раз не заметил такое вопиющее нарушение порядка. Я подошла к зеркалу в прихожей и аккуратно повязала шарфик поверх волос. Ну вот, хоть какая-то смена

имиджа! Уже радуется. Карина

⁵Скрэббл (англ. Scrabble — «рыться в поисках чего-либо») — настольная игра, в которой 2 или 4 играющих соревнуются в образовании слов с использованием буквенных деревянных плиток на доске, разбитой на 225 квадратов.

так и не отстала от меня ни на шаг, и потому телефонный звонок от Мадлен был очень не в тему... Сбросила вызов. Но звонок тут же повторился. И пришлось ответить.

— Я буду, я скоро.

— Ох, слава Богу, я испугалась, что ты задерживаешься и...

— Со мной все в порядке. — Я не хотела называть имен. Если бы Пани передала Шону содержание разговора, боюсь, он мог бы устроить Робу веселенькую жизнь. — Жди меня через час.

— Где ты?

— Я заеду в магазин, куплю продукты и что-нибудь вкусное. Сегодня я ваш Санта-Клаус! — улыбнулась я собственным мыслям, но тут же сникла, поймав в зеркале взгляд Карины.

— Может, не стоит? Тебе лучше вернуться до Роберта. Он станет волноваться.

— Не переживай, он сегодня на семинаре...

— Нет, семинар сегодня отменили.

Так вот почему мисс Каблучки ждала Шона, у меня аж желудок узлом от страха завязался. Попадаться не хотелось.

— Я мигом, — сказала я и направилась к двери, сбрасывая вызов. Но когда открыла замок, на меня с радостным визгом бросилась Франсин. Нет, я не готова была простить собаке предательство и просто отпихнула ее в сторону. Та пронзительно заскулила, и Карина воспользовалась случаем заговорить снова. Она порывисто закрыла дверь и сказала:

— Джоанна, я не останусь здесь.

Я шагнула назад, от нее подальше. Мне было некомфортно даже стоять рядом.

— Я знаю, — тем не менее кивнула я, а она нахмурилась. — Ты ведь с ним просто играешься, точно так же, как он со мной. — Она чуть склонила голову вбок, будто прицениваясь.

— С чего ты это взяла? — Но краска на щеках выдавала ее с головой.

Я сухо рассмеялась.

— Да это же очевидно. Уверена, даже Картер это знает.

Она сглотнула, но продолжила свою мысль:

— Не уходи от него, Джоанна.

— Не вижу причин здесь задерживаться, — фыркнула я. — Мой мужчина должен носить меня на руках, просыпаться ради меня, а засыпать — слушая мои вдохи. Он должен меня любить. Я верю, что заслуживаю этого. И если Шон Картер в упомянутую схему не вписывается, я без проблем его из уравнения исключу.

— Поверь, он может просыпаться ради тебя по утрам, при этом вечера заканчивать в объятиях каждой встречной шлюхи. Только я не о Шоне. Он честный. Это его неоспоримое достоинство. Как я только что имела счастье убедиться — ты вовсе не дура. Высоких чувств с Шона Картера не требуешь, и пришла ты сюда не за ними. За именем. Ты не ошиблась. Среди Бабочек Монацелли его авторитет высок до невероятия. И пока он тебя не выгоняет

сам, сделка в силе.

Это была горькая и отвратительная правда. Я ждала от Шона не только любви. И именно по этой причине, когда Клегг рассказал мне о том, что прошлая пассия Картера стала Бабочкой, я продолжила цепляться за него, хотя сваливать восwoяси было пора уже тогда. А я, напротив, усугубила.

Но я ничего не успела ответить, потому что раздался звук шелеста колес по гравию. Шон приехал. Я прильнула к замочной скважине, стараясь подавить желание бежать и немедленно. Вместо этого замерла и стала ждать, когда Шон загонит свою машину в гараж. Там он пробудет некоторое время, раскладывая и расставляя все по местам. То есть если я буду достаточно быстрой, мне хватит времени убежать. Я не собиралась встречаться с Шоном. Нет. Ни за что! Звук колес приближался, и я взмолилась, чтобы Картер не настолько торопился к Карине, чтобы бросить машину на подъездной дорожке. Но нет, учинить беспорядок было выше него — дверь гаража поднялась, машина зашелестела снова. Я тихо приоткрыла дверь и вышла на порог. А как только дверь гаража начала закрываться, я рванула с места так, словно за мной гнались черти, а Франсин залаяла и заскулила снова. Но мне было совершенно на нее наплевать. Что там, мне было начхать даже на домыслы Карины. Я просто бежала, пока домик Картера не скрылся из виду.

Но не знаю, просто так совпало или нет, но в общежитии мне отказали как раз на следующий день. А еще не знаю кто прознал об административном скотстве, но новость о нашем с Шоном разрыве облетела кампус в момент. И все снова шушукались, снова смотрели. Но на этот раз я даже внимания не обратила. Это все было так по-картеровски... Играет, козни строит, как же все надоело! У меня в голове стучали слова Карины о ее отъезде, о моем возвращении. Не потому ли он не дал мне жилье, что она помахала ему ручкой? Ведь хочет Шон того или нет, а спать с кем-то надо. Я мрачно усмехнулась собственным мыслям и подняла руку, чтобы постучаться в дверь моей прошлой и чудесной комнатки. И почему она раньше казалась мне такой маленькой и неудобной, думала я, оглядывая жалкие несколько метров, в которых прожила беззаботные полтора года. Ну что мне стоило смолчать на том злосчастном семинаре? Что мне стоило проигнорировать все выпады студентов? Я виновата, я дорого поплатилась.

— Ну так идем? — осторожно спросила у меня Керри. Видимо, у меня даже глаза от непролитых слез заблестели. Я бы дорого отдала, чтобы повернуть время вспять.

Мы с Керри собрались на выходных навестить ее семью, чтобы и далее не обременять Клеггов моим обществом. У меня было ровно два дня, чтобы решить, как поступить. А потому я просто кивнула и развернулась к выходу. Что горевать? Сюда мне путь уж точно заказан.

В понедельник я решила пойти на пару Шона. Пришла в университет, храбро села на первую парту, уверенная, что выдержу все взгляды и нападки Картера. Потому что выбора не было. Не прятаться же от него вечно. Но на этот раз все оказалось проще.

Когда Картер вошел в аудиторию, в руках у него была стопка листов бумаги. И вместо того чтобы начать раскладывать свои вещи, он неожиданно подошел к доске, достал из кармана несколько магнитов (личная коллекция с холодильника, а не абы что) и стал крепить листы бумаги на доску. Ни слова не сказал. Студенты оживились, завозились. Нечто новенькое ведь. Но я не была так уж оптимистична. И не зря.

— По одному к доске и говорим, что здесь нужно поправить, — велел Шон и начал

доставать ноутбук. Аудитория будто вымерла. — Мне вас по алфавиту вызывать? Уверены, что хотите послушать, как я буду коверкать ваши фамилии?

Первым пожал плечами и двинулся к доске Джек. Ошибок не обнаружил. За ним потянулись остальные. Но результат был тот же. Может быть, потому что никто не понимал, что там вообще такое. С Картера же станется. Я тоже хотела было выйти, но Шон не позволил, просто глянул и покачал головой. Как ни странно, мне этого хватило, чтобы прилипнуть к стулу. Признаться, я подумала, что он оставил меня на десерт, чтобы потом устроить показательный разнос, но не тут-то было. Когда все, кроме меня у доски побывали, он яростно оглядел аудиторию и фыркнул:

— Бездари. — А затем подошел сам, перечеркнул одну строчку и написал нечто вместо, то же самое проделал со второй. — Тем не менее, этот код прекрасно работает. Память съедает, но эффективен.

Шон в момент сорвал листы бумаги с доски. Я даже немного расстроилась, что не увидела код, который был одобрен Его Величеством... вот только рано, потому что Шон плюхнул эту стопку листов передо мной. И я похолодела. С первого взгляда его узнала. Это был мой код, тот, которым я добралась до веб-камеры нетбука. Я не могла вспомнить, закрыла ли окошко с кодом, стерла ли проект, когда уходила... Хотя, какая разница, будто для Шона Картера проблема восстановить удаленное... Я неуверенно подняла на него глаза. Он стоял так близко, что мне пришлось запрокинуть голову.

— Ты можешь мне объяснить почему именно после того как ты сумела написать код, в котором твои ровесники-балбесы не углядели ни единой ошибки, ты хочешь стать параллельщиком? Если чтобы меня позлить, я достаточно позлился, благодарю. Или я вынужден извиниться за непозволительное поведение?

Как же я после этих слов разозлилась! Нет, куда уж тебе понять? Притворяться идиотом ведь так прикольно!

— Дело, конечно, ну конечно в тебе, у нас же картероцентрическая система мира! — Народ захихикал. — Это мое решение. Я приняла его. Я, Джоанна Конелл, какого бы цвета у меня не были волосы, я лучше знаю, что для меня правильно!

Народ уже начал неприкрыто смеяться. Но Картер ни на одну из провокаций не повелся.

— Ты станешь классным хакером!

— И всегда буду под тобой? Спасибо, но нет.

— А ты уверена, что я тебе позволю выбраться из-под меня?

Я вспыхнула, и даже захотела заплакать от унижения. Ну зачем он говорит мне эти гадости? Я, конечно, сама виновата, прозвучало двусмысленно, но усугублять-то к чему?

— Замолчи, — процедила я сквозь зубы.

— Да и сначала тебе стоит решить хочешь ли ты выбираться. Подо мной хорошо.

Смех стих. Уши окружающих превратились в локаторы, не дай Бог пропустить, что я на это отвечу. А мне хотелось завизжать и выдрать космы Шона. Но ответила я предельно безразлично:

— Статистика показывает, что под эту категорию немало кто попадает. — Блефовать так блефовать.

— Только поиски их заканчиваются приобретением определенной репутации, что ты явно не в состоянии пережить. Сейчас ты позволяешь решать не мозгу, а обиде. Это глупо, и оборачивается, как правило, сожалениями. Потом скажешь спасибо. — И решительно пододвинул ко мне листы бумаги. Самодовольный индюк. Ну уж нет, я не продамса за пару

сребреников. В эту игру можно играть в двустороннем порядке. Вот так я просто взяла в руки бумаги и разорвала их напополам. А затем еще раз.

— Убеди. Почему ты, а не Клегг. Пока что я слышала только один аргумент: под тобой хорошо. И, надо сказать, звучит это жалко.

А заявление просто взорвало аудиторию. Но если бы в тот миг Шон меня вышвырнул из университета, я бы встала и ушла. И даже не пожалела... примерно с суток еще. Ха-ха, Джо. Ну ты, чтоб тебя, чертов гений! Однако, Шону нужен был пинок. И при всех. Потому что... ну охренел вообще. Изменил, вынудил уйти из дома, отказал в общежитии, а теперь, как ни в чем не бывало, машет перед моим носом вожаденной морковкой.

И вдруг... вдруг он принял правила игры, да еще и охотно. Правда, изучал меня долго. Достаточно, чтобы я даже боль в шее почувствовала.

— Клегг не из Бабочек Монацелли, Конелл. Я правильно тебя понял?

Я ненавидела его за этот вопрос. И ненавидела себя за ответ:

— Ты правильно меня понял.

— Зайди ко мне в кабинет после пар. Обсудим.

Не знаю, сколько знала о произошедшем мисс Адамс, но адресованная мне улыбка была намного более теплой и сострадательной, чем обычно. Я не очень люблю, когда меня жалеют, потому что от этого мне всегда хочется плакать, да и к тому же это означает, что все в курсе, насколько хреново идут мои дела. А раз об этом ей рассказала не я... отстой, одним словом.

Я постучалась в дверь кабинета Шона, и, не дожидаясь приглашения, зашла. Устала я от церемоний и хождений на цыпочках. Тем более что это не помогало совершенно. В общем, зайти я зашла, но Шона не обнаружила. Ни за столом, ни в уголке отдыха. Я даже растерялась. А затем дверь позади меня хлопнула. Это он вроде как спрятался что ли? И теперь на повестке дня ролевые игры в маньяков и жертв? Клянусь, это не по мне! Но оказалось все проще. Он схватил меня в охапку и буквально на ходу стал срывать одежду, подталкивая к дивану. Шелковый шарф улетел в небытие, кофта – туда же. Будто после года celibата... Просто невероятно. Я повернулась к нему лицом, не позволяя себя так легко заполучить после случившегося. Я была в бешенстве, и только это позволило мне сохранить рассудок.

— В чем дело, Картер? Что с тобой? Она была настолько холодна в постели? — прошептала я злобно ему в ухо и слегка прикусила мочку. Раздался треск, и от моего платья остались лишь воспоминания. Вот же козел, у меня итак из гардероба ничего не осталось! Все у него в доме. Но я ничего по этому поводу не сказала. Это все для Шона комариный писк. Нет, бить, так кувалдой! Наверняка! — Бедняжка, ты для нее просто игрушка.

Он больно сжал мои бедра и толкнул на диван. Вскрикнув, я упала на подушки, волосы взметнулись и закрыли весь обзор, а я должна была все видеть, потому что... потому что мне необходимо было лицезреть злость в его глазах. Я хотела сделать ему так же больно, как он мне. Это стало просто жизненной потребностью.

— Это было почти жалкое зрелище. Ты так старательно ее распалял, а вот хрен тебе...

Ремень его брюк присоединился к моим потерянным по пути вещам, но было плевать, что он там задумал, я хотела только издеваться, насмехаться. Кусать, отбегать, дожидаться подходящего момента, снова кусать и снова отбегать, пока меня не поймали и не обидели снова!

— Ты заткнешься?! — Он навалился сверху и одной рукой завел мои запястья за голову,

пришпиливая их к подлокотнику дивана своей ладонью. Ого, легкий БДСМ все-таки пошел. А-ля я тебя буду пытать морально, а ты отыграешься физически?

— Ни за что! Ты унизил меня, и я имею право.

— Ты вообще не имеешь никаких прав, — огрызнулся Шон.

— Ну нет, Картер! Хочешь со мной, как со шлюхой, так переходим на контрактную основу. Сегодня расплачиваешься собственным унижением, а на потом найдем более мирные пути урегулирования ценового вопроса. В конце концов, за этим ты меня и вызвал, но до сути добраться не сумел... Так что продолжим, Шон. Что же у вас там случилось? Она бросила тебя ради Алекса?

Он разорвал мои трусики и взялся за собственную ширинку.

— Ну и как там? С ним в постели она горячее? Или он с тобой новостями не поделился? Или теперь вы не так близки, как до того, как она тебя бросила... Ради наркомана-то...

— Тебе действительно интересна наша маленькая личная драма? — умиленно поинтересовался Шон. — Ну так если тебе правда интересно, я ее имел первым. Хотя она и считалась подружкой Алекса. Как тебе?

— Ты еще отвратительнее, чем я думала...

Он вошел в меня, и я застонала вовсе не от боли. Ненавижу себя!

— Ну так как, все еще отвратительно? — поинтересовался он, с силой сжимая меня в объятиях.

— А разве это показательно? Ведь какая тебе разница, каково мне, если ОНА с тобой в постели не стонет?

— И тебе бы лучше перестать, Конелл. Если можешь, конечно, потому что сейчас за дверью мисс Адамс, а может, и не только она. Ты же не хочешь, чтобы завтра об этом весь университет говорил? Ведь ты у нас вся такая светленькая и чистенькая, ангелок, не иначе, но вдруг хочешь, чтобы я признал, что ты лучше Пани в постели. Может, мне крикнуть погромче, чтобы уж точно каждый в этих стенах знал правду о нас с тобой. Кстати, знаешь в чем она состоит? — спросил он, и вдруг вышел из меня и дернул к себе за все еще сцепленные запястья... а потом у самого лица прошептал. — В том, что ты действительно моя персональная шлюшка. — А затем толкнул меня так, что я оказалась лицом к спинке дивана, а он сам — сзади. — Как бы это ни было смешно, подо мной хорошо. Но раз простых мирских удовольствий тебе мало, а мне в самый раз, я готов дать тебе то, чего ты хочешь. Забирай гребаного Монацелли со всеми его крылатыми потрохами. И хоть ядом захлебывайся в наш с Пани адрес, с меня не убудет. Давай.

Вот только он уже продолжил начатое, и все гадкие комментарии, которые я копила во время его речи, вылетели из головы в момент. Действительность начала плавиться, все «против» стали растворяться и отдаляться. И я забыла, что за стенкой мисс Адамс, которая так тепло мне улыбалась, я наплевала, что после случившегося она уже никогда не посмотрит на меня так снова... Но я все равно кричала. И Шон тоже.

Когда мы вышли из здания университета, на мне был пиджак Шона. Потому что от платья не осталось почти ничего. И в таком виде я просто не могла прийти к Клеггам. Есть черты, через которые я не переступлю, я итак будто перечеркнула все, что Роберт и Мадлен для меня сделали... А Керри... в общем от мысли, что придется пройти по общежитию в одном лишь пиджаке ректора у меня заболели зубы. Мне оставалось либо поехать к Шону и взять что-то из одежды, а потом сбежать — что само по себе уже маразматически — либо оставаться. А ведь мой жилищный вопрос так и не разрешился. Жить у Клеггов и дальше

было нельзя, а если бы я позвонила отцу и сказала, что мы с «моим другом» расстались, и теперь он мне не дает комнату в общежитии, ничем хорошим это бы тоже не закончилось. В конце концов, папа мог и вступить... В общем я вернулась к Шону.

Когда двигатель мазды заглох, я вцепилась в ручку двери так, будто собиралась за нее до конца жизни держаться. Это было просто безумием. Что я делала, зачем возвращалась в кошмар? С другой стороны, а что еще мне оставалось? Я уеду. Несколько лет, и я просто уеду. Не задержусь здесь ни на день. А раз выбора нет, за оставшиеся годы мне нужно взять от Шона все, что только можно. В профессиональном плане. Иначе все мои мучения бессмысленны. И только после этой мысли я толкнула дверь автомобиля.

Да, я выбрала путь наименьшего сопротивления. Жалко? Возможно. Но я решила так, и дальнейший разговор смысла не имеет. Можно, конечно, меня осуждать за слабохарактерность. Это правда. Но, если уж говорить честно, настолько мерзко Шон со мной больше никогда не поступал... если, конечно, не считать ту жуткую ночь. Да я ему и не позволила бы.

На постели все еще остался запах табака и духов Пани, хотя белье уже сменили. Может, мне лишь показалось, ведь я все три с половиной года его потом чувствовала. Наверное, это подсознание заставляло меня помнить и ненавидеть. Инстинкт самосохранения.

А потому, спасаясь от воня предательство, я собрала все свои вещи и перенесла их в другую спальню. С тех пор я всегда спала там. Не допустила ни одной ночи исключений. Это была моя келья, мой уголок. Небольшой, но успокаивающий. И Шон, видимо, понял какой смысл я вложила в эти стены. Он никогда в мое личное, персональное пространство не входил без серьезных на то причин.

Вот и весь мой короткий рассказ о том, как Шон Картер научил меня слову «честно». Он доступно объяснил, что в его отношении мне рассчитывать не на что, но забавные бонусы имеются.

Чего хочет каждая женщина? Правильно, любить и быть любимой. И я не явилась исключением. Да, пусть где-то там, в соседней комнате и обитал Шон, бывали моменты, когда я отчаянно пыталась о его существовании забыть. А также о том, что продалась ему без но и если.

После приезда Пани я очень изменилась. Если раньше я просто хорошенькой куколкой, то теперь... не только. Как я уяснила для себя, миленькие домашние девочки никому не нравятся. Да и, кроме того, разве я могла о себе так думать после всех гадостей, коих нажелала Шону и Карине? Нет.

Я страдала от мысли, что я вовсе не хорошая. И винила себя. Если бы я была как человек лучше, я бы не встретила с Шоном, я бы нашла себе симпатичного славного парня, с которым бы никогда не заговорила, как с Картером. Я чувствовала себя и гадкой, и виноватой, за свои слова, но все равно не могла сдержаться. Особенно если было соответствующее настроение. И на душе мерзко, и перестать никак.

Но еще хуже другое. После грандиозного провала на личном фронте я нуждалась в чужом восхищении. Я стала тратить на себя еще больше времени, если я не училась, я занималась собственной внешностью, будто пыталась скрыть за показным совершенством какого-то внутреннего монстра. Ревнивого, злобного, раненого, обиженного до глубины души бесенка. Моему самолюбию просто необходим был бальзам из флирта и внимания. И добивалась я этого... оригинальным способом. Юбка-карандаш, убийственные шпильки,

чулки со стрелками, высокая прическа, очень много макияжа и переполненный бар.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Можно вас угостить? — спросил парень. Он подошел ко мне не первый, но единственный выглядел, ну, адекватным что ли. Именно таких я и дожидалась.

— Если после этой стопки текилы я еще буду стоять на ногах, я позволю вам заказать мне еще одну. — В ответ на мои слова он рассмеялся и тоже взял себе текилу.

— А вы американка. Как вас зовут?

— Джениевьева, — без промедлений соврала я. Мне всегда нравилось это помпезное имя. Теперь это кажется смешным.

— Угу. А на самом деле? — Он одним лишь взглядом посмеялся надо мной. И был умен, не как те, кто встречался мне прежде. Это смущало. Но я не сдалась:

— Вы либо принимаете мои условия игры, либо нет. Для вас я сегодня Джениевьева. Потому что мне надоело быть не ею. — И мы встретились глазами. И я увидела, как он сглотнул. Почему? То ли что-то разглядел, то ли догадался, что тема больная... черт, не знаю. Но, тем не менее, не ушел.

— Хорошо, Джениевьева. А я Киану. Хотя это и кажется странным, я на самом деле Киану. И быть Киану мне очень нравится семь дней в неделю по двадцать четыре часа в сутки.

— Вы, стало быть, самый счастливый человек в Сиднее, — с облегчением рассмеялась я. И хотя его интерес становился опасным, я обрадовалась тому, что он остался рядом.

— Ну разумеется! — и он поднял свою стопку. — За знакомство.

— За него, — кивнула я и чуточку удивилась тому, что он выпил все залпом.

— Не обессудьте, но я закажу еще. Мне ведь понадобится вся имеющаяся смелость, чтобы не трусить в обществе такой красивой девушки.

— Что вы, Киану, по-настоящему красивые люди никого не обижают. И смелость здесь не при чем. — Я вспомнила мисс Каблучки и Шона. Они выглядели такими идеальными, а на деле... В общем я напилась, и меня потянуло на философию. Но Киану то ли не обратил внимания на мою грустную мину, то ли решил поднять настроение.

— Ты чудо, — сказал он, порывисто обхватил руками мое лицо и поцеловал. Флирт флиртом, но обычно я не позволяла парням из бара подобные вольности. Было пару раз, но не на третьей же минуте знакомства! И все же почему-то ему не возразила:

— Ты с кем-то или один?

— Я с другом, но он уже тоже нашел свою Джениевьеву. И, уверяю тебя, мне повезло значительно больше. — Я помимо воли расплылась в улыбке. — Я хочу с тобой потанцевать.

Каким же он был классным, просто фантастика. На его фоне Шон выглядел просто мрачной серой тенью, нависшей над моей головой. Он был чудовищем, запершем в своем замке прекрасную принцессу. Только стал он жутким и уродливым не волею злой ведьмы, а по собственному выбору. Да-да, если до Карины я его идеализировала, то теперь начала, напротив, мысленно лишать всех имеющихся достоинств. Не обращать внимания, не спускать ни одной мелочи!

— Скажи, что я красива, — прошептала я, прижимаясь спиной к груди Киану и старательно выбрасывая из головы печальные мысли.

— Ты бесподобна, — ответил он, обжигая дыханием мое ухо. Эти слова являлись в точности тем, что я хотела слышать, что мне необходимо было слышать. Он меня не знал, задумывалось, что мы разбежимся в разные стороны, оставив друг другу всего лишь

приятные воспоминания об одном-единственном вечере. А потому я могла попросить его о чем угодно. — Ты мне безумно нравишься. Я бы хотел, чтобы ты сегодня осталась со мной.

Эти слова обладали эффектом два в одном: обожгли адским жаром, а потом, без промедления, — арктическим холодом.

— Мне пора идти, — среагировала я мгновенно. Все это игры, просто каприз, шутка. Я даже мысли не допускала о том, чтобы отдаться незнакомому парню из бара! Нет. Я определенно не настолько отчаялась! А он понял, что напугал меня. И хотя навряд ли имел в виду нечто крамольное (мужчины есть мужчины, они мыслят иначе), я не собиралась продолжать вечер после подобных признаний.

— Оставь мне номер телефона. Или имя, что угодно, — взмолился он.

— Киану, я не из тех, кто продается.

— Да я знаю, вижу. И я ни о чем тебя не просил, ни к чему не принуждал. Я просто сказал, как есть...

Я зажала его рот ладошками.

— Не надо. Мы просто встретились в баре, чудесно провели время. А теперь расстанемся. — После этих слов я отняла от его губ руки и поцеловала напоследок. Чтобы навсегда забыть.

Но все получилось не так, как я запланировала. Только я ушла, он заплатил бармену и узнал, что иногда я прихожу в этот бар, всегда одна, веселюсь с парнями вроде него, но всегда сбегая прежде, чем запахнет паленым. Да. После случая с Шоном и Пани именно так я и жила. Чтобы не чувствовать себя невидимкой, чтобы избавиться от ощущения, что я растворяюсь и таю. И Киану далеко не первый, кто мной заинтересовался, а потому ради чуть ли не халявного приработка бармен уже давно разузнал, что зовут его источник неофициального дохода Джоанной Конелл, что она из Миссисипи. И до Киану от преследования меня спасало столько одно: богатый и влиятельный бойфренд, который за излишнюю настойчивость может якобы любому яйца оторвать. Об этом мне рассказал сам Киану, так как именно он был тем, кого грозный и мифический Шон Картер не напугал.

Ах, знали бы эти мальчишки, что я свои загульные вечера даже не пыталась скрывать. Я возвращалась на такси в домик Шона, а его это так забавляло, что он изволил меня встречать лично. Я с трудом выбиралась из тужурки, теряя при этом равновесие, как правило, не единожды, а он непременно отпускал язвительные комментарии. Но в тот вечер все было не совсем обычно:

— Что-то сегодня ты после своих гулянок задержалась. Неужели, наконец, решилась дойти до победного? — поинтересовался он ехидно.

— Я еще не настолько опустилась, — заплетающимся языком проговорила я.

— Тогда иди сюда, — поманил он меня пальцем. Я тяжело на него посмотрела, сорвала с волос заколку и решительно тряхнула головой.

— Не сегодня.

— Что?

— Я устала.

— С чего это? Наложила на ресницы так много туши, что ими хлопать стало тяжело?

— Если без должной разрядки тебе не уснуть, Картер, пойдешь поищи резиновую куклу в другом месте.

Чертов парнишка из бара. После него на Шона даже смотреть не хотелось!

Глава 11

Отец

Настоящее время

Видео уже давно идет только в реальном времени. И я, зевая, посматриваю на хакеров за работой. Ближе всех к камере Марко. Он низко сполз в кресле и постукивает пальцами по столешнице. Обдумывает что-то. Рядом с ним сидит параллельщик Том. Он нервно поглядывает на Шона. Ах да, утром тот на него спустил не просто собак, а целую псарню. Иногда мне даже приятно видеть Шона прежним, а то мало ли что у меня в голове перемкнет. Решу еще, что он изменился... Пани и Такаши что-то сосредоточенно пишут. Картер тоже, но временами пялится на мобильник. Наверное, пробивает нас с агентами по GPS, то-то три дня уже от него ни весточки. Сажу и зеваю снова. Но посреди действия замираю. Они же проект пишут с сервером синхронизации... не знаю зачем, но я решаю туда подключиться и посмотреть в их коды.

Ну а что? Все равно делать нечего. На военной базе за несанкционированный взлом и по шапке получить можно, а те, на которые выдается разрешение... ну вы просто вдумайтесь во фразу разрешение на взлом. Вообще ведь не прикольно. В общем, я усердно ковыряюсь в кодах сервера Манфреда Монацелли, который защищен явно Шоном. У меня уходит много-много часов на это действие, хотя, собственно, Картер не сильно старался спрятать содержимое. Видно, ничего там криминального нет, а то, что мне приспичило его взломать — уже мои заморочки.

Закрывать окошко видео я не стала. Вдруг агенты явятся, будет прикрытие. Не думаю, что они меня погладят по головке за излишний энтузиазм. То есть Бабочки все еще работают где-то там, в фоне. Но мне уже не до них. Я получила полный доступ к кодам и... нирвана. Я уже много лет фанатею от Бабочек Монацелли, а сейчас у меня на руках полный комплект обновляемых кодов проекта лучших из лучших, и я с невероятным наслаждением в них ковыряюсь.

Чтобы не запутаться, каждый из Бабочек маркирует свои блоки, и я, разумеется, над этим подвисяю. В смысле над структурами.

Шон. Ну с ним мне просто. Я это уже тысячу раз, кажется, видела. Он отделяет коды штрихами и датами. До секунд. Мне всегда было интересно, какое он ставит значение. То что в таймере увидел или все-таки приплюсовывает навскидку? Комментарии он не пишет. Пффф, зачем ему? Он как код видит, сразу может ткнуть пальцем и сказать, где тот не заработает. Иногда мне хочется вскрыть его череп и удостовериться, что внутри правда серое вещество, а не винтики с шестеренками. У него даже код группирован так, что периодическая система элементов позавидует! Но я к его схеме привыкла, даже вдумываться что и где не нужно. Подписывается он просто, без изысков: Sean Karter — в начале и в конце блока кода. Но его программных модулей мало. Очень. Прямо на глазах они обращаются в библиотеки с закрытым кодом. То есть он не оставляет никому возможности его переписать... Почему? Официально все принадлежит Манфреду... Делаю себе пометочку поразмыслить над этим на досуге.

Далее Карина. Она пишет чистенько, грамотно, как по учебнику. И с массой комментариев. Боится забыть, значит, код с листа читает с трудом. Код у нее воздушный (везде, где допустимо, пробелы и новые абзацы), значит не фанат распечаток. Или любит

бегло просматривать блоками. Она подписывается как Rany и даты не ставит, все функции описаны по функционалу. Все как-то немножко сумбурно, я, если честно, разочарована, ожидала от нее большего. Нет, она пишет профессионально, но ее голова на компьютер не похожа.

А вот Такаши меня шокирует. Простота не для него. Даже если проще к этому не обращаться — он обязательно обратится. Потому что следует последнему слову науки и техники. Хотя все логично и очень грамотно. Он комментирует все детально, но не как Карина, а для других, наверное, потому что в его коде может сходу разобраться только он сам. Подписывается как TkshMk.

И, наконец, Марко. Это жесть. Его код совершенно нечитабылен. Там настоящий разброд и шатания. Комментарии в самых неожиданных местах, сплошной полет творческой мысли. Шон, кажется, сказал, что Марко не мог бы взломать Пентагон? Мог бы, как минимум случайно. А вот специально — навряд ли. Он не из скрупулезных товарищей, которые прорабатывают детали. И я начинаю подозревать, что в Бабочках он поднялся так высоко благодаря протекции отца. Хотя... Шон никогда о нем плохо не отзывался. Может, мне просто кажется? Может, его мозг на самом деле работает лучше, чем у меня, и я не в состоянии постичь всей силы его гениальности? Подписывается он как Mz.

Моя рука будто самостоятельно тянется к кодам Шона, чтобы еще раз туда заглянуть, но тут что-то происходит, и экран разделяется на шесть частей, идет полосками и я хватаюсь за голову. Видеокарта сдохла! Выключаю ноутбук, хватаю его, запихиваю в рюкзачок и вылетаю из отеля.

Дверь бунгало мне открывает Такаши. Он очень удивляется, но, по обыкновению, улыбается и сдержанно приветствует. Но мне-то не до вежливости!

— Шон здесь? — требую я и просачиваюсь мимо японца в коридор.

— Да, а в чем дело?

В том, что я вас по приколу взломала, а агентам признаваться не собираюсь, но у меня сдох ноутбук, и каждый, кто сможет его починить и включить поймет, чем я занималась, стоит глянуть в историю!

— Просьба есть.

Такаши зовет Шона. Слышу исключительно забавный диалог.

— Шон, к тебе Джоанна пришла.

— Джоанна у себя в номере, — ровно отвечает он.

У Такаши ступор.

— Нет, она здесь, — удивительно неуверенно настаивает он.

— Ее телефон в отеле, — парирует Картер. Будто все так и надо, будто следить за мной круглые сутки — святое дело.

Ладно, Такаши пора спасать. Кричу:

— Картер, так уж получилось, что мы с телефоном не сиа́мские близнецы. Тащись наверх!

У него на лице просто шикарное выражение. Он в жизни не предполагал, видимо, что я могу куда-то уйти без телефона! Я буквально вижу этот разрыв в его мировосприятии. Жизнь Шона Картера, наверное, никогда не станет прежней.

— Чего тебе? — крайне «дружелюбно» спрашивает он.

— У меня видеокарта сдохла!

— Сочувствую, — трагически произносит он. Яд аж весь воздух пропитывает.

— Почини, — протягиваю я ему ноутбук.

Нет, объективно, я, конечно, понимаю, что это маразм, что он мне ничего не должен, но если раньше у меня что-то ломалось, я шла к нему с требованием починить. Потому что терпеть не могу расставаться с любимой техникой. Я ее люблю, я к ней привыкаю. Это как с домашними животными...

— С какого это перепугу? Ты ФБР продалась. Пусть теперь с твоими ноутбуками Леклер возится.

— Блэкбери! — И победно тыкаю в него пальцем, чуть не уронив, при этом, своего израненного питомца.

— Че-го? — скучающим тоном спрашивает Картер.

— Ты мне должен за блэкбери. По гроб жизни. За мой любимый, сладкий, маленький блэкбери.

— Ничего я тебе не должен, — бурчит Шон, скрещивая руки на груди.

— Ты разбил мой блэкбери в день моего рождения! — обвиняю я. Такаши делает вид, что он мебель, притом глухая.

— Я его и пальцем не трогал!

— Вот именно!

Скрещиваю руки на груди, прижав к ней ноутбук, и пытаюсь принять вид оскорбленной гордыни. Судя по ухмылке Картера, выгляжу я забавно. А Такаши непонимающе переводит взгляд с одного из нас на другого. На его месте никто бы не понял. А я вот вам расскажу, как все было! Все про этого гада расскажу!

Четыре года назад

Это был мой день рождения. Кэрри к тому моменту уже выскочила замуж и свалила за Сиднея, так что празднование было перенесено на выходные. И меня ждал еще один безрадостный день под боком у Шона и Франсин. Но ведь нужно было себя побаловать? А значит, после университета я поехала за горой вкусовностей. Торт и конфеты купила себе любимой. Возвращалась домой в отличном расположении духа, предвкушала отличный вечерок в компании сластей и парочки фильмов с Джудом Лоу...

Одно было плохо. Предыдущий вечер посвятила Хью Джекмену и «Паролю рыба-меч». Актер симпатичный, хакера играет... все как надо. Хохотала так, что, думала, Шон дверь своим стуком стену проломит... а потом, после собственных ночных бдений проспала, собиралась кое-как... короче мобильник оставила на кухонном столике. Весь день жалела, что не могу прочитать поздравительные сообщения и пропустила звонок от родителей.

Вернувшись в домик на окраине Сиднея, я поставила на место обувь, плащ в шкаф повесила и пошла на кухню пристраивать сладкие припасы. И вот стою я на пороге, а там... кошмар. Мобильник лежит на кафельной плитке пола, дисплей покрылся сеточкой трещин. Аккумулятор у одной стены, крышка — у другой.

И Картер (который вернулся куда как раньше) так ехидно-ехидно заявляет:

— Он так отчаянно вибрировал весь день, что съехал со стола и упал.

Я с грохотом швырнула на пол все покупки, побежала к телефону, схватила его, даже включить попыталась. Никакой реакции. Все мои сообщения, все мои поздравления, все мои браузерные закладки... там был здоровенный кусок моей жизни. И Керри не позвонить и не пожаловаться! И сладкие антидепрессанты тоже на полу уже валяются, даже поправлять ситуацию нечем!

Все. Хиросима отдыхает.

— Ты мог бы хотя бы его поднять! — заорала я не своим голосом на Картера.

Шон не ответил, и я зарыдала.

— Ты скотина, Шон!

— Джоанна, не истери, это всего лишь мобильник. Сходи и купи новый.

— Но он будет не мой маленький блэкбери!

Шон оторвался от спинки дивана гостиной и недоверчиво на меня посмотрел. А я только зарыдала еще громче.

— И что с ним? Что ты вопишь как баныши?

— Это МОЙ телефон, мой любимый телефон! Я не хочу другой, — истерически зарыдала я. — И сегодня мой день рождения, а мой любимый телефон разбился!

Он даже с дивана встал и приблизился.

— То есть ты рыдаешь просто потому что твой телефон разбился?

— Нет, я рыдаю потому что живу я с ублюдком, который оказался не в состоянии отодвинуть от края стола мой любимый телефон в мой любимый день в году! И это притом, что любую технику, принадлежащую не мне, ты чуть ли не до короткой замыканий вылизываешь. Но дело в том, что это мой телефон, а тебя бесит все, что мое. Тебя бешу я. И вообще-то мне пофигу, но мой блэкбери — последняя капля, я...

— Конелл, заткнись на хрен! Я куплю тебе новый, точно такой же, и буду его вылизывать, только кончай вопить.

— Я не хочу другой! Я хочу вопить и тебя ненавидеть!

Это признание повисло наэлектризованной тучей в тишине кухни. А Картер просто стоял, засунув руки в карманы. И с высоты своего роста смотрел на меня. И я сидела на кафельной плитке, замерев от страха.

— Прекращай истерику, или я отвезу тебя в психушку, — любезно сообщили мне.

И после этого в Шона полетел торт. Зрелище сползающих по идеальному пиджаку Картера коржей было таким забавным, что меня бросило в другую крайность — я начала истерически хохотать. Если бы уже не сидела на полу — непременно села бы. А он просто буркнул что-то про ненормальных блондинок, покачал головой и ушел.

На следующее утро на моей тумбочке обнаружился новый блэкбери. Он был настолько похож на прошлый, что не различишь. И вся информация (вот вся-вся) в нем тоже присутствовала. У меня даже руки задрожали. Но... волшебство должно было случаться намного раньше. Я не хотела видеть в Шоне ничего хорошего вообще. Я на самом деле жаждала его ненавидеть.

— Ну и что теперь, Картер? Думаешь, раз телефон снова у меня, то теперь все как раньше? — спросила я, стоя за его спиной и попивая кофе. Намеренно так встала — чтобы раздражать посильнее. — Думаешь, что если что-то чем-то заменить, то вина искуплена? Ты запоздал. Поезд ушел.

А он обернулся и хмыкнул, глядя на меня с... уважением?

— Конелл, полагаешь, я это из чувства вины тебе смысл жизни восстановил? — И снова хмыкнул. — Нет. Я просто начал опасаться, что ты снова начнешь орать, как ненормальная и в следующий раз бросишь в меня чем-нибудь потяжелее или поострее, чем торт. В конце концов то, что моей скромной персоной ты не дорожишь, мы уже выясняли.

Эти слова меня взбесили. Я вылила остатки кофе в раковину и ушла в университет на двадцать минут раньше, чем обычно.

Настоящее время

— Вообще-то, когда я пришел, твой блэкбери уже был на полу, — говорит вдруг Шон. А у меня перехватывает дыхание. Зачем он это сказал? — Так что я ничего тебе не должен.

— Должен. За то, что в тот раз смолчал. — Нее, меня голыми руками не возьмешь! Мои изворотливость мигом оценивают и явно умиляются, но...

— Твой аргумент был «я хочу тебя ненавидеть». Ну так я и не стал мешать, — пожимает Шон плечами. — Хрен с тобой, Конелл. Давай сюда свою рухлядь.

Шон в гостиной ковыряется внутри моего ноутбука, а я сижу на кухне бунгало и смотрю в окошко. Отсюда видно море. Сегодня небольшой шторм, небо темное. Внезапно телефон Картера начинает звонить. Не знаю почему, но бросаю на него взгляд через плечо. И обнаруживаю, что он тоже подозрительно на меня смотрит.

— Я тебя понял, Манфред, — говорит он.

И я буквально порами чувствую, что случилось. Они как-то узнали, что я взломала... их. Гады, блин. Шон опускает глаза, сбрасывает вызов и снова берет в руки паяльник. Может, мне померещилось? Паранойя. Несмотря ни на что, я все еще опасаясь Картера. А уж с остальными следует быть вообще осторожной.

— Привет, — говорит мне Марко, отрывая от созерцания Шона. В его глазах я тоже ищу огонек осуждения. Так, на всякий случай. Но там пусто-пусто. Там не то что осуждения, там вообще ничего. Он на препаратах что ли? У меня даже сомнений не возникает, что с младшим Монацелли не все в порядке.

— Привет, — отвечаю я и выдавливаю улыбку. Из Бабочек я его знаю хуже всех. Мы встречались на конференциях пару раз, но это все. Такаши бывал гостем у Шона, Карина (ха-ха) тоже, плюс я знаю ее историю до деталей, но Марко...

Он, тем временем открывает холодильник и достает оттуда графин с соком.

— Думаю, нас ждет новый шторм, — однако, произносит он так буднично, будто я ему старая знакомая.

— Нет, — автоматически возражаю я.

— А я думаю, что да, — капризно настаивает он и с грохотом захлопывает дверь холодильника. В меня впиваются его злые глаза. Будто я сделала что-то совершенно безумное. Так... это страшно. На видео он временами вел себя странно, но одно дело наблюдать за ураганом со стороны, и совсем другое — оказаться в эпицентре.

— Марко, — окликает его Карина. — Пойдем.

— Закрой шторы, там гребаные агенты смотрят!

Карина бросает на меня виноватый взгляд. Будто он ее родственник, за которого она в ответе. И до меня вдруг доходит, что если даже для Шона эти люди не чужие, для Пани они почти семья. А это значит, что когда выяснится имя предателя, все покатится к черту. То есть я пришла, чтобы оставить после себя руины. Кто бы мог подумать, я так долго мечтала стать Бабочкой, а теперь их уничтожу.

— Что, Конелл, здесь у нас все не так радужно, как думалось раньше? — спрашивает Шон, он все прекрасно слышал, так как гостиная примыкает к кухне.

— Он всегда был таким? — тихо спрашиваю я у Шона, подходя ближе.

— Как я уже говорил, Пентагон нас здорово потрепал. — Он не отрывает глаз от кончика паяльника. В воздухе висит отчетливый запах раскаленного металла. — Всем

досталось. После первого случая меня задерживали еще четырежды, но доказательств так и не нашли. Допрашивали, университет несколько раз вверх дном перевернули. Многие преподаватели ушли.

— Да, Роб что-то такое говорил.

— Держите с ним связь?

— Да. С ним и с Керри, — киваю я. Шон коротко стреляет в меня глазами. — А с другими что?

— В смысле?

— С другими Бабочками, — поясняю я.

— От Такаши ушла жена. Дважды. Вернулась. Тоже дважды. Недавно она снова ушла. Теперь детей через суд делят. — Шон замолкает и дует на паяльник. — А Пани получила то, о чем всегда мечтала. Ей закрыли доступ во все страны, кроме Евросоюза и России. Только на таком условии она может продолжать работать на Манфреда, — хмыкает Шон. — И это еще цветочки. Дорогу перейдешь в неположенном месте — новый виток прессинга.

Он откидывается на спинку дивана, высоко поднимает плату над головой, к свету, и рассматривает ее. Я стою, скрестив руки на груди, и ежусь. Мне не нравится происходящее. К примеру, Леклер с камер не заметит, что что-то не так, но я знаю больше. Я будто осиное гнездо разворошила. Может, я вообще сюда приехала, потому что мне необходимы ответы на вопросы. Что случилось? Почему все стало именно так? Кто виноват в том, что мы довели друг друга до точки невозвращения? И, тем не менее, я не спрашиваю у Шона, потому что держусь за ниточку его благодушия, а также не уверена, что вынесу правду. Ну я как всегда, гений драмы и трагикомедии.

Пока я размышляю о жизни и ее поворотах, Картер заканчивает паять мою видеокарту, собирает ноутбук и, конечно же, включает. Перед камерами агентов я не могу его попросить перестать, просто сажусь рядом и невинно хлопаю глазами. С самым глупым видом спрашиваю, работает ли. Типа до этого было непонятно. Шон кивает, но даже не пытается скрывать, что ему все известно. Он запросто восстанавливает мой «потерянный» доступ к их серверу и кивает.

— Работает, Конелл. Прекрасно работает.

Вглядываюсь в его лицо, но прочитав не могу ничего. Что-то мне подсказывает, что, как бы то ни было, он в бешенстве.

Марко не угадал, шторма нет, на улице тепло, ходят небольшие тучи, но на этом все. Я только что искупалась. Уже почти ночь, но вода прелестная, теплая. Я бы могла в ней поселиться. Вспоминаю Миссисипи и улыбаюсь. У меня было чудесное детство, полное моря, солнца и веселья. Я была маленькой местной королевой с волосами, выгоравшими до пепельного блонда. И я была на сто процентов уверена, что вот еще чуть-чуть подрасту и заполучу сердце местного красавчика — своего соседа Коула. Он был на пять лет старше и водил круизную яхту. Это занятие казалось мне самым крутым на свете, куда уж там Шону с его проводочками! Также Коул обладал и другими неоспоримыми достоинствами: бронзовым загаром, самыми голубыми глазами на свете, прессом, напоминающим стиральную доску и... тем, что каждый год в мой день рождения он награждал обе ямочки на моих щеках сладкими поцелуями.

Но однажды все изменилось. Моя мама пришла домой, счастливая такая, и сказала, что мы уезжаем. А у меня случился траур, между прочим! Я любила папу, я скучала по нему, но

покидать насиженное место отказалась наотрез. Он ведь приезжал к нам каждые несколько месяцев, так в чем проблема? В общем, дома начались скандалы, в результате которых на моей заднице появилась заветная татуировка: розовое сердечко с надписью в центре «Love Mississippi». Когда мама ее увидела (разумеется, данный шедевр я ей продемонстрировала), я подумала, она умрет от инфаркта на месте, так резко начала она плакать и задыхаться. Она не могла выйти из этого состояния минут двадцать, а я прыгала вокруг нее с графином охлажденного чая и несколькими упаковками таблеток. Закончилось все тем, что я согласилась уехать куда угодно, лишь бы только она была жива и здорова. Кстати, не думайте плохого, моя мама не умеет притворяться, у нее правда случился шок столетия.

Вот так мы уехали из Миссисипи. Чуть ли не с потерями и... штампом о выезде. Не могу не улыбаться собственным воспоминаниям. Чтобы немножко приглушить тревожные ощущения, звоню папе.

— Как дела? — спрашиваю я.

— Все хорошо. Джо. Никаких проблем. Все в порядке.

— Ты счастливчик, — хмыкаю я. Вот бы и мне частичку!

— А ты...

Но тут я вижу, что в мою сторону направляется Шон. И разговор приходится в спешном порядке сворачивать. Я просто не вынесу встречу в одной реальности папы и Шона. Как бы то ни было, Картера я воспринимаю как постыдную часть своего прошлого, а папа и мама — святое. И, надо сказать, я абсолютно правильно все делаю, потому что вдруг Шон хватает меня за запястья и грубо поднимает на ноги, прижимая к себе.

— Я думал, блонди, мы договорились, — шипит он мне прямо в лицо.

— О чем ты? — хрипло спрашиваю я. Не понимаю, чем его разозлила.

— О том, что я взломал Манфреда Монацелли.

— Что?

— У тебя проблемы со слухом?!

— Нет, Картер, все проще, я ни хрена тебя не понимаю!

— А то, что старику не объяснить, что некогда я спутался с одной крайне амбициозной заразой, которая проделала мне в черепе дырку и вынесла через нее все, что нашла внутри! Ему не объяснить, что некто розовый и приставучий пользуется моими методами взлома!

— Подумаешь...

— ПОДУМАЕШЬ, Конелл?! О чем я должен подумать? Уж не о том ли, что по твоей невероятнейшей глупости я могу потерять место Монацелли? — Упс! Это и правда не приходило мне в голову. — Что ты там искала?

— Я ничего не взяла! — испуганно пишу я.

— Я спрашиваю, что ты искала? — рычит Шон.

— Не знаю! Я не знаю, что мне еще делать! Я хочу просто развязаться со всеми этим дерьмом!

Он снова встряхивает меня. Но не могу сказать, что больно, скорее просто неприятно.

— То есть ты все-таки сидишь и строишь собственную теорию? Думал, мы договорились.

— Да! На второе пришествие мы договорились. А раз так, то я должна просто нежиться на пляже, как пустышка-бимбо?!

— Кто? — Одна бровь Шона выразительно ползет вверх.

— Так в Штатах называют смазливых идиотов!

— Тебе это подходит.

Я не могу это выносить. Я не могу! Он жестокий черствый кретин. Убила бы. Вот только Леклер отвернется, пойду и придушу Картера во сне подушкой! Он заслуживает сполна! Это так нелепо... Но потом я поднимаю голову и встречаюсь с ним глазами. И не вижу ни злости, ни презрения. Этот взгляд плавит меня изнутри, сглатываю ком в горле. Уголок губ Шона дергается, гаденыш все прекрасно понимает.

— Ты веришь, что это был не я? — спрашивает он тихо.

— Верю, — шепчу в ответ я.

— Тогда почему ты в обход меня ищешь?

— Не могу на тебя полагаться. Не после всего, что было.

— Заткнись. Даже если сумеешь понять, кто и как это сделал, у тебя нет и не будет доказательств. Конелл, здесь идут ва-банк. Эта игра не для тебя. Не пытайся ускорить события. У меня все рассчитано. Не путай мне карты, я не хочу разыгрывать еще одну партию с расчетом на элемент хаоса в лице тебя. Ты же просто бомба замедленного действия. Все можешь испортить. Хоть раз в жизни молча посиди в сторонке и потерпи. Осталось уже чуть-чуть.

— Моего отца могут казнить!

— Ага. Такая вероятность всегда есть. А еще зарезать, пристрелить, задавить...

— Картер! — визжу я. Он даже мои руки отпускает, наконец.

— Что? — раздраженно спрашивает он, потирая уши.

И тут мой гениальный мозг выдает:

— Расскажи, как погиб твой отец...

Я не знаю, зачем это спросила, ведь Джастин уже поведал мне эту историю. Неужели я просто испытываю доверие Шона? А у него, кстати, такой вид, будто он ожидал вот чего угодно, хоть падения метеорита на голову, но не прозвучавшего вопроса. Ну как бы я уже уяснила, что обычно неплохо думать, а уже потом рот раскрывать. Но, блин, C++ и личную жизнь еще никто не отменял. Вот только Шон мне отвечает.

— Его зарезали. Прямо за рулем. А рядом сидела одна прекрасно известная тебе девица, которая ничего не видела, не слышала и не знает. Но она выжила. И мне безумно хотелось доказать, что в случившемся была хотя бы доля ее вины. Я заставлял ее пересказывать то, что случилось, раз за разом, наделся, что она проколется, что я смогу ее поймать на вранье или предательстве. Я хотел, чтобы это ее зарезали, чтобы мой отец остался жив. — У меня от этих слов глаза на лоб лезут. Уверена, многие думают так же, но произнести подобное вслух решаются единицы! — Но в моем гениальном плане была одна брешь: даже если бы я прибил Пани за то, что она оказалась более везучей, отца мне бы это не вернуло. Так что я сделал то единственное, что мог — приютил его собаку. И тебе советую.

— Приютить собаку?

— Х*рней не заниматься!

С этими словами он, наконец, меня отпускает, разворачивается и направляется к бунгалу, но спустя несколько шагов вдруг оборачивается.

— Конелл, может у нас с отцом и были не идеальные отношения, но когда он умер, было трудно. Так что я более ли менее представляю, каково тебе. Но сути это не меняет. Не лезь.

Мне снится отец. Однажды, когда мне было пять, я, купаясь, распорол ногу. Он долго

дул на ранку и говорил, что я хорошая, а с хорошими девочками никогда ничего дурного не случается. Хороших девочек носят на руках мужчины, любят их, балуют, боготворят. Я поверила ему. Поверила, что мужчины будут меня любить, оберегать от проблем и забот. А теперь мне снится, что я обвиняю папу в том, что он врал, в лицо называю обманщиком. Все это ложь, я была хорошей, но это мне не помогло!

А он в ответ заявляет, что он ничуть не ошибся, просто я не хорошая. Он хватает меня за плечи и толкает на журнальный столик. И я снова лежу на полу, вся в крови, спина ужасно болит, а папа стоит надо мной и говорит, что это не Шон виноват, а я. Он приводит доводы, которые во сне кажутся такими важными и значимыми. Я не хорошая, нет. Потому что я тоже изменяла и обманывала. И Шона, и Киану.

Я вскакиваю на кровати, задыхаюсь. Безжалостные слова отца все еще фонят в ушах, заставляя сердце биться в груди точно пойманная птица. И по щекам струятся слезы. И адски болит спина.

Глава 12

Киану

Часть 1

Шесть с половиной лет назад

То лето выдалось просто волшебным. И таковым его сделали, разумеется, люди. Во-первых, я устроилась работать на кафедру параллельного программирования. К Клеггу. А, во-вторых, Джек купил машину. Они с Керри оба жили в Ньюкасле, для них встретиться проблемой не являлось, но раз появилось средство передвижения, а Сидней с Ньюкаслем не так далеки друг от друга, я тоже смогла видеться с друзьями. И каждый уикэнд мы собирались на побережье. Керри и Джек приезжали, забирали меня... а дальше было много моря, песка и текилы. У родителей Джека был очаровательный домик на самом побережье... и кругосветный круиз по случаю двадцатипятилетия совместной жизни. Разумеется, мы пользовались преимуществами положения по полной.

То была пятница. Погода просто на зависть. Я не стала сообщать Шону, куда направляюсь. Была уверена, что его мое отсутствие не расстроит. Итак, я выбежала из здания и стала высматривать пикап Джека, но, видимо, слишком поторопилась — машин на парковке почти не было. И тогда, умерив шаг, я медленно двинулась в сторону плавающих на солнце авто. Правда, на парковке я оказалась не одна. Неподалеку от места, где остановилась, я заметила одинокую мужскую фигуру и, чтобы не казаться невежливой, улыбнулась... а потом поняла, кто передо мной. Киану.

— Джениевьева, — улыбнулся он, делая несколько шагов в мою сторону.

— Ты, — выдохнула я и двинулась прочь. Это прозвучало очень странно.

— Я, — согласился Киану. — Верно, я-то я, а вот ты вовсе не Джениевьева, а Джоанна.

И мне стало дурно. Я понятия не имела, как он меня вычислил. А вдруг он маньяк какой-нибудь?

— Тебе лучше уйти. — Это прозвучало как клише. Совсем-совсем как сериальное клише.

— Почему?

Но я не успела на это ответить, так как на стоянку заехал пикап Джека.

— Джо! — заорал мой друг. — Давай к нам!

А уже изрядно подвыпившая Керри высунулась в окошко и издала радостный клич.

— Мне надо идти. — Я уже было развернулась, но он схватил меня за руку.

— Подожди.

— Пусти!

— Кто там с тобой, Джо? — снова закричала Керри. — Он не выглядит как твой пресловутый ректор! Давай сюда красавчика, веселее будет!

— Н-не надо, — с мольбой проговорила я.

— Больше народу веселее, — поддержал Джек. — У нас есть места!

— Не ходи, — начала я взывать к совести Киану. Но та не вняла. Глупее ситуации не придумать, очень в моем стиле!

И вот мы с Киану уже вдвоем на заднем сидении пикапа Джека, а в Керри вместе с текилой влили, наверное, немножко взрывчатки, и теперь она крутится, вертится и не дает

ни одному из присутствующих ни минуты покоя. Наконец, расставив приоритеты, подруга уселась на колени, перегнулась через спинку и начала:

— Как поживает Клегггг?

— Ты пьяная, я с тобой разговаривать отказываюсь, — досадливо пробормотала я и отвернулась. Мне очень не нравилось присутствие Киану рядом. И я злилась на Керри за то, что та пригласила, считай, чужака на наш славный междусобойчик.

— Так мы это сейчас поправим. Если гора не идет к Магомеду, значит, ее нужно просто напоить, — и она плюхнула мне на колени уже початую бутылку текилы, но я попыталась ту вернуть.

— Керри, я не буду пить в машине, полной народа! Излишне веселой тебя нам хватит за глаза.

— Ты становишься такой же мерзкой занудой, как твой ректор. Кстати, как он, жив? И почему ты болтаешься на парковке с красавчиком? — Она похлопала ресницами, глядя на Киану. И от мысли, что подруга с ним флиртует, мне вдруг стало нехорошо. Должно быть, я сошла с ума.

— Жив, конечно. Что с ним станется? — пробурчала я. — А Киану я второй раз вижу. — Это прозвучало до тошноты оправдательно.

— Но в отличие ото всех нас ты знаешь его имя! — возликовала Керри. — Кстати, я Керри, а это Джек, — она протянула Киану ладошку для пожатия, но тут машина зашла в поворот, и подруга с диким хохотом повалилась на Джека. Тот аж ругнулся и отпихнул от себя изрядно нетрезвую девушку.

Надо ли говорить, что мы не были особенно счастливы, когда доехали до пляжа? Но домик Джека поправил положение, он мог бы улучшить почти любую ситуацию, так как стоял на самом берегу, словно выпрыгнул из моей мечты. Только мы вылезли, еще не успели продукты разгрузить, а Керри уже сорвала с себя топик, оставшись в кислотно-салатовом верхе бикини, и побежала по пляжу. Парни на нее должное количество времени поглазели, а потом Джек обратился ко мне:

— Джо, умоляю, присмотри, чтобы она не утонула или не продалась в добровольное секс-рабство, — попросил он меня.

Я не стала уточнять, что по добровольному секс-рабству спец скорее я, нежели подруга, потребовала текилу, соль и лайм и последовала примеру Келли. Я собиралась выпить немало, надеялась, что это отведит от меня Киану. Ну не нравилась мне идея продолжать столь странное знакомство.

В общем, пока мы с Керри нежились на солнышке, запивая невзгоды кактусовой водкой, парни разбирали съестные припасы и мишуру для вечеринки. Когда они это дело закончили и присоединились к нам (прихватив по дороге пятерых друзей Джека), мы окончательно напились, пару раз окунулись в воду и обсудили все невзгоды и тяготы женской жизни. Я жаловалась Керри, естественно, на Шона, а она мне — сразу на трех ухажеров, каждый из которых был ей хоть чем-то да немил.

Но только подкрепление разместилось на песке, как Керри вдруг ляпнула нечто совершенно невероятное:

— Эй, Конелл, я, кстати, знаю, почему с тобой спит наш ректор. — В моей пьяной голове пронеслась тысяча вариантов ее следующих слов, один другого хуже. А она: — Из-за ног. Я бы убила за такие ноги, — заявила она, откидываясь на песок. Я покраснела до кончиков ушей, потому что внезапно, за какую-то долю секунды, мои ноги получили больше

внимания, чем за всю их прошлую жизнь. — Любой парень будет счастлив поиметь такие...
— Керри! — воскликнула я. — Перестань!
— Нет, ну серьезно, — вяло проговорила она. — Даже после визита русской цыпочки он остался с тобой. Определенно все дело в ногах.
— По-твоему я хуже мисс Каблучки?
Керри начала хохотать, ее крайне веселило это прозвище.
— Она же вся такая роковая, просто rrrr... А ты мисс Love Mississippi. — И звонко шлепнула меня по бедру. Я вскрикнула. Было больно и ужасно обидно.
— Пойду искупаюсь, — раздраженно сказала я и ушла.

Для всех день прошел лучше, чем для меня. После заявления Керри я была сама не своя. Ревность, которую подняла во мне подруга, жгла и разъедала. Из-за той истории с Шоном и Пани я не могла успокоиться. Никак. Нет, сама я Шона не любила, это было бы самоубийством, но раз теперь я точно знала, что он способен на это чувство в принципе, бесилась невероятно. Это будто доказывало, что я не так хороша, как думала. В итоге вместо того чтобы часика в три ночи пойти спать, как все остальные, я уселась на ступеньки крылечка с последней оставшейся банкой пива и стала слушать море в надежде достичь нирваны, ну или хоть чуть-чуть успокоиться. Я понимала, что это бред, что поступаю глупо, что Шон мне даром не нужен, но вот ведь вынь, да положи, что делать. Женская логика!

И вдруг рядом нарисовался Киану. Целый день он вел себя настолько образцово, что я было подумала, пронесло. Но сейчас он стоял рядом со мной с самым что ни на есть понимающим видом.

— Расскажешь? — поинтересовался он.

— Нечего рассказывать. Я тону в жалости к себе, — глядя на белые барашки волн, ответила я.

— Это я уже понял. — И он сел рядом. Очень близко. Я хотела было отодвинуться, но это бы означало, что мне рядом с ним некомфортно, а я собиралась делать вид, что он меня ничуть не волнует. — Так, вот значит ты кто, — вдруг сказал он. Я не поняла, что он имеет в виду и повернулась в его сторону. — Самая красивая девушка университета.

— С чего ты взял? — смутилась я.

— Ты девушка ректора. А у них всегда все самое лучшее.

Ох... ничего себе! Я залилась краской и опустила голову, будто он даже в кромешной тьме мог разглядеть мое лицо. Мне его слова очень понравились, больше, чем я готова была себе признаться. Это было тем самым бальзамом, в котором я так отчаянно нуждалась. Только я не могла позволить себе думать подобным образом, не могла позволить ему так говорить. И я начала отнекиваться:

— Нет, Киану, ты не понимаешь, это не романтическая история, она глупая и унижительная.

— Я догадался, ведь ты ходишь по барам, притворяясь не той, кто есть на самом деле, встречаешься с незнакомыми мужчинами, веселишься с ними и уходишь, не оставив шансов на продолжение знакомства. Ты хоть знаешь, что не вранье тебя защищает, а слушок, что ты скучающая подружка кого-то влиятельного?

— Послушай, Киану. Ты хочешь правду? Я могу тебе ее сказать, потому что надеюсь, что после этого мы больше никогда не увидимся. Все банальнее не придумаешь. Однажды я при Картере пошутила. Просто пошутила, даже не над ним, а он взбесился и вздумал меня

отчислить. А потом все как в дешевом романчике: он предложил переспать, я согласилась, он меня оставил в университете, тут же поползли слухи, и в конечном итоге я, как это ни смешно, спасла свою репутацию тем, что продолжила с ним спать. Вот и все! Ну, может, не все, попутно он меня учит тому, что знает. Опять же за то, что я с ним сплю. А вот теперь точно все. Больше нас ничего связывает. У него есть чувства к мисс Каблучки, и я тоже его не люблю. А еще он полагает, что я для него недостаточно хороша. Потому я просто пытаюсь не утонуть в этих мрачных мыслях, как умею!

— Бармен неплохо на тебе зарабатывает. Советую сменить место или потребовать процент.

Я засмеялась, а Киану добавил:

— Уходи от него. Почему ты остаешься?

— Я пыталась, но он не отпустил. И он мой ректор, я от него зависима. Тут нечего обсуждать. Все, я достаточно тебе рассказала, пойду спать и молиться, чтобы Керри после всего, что она выпила, не тошнило.

— Ты можешь спать со мной. Мне, как новичку, выделили отдельную спальню, — полушутливо предложил Киану.

Я покраснела и толкнула его в плечо.

— Это не смешно!

— Джо, Керри уже тошнит. — Я опасливо посмотрела в сторону второго этажа, где разместили нас с подругой. — Ты не слышишь?

— Тогда я как порядочная подруга обязана ей помочь. Подержать волосы. Спокойной ночи, Киану.

— Если что моя спальня там, — указал он на внешнюю лестницу дома. — И мое предложение включает в себя просто много дружеских объятий... с твоими ножками.

После этого, уверена, даже в темноте стало видно, как я покраснела. А Киану просто подмигнул мне. После такого я не покинула спальню ни на мгновение, хотя из-за Керри до самого утра глаз не сомкнула.

В воскресенье вечером я тихонько переступила порог домика Шона и прикрыла за собой дверь. словно преступница, прокралась вперед и заглянула в гостиную. Никого. Ноутбука нет. Но это еще ничего не значило. В этот момент заскрипели колеса машины, и я спешно начала разуваться, не дай Бог Картер бы увидел, что я растащила пляжный песок по коридору. В результате, когда он вошел в дом, я ужасно разнервничалась и начала молотить чужь:

— Привет, — поздоровалась я, глупо улыбаясь. Мне было отчего-то очень неловко, словно я уже его обманула. — Как уикэнд?

Он, конечно, не ответил, просто прошел мимо. За ним волочился тяжелый шлейф женских духов. Не мисс Каблучки, других. У меня задрожали руки, и чтобы успокоиться, я засунула их в карманы сарафана. Внезапно мои пальцы наткнулись там какую-то бумагу. Салфетка? Я ее туда не клала, зачем она мне? Нахмурившись, я вытащила ее к свету и развернула. На ней был написан номер мобильного и имя «Киану».

Как и советовал парень, бар я сменила. Надо сказать, прошлый бармен мне нравился больше. Но, тем не менее, оказался грязным торгашом. Значит, здесь тоже задерживаться было нельзя. Этот тип за стойкой — только представьте! — попытался флиртовать со мной, притом весьма грубо, разумеется, я оскорбилась, как бы смешно это ни звучало. И по этой

причине, когда ко мне двинулся некий бритый мужчина, я не попыталась избежать разговора.

— Привет, — сказал мне он.

— Привет, — ответила я мужчине, сдерживая дрожь. Он меня откровенно пугал. Я совсем не такого общества искала!

— Я Рудольф.

— Джениевьева.

— Красивое имя. Хочешь выпить?

— Я... я...

Но вдруг меня схватили за плечо и весьма грубо развернули. Я сначала перепугалась, что за мной пришел Шон. Но вместо этого встретила лицом к лицу с Киану. И почему-то мне стало так стыдно, вот просто безумно.

— Дж...жениевьева, ты что, опять? Зачем ты это делаешь, зачем? — В его голосе послышались злость и обида.

А я не поняла наездов!

— А что такое? Что изменилось? Дай-ка подумать, ах да, мы с тобой один разок поговорили по душам, и ты решил, что вечер откровений перевернул всю мою жизнь. Расставил, так сказать, по местам. Да черта с два!

— Послушай, вспомни, о чем мы говорили. Ты сказала, что ищешь гармонии с собой! Но, черт возьми, ты вообще понимаешь, каким образом это делаешь? Как можно наладить собственную жизнь, разыгрывая проститутку?

— Она не проститутка? — ошарашенно спросил Рудольф.

— Нет! — возмущенным хором ответили мы с Киану.

Незадачливый искатель дамского общества тут же ретировался. Бармен выглядел до крайности умиленным. А я, хоть и понимала правомерность претензий, оскорбилась в лучших чувствах и накинулась на Киану.

— А сам-то ты чего искал в баре той ночью, Киану? Ножки?

Он покраснел не хуже, чем я в свои блистательные разы. И тут я задумалась, а что, если Шон точно так же ходит по барам и ищет себе развлечение типа меня? Что если однажды он зайдет в одно из подобных заведений и увидит мою искусно прибранную копну золотых кудряшек? Да он же до конца жизни надо мной издеваться будет... ЧЕРТ! КАКОГО КОНЦА/ЖИЗНИ?! Уж с Шоном-то, мать его, Картером я конца жизни точно не хочу. Разве что он меня где-нибудь прикопает на радостях...

Но дальше я вообще ничего не успела сказать, потому что вдруг в толпе заметила человека, которому тоже ну совершенно не хотела попадаться на глаза. Джастин Картер. В этом баре все знакомые собрались? Сидней же огромный город, что происходит? Я испуганно пискнула, схватилась за талию Киану, и заставила нас обоих вальсировать к закуткам уборных. Не хватало еще, чтобы Джастин, который уже однажды приписал меня к рядам представительниц древнейшей профессии, получил как бы подтверждение (чулки со стрелками никто не отменял).

— Смотри на меня, не оборачивайся, иди со мной, — я уткнулась лицом в шею Киану и немножко обалдела от того, насколько нежной оказалась его кожа. Как у ребенка, удивительно! Мне вдруг безумно захотелось коснуться ее губами, я даже вздрогнула от этого ощущения. И, кажется, он понял, потому что его руки на моей талии сжались сильнее.

А дальше мы двинулись к пункту назначения, покачиваясь и по очереди наступая друг

другу на ноги. И вот, наконец, я выглянула из-за угла нашего укрытия и обнаружила, что Джастин сидит у барной стойки, рассматривая толпу. Вот ведь повезло! Теперь осталось минимум: пробраться к выходу.

— Только не говори, что это и есть твой ректор! — прошептал Киану, тоже высунувшись в проем и проследив за направлением моего взгляда.

— Нет. Это знакомый. — Не знаю, почему я не сказала ему, что Джастин моему ректору родственник. — Из-за Шона я бы париться не стала.

— Шон... — пробормотал Киану.

— Шон, — с вызовом повторила я.

— Даже имя у него высокомерное, совсем как он сам. — Вот даже куда приехали!

— Seriously? — фыркнула я.

— Что seriously? — недоумевающе переспросил он.

— Человек, названный Киану, будет рассуждать о чужих именах?

Мы не выдержали и рассмеялись.

— А ты вообще называешь себя Джэневьевой, на редкость дурацкое имя!

— Уж не хуже, чем Киану!

Он по-мальчишески весело улыбнулся и покачал головой. А я выглянула снова и нахмурилась. Джастин все еще кого-то высматривал. Я уже было открыла рот, чтобы поделиться с Киану своими наблюдениями, как вдруг дверь женского туалета отворилась, и я любопытство стало неуместным, потому что оттуда вышла Аня. И двигалась она ровно на нас. Не зная, что еще сделать, я толкнула Киану к стенке и, не зная, как еще спрятаться, прильнула к губам парня страстным поцелуем, который из наигранного очень быстро перерос в настоящий. Все было забыто буквально в мгновение ока. Он так сладко целовал меня, задыхаясь, обнимая, точно хрустальную. Боже мой, это было все, чего мне не хватало в отношениях с Шоном. Аня уже давно ушла, а мы все не могли оторваться друг от друга. Я чувствовала его возбуждение, знала, что он хотел от меня намного большего, и уже не была уверена, что не отвечаю взаимностью, ведь, в конце концов, стоило Киану появиться на горизонте, и все как-то изменилось, это ли не показатель? Но я заставила себя разорвать объятия. И это было особенно больно, потому что Киану показался мне вдруг таким красивым и чудесным...

— Нужно уходить. Проведи меня к двери так, чтобы не увидели.

Кивнув, парень обхватил рукой мои плечи и потянул к выходу, а я уткнулась лицом в его шею снова. И ни Джастин, ни Аня нас не заметили. Когда мы оказались на улице, Киану шагнул ко мне ближе и произнес:

— Позвони мне, Джо, я очень хочу тебя увидеть.

— Нет, Киану, я...

— Не говори мне, что я один это чувствую, я тебе не поверю.

И напоследок он ласково коснулся моих губ своими.

Когда дверь дома хлопнула сильнее ожидаемого, я вздрогнула и поморщилась. Так надеялась, что Шон меня сегодня не встретит и не заметит. Но теперь он не мог не слышать. И, что самое ужасное, мои волосы растрепались, помада смазалась, а в глазах явный оттенок паники... отстой.

Как я и предполагала, Картер вынырнул из гостиной и окинул меня оценивающим взглядом.

— Молчи, — попросила я его, даже не пытаясь сделать вид, что все в порядке. Но, разумеется, он был в состоянии держать рот закрытым, только если это было невыгодно мне.

— Успокойся, Конелл. Мне плевать с кем ты спишь, пока и мне не отказываешь.

— Ни с кем, кроме тебя, я не сплю, — огрызнулась я. — Я не собираюсь тебе уподобляться.

— Жаль. Было бы интересно посмотреть на твои терзания.

Страх уступил место ледяной ярости.

— Ты встретил меня, чтобы сказать какую-нибудь гадость? Спасибо, я...

Но он не дал мне договорить, шагнул ближе и толкнул к стене, прижался к моему телу, вцепился в волосы... черт! Это было столь же заманчиво, сколь и неправильно. Я попыталась его оттолкнуть.

— Я встретил тебя не за этим.

— Убирайся к черту! — Начала отталкивать я его, вспоминая запах воскресных духов, даже не так, нет, цепляясь за это воспоминание. — Я не хочу... — прошептала я слабо. Мы оба знали, что белый флаг капитуляции уже сто лет как выброшен в воздух.

Однако, правда в моих словах тоже была. Я действительно его не хотела, какой-то частичкой, которая рвалась на волю, на свободу... на свободу быть собой. Какое же это было бы счастье — не злиться, не обижаться, не обдумывать каждый свой шаг. Я хотела еще раз увидеться с Киану, поговорить с ним, посмеяться, побыть вдали от ловушки, в которую раз за разом загонял меня Шон. Вдали от места, где вынуждена была следовать *его* правилам и соглашаться на грязную, изменчивую, грубую и фальшивую близость. Да, это отвратительно звучит, но разве можно говорить иначе про отношения между людьми, которые друг друга не скрывая презирают?

От этих мыслей я зарычала на Шона:

— Ты спишь черти с кем, что я могу от тебя подцепить? — Эта была просто какая-то необходимость — жалить его сильнее, чем он меня.

— Какая разница? Тебе придется это пережить. Или не пережить. Представляешь, Конелл, если у меня СПИД, то и у тебя тоже будет. Шагнем в вечность вместе, как Ромео и Джульетта, — хмыкнул он. — Ну не об этом ли ты мечтаешь?

— Не с тобой, — сквозь зубы выдавила я.

Он словно впервые меня увидел, вгляделся в лицо, а затем взялся за полы блузки и резко рванул в стороны, грубо задрал юбку и прошелся пальцами по кружевному краю чулков.

— Да, мне определенно нравится этот твой идиотизм.

Сидя на полу и собирая пуговицы блузки, я ругала себя последними словами. Ну как так можно? Да что вообще я творю? Сначала докатилась до торговли собственным телом, теперь — чуть ли не до измены. Я оскорбляла людей, я пребывала в состоянии вечного гнева, почти ничему не радовалась, шла на поводу у банального влечения. Я ненавидела свою жизнь и понятия не имела, как ее изменить. Шон как демон ада, рядом с ним даже вроде бы хорошие люди сходят с ума и начинают предаваться самым страшным порокам. Уныние, гордыня, алчность, похоть... боже мой, а ведь когда-то я каждое воскресенье ходила в церковь в нежно-розовом платье, расшитым кружевом по подолу. Где родной Миссисипи? Зачем я позволила маме меня оттуда увезти?

Да черт возьми! Еще три пуговицы, где же они? Зачем их нашивают так много?! Застегивать долго, потерять просто, перешивать — замучаешься, к чему такие сложности?

— Что ты делаешь? — фыркнул Шон. Он все еще не ушел, все еще сидел рядом, будто

понимал, что мне рядом с ним тошно и старался сделать еще хуже.

— Собираю пуговицы, — зачем-то озвучила я очевидное.

— У тебя что, нет денег на новую блузку? Так скажи, я тебе их дам...

И тут я вскочила на ноги, нависая над ним, и заорала во всю мощь легких:

— Я тебе не шлюха!

Но я так себя накрутила, что ноги не держали, и я медленно и осторожно опустилась снова на пол, а он издевательски ласково погладил меня по щеке пальцами.

— Шлюха, Джоанна, шлюха. Женщины секс продают за любовь, за деньги, за власть, за возможности, за обручальные кольца... и даже за потенциальную возможность пробиться наверх, а? Так что уж тут считать монетки? Одной больше, одной меньше. Я готов платить за секс с тобой потому что ты права. Остальные женщины, в том числе и Карина, что-то в постели из себя корчат. То прическу не тронь, то в такой позе ни-ни. А ты другая. И это лучшее из твоих качеств. Кстати, давай уж начистоту, если бы я тебе не платил, ты бы все равно мне отдавалась с не меньшим энтузиазмом. Сколько себе не ври, это так, и в глубине души ты это знаешь. То, что я предпочитаю тебе платить — мой личный выбор, потому что иначе это можно было бы назвать отношениями.

Той ночью я плакала. Тихонько и горько. Я не нашла последнюю пуговицу. И все равно не взяла бы денег у Шона, пусть он и виноват. Нет. Никогда. А еще я касалась пальцами губ, вспоминая о поцелуе Киану. Он не считал меня ни грязной, ни жалкой. Да, мы встретились в баре, куда он пришел по сомнительным причинам, но он никогда не выказывал мне неуважения. А Шон, напротив, ни в грош меня не ставил. Я всхлипнула снова, зажала рот ладошкой, откинула одеяло и встала с кровати.

Ступая на цыпочках, я выскользнула из комнаты и, оборачиваясь на каждый шорох, подошла к входной двери, где оставила свой рюкзачок. Я знала, что если нужно что-то спрятать от Шона, то лучше всего это сделать среди личных вещей, он точно не полезет в мою сумку — побрезгует. Из бокового кармашка я вытащила скомканную салфетку и, сжимая ее в кулаке, дрожа от напряжения, вернулась в спальню. А там взяла телефон, вбила в справочник номер Киану и набрала сообщение:

«Я хочу с тобой встретиться завтра. Джоанна»

Я смотрелась в зеркало и думала, что же ты делаешь, Джо? Что? Я собиралась на чулки не свидание при наличии чуть ли не бойфренда. Я шла встречаться с парнем, о котором мечтала слишком часто. Я шла встречаться с парнем, на которого в мыслях уже променяла своего ректора. Какой ужас! Я даже взялась за телефон, собиралась все отменить, но не посмела. Я вспомнила потерянные пуговицы и слова Шона. НЕТ! Решено. Я встречаюсь с Киану и... и будь, что будет.

Стоило нам с парнишкой из бара встретиться, как я подошла к Киану и заявила:

— Идем!

— Ого, как решительно, — усмехнулся Киану. — Ну идем, а куда?

— Мы идем искать пуговицу. Вот такую же, — показала я ему одну из комплекта.

— Эм, где?

— В магазинах, конечно. Я потеряла пуговицу! И я знаю мало магазинов с подобными товарами, а ты из Сиднея.

— Постой-ка, Джо. Я живу в Сиднее, но это не значит, что я знаю все места обитания пуговиц. Я за всю свою жизнь не купил ни одной.

— Тогда самое время начать! — набросилась я на него. — Киану, мне жизненно необходима эта пуговица!

— Зачем?

— Не знаю! Но она мне определенно нужна! — А еще лучше заплатку на испоганенную жизнь! — Да какая разница? Мы идем пуговицу искать, это все, что тебе нужно знать!

После этого Киану серьезно кивнул и полез в интернет в поисках адресов. Разумеется, пуговицу мы искали целый день. Объехали все магазины рукоделия. И, разумеется, не нашли идентичной. В конечном счете я решила снять обе с манжет, а их заменить похожими купленными. Но это и близко не удовлетворило мое стремление вернуть свою жизнь в привычное русло. И я расстроилась.

— Мне жаль твою пуговицу.

— Ну, Киану, это же не домашнее животное. — Я понимала, что это что-то типа психологического проецирования. Я понимала, что пуговица ничем мне не поможет, но без нее жить было вот вообще невозможно!

— Но искали-то мы ее с не меньшим энтузиазмом! — парировал он.

— Да, спасибо, что терпел меня сегодня.

И тогда он меня поцеловал. Сладко. А затем оторвался и шепнул:

— Мы разберемся, Джо, я обещаю.

Теперь мне все это кажется таким смешным. Даже тогда мы оба понимали, что ступили на запретную территорию, решились играть по правилам, которые нам обоим были не до конца понятны. Как дети, которым вздумалось притвориться взрослыми. Выступить против Шона Картера. Ха. Ха. Ха. Да мы с ума сошли.

А тогда было так тепло и спокойно, совершенно не хотелось расставаться. Ради меня никто так давно ничего не делал, а Киану был внимателен. Это меня и подкупило. Смешно, но квартира, в которой мы впервые были вместе, принадлежала другу Киану. Потому что иным вариантом был только номер-люкс Шона, а с ним у меня ассоциировались совершенно не радостные воспоминания. Да и вообще... это как покрасить свежий лак поверх потрескавшегося и ждать, что выйдет нечто путное! Я не знаю, куда Киану дел друга или куда тот делся самостоятельно, но мы были, к счастью, одни. И вспомнить-то стыдно. Хотя... мне же было девятнадцать, все казалось более простым.

Он не позволил себе в отношении меня ни малейшей грубости. Долго целовал, распалая, мне даже было почти стыдно за собственную несдержанность. А еще я до дрожи в коленках боялась, что поймет, какие именно отношения связывают нас с Шоном. В конце концов, положительные аспекты я ему не озвучивала. Наверное, он полагал, что я ненормальная, раз встречаюсь со своим ректором.

— Что он может с тобой за это сделать? — спросил Киану, пока мы ловили такси поздним вечером.

— Ничего? — удивилась я. Мысль о физическом насилии мне и в голову не приходила. Понятия не имею, в каком месте Шона должно было замкнуть, чтобы он сделал мне больно намеренно. — Киану, я же говорила, у него есть связи на стороне. Ему на меня плевать.

— Вот и хорошо. Потому что мне — нет.

И я заулыбалась, уверенная, что все теперь будет хорошо. Я не говорила об этом Киану, но я не собиралась уходить от Шона. Мне нужен был романчик со всеми восторженными вздохами по поводу моей персоны, не больше. Но, как всегда, по-моему не получилось. Я недооценила все и со всех сторон. И в первую очередь, конечно, Шона. Его отношение ко

мне я просто безумно упростила. Сама тогда еще не понимала, как конкретно вляпалась!

А пока... я вернулась в домик и закрылась в своей спальне, уверенная, что Шон туда не придет. И улыбалась как идиотка целый вечер напролет. Впервые за долгое время я чувствовала себя счастливой и о Пани не вспоминала. А значит, не знаю каким образом, но я была права.

Мы с Киану отношения не афишировали, но взаимную симпатию скрыть не могли, и знакомые хором повторяли, что из нас выйдет славная парочка. А мы просто отшучивались и принимали подобные насмешки как данность. Но для меня это значило даже больше — даже посторонние люди понимали, что с Картером у нас будущего нет.

И все было бы прекрасно, и все бы жили спокойно, если бы не несколько «но». Во-первых, мы с Киану очень-очень редко оставались наедине. Не было возможностей. Он был студентом юрфака, жил с родителями. А я... я продолжала жить с Шоном. И именно это во-вторых. Я продолжала жить с Шоном, а значит, я продолжала спать с Шоном. Хотя и пыталась свести близость к минимуму, полностью ее избежать не получалось. И, конечно, за каждый свершившийся раз я отдувалась сполна перед собственной совестью. Я безумно боялась, что Киану узнает правду о том, что творилось в домике на окраине Сиднея. И еще больше боялась, что Шон узнает, с кем я тайно встречаюсь. В смысле, я полагаю, он догадывался, что что-то там есть, в конце концов я негений притворства, но он не знал Киану лично, и нас всех это устраивало. Пока.

Сам Киану о Картере не заговаривал. Может быть, тоже понимал, что ощущение горячки в крови, соблазнительной неясности и новизны... этот нечаянно пойманный тяжелый вздох и вожделенный взгляд, долгожданное касание губ — именно это дарил нам Шон. Отсутствие рутины. Отсутствие привычки. Благодарность за каждую встречу. А как иначе, ведь мы каждый раз не были уверены, что следующая состоится. Шон же как паровой каток — безжалостный и беспощадный. Пока не видит, его не бесит, но стоит встретиться в узком переулке...

Тем не менее, вынуждена заметить, что хотя с Киану я стала определенно счастливее, нервы из-за всего происходящего начали изрядно пошаливать. Приведу пример.

Тем вечером я лежала на диване, поставив ноутбук на колени, и читала статьи по программированию. Каждый, кто занимался тем же, в курсе, что у некоторых людей мира хайтек просто исключительное чувство юмора. Иногда у меня создается впечатление, что за сарказм программистам приплачивают. В общем, мне было совсем не скучно.

Внезапно дверь в гостиную приоткрылась, и в щелочку протиснулась Франсин. Собака, глядя на меня влюбленными глазами, подошла ближе и попыталась положить голову мне на ноги.

— Уходи! — шикнула я на нее и продолжила читать. Ну да, я очень злопамятная, что делать. Будь на месте Франсин кошка, она бы уже сделала мне ответную гадость и не раз, но оказалось, что Шону в наследство достался просто образец верности и преданности. Собака будто понимала, что чем-то меня обидела, и пыталась вымолить прощение. В иной день ни на шаг не отходила. Мне стыдно за свое отношение. Правда стыдно.

В общем она пришла ко мне в комнату и стала смотреть с таким обожанием, что я не выдержала:

— Чего тебе? Есть хочешь? Ну пойдем, накормлю.

Да, вот так я от нее избавлялась. Покормишь — она спать ляжет. Наверное, именно это

и заставляло собаку верить в то, что для нее не все потеряно. Кормит, значит любит. Ладно, вынуждена признать, мне было вовсе не плевать на Франсин. Настолько не плевать, что я бесилась от одной лишь мысли о том, как радостно она встретила мисс Каблучки...

В общем, Франсин ела, а я сидела и смотрела на нее, ощущая собственную вину. До меня была другая. Может быть много других. Собака в этом нисколько не виновата. Она просто привязывается к тому, кто ее кормит. Уверена, что в противном случае Картера она бы ненавидела так же, как и все остальные.

— Ладно, подруга, пойдем погуляем, — еще раз уступила я питомице.

Посадив Франсин на поводок, я вывела ее на улицу. И только когда там оказалась, осознала насколько поздно. Было очень темно, тихо и ни души вокруг. В почти полной гармонии с собой, я шла и размышляла. У летней темноты есть какой-то совершенно особенный запах. Он завораживает и очаровывает... и тут, словно, чтоб меня, как по заказу отрубили электричество. И темнота, которой я недавно восхищалась, стала абсолютной. Прошла всего пара секунд угнетающей дезориентирующей тишины, а затем улицу огласил громкий собачий лай. Франсин рванулась прямо на проезжую часть, потащив меня за собой точно тряпичную куклу. И ничего, ничегошеньки не видно!

— Фу, Франсин! — вскрикнула я. Сейчас приведет меня к какому-нибудь монстровидному дружку-волкодаву, я ж на месте от ужаса и умру. А ей, как выяснится, поиграться захотелось!

Но чем дальше Франсин уводила меня вперед, тем больше я уверялась в мысли, что там не собака, а человек. Высокий мужчина. С ненавистью к волкодавам я погорячилась! Даже при всей своей любви, Франсин меня защитить бы не смогла, она была уже немолода, да и на зависть добродушна.

— Фу, пойдем! — позвала я. Это было совсем не умно — подавать голос. Если даже мужчина и не разглядел меня раньше — мог думать, что собака одна, — то теперь — точно нет.

И вдруг он двинулся прямо на меня. А я, позабыв обо всем на свете, бросив поводок, понеслась со всех ног в сторону домика Шона. Там спасение. Шон защитит. Не то, чтобы он обо мне беспокоился, но может до контузии напугать любого маньяка! Решено, сначала он напугает маньяка, а потом примется жарить меня в кипящем масле за то, что я оставила черт знает где его собаку! Не суть, с ним можно будет попробовать договориться, а с маньяком — точно нет.

В общем, я неслась, не разбирая дороги, пару раз споткнулась о корни деревьев, ни зги не видела. Но этот тип меня догнал, и, уворачиваясь от него, я рухнула на асфальт. В моем распоряжении были только острые каблуки, длинные ногти и несколько децибел на пороге ультразвука. Так что я была уже готова пинаться, царапаться и визжать. Но тут...

— Конелл, ты спятила?! — рявкнул из темноты маньяк, как выяснилось, по совместительству являвшийся Шоном.

Не, ну нормальный вообще? Молча бежал за мной в темноте! Но возмущалась я чуть позже, а в тот момент, когда поняла, что передо мной Картер, я от облегчения потеряла сознание.

По всем законам Шона Картера я должна была проснуться там же, на асфальте, но проснулась в доме. А он заботливо сидел рядом и стучал по клавиатуре. Пока он не заметил, что несостоявшаяся жертва и собакоупускательница проснулась, я снова прикрыла глаза и попыталась понять, что вообще произошло. Шон же был в доме, как он оказался на улице? И

почему у меня сдали нервы? Из-за Киану? Неужели этот романчик настолько меня изматывает? Или я все еще страдаю из-за Карины и предательства Шона? В конце концов эта парочка меня сподвигла на поведение шлюхи. Я даже всерьез связалась с парнем из бара и завела полноценную интрижку. Неважно, что Киану мне нравится, чем я и оправдываюсь, все равно на душе гадко!

А вообще вышло забавно. Я собиралась бежать к Шону от Шона затем, чтобы Шон Шона напугал. Ха-ха, да не смешно! Какая-то часть меня все еще слишком полагалась на Картера. А у меня такого права уже не было! Однажды он мое доверие не оправдал, и я не собиралась предоставлять ему шанс сделать мне больно еще раз.

— Когда ты ушел? — задала я мучавший меня вопрос.

— Когда ты хохотала тут как ненормальная.

Я не хохотала как ненормальная! Ну, может, хихикала... ну смеялась, ладно, но мог бы и не грубить!

— Франсин вернулась? — прохрипела я опасливо. Боялась, что меня и впрямь четвертуют.

— Франсин собака, она найдется, — невозмутимо отозвался Шон. — Конелл, разберись с собственными нервами, тебе определенно надо успокоиться.

— Ты бросился на меня ночью! Псих!

— Я не бросался, я пытался подойти.

— Я тебя не узнала!

— И как я должен был это понять?

— А так! Я же от тебя побежала.

— Ну, если разобраться, такое поведение для тебя весьма типично.

— Что?!

— Что слышала. Сбегать сильно любишь. И, заметь, до добра тебя эта привычка не доводит.

— О чем ты?

— Об этой дуре.

— Какой дуре? — может, он о Пани.

— Элен, Хеллер...

— Хелен.

Точно. В прошлый раз было то же самое. Уел, зараза.

— И что ты тут сидишь?

— Уверюсь, что у тебя нет сотрясения мозга.

— Уверился?

— Ну раз Хелен, в отличие от меня, ты помнишь, все в порядке.

А затем встал и ушел. Самодовольный индюк! Но в одном он был прав — с нервами проблемы имелись.

Глава 13

Рим

Настоящее время

Я исходила всю свою комнату. Потом весь вестибюль. У меня безумно болит спина. Я не то что сидеть за ноутбуком, я даже думать не могу. Старые травмы иногда странно реагируют на психоз обладателя, и у меня сегодня именно такой день. Администратор посматривает на меня слишком уж часто, я ему не нравлюсь. Или ему не нравится, что я мельтешу перед глазами. С одной стороны, логично, с другой... ну ты, козел, сам напросился. Решительно направляюсь к нему.

— У вас есть кроссворд? — спрашиваю я.

— Откуда бы? — интересуется он с видом чопорного английского дворецкого. Хочется дать ему щелбан, чтобы, наконец, растормошить!

— Не врите, вы администратор, у вас его не может не быть, вы ведь все одинаковые, давайте сюда кроссворд. — Даже кулачком для большей верности ударяю. — Не бойтесь, мы с вами его отгадаем в два счета. У меня болит спина, и мне нужно отвлечься. А вы обязаны удовлетворять желания клиентов!

Он сдается и ныряет под стойку рецепшна. Да, с этим типом мы лучшими друзьями не станем. Пока он ищет кроссворд (то ли хорошо прячет его от посторонних глаз, то ли продемонстрировать мне мою же правоту не спешит), я от боли чуть ли не тушканчиком вокруг стойки прыгаю.

Игнорируя мое страдальческое выражение лица, администратор с важным видом относит газету от глаз подальше, обнаруживая то ли редкую форму дальновзоркости, то ли отсутствие подходящих очков. Вопросы он зачитывает вслух, будто сама бы я не сумела. Половина кроссворда готова в два счета, но это не помогает. Я все еще хватаюсь на поясницу, топчусь на месте и гримасничаю. Тогда он с некоторой долей сочувствия спрашивает:

— Может быть, позвать врача?

— Лучше волшебника. У вас тут не пролетал один?

— Может быть, вам принять обезболивающее?

— Нет! — рывкаю я.

И пока не посоветовала администратору провалиться с его советами (кстати, дельными) в ад, выскакиваю из отеля. Может, мне полежать на песке? Иногда помогает. Но решить не успеваю — вижу вдали красную машину. Картер что ли? Не хочу с ним встречаться и признаваться в том, что мне плохо. Юркаю в отель, прячусь за каким-то фикусом, для верности прикрываюсь модным журналом. Ай да молодец Джоанна, в номере ее, ха-ха, нет, а в холле искать никто не станет. Фикус мне кажется удивительно надежным прикрытием. Но Картер — хитрый гад, он топает прямо к администратору. А тот меня сдаст, точно сдаст. Сквозь листья вижу, как он указывает на соседствующий со мной фикус. И бежать некуда. Засада! А Картер уже топает прямо ко мне.

— Я не в настроении выслушивать колкости, — сообщаю я. — Поэтому тебе лучше свалить отсюда. — Я закусываю губу, стараясь стереть с лица болезненное выражение. — Просто уходи.

А он поднимает бутылку шампанского, которую я даже не заметила, так была занята

собой. Странно, что именно он отмечать собрался? Сегодня никакой не праздник.

— И что это?

— Отсутствие колкостей, — язвит он, но прежде, чем я успеваю на это указать, добавляет: — Я закончил проект. Осталась работа параллельщиков. То есть твоя. О цене договоримся.

— Когда нужно закончить?

— Чем быстрее, тем лучше. В течение нескольких дней, но там не так много.

Как представляю, что мне придется сесть за компьютер и, страдая от боли, начать разбирать коды...

— Прости, Шон. Я не могу.

Это правда. Боль невероятная, она сводит меня с ума, я даже думать не в состоянии. Черт, Шон, иди. Хоть раз в жизни сделай так, как я прошу! Но, разумеется, чудес не бывает!

— Я тебя предупреждал, не надо теперь говорить, что ты не в курсе, не можешь, забыла и так далее, — стремительно мрачнеет он.

— Нет. Шон, черт. — Я протягиваю руку, чтобы он помог мне встать. Сидеть совершенно невыносимо, а раз Картер уходить не собирается, долой маски. — Я все прекрасно помню.

Он помогает мне встать, но это оказывается намного сложнее, чем я думала. Я даже разгибаюсь с трудом, а он хмурится.

— Что происходит?

— Мне больно. — Я кладу руку на поясницу и сутулую спину, потому что стоять ровно не могу. Тяжело дышу.

— Что ты делала?

— Ничего. Я проснулась, а спина болит. Не могу ни стоять, ни сидеть, ни лежать. Я целый день, как бешеная, нарезаю круги по отелю и срываюсь на персонале. Именно по этой причине я не буду писать для тебя код. Поищи кого-нибудь другого.

Но Шон не был бы Шоном, если бы не придумал способ усадить меня за работу.

— Здесь есть массажист? В этом отеле он есть?

— Это не поможет.

— А бесцельное хождение поможет?

— Нет. Дело же не в этом. В психологии. Мне приснился дурной сон, и...

— Ты предлагаешь поискать тебе психиатра? Или оракула? Завязывай нести чушь. — И тянет меня к рецепшну. — Простите, сеньор, тут массажист есть? — спрашивает он у администратора. Тот становится ну просто сама любезность.

— Да, конечно, сэр.

Впервые я кому-то нравлюсь меньше, чем Шон Картер. До жути досадно. Хотя чему удивляться? Картер с виду воспитанный, а я уже несколько раз устраивала администратору прессинг в стиле злой ведьмы.

В общем, стараниями Шона и его кредитки, я оказываюсь на столе массажиста. Суровая дама с седым шиньоном на затылке с силой растирает, щипает и мнет мою спину. Это просто невыносимо. Я всхлипываю от каждого ее движения. Разумеется, ее это бесит, но я ничего не могу с собой поделать.

— Расслабьтесь.

— Я не могу! Мне больно! — Не думайте, что я не понимаю, насколько невыносима временами. Очень даже. Но это не означает, что я в состоянии перестать быть самой собой!

— Вам нужен курс массажа и постоянное наблюдение врача, — укоряет меня она.

— У меня уже есть одна мама. — Мда, сегодня я не в состоянии вести себя не как стерва. Однако в комнате внезапно обнаруживается не только дополнительная мама, но и дополнительная совесть. Хотя и предпочитает зваться гласом разума...

— Заткнись. Если ты сама себе помочь не в состоянии, другим не мешай, — резко говорит Шон. Угу, он сидит в кресле рядом. Настоял. Не знаю зачем. Но массажистка решила, что, чем выпроводить, проще его впустить и сделать вид, будто мы тут с ней вдвоем. Я ее понимаю. Сама бы поступила так же. Но, наверное, спорила бы в несколько раз дольше.

— Сэр, вы обещали быть призраком, вы не забыли? — интересуется массажистка. Картер ее полностью игнорирует. Он ведь глас *моей* совести, собственная у него отсутствует напрочь!

— Почему ты сразу не обратилась к массажисту? Сейчас уже три часа дня, а ты с самого утра мучаешься!

— Массаж — временная мера. Причина в не этом. А нужно добираться именно до причин.

— Ага, причина в том, что твой организм намекает, будто ты идиотка и пора умнеть. Скажем, на массаж сходить. Конелл, мы живем в двадцать первом веке, сейчас существуют мириады возможностей облегчить себе жизнь. Есть такая штука, гугл называется. Стоит разок набрать в поисковой строке вопрос, и ты узнаешь, что весь этот мир жаждет тебе помочь, надо только заплатить.

— Жаждет помочь, ха! — Я почти подпрыгиваю на массажном столе, прижав к груди простыню. — Именно по этой гребаной причине я затрясла на Сицилии с тобой и Леклером. Помогает он. Как же.

После этих моих слов массажистка не выдерживает и с такой силой нажимает на мои лопатки, что меня аж впечатывает в стол. Больно, блин! Слышу, как Картер хмыкает.

— Сэр, ей нужно расслабиться, перепалки этому не способствуют, — восхитительно невозмутимо заявляет женщина. — Так что замолчите. Оба.

Неожиданно Шон встает и покидает кабинет. Ушел, гад, не выдержал! Лежу и злюсь. Отчего? Сама не знаю. А массажистка продолжает меня истязать. Однако вдруг дверь открывается, и возвращается Шон. С двумя фужерами и открытой бутылкой.

— Сэр, скажите, что вы не собрались поить мою пациентку... — мрачно говорит массажистка. Мда, если администратор недостаточно близко общался с Шоном, чтобы его возненавидеть, то эта дама близорукостью уже не страдает.

— Алкоголь, как вы наверняка знаете, расслабляет, *мэм*, — говорит он, наконец, массажистке. — Я заплачу еще за час, и в течение одного ни слова не скажу, но только при условии, что вы сами тоже заткнетесь.

Это ее здорово, спорю, разозлило. Мне даже извиниться хочется, но с какой стати? Это мне раньше за выходки Картера мне могло быть стыдно, а теперь он чужой человек. Теперь толпы его тараканов ко мне вообще никакого отношения не имеют. И, успокоив свою совесть, я просто сажусь, старательно прикрываясь простыней.

— За то, что я закончил проект.

— Ага, за то, что ты готов меня запихать в бетономешалку, лишь бы я смогла доделать оставшееся.

— Именно. — Если у него есть фильтр на ядовитые комментарии, мне пожалуйста, такой же! — А еще за то, что завтра мы с тобой летим в Рим к Манфреду Монацелли. Там он

передаст мне Бабочек, а ты, наконец, начнешь работать. На меня. Официально.

Я стану Бабочкой?! Я не ожидала, что это будет завтра. И именно так. И вообще... это все так странно и неожиданно. У меня от новостей кружится голова... чтобы переварить услышанное постепенно, я пытаюсь переключить внимание на другую часть сказанного.

— То есть завтра состоится последнее твое повышение в жизни? Ха. Это ужасно. Сколько тебе лет? Тридцать пять? Тридцать шесть? Что ты оставшуюся жизнь будешь делать?

— Поверь, я найду чем заняться. В крайнем случае, если совсем скучно станет, женюсь и буду всю жизнь разводиться, деля напополам накопленное имущество, вплоть до друзей и домашних животных, как Такаши.

Я заставляю себя рассмеяться над его словами. Но отчего-то меня вдруг охватывает злость и паника. Я вспоминаю слова Леклера о том, что он делал Карине предложение и... У меня в голове что-то словно перемыкает, хочется заплакать. Я совсем спятила что ли?! Так, мне ни в коем случае нельзя выказать перед ним подобную слабость, и я отшучиваюсь.

— Пфф, это не твое. Но если все же сделаешь такую глупость — скинь мне имейл своей молодой жены, я просто обязана передать ей собственные соболезнования. — Удивлена, что голос звучит предельно спокойно.

— Можешь же быть забавной, когда захочешь, — говорит Шон без тени улыбки и опрокидывает в рот шампанское. — Давай, Джо.

Я следую его примеру, но мозг под напором впечатлений просто плавится. Картер, тем временем, с нездоровым плотоядным интересом изучает мою шею. Нет, нет и нет. Мне с ним работать. Лишние сложности ни к чему. И скоро я вернусь в Штаты. Буду видаться с Шоном раз лет в пять по большим проектам. Решено.

— Так что там с Римом? — резко меняю я тему. — С чего ты взял, что Леклер меня отпустит?

— Это не твои проблемы. А теперь ложись, успокаивайся и дай человеку делать свою работу, чтобы потом ты могла заняться своей.

Закатываю глаза, но подчиняюсь. И комната погружается в молчание. Наконец, мне удается забыться, и я почти на седьмом небе от счастья. Еще пара минут, и я растекусь по массажному столу бесформенной массой облегчения. Но мне, как всегда, обламывает кайф время, пары минут у меня вдруг не оказывается. Все закончилось. И пора возвращаться в суровую реальность. Я одеваюсь и иду в собственный номер за ноутбуком.

Мы сидим на диванчике в холле, потому что закрываться в своем номере с Шоном я наотрез отказываюсь по сотне тысяч причин. Картер меня коротко вводит в суть своего кода. А потом заставляет писать, да еще и смотрит. Вообще-то это здорово раздражает, не знаю, как он раньше терпел мое присутствие, сама я уже готова ему приплатить, чтобы убрался. Мне в таком режиме даже не думается. Начинаю откровенно тянуть время:

— Думала, у тебя будет больше кода.

— Прошлый параллельщик успел с остальной частью поработать.

— В смысле прошлый?

— В смысле тот, которого Леклер посадил.

— А когда это было?

— За пару дней до того, как Манфред полетел тебе в ножки кланяться.

— Понятно.

— Так что оставшуюся часть защиты пишет Пани. И пусть сама со всем этим

разбирается.

— Сопляк, — фыркаю я. Картер вопросительно поднимает бровь. — Ты свалил работу не на одну девушку, а на двух.

— Через двадцать четыре часа я буду твоим непосредственным начальником, так что ты поосторожнее.

— Господи, это и есть твоя эротическая фантазия?

— Что-то вроде, — отвечает он спокойно. — Моя фантазия — собрать команду, на которую я буду иметь возможность по-настоящему полагаться.

— И кто из Бабочек в нее входит?

— Из здешних только Пани и Такаши.

— Так, я не поняла, то есть мне хочешь меня прикарманить при том, что не доверяешь?

— Прости и поправь меня, если я ошибаюсь, но ты царапнула по роже Монацелли, повернулась к нему задом, задрала нос и гордо шлепнулась им в дерьмо, которое для тебя заботливо приготовил Леклер. Так что ты не в команде. И не Бабочка.

Меня распирает от хохота, ничего не могу с этим поделать.

— Ты отвратительный. Ты это знаешь?

— Конечно. Ты собираешься работать?

К счастью, спасает меня Леклер. Его, разумеется, сильно раздражает наше с Шоном тесное соседство. Потому он абсолютно по-хамски усаживается напротив, но никого его присутствие не смущает. Я все еще делаю вид, что экран — весь смысл моей жизни. А Шон, напротив, счастлив.

— Леклер, тебя-то я и жду. — Эм, серьезно?

— Да неужели, — вяло отвечает прилизанный агент.

— Ага. Мы завтра с Конелл летим в Рим, — лениво тянет он. Наблюдаю краем глаза за этой парочкой.

— С какой это радости? — фыркает агент. — Ваше общение итак непозволительно... близкое.

На этом мой запас молчания заканчивается, и я выдаю:

— Ну-ну, агент, ревность вас не красит.

— Там, видишь ли, Монацелли завтра мне Бабочек передает, — лениво продолжает Шон. А Леклер даром что носом водить не начинает. — И, в отличие от агентов, Конелл могла бы в нем поучаствовать и все тебе, к примеру, рассказать.

И хотя Леклер пока артачится, я чувствую, что он не в состоянии противостоять соблазну. Он поворачивается ко мне.

— То есть вы, доктор Конелл, действительно не верите в вину Картеру?

— Если в тюрьму теперь сажают за скотский характер, то я ставлю на то, что вы с ним отправитесь в колонию строгого режима, взявшись за руки.

— Класс, — фыркает Шон, а затем поднимается и, не дожидаясь положительного ответа Леклера, заявляет мне: — Я заеду за тобой завтра в семь утра.

Наконец, можно поработать без общества множественных нянек!

За все то время, что мы с Шоном жили вместе, летали мы, наверное, всего пару раз. Но этот опыт просто незабываем. И потому уже в аэропорту я начинаю страстно жаждать его смерти.

— Не смей пить, — бурчу я, замечая, как он смотрит в сторону магазинов

беспошлинной торговли.

— С чего бы это? — раздраженно спрашивает он. — Я же ни слова не сказал по поводу твоего очаровательного читива. Каждый развлекается в меру своих способностей.

Смотрю на прихваченный журнал мод.

— В отличие от алкоголя это полезно.

— Чем? — иронично выгибает бровь Картер.

— Я выбираю себе прическу на следующий сезон, — брякаю я первое, что пришло в голову. Иногда мне кажется, что как минимум половину врожденного идиотизма я сохранила только с одной целью — позлить Шона. Но, кажется, даже он уже догадывается, что моя мечта — не перекрасить планету в розовый, а достать его. Раньше получалось лучше. То ли я расслабилась, то ли Леклер обеспечил Картеру должную степень закалки.

— Что тут выбирать? Перекрась волосы в свой цвет.

— Я знаю, что тебя раздражают блондинки, но...

— Меня не раздражают блондинки, меня раздражаешь блондинкой только ты, — сообщает мне Шон.

— ЧТО?! — восклицаю я так, что люди начинают разбегаться в разные стороны.

— Это твой способ повышения самооценки. Но он глупый и неэффективный.

Надо ли говорить, что к моменту посадки самолета я все еще злюсь, а Шон уже страдает от головной боли, и в такси до дома Манфреда мы молчим и пялимся в разные окошки машины.

Я чувствую себя стервой. Манфред меня приглашал к себе лично, я отказала ему из-за Шона, а теперь Картер ухитряется снимать сливки, и ведь не объяснишь, как так вышло! Встречает нас Монацелли лично, улыбается как-то и грустно, и удивленно, а потом ведет прямиком в кабинет. На его доме написано: шикааааарное семейное гнездышко. Повсюду ковры с ворсом до лодыжек, роскошные (как мне кажется) картины, даже скульптуры. Стены обиты деревянными панелями, портьеры из бархата, слуги снуют и непременно кланяются... в общем, глядя на все это, я не понимаю только одного: как так получилось, что Монацелли готов дело своей жизни так запросто передать Шону? Ведь он свой образ жизни любит. И сильно.

— Помнится, доктор Конелл, у вас сегодня день рождения, — огорошивает меня Манфред и наливает всем нам вино. Да, так и есть. На календаре ведь второе августа. Совпадение круче не придумаешь: и такой повод, и Рим... только вот... откуда Манфред это знает? Бросаю взгляд на Шона, но тот привычно невозмутим. Меня поздравляют, выпиваем, но во рту остается гадкий привкус, хотя, уверена, вино просто превосходное. В этом доме все экстра-класса. И снова я задаюсь вопросом, отчего Манфреда не устроило его текущее существование? Он, конечно, не молод, но и работенка у него не особо пыльная.

Сначала разговор идет о погоде и проекте. Все так чинно и солидно, будто не судьба этого мира вершится. Затем Шон рассказывает, что привлек к работе и меня. Манфреда эта тема, как выясняется, очень интересует. Почему они не говорят о передаче компании? Почему? Я думала, что оба понимают цель визита Картера.

— Как же тебе удалось уговорить строптивую леди присоединиться к нам? — вежливо улыбается Манфред. И вот тогда крокодильи челюсти смыкаются.

— Она присоединяется не к нам. Только ко мне. Ты знаешь, что это значит. И знаешь, зачем я приехал, — безжалостно сообщает Шон.

Вот и все. Шах и мат. И вдруг... на моих глазах... Монацелли старится лет на десять

разом. Я в шоке. А я еще была уверена, что он передает Бабочек добровольно! Какого черта происходит? Куда меня опять несет кривая, а?! Мало Пентагона, так меня еще и в насильственную дележку Бабочек втавили! Перевожу взгляд с одного на другого. Самодовольно развалившийся в кресле Картер, сторбившийся Манфред. Ну и я, непонятно что здесь забывшая. Мне хочется взвыть и залезть под стол.

Я могла бы предположить, что в происходящем замешан Пентагон, но просто не в состоянии логически связать все происходящее. Как? Что? Зачем? Мне хочется схватить Картера за грудки, вытащить его из комнаты и устроить допрос с пристрастием, но я вынуждена до скрипа сжать зубы и молчать. Молчать! Мои пальцы до боли впииваются в ручки кресла. Почему-то мне так страшно и холодно. Почему-то я чувствую, что грядет нечто по-настоящему страшное.

— Ах да, — глухо произносит Монацелли. — Конечно. Документы.

Монацелли идет к стеллажу с книгами и, прямо как в фильмах, часть из них открывается, чтобы обнаружить позади себя сейф.

— Твои юристы все проверили? — вытаскивая бумаги из ниши в стене, уточняет Монацелли.

— Разумеется, — кисло отвечает Картер.

Однако, Шон не оставляет без внимания ни одной буквы из переданных ему Манфредом документов. Не удивлюсь, если он весь текст наизусть выучить пытается. А затем он берет ручку и порывисто расписывается. Один, два, три раза. Без колебаний и сомнений. Монацелли, напротив, долго смотрит на бумаги. Кажется, он физически не в состоянии это сделать. Я уже морально готова к тому, что он разорвет документы и пошлет нас с Картером к черту. Ему явно невыносимо расставаться с Бабочками. Из-за Марко? Или нет? Если бы сын был здоров, думаю, Манфред ни минуты бы не раздумывал, оставил бы компанию сыну. Да, Шон, конечно, лучше, но учитывая, что у сеньора Хакера есть наследник, а организация, считай, семейная, передавать ее человеку постороннему нелогично. Тем более что Картер уничтожит имя Монацелли в принципе. Не специально, а просто потому что он такой. Манфред — человек, которому повезло... а счастливицов забывают очень-очень быстро. Особенно в свете такого соседства. Шон влюблен в эту работу. Он ею живет и дышит. Он пожертвовал всем. Ни семьи, ни друзей, ни отношений. Только Бабочки. Мои глаза все шире и шире. Шон так поступает всегда и со всеми. Идет напролом. И неважно по кому идет.

И вдруг Манфред поднимает голову, гневно смотрит на Картера и буквально озвучивает мои мысли:

— Я ведь мечтал оставить компанию сыну. — И звучит это так горько!

— Марко психически нестабилен. И он не удержит Бабочек. Только я.

— Ты прав, — резко и обреченно выдыхает Монацелли. А затем он опускает свою перьевую ручку на лист бумаги. И тоже трижды расписывается, после чего резко отходит от стола, словно боится промедлить и осознать, что натворил. — Позову юристов.

По пути к двери Монацелли бросает на меня долгий взгляд. Может быть, только может быть, если бы не я, фигушки бы Манфред Шону Бабочек отдал. Но устраивать очередные склоки и разборки в присутствии постороннего человека, тем более женщины, тем более связанной с ФБР (а я даже мысли не допускаю, что на мне нет маячка), Монацелли просто не может. Так что я здесь совсем не ради подписания комплекта бумажек. Это просто хорошо просчитанная шахматная партия. Какой же Картер умничка, просто диву даешься. Использует все предоставленные возможности. И Леклера обхитрил, и Монацелли, и меня...

всех. Вот же ублюдок. Но мой взгляд он встречает на удивление спокойно. Ну правильно, разве я пострадала от его манипуляций? На что тебе, Конелл жаловаться? Ты тут просто мебель. К тому же Рим посмотришь в день-то рождения. В общем, вреда от его действий мне никакого, все очень даже благовидно. Только вот подтекст на удивление аморальный. И это меня расстраивает!

Монацелли возвращается с тремя седовласыми итальянцами. Они заверяют подписи и дают еще тучу документов. Для меня это странно. Компанию Манфреда не потрогать, не пощупать. Она не ограничена стенами. Что тут документировать? Тем не менее, к вопросу эти люди подходят крайне ответственно. Я их не менее полутора часов дожидаясь.

Когда очередь, наконец, доходит до меня, я едва пробегаю контракт глазами. Уверена, если бы меня хотели обдурить, они бы это сделали, даже если бы я каждую букву изучила вдоль и поперек. На душе паршиво до невероятия. Но я ставлю подпись, и все — уберите, отпустите меня!

— Добро пожаловать, — грустно улыбается мне Манфред и протягивает руку для пожатия. — Мы немного разминулись, но я рад, что вы будете работать... на Шона. И оба выживете.

Он припоминает мне мои же слова, и при любых других обстоятельствах я бы смутилась, но в данный момент звучит все это так обреченно, что я просто выдавливаю свою лучшую улыбку, коротко пожимаю ледяные пальцы Монацелли и бросаю на Шона умоляющий взгляд. Пошли отсюда, Картер! Я больше не могу!

Как только мы выходим из дома Монацелли, я не выдерживаю и хватаю Шона за грудки.

— Ты грязный шантажист! — И больно тыкаю ему в грудь ногтем. Даже не морщится. — Я думала, что это будет торжественно, а прошло трагично! Ты использовал меня! Использовал Монацелли! Ты просто подо...

Внезапно он хватает меня за плечи и буквально отставляет в сторону, точно игрушку, а затем просто отворачивается, влет ловит такси и велит ехать в ресторан. Это определенно самый странный день рождения из всех странных дней рождения, а их, поверьте, причудливых у меня было немало.

Итак, мы с Шоном в очаровательном Риме. У меня праздник, мы вдвоем сидим на улице перед рестораном. Здесь просто восхитительно. Если бы только не гадкий привкус, который остался после истории с Монацелли...

— Значит, Картер, тебя можно поздравить. Ты добился всего, к чему стремился.

— Нет, не всего, — отвечает он буднично и спокойно и разливает вино по бокалам. — И тебя я тоже поздравляю. Ты первая в истории Бабочка не Монацелли. Моя. — Эта мысль доходит до меня медленно, но все-таки растекается улыбкой по лицу. Я так погрузилась в свои проблемы, что пропустила момент, когда сбылась моя давняя мечта. — И еще я поздравляю тебя с днем рождения. Уверяю тебя, его отстойная часть подошла к концу.

— Если бы меня не было, он бы не подписал?

— Джоанна, я поздравил тебя с днем рождения.

— Я слышала, — отмахиваюсь я. — Но я растеряна и сбита с толку, для меня это слишком. Ты его шантажировал!

— Нет.

— Но...

Внезапно он резко наклоняется через стол и целует меня. Я невольно касаюсь его лица.

Кожа под моими пальцами колючая, хотя утром он был гладко выбрит. Это ощущение окончательно отключает мой самоконтроль. В мозг словно вставляют гигабитное оптоволокно и начинают транслировать порноподборки. С моим непосредственным участием.

— Так что там про Монацелли? — издевательски спрашивает Картер, отрываясь от меня. И, кажется, это самое печальное событие моей жизни.

А? О чем это он? Монацелли? Ни разу не слышала.

— А теперь, наконец, тост. За то, что я теперь сеньор Хакер. Ты — моя Бабочка. Ну и за твой день рождения вдогонку.

Мы выпиваем вино. Оно вкусное, местное. Но от одного взгляда на этикетку у меня внезапно начинают чесаться пустые карманы. Поднимаю глаза на Шона, он хмыкает, заметил мое замешательство. Хочется его стукнуть, только вдруг он спрашивает у меня нечто совершенно невероятное:

— Куда ты хочешь пойти? — перебивает меня Картер. — Рейс у нас утром, поэтому нужно решить, как провести ближайшие шестнадцать часов.

Шон спрашивает меня? То есть я могу решить, выбрать? Вот это новость... Я даже теряюсь с ответом.

— Только не в Ватикан, — добавляет Шон, не давая мне возможности впасть в окончательный ступор. — У меня с религией терки. Боюсь уснуть во время экскурсии.

— Хорошо. В Ватикан не пойдем. Но... я никогда не была в Риме и ничего про него не знаю, так что сам выбирай. Только Колизей покажи для начала.

И, в общем-то, день получается замечательный. Мы прогулялись пешком до Колизея (я даже поела мороженое, любуясь красотами с одной из смотровых площадок), потом прокатились на речном трамвайчике по Тибру... А затем, преисполнившись впечатлениями, я начинаю валиться с ног от усталости, но вместо отеля Шон вдруг ведет меня... на вокзал Термини. И хотя тот, вроде, даже красивый и все такое, восторга я не испытываю. И Шон со мной, уверена, солидарен. У него все способы перемещения людей на дальние расстояния, вызывают зубную боль. Так что мы здесь делаем? Я не поняла...

— Зачем мы пришли на вокзал, Шон? — спрашиваю я напряженно.

— За твоим подарком, — сухо отвечает он и смотрит на меня ну совсем прям не празднично.

Несколько мгновений я перебираю варианты дальнейшего развития событий, где меня высылают из Рима прочь. Или убивают и прячут труп, ведь тут столько людей, что и дела никому не будет. Они даже не заметят... А потом Шон вдруг срывается с места и начинает маневрировать в толпе с такой скоростью, что я едва поспеваю. Меня он не ждет. Так... куда мы идем? Начинаю следить за указателями. И в душу закрадывается смутное подозрение. Камеры. Хранения. Охренеть! Я даже спотыкаюсь и, по-хамски расталкивая людей, начинаю пробираться к Картеру.

— Шон, ты уверен, что не пересмотрел слишком много гангстерских фильмов? — спрашиваю я, следуя за ним. Он что, ведет меня к уликам дела Пентагона? — Это так голливудски, что на тебя не похоже... — Я не могу спросить у него прямо, пока не уверена, что Леклер не услышит каждое мое слово.

Но Картер не отвечает. Он даже не смотрит на меня. Кажется, он то ли зол, то ли расстроен, то ли здорово опасается того, что будет дальше. И вдруг я понимаю, что виновен там Шон или нет, не уверена, что смогу его посадить. Прижимаю ко лбу ладонь. Наверное, я

схожу с ума. Если он преступник, у меня нет выбора, мой отец в опасности. Колени дрожат. А Шон действительно идет к камере хранения и разговаривает с работником вокзала по-итальянски. Стою как элемент декора и ни слова не понимаю ... Картер, тем временем, расплачивается за несколько лет пользования ячейкой, а затем забирает ключ и открывает дверцу ящичка.

Я как-то ожидала, ну не знаю, фейерверков, фанфар, воя мигалок, ну... чего-то существенного, а в темной нише лежит самая обыкновенная на вид толстенная папка и диск. Все. Шон забирает их, выходит из камер в общий зал, после чего плюхает содержимое ящичка мне в руки. Я под весом талмуда даром что не приседаю. Он ужасающе тяжелый. Держу его аж двумя руками. А Картер так ядовито-ядовито:

— С днем рождения, Джоанна!

И, бамц, разворачивается и уходит. У меня появляется смутное подозрение, что в этих документах доказательства причастности Картера, и он сейчас сядет на поезд, и ищи его. Но я... я не иду за ним. Дожидаюсь, пока он скроется из виду, сдерживая слезы. Кусаю до крови губу. Если он виноват, пусть, чтоб его, уходит. Пусть бежит. Я все равно отдам улики Леклеру! Даже если речь о Шоне. Просто я до рези в желудке не хочу, чтобы Картера взяли, чтобы его приговорили. Не знаю почему, но я не выдержу такого... И я просто стою и даю ему удрать.

Спустя минут пять до меня доходит, что на вокзале столбом никто, кроме меня, не застывает. Это место полно движения, здесь нет ничего постоянного. Все меняется ежесекундно, все торопятся сбежать. Это пункт бесконечных перемен, а потому он не бывает уютным. Здесь стоять неправильно. А я стою. И привлекаю непозволительно много внимания. Люди на меня оборачиваются. Навряд ли они выстраивают такую же мысленную цепочку, как я, но уже на уровне подсознания понимают, что что-то тут не так. Девушка застыла посреди зала, а при себе у нее только здоровенная папка и маленький рюкзачок.

Я заставляю свои дрожащие ноги двигаться. Иду по указателям в сторону зоны ожидания, там не будет нужно делать вид, что все в порядке. Там я смогу взглянуть на документы в папке. Боже, что же в них? Чего может быть так много?

Дойдя до места, где несчастные путешественники вынуждены маяться в ожидании возможности свалить из Рима, я буквально падаю на сидение. Мои дрожащие колени уже итак выдержали больше, чем на их век отпущено. Сажусь на своем местечке и как замороженная смотрю на картон, за которым спрятана, ни много ни мало, жизнь моего отца, а затем, наполнившись секундной решимостью, откидываю его в сторону. И самое первое, на что мои глаза натыкаются — имя Sean Karter. А за ним коды-коды-коды. И предназначение у них одно — взлом.

Я прижимаю руку к губам, но вырвавшийся из груди всхлип все равно слышен, и сидящие вокруг начинают подозрительно на меня коситься. Только после этого у меня начинается, наконец, работать голова. Не, ну серьезно. Картер бы никогда не стал играть в такие опасные игры... со мной. В конце концов, у нас никакой не мир, а перемирие. Временное. На взаимовыгодной основе. А тут уж какая выгода?

И я начинаю листать страницы. Да ладно, тут не на один Пентагон хватит, а минимум на двадцать... Внезапно мои глаза натыкаются на следующее имя — TkshMk. Открываю самый конец папки, причем так поспешно, что чуть не роняю ту на пол. А там фрагменты кода от Mz. И мне уже не надо листать остальное, чтобы знать, что и Pany тоже найдется.

Начинаю вчитываться в коды и все больше уверяюсь, что это взломы, но разные. И

разных людей. Это просто суперколлекция какого-то фанатика...

— Ну как тебе? — раздается прямо над моей головой голос Шона. Я даже пропустила момент его возвращения. — Держи. — И протягивает мне плеер для DVD-дисков. Это типично, он так эксцентрично за ним ушел? Хочется наорать, но сердце слишком часто и радостно бьется, потому что мои подозрения не подтвердились.

— Это что, подстава такая? — спрашиваю я. — Алиби нет, но полный список черных делишек имеется...

— Помнишь, я говорил, что кое-кто знает, как именно взламываю я? — У меня перехватывает дыхание, а Шон плюхается в кресло, соседнее с моим.

— Ты не слишком много говоришь? Это может быть опасно...

Шон будто бы невзначай засовывает руку в карман и достает оттуда какую-то антенну. Ясно. Глушитель сигналов. Я обращаю внимание на то, что какой-то человек неподалеку от нас поднимает телефон все выше и выше, затем стучит им по ладони. Игрушка Картера явно работает. Поворачиваюсь к Шону снова.

— Откуда у него подобные сведения?! — Понимаю, что если бы речь шла о проектах, все было бы логично, но тут... И вдруг вспоминаю, что Шон теперь открытыми кодами не промышляет в принципе. Он поставляет только библиотеки. А я еще удивлялась...

— Не слышала о теориях заговоров, повсеместной слежке и прочей фигне, Джо? Так вот это доказательство, что все взаправду. Он следил за нами годами. Мы все это время жили буквально за стеклом, под постоянным наблюдением. Бабочки в витрине.

— Не может быть, вы все из разных стран, а он...

— А вот и не он! — раздраженно отмахивается Картер. — Есть человек куда как более влиятельный, но неизвестный. Некий Кристофер. Сначала они работали в паре с Монацелли, полагаю, он — один из основных наших заказчиков... но потом то ли пути их разошлись в разные стороны, то ли на почве небезызвестной истории разругались, но он нашел меня и передал все эти материалы вкупе с, фактически, признанием Манфреда.

— Стоп, так Пен... Вавилон — все-таки дело его рук?!

— Ну а чье ж еще? — раздраженно спрашивает Шон.

— Он же не программист...

— С этим талмудом, — ударяет Шон согнутым пальцем по папке. — Кто угодно программист.

— Нет, это не так! Он бы ничего не понял.

— Когда мы с тобой познакомились, ты тоже, с позволения сказать, программистом не являлась. Только претендовала на эту роль. И ничего не понимала, но научилась же.

— Но его-то ты не учил! — рявкаю я, не потому что он не прав, а потому что признать, что Манфред всех так уел, я просто не в состоянии! Признать, что он людей не подставил, а *подставлял*. Годами!

— Но у него есть куда как более талантливый сын!

— Но зачем? Картер, я не понимаю, зачем.

— Затем. Манфред Монацелли зовет себя сеньором Хакером. И тем не менее никакого отношения к этой должности не имеет. Он всего лишь знает, с кем нужно выпить на вечере и кому по завершению одного позвонить. Никакой он не сеньор Хакер. Пиар-агент, не больше. Как ты думаешь, устраивает ли подобная роль человека вроде Манфреда Монацелли? Нет. Ему хочется запомниться. А что может быть знаменательнее, чем взятие... как его ты назвала? Вавилон? Он хороший стратег, он умеет управлять людьми, он умеет

просчитывать варианты. Он сделал то, на что не решился бы больше никто из нас.

— Но письма! Он слал вам имейлы? Если он готовился к взлому и только, то зачем такие сложности?

— Это был Марко, — отмахивается Шон.

— Марко?! А он тут при чем?

— Марко все знал. Или, ты думаешь, он наивно полагал, что папашка самообразованием на старости лет решил заняться? Разумеется, он помогал. А когда настигли последствия — не выдержал и попал в психушку.

Повесить карты Пентагона в семейный особняк. Шикарное завершение коллекции для истинного ценителя искусства. Как я и предполагала. Это был Монацелли. Сумасшедший псих.

— Но, погоди-ка, в твоём рассказе есть брешь... Если все так, как ты говоришь, то все равно никто об участии Монацелли не узнал бы. И отсутствие ваших алиби, и его вранье спецслужбам... Шон, тут явно что-то не так.

— Нет, ты не права. Это просто случай. Манфреду плевать, что будет с ним. Он бы все равно признался. Но есть еще Марко. Манфред пытался скрыть его участие в этом проекте, хотел передать Бабочек сыну и во всем сознаться, чтобы весь мир узнал о его величии. Но наследник прессинга не выдержал, и план покатился к черту. Решив, что Манфред в свете душевной болезни сына со своими глупостями не остановится, Кристофер нашел меня и передал все имеющиеся сведения. Он не желал оставлять эту организацию за Монацелли и выбрал, кому она в итоге достанется. Не стану врать, я действительно выставил нашему сеньору ультиматум, в результате которого он отошел от дел. Конелл, ныне наш Манфред — королева Британии. Реальной власти за ним не стоит. В последние годы именно я занимаюсь делами Бабочек. Настал момент, когда об этом должен узнать весь мир.

— Ты дал ему возможность бежать... — смотрю я на Шона огромными глазами. Это просто невероятно...

— Он не побежит, к тому же Марко-фактор никто не отменял... Ты заботишься об отце, он — о сыне. Это так иронично.

Он подставил всех. Своих ребят. Своих Бабочек. Людей, которыми мы восхищались. Разрушил отношения, на которые мы равнялись. Он испоганил все, ради чего жили тысячи тысяч программистов во всем мире. Представить только, ты добиваешься мечты годами, а потом... такое.

— Мне надо выпить, — хрипло говорю я и встаю со стула.

После первой же стопки текилы на меня вдруг накатывает осознание, что я соучастница, и агентам то, что рассказал мне Шон, говорить нельзя ни в коем случае.

На диске обнаруживается не видео, а диктофонная запись разговора Кристофера и Манфреда, где тот, фактически, признается в содеянном. Ну вот и все. Осталось придумать, откуда у меня эти сведения...

— Джоанна, я очень надеюсь, что ты не нашепчешь Леклеру, что я годами скрывал правду, — говорит мне Картер.

— Сволочь! Ты еще и врать меня заставляешь! Как бы ты выкрутился без меня?! Да ты... ты... — продолжение фразы никак не находится, а потому я беру стопку водки Шона и выпиваю и ее тоже. — Без меня ты бы от Монацелли никак не избавился!

— Не преувеличивай собственное значение. Анонимку бы в ФБР послал в крайнем случае. Просто это было бы не так результативно. Ты всего лишь выигрываешь нам всем

время.

— Я тебя ненавижу, — бурчу я. — Ты мне еще текилы когда-нибудь нальешь?!

— Ты правда собралась текилу с водкой мешать? — уточняет Шон, но берется за бутылку.

— У меня стресс, Картер! Наливай! Не будь еще большим козлом.

— Я спас твоего отца. Тебе не на что жаловаться.

— Это не отменяет того, что ты козел! К тому же корыстный, — отмахиваюсь я. Шон закатывает глаза, списав мои слова на опьянение. Может, так и есть. Ну и ладно выпиваю еще стопку. — А где теперь этот Кристофер и кто он вообще?

— Не знаю, Джо. Понятия не имею.

— Не пудри мне мозги, Картер! Это на тебя не похоже.

— Я бы с радостью его нашел, но он хитрая скотина.

— Ты тоже, так в чем проблема? Разве вы не спелись? — Шон благоразумно не отвечает на мои выпады. Видимо, слишком трезвый. Терпит. — Какими неприятностями этот тип грозит нам с тобой?

— Крупными, но тут уж ничего не поделать. Играем тем, что сдали. От него ни весточки уже несколько лет.

— То есть?!

— Кристофер — не твоя забота! С ним я буду разбираться в случае чего сам. Делай что говорю и не лезь! Все будет!

— Он правду знает! Что мы преступники... ик... соучастники. Что мы врем... — И снова икаю. Надо выпить еще!

— Договориться можно с кем угодно! — отмахивается Шон.

— Я понятия не имею, что со всем этим делать!

— Придумать правдоподобную историю.

— Я никогда не умела врать! — Кажется, я плачу. Да, черт их всех подери, стоит только вспомнить, чем закончился мой маленький обман с Киану... Нет, я ужасно вру, вообще не умею. А мне нужно придумать историю, заставить саму себя в нее поверить, и вообще...

Я выпиваю еще стопочку текилы, роняю голову на столик и... дальше я вообще ничего не помню.

Наутро я просыпаюсь в незнакомой кровати. Сначала даже не понимаю, что происходит, а потом понимаю, что, видимо, либо я на кровать упала сама, либо меня не очень заботливо на нее сгрузили, так как обзор закрыт волосами. А вообще, я в каком-то номере отеля. И одна. Картера нет. Подпрыгиваю на кровати, сон забыт, адская головная боль — тоже. Не могу поверить, что я такая доверчивая дура! Да, верно, ни папки, ни диска! Вскрываю, мир качается в разные стороны, падаю на колени, схватившись на виски. Мда, давно я не напивалась до такого состояния... Ползаю по номеру и ищу бумаги, вертикальное положение тело принимать отказывается. Но в помещении пусто. Только мой рюкзачок сиротливо стоит в углу. Пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь, но в голове последние часов шесть-восемь отсутствуют напрочь. Смотрю на кровать, на подушке осталась примятость от головы Шона, но он ушел. Я должна вернуться на Сицилию, а то Леклер должным образом отрапортует полковнику, и все... Но билеты на самолет у Шона. Я даже не знаю во сколько рейс. Вечно я слишком полагаюсь на этого ублюдка! Если бы еще так не болела голова и можно было подумать... Так, тихо! Без паники! Деньги есть? Мобильник? Паспорт? Все ок.

Едем в аэропорт!

Подхожу к зеркалу. Вид такой, словно у меня адское похмелье. Ну что ж, так и есть. Ладно, ничего не поделать. Причесываюсь, подкрашиваю губы и нетвердой походкой устремляюсь к двери. На рецепшне попрошу какую-нибудь таблетку. Берусь уже за ручку двери, но тут она открывается. И входит Шон. В руках у него кофе и портфель. Уверена, что папка и диск в нем.

— Куда ты собралась?!

— Куда ты это носил?!

— Не хотел оставлять ценные материалы под присмотром полутрупа.

— Куда ты это носил?!

Он с силой сжимает зубы, даже желваки на скулах появляются. Я не могу ему верить, не должна! Но какого же черта он выглядит так, словно я его в лучших чувствах оскорбила?!

— Тебе надо научиться доверять.

— Тебе? С чего бы мне тебе верить?

— С того, что я тебе помогаю.

— Ты помогаешь не только мне, но и себе. Так что давай не будем устраивать шоу на тему «ты теперь мне по гроб жизни обязана»!

Но после этих моих слов его лицо искажается от ярости.

— Послушай-ка вот что, Конелл, я жил этим годами. Я мечтал об этом дольше, чем ты можешь себе представить. Я любил Бабочек. И хотел их как ничто в этой жизни. А теперь я доверил их судьбу тебе. Если ты чего-то там не поняла, поясню. Нет, ты мне ничего не должна, но стоит тебе хоть шаг в неправильную сторону сделать, я не просто тебя закопаю, я уничтожу все, что тебе дорого.

Мы покидаем отель. И молчим. Такси. Молчим. Аэропорт. Молчим. Самолет. Молчим. Другой аэропорт. Молчим. И всю дорогу до отеля. За мной он не идет, но из такси выходит и ударяет чертовым портфелем в грудь. Чтобы не потерять равновесие мне приходится отступить на шаг. После этого Картер садится обратно и уезжает, а я прижимаю к себе вожделенные улики. Мне больно. Но, большей частью, не физически.

Глава 14

Киану

Часть 2

Шесть с половиной лет назад

Как я уже говорила, то лето было волшебным. И присутствие в нем моего солнечного мальчика, моего Киану, сделало его еще лучше. Я влюбилась. К началу нового семестра просто разрывалась на части от противоречий собственной жизни. Я не знала, как поступить с Шоном. А он продолжал делать вид, что ничего не происходит, что ничего не замечает. Хотя Картер просто не мог не обратить внимания на то, что я делала все возможное, чтобы избегать с ним близости... И уставала, и устраивала истерики, после которых уходила, хлопнув дверью, и пропадала вечерами, но Шон молчал, и я себя уверяла, что ему наплевать. Обманывалась ради собственного удобства.

А с Киану мы были как две половинки. Юные, глупые, уверовавшие в сказку. Нам не бывало скучно, грустно или неловко. Мы могли разговаривать часами, и часами же молчать. Мы быть счастливы просто глядя друг на друга. Я не знаю, что именно нас погубило: стальная хватка Шона или моя трусость космического масштаба.

После первого учебного дня (на который Джек не явился), мы с Аароном обменялись всеми летними впечатлениями. Показали друг другу фотографии. Как выяснилось, лето было хорошим не только у меня. Мой бывший воздыхатель нашел себе девушку. Это обстоятельство позволило мне забыть об остатках собственной вины, и я с удвоенным энтузиазмом принялась рассказывать ему о летнем домике Джека, и всех друзьях... однако вдруг он спросил у меня нечто такое, что заставило смутиться:

— Ты рассталась с ректором?

— Эм... нет... а почему ты спрашиваешь? — Уверена, я покраснела до самых корней волос.

— Прости, просто его нет ни на одном фото, и я подумал, что это значит...

Да. Это было правдой. У меня не было фотографий Шона. У меня не было фотографий с Шоном. У нас не было общего ничего, кроме крыши и кровати. Ну, врать не стану, чуть позже мы прекрасно сработались (что и видно, не зря же он меня в Бабочки заманивал). Но все это в будущем, а тогда еще я была слишком юна, глупа и зла на него. Как бы то ни было, как бы смешно ни звучало, именно Киану подарил нам с Шоном хрупкий мир. Это не наладило наших личных отношений, но заставило пойти на определенный компромисс.

Когда мы с Аароном уже покидали университет, мне позвонил Киану. Он предложил прогуляться. Разумеется, я согласилась. Погода была великолепная, и я уговорила Аарона подождать Киану вместе со мной. В конце концов, своего «друга» я ни от кого скрывать не собиралась. Это было бы как минимум унижительно.

— Как Керри? — спросил он, занимая нас обоих болтовней.

— Все лето искала себе бойфренда и, не поверишь, нашла. Причем в соседнем доме. Егс зовут Лайонел Прескотт, — насмешливо добавила я, копируя интонации Керри.

— Что-то на фото не видно и его тоже, — хмыкнул Аарон. — У вас это общее что ли?

— Будто ты Керри не знаешь! Она каждого ухажера под микроскопом рассматривает.

— Видимо, она очень щепетильна, так как меняются они с завидной частотой, —

противенько хмыкнул Аарон.

— Вот не надо! Она замечательная девушка. Или, может, по-твоему, лучше сидеть на поводке, как у нас с Картером? Гав-гав.

— Ты этого типа выбрала сама! — раздраженно напомнил мне Аарон. — Нечего теперь жаловаться.

И ровно в тот момент, когда мы с Аароном начали тявкаться и вспоминать прошлые обиды, объявился Киану. И все исчезло. Весь мир застыл. Остались только я и он. И его улыбка. Я должна была представить парней друг другу, ведь они были знакомы лишь заочно, я должна была отмереть, начать двигаться, не вызывать подозрений, но я не могла. Слишком часто счастьем плевать на последствия, слишком часто оно нас слепит настолько, что кажется, будто сломать его уже никому не удастся. Но однажды наркоман всегда перебирает с дозой. И в тот момент перебрала я, потому что следующие вполне себе безобидные слова Аарона стали началом конца:

— Джоанна, — негромко позвал он. — Тебе не кажется, что место встречи с твоим будущим бойфрендом лучше не устраивать прямо подле машины нынешнего?

И мы все, как по команде, уставились на мазду RX-7 Шона. А та, в свою очередь, была роскошна как никогда. Красотка буквально купалась в солнечных лучах, заманчиво поблескивая безупречными линиями корпуса, кричавшими о том, что она новая, холеная, ни вмятинки, ни царапинки не выдавшая. И была она прекрасна настолько, что Киану не смог пройти мимо:

— Это его машина? — задохнулся он.

И каким-то десятым чувством я поняла, что настал тот самый поворотный момент, с которого начинаются проблемы.

Несколько дней спустя мы с Киану договорились встретиться в боулинге после пар. Работа на кафедре, разумеется, была отодвинута в сторону. Я спешила в домик на окраине Сиднея, чтобы сбежать оттуда раньше, чем вернется Шон. Оказавшись в прихожей, я буквально выпрыгнула из босоножек, даже не потрудилась их поставить как положено и бросилась переодеваться. Натянула шорты и светлый топик с одним открытым плечом, волосы уложила. Уже собиралась выходить, как вдруг зазвонил телефон. Я взглянула на часы и решила, что время еще есть, Картер задержится, а Киану ехать дольше, чем мне... Сняла, в общем, трубку. Оказалось, звонил Алекс.

— Привет, Джо, — радостно объявил он, едва услышав мой голос. Мы с ним иногда перекидывались парочкой фраз, так что друг друга узнавали без труда. — Где тиран и деспот? — Ой-ой, прямо в точку!

— Через часик, думаю, появится, — пожала я плечами, рассматривая маникюр. И ожидала уже, что он положит трубку, но нет...

— Знаешь, я в английском не силен, но давай попробуем поболтать. — Боже! Более неподходящее время он выбрать не мог! Но я вдруг некстати вспомнила, что он — тот самый возлюбленный Пани и решила. — Вот в гости к нам решил слетать.

— Эм, здорово... - неуверенно начала я и, не зная, что еще сказать, поинтересовалась: — ты из России, верно?

— Санкт-Петербург. — И вдруг добавил: — я тебе понравлюсь.

От неожиданности я даже рассмеялась.

— А ты забавный. И скромный.

— Нет, просто я всем девушкам нравлюсь, — засмеялся он в трубку.

— О, так ты красавчик.

— Естественно! Картеру и не снилось.

Я рассмеялась, представляя, чем же должен таким обладать Алекс Елисеев, чтобы напрочь затмить Шона. Обаяние и человечность не в счет, разумеется. В этом ему фору даст даже табуретка.

— А ты?

— Я блондинка.

— Высокая?

— Да.

— Тоненькая?

— Конечно.

— Ты мне уже нравишься.

Черт, он а ведь он был по-настоящему классным. Боже, я оказалась солидарна с Пани! Но обдумать весь ужас этой мысли не успела, так как раздался хлопок двери, и на пороге гостиной возник Шон. Вот дьявол. Надо было спихнуть ему трубку и сматываться, пока болтают. Поэтому я прикрыла ладошкой микрофон и сообщила:

— Это Алекс.

В ответ на мои слова Шон кивнул, подошел ближе, взял у меня из рук трубку и... сбросил вызов. Я с трудом удержалась от крика. Он что-то задумал? Зачем он так сделал? Я сглотнула ком в горле. Сердце сошло с ума, оно стучало, как бешеное... Когда Шон повернулся и посмотрел на меня, я чуть не бросилась к выходу из комнаты, а он в пару шагов оказался рядом и наклонился для поцелуя. Не зная, как еще избежать близости, я отвернулась, и начала развязывать его галстук. Руки дрожали, в глазах темнело. Я не хотела этого. Как я могла заняться сексом с Шоном, а затем преспокойненько явиться на свидание с Киану?

Но мои мольбы о прекращении кошмара услышаны не были, и руки Шона заскользили по моей талии, вытаскивая рубашку из-под пояса шорт. Мне даже плакать захотелось. Нужно было просто уйти, но я боялась сказать Картеру свое «нет», я не могла заявиться с чемоданами к родителям и объявить, что меня выставили из университета за то, что я не просто рассталась с ректором, — я ему изменила. Боже! Когда я успела вырыть себе яму такой глубины? Я ведь даже не знала, на что ради меня готов был Киану! Я не из тех, кто всегда имеет на руках план Б.

А Шон, тем временем, потянулся к моей шее, и убийственная смесь удовольствия и жгучего стыда заставила меня... его оттолкнуть. И только сделав это, я поняла, что натворила. Этот изучающий и настороженный взгляд навечно запечатлелся в моей памяти. Черт! Черт-черт-черт! Нужно было что-то сделать, сказать, придумать, но в голове было пусто, щеки горели, язык словно прилип к небу. И тогда я сделала шаг навстречу Шоноу. Еще один. И так, пока не оказалась совсем рядом. Положила руку ему на грудь и заставила сесть на диван. Он не сопротивлялся, но я знала, что не поверил. Мне оставалось уповать только на брошенные им когда-то слова о том, что ему плевать, чем я занимаюсь, пока и с ним тоже сплю. И пойдя на отвратительный компромисс с собственной совестью, решив, что если я ему не позволю себя коснуться, то это будет не для меня и состава преступления нет, я расстегнула ремень его брюк...

А затем стояла в ванной, обливалась слезами и делала нечто такое, чем раньше после

орального секса никогда не промышляла — я чистила зубы, да с таким количеством ментоловой пасты, что до желудка все промерзло. Я успокоилась только когда поняла, что десны начали кровоточить. Решив, что это достаточное наказание за содеянное, я скрыла следы стресса за слоем консилера, наложила макияж заново и двинулась к двери.

Но Шон стоял именно там и рассматривал мои брошенные как попало босоножки. Я знала, что его это бесит. А еще знала, что он чувствовал от меня запах ментола, его бы только труп не почувал.

— Я думаю, ты идешь к Керри, верно? — насмешливо поинтересовался он. О да, именно так я и объясняла свое отсутствие.

— Да, — вздернула я голову.

— Прекрасно, — пожал он плечами.

Когда я перешагнула порог, колени подогнулись. Естественно, Шон знал, и дал мне это понять. Думаю, это значило, что мне стоит быть осторожнее. Как только дверь за моей спиной закрылась, зазвонил телефон. Киану забеспокоился и решил поинтересоваться, не случилось ли чего. Чтобы устоять на ногах, мне пришлось уцепиться за перила. Ведь не произошло ничего. Ничего неожиданного.

Я была сама не своя. Киану кидал шары и бился за очки, а я даже не старалась. Две игры спустя, мой мальчик понял, что я не в настроении, и предложил просто посидеть и попить пива. Я согласилась. Это было куда предпочтительнее, нежели ломать ногти из-за неуклюжей игры.

Но вдруг Киану, словно прочитал на моем лице все сомнения и произнес:

— Джо, я не прошу тебя сказать, что случилось, но это из-за него?

— Не надо. — Я сокрушенно опустила голову, и волосы скрыли лицо.

— Нет, надо! Я же люблю тебя.

Я задохнулась и вынуждена была несколько секунд просто ловить ртом воздух. Да, разумеется, я была счастлива это слышать и, разумеется, надеялась на признание, но оно безумно усложнило и без того непростую ситуацию. И я не сдержалась, всхлипнула, порывисто обхватила ладонями его лицо и поцеловала. А он:

— Я уверен, что и ты меня любишь, я просто знаю, но тогда почему ты не уходишь от него. Почему?

Звук сорвавшейся грампластинки... Дьявол!

— Киану... — и это все, на что меня хватило.

— Я не могу понять тебя. Ты его боишься или... объясни! Хотя, погоди, я не так выразился. Джоанна, уходи не просто от него, уходи ко мне. Я хочу жить с тобой, я не желаю больше расставаться и гадать, что происходит там у вас после того, как мы расходимся в разные стороны вечерами...

— Подожди, Киану, — оборвала его я. — Я бы с удовольствием, но на что мы будем жить? У меня есть скромная сумма на общежитие, но и только...

— Послушай... — начал он несколько смущенно. — Ты никогда не спрашивала у меня об этом, но я не беден. Мой отец — известный адвокат.

Почему-то от этой новости у меня почернело в глазах. Что может быть хуже, чем выкуп своей подружки у другого мужчины за папочкины деньги?! Это попросту унижительно. Я итак, вроде бы, продалась Шону, но одно дело он, и совсем другое — даже не Киану, а его отец. С какой стати он должен фактически содержать подружку собственного сына? Будто у

меня собственных родителей нет!

— Джо? — настороженно позвал меня Киану.

— Нужно искать иной выход, — ответила я. — Я не знаю какой, но я не могу согласиться на такое предложение. Либо мы съезжаемся и ищем способы обеспечить себя сами, либо...

— Джоанна, — прервал он меня. — Иногда по ночам я лежу в кровати и не могу избавиться от мысли, что в это самое время ты делишь постель с ним... Я знаю, ситуация нетривиальная, и ты своих... отношений не скрывала, но не можешь же ты отрицать, что все изменилось. Появились мы. Надо двигаться дальше. Или, может, ты хочешь остаться с ним?

— Нет, конечно! — порывисто воскликнула я. — Но он мой ректор. Он меня закопает.

— Он же не любит тебя. За что ему тебе мстить?

— Да хотя бы за то, что весь университет будет знать, что я променяла великого и ужасного Шона Картера на сына «известного адвоката»! — почти выкрикнула я и тут же зажала рот рукой. — Прости.

— Нет, ты права. В сравнении с ним я ничего из себя не представляю. Ты права.

Я отвратительный человек. Я совсем не думаю, что говорю. Некоторые вещи нельзя озвучивать. Вот просто нельзя и все. Хотя все понимают их правомерность.

— Киану... Я уверена, что ты ничем не хуже, это просто возраст. — Киану было двадцать два. А Шону, когда тот стал Бабочкой Монацелли, — двадцать ровно. Оставалось надеяться, что он об этом ничего не знает... — Давай подумаем, посчитаем сколько у нас есть и сколько нам нужно, я...

— Что для тебя главное?

— В смысле?

— В смысле когда мы встретились, я полагал, что ты невинная жертва обстоятельств, что ты не могла вернуться домой ни с чем, родители бы не поняли, и потому ты согласилась на мерзкое предложение этого монстра. Но сейчас начинаю думать, что причина не в этом. Чего ты хочешь? Может быть ты жаждешь не жить с ректором, а быть ректором? Иметь его жизнь? — Вот так мой солнечный мальчик подобрался слишком близко к правде. — Ты собираешься защитить диплом? Или, может, ты хочешь получить заветную ученую степень? Да, для этой цели постель ректора подходит идеально. И я не заметил за тобой попыток оттуда выбраться. Может, там не так уж и ужасно? Может, эти чудовищные отношения того стоят? Может, они только меня напрягают?

— СТОП! Киану, честно, я не собиралась здесь задерживаться после окончания университета... пока не встретила с тобой. Ни о какой ученой степени я никогда и не думала. — Думала, но не всерьез же! И не с Шоном точно! — Так, я сейчас достаю блокнот, и мы посчитаем наши сбережения. У меня есть часть денег, которые присылают родители...

— И это ничем не отличается от того, что дают мне мои. И от которых ты упорно отказываешься, — вполне обоснованно возмутился Киану.

— Ты можешь вложить не больше моего. На это я согласна, и...

— Джо, я хочу его увидеть. — Я даже без подсказок поняла, о ком речь.

— Зачем?

— Ты всегда держала меня от него подальше. И я не уверен, что ты со мной на сто процентов честна.

Масштаб моих проблем начал разрастаться.

— О чем ты?

— О том, что когда произносят слово ректор, мне представляется седовласый старец, но таковые, как правило, не ездят на мазде RX-7.

Я зажмурилась. Да, проблемы серьезные.

— Киану, он вовсе не стар. Ему двадцать девять, — вынуждена была признаться я.

И внезапно вокруг нас появилось такое напряжение, что одно неосторожное движение — рванет.

— Я хочу его увидеть, Джоанна! — в голосе Киану появился металл. Таким интонациям я не посмела воспротивиться.

— У нас по четвергам проходят семинары. Так что, если хочешь, мы можем пойти вместе. Людей будет много, тебя не вычислят...

Я уже тогда чувствовала, что затея выйдет мне боком, но в то же время понимала, что если не соглашусь, то непременно потеряю Киану. А я не могла! Я же влюбилась. Пришлось идти на компромисс. Иными словами, я собиралась показать солнечному мальчику своего опасно сексуального ректора. Плохая, плохая затея. Оставалось надеяться только на то, что мне удастся убедить Киану в том, что он намного, в десятки раз лучше вырвавшегося из ада демона.

Однако, ха-ха, этого не понадобилось. В цепочке последовавших безобразных событий объяснениям даже места не нашлось!

Киану вошел в аудиторию после меня. И к тому моменту, когда он появился на пороге, я дрожала так, что пришлось сжать пальцы в кулаки. Я была белой, как полотно. Клегг даже спросил, не заболела ли я. Но, кстати, начиналось не так плохо. Киану окинул взглядом аудиторию, посмотрел на меня, а затем прошел в самый конец, где и расположился. Я сделала себе мысленную пометку ни в коем случае не оборачиваться, до ужаса боялась, что Шон нас вычислит. Но пока Картера не было, оставалась надежда, что он вообще не придет. Такое бывало редко, но случалось. Только мне не повезло. Как всегда.

Шон вошел в аудиторию к самому началу. Настроение у него, судя по всему, было неплохим, но только он заметил меня — нахмурился и направился к своему месту в центре аудитории. И, черт возьми, в тот день он выглядел так великолепно, что просто в петлю от досады. Костюм с иголки, черный в тончайшую полоску, темно-синий полосатый галстук, идеально сочетающийся с рубашкой... Наконец, Картер вальяжно откинулся на спинку стула, и я поняла, что пора прекращать на него пялиться. Если Киану за мной наблюдал, он сразу понял, кто здесь ректор.

А затем к доске докладываться вышел Роберт Клегг, и я чуточку успокоилась.

— Рад всех приветствовать, — сказал Роб. — Как многие знают, я только что вернулся с конференции по параллельному программированию. И счастлив сообщить, что мой доклад встретили с огромным энтузиазмом. Отмечу, что у меня ничего бы не получилось без моего новоприобретения — очаровательной мисс Джоанны Конелл. — Но посмотрел не на меня — на Шона. Это что-то вроде съел, козел? Картер лишь ухмыльнулся. Они меня словно канат перетягивали. И в такой, вроде, торжественный момент. Гады! Клегг — мерзавец, мало того, что на конференцию не взял, так еще и должного внимания не оказал. Ну все, я официально обиделась. — Итак, приступим, — вернулся к теме Роб.

Даже если бы я захотела послушать Клегга, я бы не смогла из-за нервов. И порадовалась, что в его работе для меня нового нет ничего. Иначе пришлось бы потом объясняться, как это я ухитрилась все прослушать. Наконец, Клегг закончил выступление, и ему, как обычно,

вежливо и сдержанно похлопали.

После этого я немножко успокоилась, но рано... потому что спустя пару докладов решил высказаться и Шон Картер тоже. И мне стало плохо. Потому что я знала, насколько великолепный из него рассказчик. А еще я внезапно вспомнила, что войдя в эту аудиторию, Шон выглядел... довольным. А просто так он довольным не бывает.

Пока я захлебывалась приступами паранойи, Шон подключил к проектору собственный ноутбук, и экран мгновенно загорелся. Легко и непринужденно, не как у некоторых: то разрешение не то, то сигнал не сразу проходит. Под его пальцами техника словно ожила, беспрекословно подчинилась. В этот самый момент мне вдруг показалось, будто вот здесь и сейчас было именно его место, будто так было задумано самим мирозданием. И многие девушки тотчас завозились, то прическу поправляя, то позу поизящнее принимая...

А Шон оторвался от экрана, выпрямился, расстегнул пиджак и засунул одну из рук в карман, будто нарочно привлекая внимание к своей безупречной фигуре. Да я чуть в голос не застонала. Он издевается? Кто, мать вашу, надо мной решил так посмеяться?

И тут Шон как заявит:

— Мне, наконец-таки дали право на публикацию собственной работы. Аминь, — и фыркнул к тому же. Тогда я впервые реально осознала, что у Картер причины не любить Манфреда имеются. — Итак, речь пойдет о криптографических алгоритмах шифрования, созданием одного из которых я занимался последние полтора года при содействии команды хакеров, наиболее известных как Бабочки Монацелли. — Да уж, очаровательное новоприобретение Клегга явно ушло на второй план. Вся аудитория аж дыхание затаила. — Итак. Алгоритм, который теоретически невозможно вскрыть менее, чем за триста миллионов лет. Кто-то из вас скажет, что я создал нечто такое, что в первую очередь меня по лбу и ударит, ведь мое небольшое криминальное хобби вряд ли для кого-то секрет. — А теперь дружный смех. Даже Шон улыбнулся. Гордо так, типа я Бог, до вас мне никакого дела. Индюк надменный, злобно думала я. — Дело в том, что передо мной стояла задача зашифровки данных, хранящихся на так называемых облаках, о которых вам намного более охотно расскажет, если попросите, профессор Роберт Клегг. Для тех, кто еще не в курсе, это интернет-хранилища данных, организованных на серверах...

— Не выпендривайся, Картер, — фыркнул Клегг.

Одна бровь Шона медленно и выразительно поползла вверх.

— Окей, виноват. Перейдем к сути. Небольшое историческое отступление. Вспомним об уже существующих алгоритмах шифрования данных.

Вот в любой, любой другой ситуации я бы с открытым ртом его слушала, но не сегодня. Шон никогда не рассказывал мне, чем занимается, я же маленькая, я же глупенькая, я же раздражаю. И вдруг я попала в поднебесную... Но именно в тот момент мне хотелось только одного — прибить впереди сидящую девицу за то, что она посмела кокетничать с Шоном. И не из ревности, а потому что своим поведением как бы доказывала моему славному мальчику, насколько лучше и выше нас Картер. Будто и без того было не ясно!

Двадцать минут доклада пролетели незаметно. Двадцать минут я чуть не плача воевала с собой за то, чтобы не увлечься рассказом Шона или не встать и не закричать, хватит, проваливай отсюда, вышвыривай меня, только заткнись, все и так поняли, что ты Бог!

Но это не все. Пусть доклад и закончился, на Шона посыпался просто град вопросов, и он с присущим скромному гению терпением начал растолковывать элементарные, на его взгляд, вещи окружающим. Спустя еще двадцать минут он вынужден был «из уважения к

остальным выступающим» пообещать все изложить подробно и в деталях каждому желающему, но после семинара. И все поняли, что в тот день состоялся один крошечный бенефис. Размером чуть ли не с защиту диссертации. И Киану это видел. Даже если он в алгоритмах шифрования ничего не понимал, он не мог не заметить гребаную корону размером с пятиэтажный дом, которую окружающие возложили к ногам Шона. На, повелитель, надевай, она твоя! Убейте меня!

Такими темпами, после злосчастного семинара мне не осталось ничего другого, кроме как пойти срывать злость на бедняге Клегге.

— Ты должен был взять меня на конференцию! — зашипела я.

— Чего?! — возмутил он.

— Ничего! Мне вообще-то нужно учиться! И ты должен был взять меня после того, как я целое лето пахала над этим вместе с тобой!

— Ты сопливая девчонка.

— Не такая уж и сопливая, и вообще...

— Ты из-за Картера так переполошилась? Ну так пойдем его разотрем в пух и прах.

Не, в любой другой день я бы просто покрутила пальцем у виска, так как Шон есть Шон, но не в тот чертов день. Именно тогда мне просто хотелось стукнуть Картера, да посильнее. И обычно поражающая меня до глубины души смелость Клегга вдруг начала обнадеживать. Хотя в принципе он, конечно, долбаный суицидник. Он ведь правда пошел в атаку на Шона. И как он его допекал, любо дорого было посмотреть. Они увлеклись настолько, что перестали обращать внимание на всех вокруг. Я даже осмелилась украдкой взглянуть на Киану. А он сидел на своей задней парте, не уходил, и лицо у него было такое... ну просто каменное. Казалось, мое сердце заморозили, а потом еще и молоточком по нему ударили. Дзиньк, и остались одни осколки.

Я кивнула Киану на выход и уже было сама двинулась в этом направлении. Но тут Клегг, даже не глядя, выловил меня из толпы и притянул к себе. И начал что-то доказывать, почему-то все время указывая на меня и размахивая руками почти перед самым моим лицом. Клегг, кажется, неосознанно схватился за свой любимый канат для перетягивания, а Картер тактику разгадал и, откровенно забавляясь, тоже начал махать руками передо мной. Когда они двинулись к доске переносить обсуждения «на бумагу», меня никто все равно не отпустил. Я не знала, что делать, все дебаты пролетали мимо, в мой фокус почему-то попадали только два престарелых профессора, которые стояли рядышком, синхронно кивали в такт словам Шона и... улыбались почему-то мне. Я бы над ситуацией посмеялась, если бы не было так грустно. Джоанна Конелл вдруг стала лишенной воли мебелью, жизненно необходимой для научного диспута.

А невдалеке стоял Киану и ничего не понимал. И я ничего не понимала. Люди уже расходились, но спор становился только жарче, и я хотела уже было под шумок свалить, но словно злой рок повис над моей головой. Клегг дошел до своей конференционной темы и втянул меня в обсуждения... Как думаете, много ли фактов в моей голове в тот момент содержалось? Ни одного, правильно, но это никого не смущало, Клегг заканчивал за меня все мысли, зачем я ему была нужна? Но вот что бывает так, что зачем-то, и не возразишь! Не раз убеждалась.

И уже прошло два часа, а Киану все стоял и смотрел на происходящее, и было тааак неловко, что я обернулась... чтобы обнаружить, что в аудитории осталось шесть человек. Четырех вы знаете, а пятый и шестой — кивающие старички. Чего Киану ждал, почему не

ушел? Он что, вздумал демонстративно меня дожидаться?! Твою же мать! Поняв, куда все идет, я собралась уже было симитировать картинный припадок, обернулась к Киану в очередной раз, но именно в тот момент Шон замолк. И не просто замолк, Картер буквально глазами впился в моего мальчика, и губы его изогнулись в ядовитой улыбке. Не знаю, что было бы дальше, если бы от сцены вселенской драмы нас не оторвал звонок мобильного и сокрушенное:

— Ах, черт, это Мадлен.

Клянусь, я чуть не хлопнулась в обморок. По-настоящему. То есть этот негодяй сейчас уйдет и меня в таком положении бросит?! Это же он нас стравил.

— Н-нет, Роб... — начала я хрипло.

— Что? — спросил он удивленно. А что я скажу? У меня тут парень и любовник, спасай? Ну да, можно было бы, если бы, конечно, не два посторонних профессора.

— Передавай привет Мадлен, — сверкнула я самой обаятельной из своих улыбок. Ослепленный любовью к собственной жене, Роберт Клегг ничего не заподозрил, улыбнулся мне, попрощался и ушел, оставляя меня наедине со странными типами, Киану, Шоном и его вмиг сменившейся тактикой...

— Джоанна, подойди, пожалуйста, я хочу вас познакомить, — хищно сверкая глазами, подозвал меня он. И чуть ли не запел: — Знакомьтесь, господа. Вы наверняка запомнили очаровательное новоприобретение кафедры параллельного программирования, которое обернулось для меня страшной потерей. Мисс Джоанна Конелл. Из Соединенных Штатов. А эти два господина как раз по твою душу, Джо, они являются профессорами Мельбурнского Университета параллельного программирования.

— Мисс Конелл, приятно познакомиться. — Они начали пожимать мне руки, причем очень по-отечески, как-то покровительственно. — Вы бывали в Мельбурне?

— Я там оканчивала школу, — нервно улыбнулась я. И даже ямочек на щеках не появилось.

— Очаровательно! Вы обязаны приехать к нам в университет, чтобы познакомиться с нашими порядками, кстати, мы сейчас изучаем проблемы, связанные с защитой информации на квантовых компьютерах. Вы читали об этом?

— Да, конечно, — проговорила я, и чуть не рассыпалась на месте, сиюсь вспомнить хоть что-нибудь. Ну хоть что-то. Однако, в голове было пусто, только одна картинка: где Шон, волком глядит на упряма Киану.

— Наверняка вы знаете, что взломать его... — заговорили они. Я сглотнула и попыталась ответить, но в этот самый момент рука Шона как бы успокаивающе опустилась на мою спину и палец скользнул вдоль позвоночника. Профессорам было не разглядеть, но Киану все видел прекрасно. И именно на этом меня буквально прорвало. Я чуть не отскочила от Шона и затараторила о квантовом компьютере, о защите информации... я говорила, и говорила, и говорила, я бы и о глобальном потеплении и вымирании редких видов животных рассказала, и номер своей кредитки, и как наспор стянула в магазине жвачку в тринадцать лет, только бы Шон меня больше не трогал!

И уж не знаю, чем я так впечатлила мельбурнских близнецов (а именно так я назвала престарелых профессоров), что они выдали нечто совсем уж кошмарное:

— Как приятно видеть подрастающую Бабочку.

— Простите, что? — сдавленно пробормотала я. Ага, если у Киану и могли быть сомнения по поводу моей ученой степени, то эта парочка их развеяла! Браво, ребята! Мне

оставалось надеяться только на то, что мой мальчик не запомнил название команды хакеров, про которую говорил сегодня Шон ...

— Ну, ваша предшественница, Карина Граданская...

Предшественница?! Уверена, это называется куда как менее цензурно! Шествовала она, как же! Ха!

— Я не собираюсь становиться следующей Пани! — почти выкрикнула я. Шон хмыкнул.

— Конечно нет, — хором засмеялись близнецы. — Становитесь лучше нее. Мы только за. Приятно было познакомиться, мисс Конелл.

— Вы нас очаровали.

— Но у нас скоро уходит последний поезд на Мельбурн.

— И надо спешить. — Они правда заканчивали друг за другом фразы.

— Мне тоже было очень приятно. — С чувством полной обреченности я пожала им руки и запрокинула голову, чтобы не расплакаться на месте. Ну вот и все... Только хлопнула дверь, я не выдержала и привалилась к столу, а Шон посмотрел на меня, усмехнулся и обратил горящий жадой крови взор на Киану.

— Ну, а у вас какой вопрос? — издевательски поинтересовался он. — Хотя, можешь не отвечать, я уже знаю. — И кивнул на меня. — Приходить сюда было глупо и самонадеянно. Думаю, ты уже это понял, да?

— Я не жалею, что пришел. Я хотел увидеть своими глазами это, — он обвел рукой аудиторию. — И хотел увидеть вас. Я хотел понять, сколько для Джо значит ее мир, научный мир, эти Бабочки, университет... Я понял. Много, очень много, бесспорно. Но это же не все. И это не более ценно, чем мы. А потому, я прошу вас, если Джоанна хоть что-то для вас значит, просто оставьте ее. — Я была восхищена его смелостью. И наивностью.

Внезапно Шон шагнул ко мне и весьма жестко развернул за плечи в сторону Киану. Теперь мы стояли лицом к лицу.

— Взгляни на нее еще раз. Внимательно. Много значит? Ты что, правда не видишь? Это не много значит, это для нее все. Она вытерпит что угодно за право дойти до конца. Для Джоанны смысл жизни — карьера, и хотя она не признается в этом вслух, для нее это более важно, чем я, ты, вы и все остальные местоимения. А ты собираешься просто взять и живьем закопать ее амбиции? Сделать вид, что их нет, что все хорошо? Ты смеешься? Нет, я такого не допущу.

— Но зачем это вам? — нахмурился Киану.

— Мне нравится смотреть, как со временем с волков слетают овечьи шкуры. А Джоанне до этого еще далеко. Она неустанно отрицает, что не является ни белой, ни пушистой. — И он заставил меня повернуться к нему, заглянуть в глаза. — Правда ведь?

Боже мой, на что он намекал? Я мучительно покраснела и опустила глаза, хотя из такого положения это было очень трудно.

— Да, я понял, о чем вы говорите, но я не стану ей мешать в достижении целей.

— Маленький совет. Найди себе собственную песочницу. И собственную блондинку. А в логово волков не суйся!

И в этот момент Шон поцеловал меня. Грубо и жестко. Я на мгновение замерла, попыталась его оттолкнуть. Но не сумела, что и логично. Все, что я смогла сделать — отвернуться. Я не хотела позволять Шону унижать Киану, тем более таким образом. Но внезапно, его движения стали намного нежнее, я даже вздрогнула, снова попыталась

вырваться... только правда заключалась в том, что мне не очень хотелось вырваться. Вы когда-нибудь попадали в ситуацию, когда нелюбимый мужчина, с которым вас все еще связывает страсть, целует вас на глазах у любимого? Из всех моральных пыток, устроенных мне Шоном Картером, эта была, наверное, самой ужасной. Чужое предательство пережить намного проще, чем собственное. Отвечаю. И я не знаю, что бы там было если бы Киану не вмешался и не отшвырнул от меня Шона сам.

— Не трогай ее, — прошипел Киану. Мне стало так стыдно и гадко, что из глаз полились слезы. Но я все равно не могла вмешаться, не могла выдавить из себя ни слова. Я была в шоке от нас всех. Я была такой гадкой, грязной и уродливой. Почти как Шон. А Киану — трогательно-нелепым ребенком.

— Скажи мне только одно: зачем тебе это надо было? — надменно фыркнул Шон. — В смысле сюда приходить. На этом университете мое имя. На табличке кабинета ректора мое имя. И в этих стенах мое имя на ней. Она бы сама никогда не притащила тебя сюда, да у нее же кишка тонка слово мне поперек вставить. Она прятала тебя, боялась что я с тобой что-нибудь сделаю. Она осознает масштаб неприятностей, которые я мог бы вам устроить. И я готов был терпеть ваши игры, но ты всех подставил. А раз так, слушай правду. Джоанна Конелл не бедная и не несчастная. Пока она со мной, в этом университете у нее есть персональный трон. И даже собственные крошечные интриги с целью умалить влияние моей distinguished персоны. Мне плевать, пусть развлекается, ей не скучно, а меня не напрягает. Но... с тобой то же самое. За кадром вы меня не напрягаете, но ты пришел сюда, заявил, что я кому-то что-то должен, например отдать тебе нечто, что считаю своим. ЕЕ. Нет. Я ничего тебе не должен. Но, так и быть, попытаюсь объяснить причины своей жадности. У меня есть дом. Машина. Университет. Звание лучшего программиста мира... А еще у меня есть подружка. И все это мне очень нравится. Это очень удобно. Я люблю себя, и свою жизнь люблю, к ее атрибутам я привык. И нет никакого желания что-либо менять, тем более из-за того что кто-то придумал, что в кого-то влюблен.

— Боже мой... — пробормотал Киану.

И пока меня не приравнивали к подъездной дорожке домика Шона, о которую он каждый день вытирает покрышки. Или к тюбику пены для бритья, без которого утро становится чуточку более паршивым... ну или пока Шон не решил, что проще вышвырнуть Киану из университета пинком на глазах у всех, а мне на заднице рядом с татуировкой Love Mississippi внутри сердечка поставить клеймо Собственность Шона Картера внутри короны, я нервно выкрикнула:

— Шон, оставь его. Умоляю, я больше не могу. Давай просто уедем.

— Конечно, Джоанна, — приторно протянул он. — Поехали... домой.

Я знала, что Киану было плохо. Нет, не плохо, а намного, намного хуже. Но еще я знала, что переспорить Шона Картера не под силу homo sapiens, потому что по его мнению никакие мы не sapiens. Это была просто попытка избежать драки. Что я натворила? Что мы натворили? Да мы же все разрушили! Не зря я так боялась этой встречи.

Было уже темно, когда мазда Шона сорвалась с места.

— Ты не прав, — прохрипела я, просто потому что нужно было что-то сказать. — Я действительно люблю его. Ты не веришь, для тебя это пустые слова, но...

— Не пустые. Но не про тебя, — резко бросил Шон. — Любовь заставляет совершать безумные поступки. — И выжал газ до упора. Машина пошла на стремительный разгон. — Прийти в университет и просить другого отказаться от любимой, даже зная, что она сама

уходить не хочет. Или как идиот Алекс пойти против лучших хакеров мира и спустить на пьянки, героин и тщетные попытки вернуть объект обожания примерно пять миллионов баксов за полгода... Любовь — это много разного, но не оставаться под одной крышей с ненавистным тебе человеком в обмен на минет, в то время как можно придумать тысячи способов жить с любимым. Любовь — это что угодно, но не рациональный расчет, Конелл. Ты подменяешь понятия ради собственного удобства. Как всегда. Это не любовь. И дело не в мальчике. Это только между тобой и мной. Посторонних и так хватает. Не втягивай его.

— Шон, заткнись, — предупредила я, не могла это слышать. Какая, простите, гадость. Между тобой и мной? Разве можно такое сказать про абсолютно стерильные отношения. Теперь я, конечно, понимаю, что он, как всегда, был прав. Но тогда в это верить не хотелось.

— Я тебя обидел, и ты доказываешь, что тебе плевать.

— Я сказала, заткнись, — громче произнесла я. Но фигушки, ведь об этом попросила я, а Шон никогда не делает того, о чем я прошу.

— Если уж так нейдет, советую тебе проявить большую изобретательность, а мальчику жизнь не ломать, такое сомнительное счастье, как ты, он не заслужил.

Я хотела его заткнуть. Любым способом. У меня, должно быть, совсем отказал мозг, но я не могла это больше слышать. Я... дернула вверх ручник. На скорости примерно сто сорок километров в час. Раздался жуткий звук лопающихся тросов, машина потеряла управление, ее развернуло боком, а затем мы кувырком покатались по перекрестку.

Надо мной стояли врачи. И они были так увлечены, что даже не заметили, как я проснулась. Было светло, значит, как минимум одну ночь я проспала здесь, в больнице. Кстати, у меня ничего не болело, разве что висок, чуть-чуть совсем. И тогда я решила прислушаться к разговору людей в белых халатах.

— Как такое возможно? Они пролетели кувырком целую улицу, врезались в здание, и оба живы. Отделаться одной лишь царапиной на виске — невероятно!

Значит, я отделалась царапиной на виске, а Шон? Как Шон?

— Как себя чувствует Картер? — выговорила я. Врачи мигом все повернулись ко мне.

— Мисс Конелл, как вы себя чувствуете? — улыбнулся мне доктор с добрыми глазами. Он подошел и попытался заставить следить за пальцем, но мне было не до собственного потенциального сотрясения мозга.

— Как Картер? — настойчиво повторила я, останавливая мельтешащую руку.

— Не волнуйтесь за него, Джоанна, дела у вашего друга даже лучше, чем у вас.

Но моя реакция была совершенно иной, нежели врачи полагали. Я буквально подпрыгнула на кровати, запрокинула голову к потолку и заорала:

— Да ты, б***ь, издеваешься что ли? — И ударила кулаками по кровати. Как он может быть в порядке?! Неужели там нигде в божественной книге судеб Картеру возмездия не положено?! Кретин! Ублюдок! Я забилась в истерике. Не знаю, на что я рассчитывала, смерти я Шону не желала, но вот парочка дней, в течение которых я гарантированно уйду к Киану, была бы не лишней. Но ведь нет же, он живучий гад, которого ничем не взять. Все, прописанное наказание для Шона Картера — парочка постперелетных мигреней. Он вообще человек? Не киборг, нет?

— Джоанна... — услышала я голос Киану от дверей. И замерла. Врачи, уже готовые вколоть мне успокоительное, — тоже.

— Киану! — Я протянула к нему руки.

Мое лицо было в слезах, да и авария лоска не прибавила, но было наплевать, какой он меня видит. Он пришел ко мне... Даже после всего, что Шон ему наговорил...

— Оставьте нас, пожалуйста, — попросил он врачей. Те настороженно переглянулись, но вышли. Наверное, нового припадка испугались. А, тем временем, Киану присел на кровать и встревоженно заглянул мне в глаза: — Какой ужас, Джо! — И порывисто меня обнял, а я прильнула к его груди.

— Я не могу так больше, Киану! Пожалуйста, заberi меня отсюда, не отдавай ему! Ты бы слышал, что он мне наговорил!

— Тише, Джо. — Он обнял меня еще крепче. — Я не уйду. Никуда. Обещаю. Я все продумал. Смотри, сегодня же я возьму в долг денег у отца, и отработаю в его фирме, но как можно быстрее найду квартиру. Для нас. Все будет хорошо, я все предусмотрел. Так ты поедешь со мной? — В его глазах горела такая надежда, такая мука.

— Конечно, конечно, поеду! — Я не знаю, что толкнуло меня на такое решение, ведь, по сути, ничего не поменялось... Шон, наверное. Его слова, его поступки. А еще, конечно, нежелание принимать горькую правду о себе самой.

— Я за пару дней все улажу, Джоанна. Всего пара дней, и мы начнем жить вместе.

— Хорошо, тогда из больницы я поеду сразу к Роберту и Мадлен...

— Ты никуда не поедешь. — На этот раз в дверном проеме появился Его Величество собственной персоной. И был Он в ярости. Я вся буквально сжалась в комок, оглядывая Шона на предмет повреждений. Но все, что обнаружила — пару капель крови на рубашке — из раны на подбородке. Отлично. Просто блеск! По шкале позора мне просто бесспорные одиннадцать из десяти! — Или я буду вынужден рассказать тем очаровательным джентльменам в форме, каким именно образом я не справился с управлением. Штраф за превышение скорости я уже оплатил, и даже взятку дал, чтобы эксперты не стали выяснять, каким образом в моей мазде полопались все тросы ручника разом... Хотя, постой-ка, за это должна была заплатить, Джоанна, ты. Ведь это ты дернула ручник.

От этих слов я вздрогнула.

— Тогда зачем ты это сделал? — шепотом спросила я, не в состоянии поверить, что, несмотря на мой поступок, Картер меня прикрыл.

— Потому что мне безумно импонирует твой талант не повторять одну ошибку дважды! Только я указал тебе на нелогичность поведения, как ты тут же исправилась. Несколько минут, и готово! Красота.

— Ты отвратителен.

— А ты-то чем лучше? — фыркнул он. И впервые был прав на мой счет. — Собирайся, я забрал документы на твою выписку.

— Я никуда с тобой не поеду! — огрызнулась я.

— Поедешь. За ошибки, Джоанна, всегда приходится платить. Забудь о том, чтобы свалить со своим мальчиком. Либо ты едешь со мной, либо предстанешь перед судом. — Если можно было верить выражению его лица, Шон не шутил. Он был в ярости. Ну еще бы, я ведь убить его пыталась.

После этих слов Картер нас оставил. И на лице Киану я увидела именно то, что заставило меня сдаться вернее всего остального: шок. Он прощал мне очень многое. И Шона, и вранье, и карьеризм, но не ручник. Не попытку преднамеренного убийства.

Вернувшись в дом Шона, я закрылась в своей комнате. Адреналин прошел, и до меня медленно начало доходить, насколько плохи дела. А ведь я не собиралась умирать, я даже

Картеру вред причинять не хотела, просто временно спятила. Состояние аффекта, вот как это называется. Оно существует. Это не умаляло моей аморальности, и, осознав все вышеперечисленное, Джоанна Конелл забралась в кровать, укуталась в одеяло по самый нос и занялась интереснейшим делом — созерцанием противоположной стены. Выбиралась из добровольного заточения исключительно ради еды. Шли дни, а я никак не могла избавиться от мысли, что являлась ужасным человеком, и мой поступок был не просто страшным, из-за него я потеряла Киану. По своей вине!

В таком режиме прошло не меньше недели, прежде чем Картер вызвал подкрепление в лице Керри. Она не стала ничего говорить, просто легла рядом и обняла меня. Мне потребовалось несколько часов такой вот человеческой поддержки, прежде чем прорвало, и я все ей рассказала. Разумеется, подругу мои слова шокировали, но затем Керри сделала то единственное, что могла, наверное, только она — потребовала, чтобы в следующий раз я больше советовалась с ней. Не варилась в собственном соку, не сходила с ума в одиночестве. Она обещала сидеть и до победного искать выход вместе со мной!

Этим же вечером я вышла из комнаты и обнаружила Шона на кухне. Он с совершенно невозмутимым видом читал газету. Я медленно прошла в помещение и села напротив, а затем осторожно произнесла:

— Я пыталась тебя убить. Прости.

— Забудь, — сухо бросил он.

— Картер, я чуть нас обоих на тот свет не отправила. Потому что ты меня довел до белого каления. Но я это сделала. Ты мог умереть, алло!

— Знаю. — И, наконец, отложил газету.

— И?

— А что и? Что тут сказать? Я не верю, что ты маньячка, на досуге промышляющая убийством собственных любовников. Но в следующий раз ради спасения собственной шкуры буду осторожнее в выборе выражений.

— Ты должен быть зол! — не выдержала я.

— Я был, — кивнул Шон. — Но за то время, что ты помирала от раскаяния, я твоим состоянием удовлетворился и перекипел.

Что тут было добавить? Лично я бы бесилась значительно дольше... Но раз уж у нас все по-прежнему, я окончательно обнаглела:

— Киану не звонил?

— Думаю, он больше не появится, Джоанна, смирись. Навряд ли такой милый мальчик когда-либо поймет твою выходку.

После этих слов я закрыла лицо руками и заплакала. Даже скрывать это смысла не видела, а Шон просто встал со стула, вышел из кухни и плотно закрыл дверь.

Когда я вернулась в университет, обнаружила, что Шон не рассказал о моей выходке ни одной живой душе. Только Киану. Да и то, видимо, чтобы своего добиться. Иными словами, Картер принял на себя весь удар. Он ехал слишком быстро, он не справился с управлением, он чуть не убил свою очаровательную ни в чем не повинную подружку. Из-за этого я чувствовала себя только хуже. Я была не только преступницей, но и трусливой лгуньей.

Шона я его вообще не понимала. Он обращался со мной по-скотски только наедине. В глазах же окружающих не ронял никогда. Правда ли, что он это делал только ради сохранения дистанции? Не имеет значения, как бы то ни было, я действительно считалась его собственностью, о которой он заботился не скупясь на средства.

Вот такая у нас суровая правда. И такая мораль. Шон считал, что я принадлежу ему, а я и не отрицала. Кстати, боюсь, с тех пор, несмотря на все неурядицы и обиды, не так много всего изменилось, ведь в силу неких космических причин он помогает мне спасти отца, а я переживаю, что обидела его тем утром, в Риме.

Глава 15

Теперь вы летаете в Сидней

Настоящее время

Сидя в своей комнате, я в тысячный раз прослушиваю разговор Манфреда и Кристофера. Жду божественного озарения, однако оно упорно отказывается снисходить. У меня тут полный набор доказательств вины Монацелли, но я понятия не имею, как им воспользоваться, не потопив тех, кто того не заслужил. Учитывая страсть Леклера к Шону, он обязательно попытается и его уничтожить, а потому я тяну, не отдаю Леклеру улики.

Слышу голоса. Говорят, на мое счастье, по-английски. Для Кристофера язык явно родной, но, благодаря качеству записи, акцент не разобрать. Это, обычно, моя сильная сторона, но, сколько не слушаю, не могу понять. Одно точно: он не австралиец. Тягучие гласные я бы везде узнала. Это хорошая новость. Значит, у меня нет причин подозревать Шона в еще большей близости с этим типом. Кажется, ему можно верить.

— Монацелли, ты сошел с ума? — спрашивает Кристофер. — Зачем ты подставляешь своих лучших ребят?

В ответ слышится весьма надменный смешок.

— Собаки. Ты знаешь, как проходит охота с собаками? Они загоняют дичь в угол, запугивают, и не выбраться. Никогда не знаешь, как поведешь себя в такой ситуации. Да, по мою душу агенты обязательно придут, Пентагон — не то преступление, совершив которое можно остаться безнаказанным, но придут они на моих условиях! ФБР против интерпола, и трое хакеров на мушке... Я просто обязан насладиться зрелищем, прежде чем сдать.

Да, *трое* хакеров. Вы не ослышались. Я тоже сначала подумала, что Манфред оговорился, но нет. Дальше вы все поймете.

— Кто я по сравнению с ними? Я уже не молод, не прыток. Никто не подумает на меня. Но они ошибаются.

— Без Картера, Пани и Такаши у тебя ничего бы не вышло, — резонно заметил Кристофер.

— И что? Крис, они достигли своего величия незаконным путем, они заслужили каждый день этой моральной порки.

— Твой сын тоже. Может, алиби ты ему и обеспечишь, но от порки не убережешь. Его тоже будут допрашивать наравне с другими!

— Но он будет вне подозрений. И, таким образом, пока ищейки прессуют остальных, он сумеет прочно расположиться в кресле сеньора Хакера.

— Да ты просто боишься! — рассмеялся Кристофер. — Сам понимаешь, что твой сын никакой не лидер и Бабочек не удержит...

— Хакеры будут слишком заняты, чтобы начать грызню за трон, и у Марко будет время укрепить позиции. Запомни, Кристофер, пока я жив, Картер Бабочек не получит. Хорошенько запомни! Я говорю абсолютно серьезно. — И я отчего-то ему верю. Угроза не пустая. Но компанию он Шону все же отдал... Не нравится мне это.

— Манфред, неужели ты правда полагаешь, что узнав о твоих проделках, ФБР оставят твоего сына в покое?! Да они...

— Значит его алиби должно быть железным! — выходит из себя Манфред. — Я пришлю к нему девчонку, надежную, чтобы стопроцентно свидетельствовала в его пользу. Не тани,

говори, как обстоят дела с остальными.

— Хорошо. Когда дочь Пани останется в больнице, та закажет отель, нужно будет только подмешать ей снотворное, и она проспит всю ночь одна, ничего не вспомнит. Такаши нужно будет отправить на задание, закажем ему рейс с длительной пересадкой, он не возмутится, если придется немножко посидеть в аэропорту. Здесь проблем нет. Но с Картером сложнее. Придется положиться на волю случая.

— Исключено. Он должен стать главным подозреваемым.

— А тебя итак двое подозреваемых есть! И вообще, как ты себе это представляешь? С ним живет девица. Предлагаешь слетать в Сидней, стукнуть из-за угла чем-нибудь и отправить в больницу, если не на тот свет. Ну, кто полетит? Ты или я?

— А ему пересадку заказать нельзя? Вместо Мияки...

— Картеру? Пересадку?

— Ты прав. Даже если его удастся вытащить из Австралии, он просто поменяет билет на более удобный.

— Дослушай меня, а потом подумаем еще раз. Крошка, которая с ним живет, — особа весьма обидчивая. Отношения у них очень сложные. Если Картера достаточно разозлить, он сорвется на ней, и уж по разным комнатам они разойдутся как миленькие. А скорее всего она уедет из дома, хлопнув дверью. Гордячка. Они оба предсказуемы как восход солнца.

— Мне этот план не нравится.

— Монацелли, послушай еще раз. Джоанна Конелл — человек, который не сунется на половину дома Картера, даже если ту снесет метеоритом! Он ее уже отполировал. Это куда менее подозрительно, ведь если она по загадочным причинам исчезнет, Картер может начать под нас копать. Не ради нее, а так, из-за врожденной мнительности...

— Это твой единственный вариант?

— Есть еще один: ты вытаскиваешь из Австралии не Картера, а ее саму. Дай ей место Бабочек, она им просто грезит.

— Еще чего! Какая-то девица-недоучка и Бабочка? — фыркает Монацелли. А я на него обижаюсь за прежнюю себя, между прочим. И мне уже не совестно за отказ на него работать, за Рим и за то, что я сдам его Леклеру тепленьким. Я девочка. Я мстительная.

— Только Манфред...

— Что?

— Ты уверен, что тебе этот Пентагон нужен?

— Да. Нужен.

— Ты псих.

Он лишь фыркает. А я начинаю подозревать, что у Марко психическое расстройство наследственное. На этом запись заканчивается. А следующая сделала уже после того, как Монацелли младший попал в клинику.

— Твой сын в больнице. Что ты собираешься теперь делать?

— Этого не должно было случиться! — орет Монацелли. От привычной сдержанности и холодности и следа не остается.

— Я предупреждал.

— Заткнись, Кристофер.

— Сдавайся, оставь Бабочек Шону Картеру. Пока твоему сыну не стало еще хуже.

— Нет. Я же говорил тебе, этот ублюдок ничего от меня не получит.

— Марко становится хуже из-за этого, ты...

— Я не оставлю Бабочек Шону Картеру! — орет он. — Марко вылечится.

— Марко не вылечится, пока ты не сдашься властям, Манфред.

— Бабочки — мое детище.

— Ты уничтожил их.

— Нет!

— Да! Сколько продержатся против властей твои хакеры? Марко пострадал. Новых программистов в такой ситуации не набрать. Сдавайся. Это конец.

— Нет, Крис. Никто не должен догадаться, что это был я. Я все восстановлю. Я смогу...

— Ты кого-нибудь кроме себя слушаешь?! — орет в ответ Кристофер.

— Не указывай мне, что делать!

На смену раздражению мужчины приходит усталый вздох.

— Хорошо. Отдай мне хотя бы карты. Ты знаешь, что я их спрячу надежно, а к тебе постучатся обязательно.

Вот вы все и узнали. Карты у Кристофера. Но кто такой Кристофер? Он забрал карты и закрыл в ящик, а затем избавился Монацелли и отдал Бабочек Шону. Зачем-то ему нужно было, чтобы трон занял именно Картер. Но если верить самому Шону, он с Кристофером с тех пор ни разу не общался. А теперь объясните мне, как я должна донести эту информацию до агентов, если сама в ней запуталась?!

Модуль для Шона я закончила, но не уверена, что смогу увидеть Картера и повести себя адекватно. Я несправедливо обвинила его и, разумеется, не признала своей ошибки. Это в принципе не моя сильная сторона, так что в данный момент я стою около двери бунгало, и подписываю конверт с диском, на который сохранила код. Не хочу видеть злые глаза Шона, протолкну конверт под дверь, уж, думаю, увидят. Но только я приседаю, дверь открывается, а на пороге Карина. Отлично.

— Ты что делаешь? — Ее тон мог бы и пингвинов заморозить. Класс. Она, конечно, временами пытается быть со мной милой, но, спорить могу, любит меня не больше, чем я ее. Просто чувствует себя виноватой и пытается выслужиться. И уж точно не ради меня этим занимается. Наверное, Пани даже воспринимает это как что-то вроде акта жертвенности. Она страдает и терпит ради успокоения собственной совести. Так она считает, я уверена.

— Собираюсь отдать диск с проектом Шону, — говорю я.

— Так ты поэтому ковыряешься у нас под дверью?

— Ты можешь просто его отдать? — начинаю раздражаться я.

— Легко, — улыбается она безмятежно, и как заорет: — Картер!

Вот гримза, ну ничего, она еще у меня получит! Карина даже не скрывает самодовольной улыбки, когда пытается пройти мимо. Шона, наверное, защищает. Знает, что мы поцапались. Будто Картеру нужно утешение, хаха! Вот ведь рыжая мегера! Я тоже смотрю ей в глаза и ослепительно улыбаюсь, на лице Пани появляется легкое недоумение (и правда, с чего это я такая радостная?), но уже в следующий момент ей все понятно. Да-да, в тот самый, когда Карина спотыкается о мою услужливо отставленную в сторону ногу и, считай, кубарем летит с лестницы крылечка бунгало. Боже, моя мечта сбылась. У моих ног сидит Пани, прическа растрепалась, глаза с два блюдца. Она не в состоянии поверить, что я посмела такое устроить. И чему их в России учат? Полагаю, на светских раутах ей редко ставят подножки, ну а я в детстве не раз разбивала таким образом коленки. По моему лицу расплывается до неприличия счастливая улыбка. И в этот момент, наконец, появляется Шон.

Пани, завидев его, краснеет, вскакивает и начинает спешно отряхиваться.

— Счастлива? — раздраженно спрашивает она, глядя на мои безуспешные попытки сдержать смех.

— Ты даже не представляешь насколько! — пропеваю я в ответ. — Всю жизнь бы смотрела на твое выражение лица. Но поскольку нам придется теперь вместе работать, предлагаю заключить вооруженное перемирие. Оно включает в себя следующий пункт: если блондинистая барби, — припоминаю я записанный на камеры разговор, а Пани еще сильнее краснеет. — Что-то говорит, к ее словам все-таки стоит прислушиваться, так на всякий случай. И не надо строить козни, потому что я девочка куда как больше, чем ты, а значит, царапаюсь я больше. Толку, конечно, чуть, но оооочень неприятно. Так ты рада, что теперь будешь не единственной Бабочкой, которой по должности положено носить розовый бантик? Кстати, ты забыла меня поздравить.

Насладившись моими словами в полной мере, Шон, наконец-таки подает голос:

— Знакомься, Пани, это доктор Джоанна Конелл, какой ее знаю я.

Карина фыркает, разворачивается на каблуках и раздраженно швыряет сумку в бьюик Шона, а затем забирается на водительское сидение. У них на всех одна машина? Или только на двоих? Пока эта мысль не испортила мне настроение, поворачиваюсь к Картеру.

— Собственно, я принесла тебе коды.

Он даже глазом не моргает.

— Твои условия?

— Условия?

— Я сказал, что ты можешь за свою работу попросить вознаграждение.

— Не знаю. Мне надо подумать. Кстати... прости за Рим. — Вввввау, это было просто гениально коряво!

— Не бойся, Джоанна, я отходчивее тебя, — фыркает он и тут же меняет тему. — Ты уже что-нибудь придумала?

— Нет.

Он приближается ко мне и тихо говорит, так, чтобы Леклер не услышал.

— Нет? У тебя время истекает. Монацелли будет на Сицилии в честь окончания проекта, а это очень скоро. Тебе осталось только придумать правдоподобную легенду о том, как ты заполучила доказательства, исключая имя Картер. Так чего ты ждешь? Всю жизнь будешь над ней думать?

— Ты полагаешь, что на меня можно вывалить столько противоречивой информации и ждать, что я за какие-то двадцать четыре часа придумаю собственную версию для агентов ФБР?! — Мы стоим слишком близко, и я не могу оторвать взгляд от синеватой щетины на его подбородке, не вспоминать, как сильно обжигает кожу ее прикосновение. Я схожу с ума.

— Вообще-то да!

— Значит, я не настолько изобретательна!

— Так тогда чем издеваться над Пани, лучше иди и сделай что-нибудь полезное!

— Как же ваше заступничество друг на друга раздражает, — вскидываю я глаза.

— О, я знаю, — закатывает он глаза.

— Ты-то да, а Алекс? — ну вот не скажи я это, я была бы не я.

— Сделай три глубоких вдоха и успокойся, Джоанна. Или можем проверить, на сколько хватит терпения Леклера.

— Что? — удивленно моргаю я.

Он наклоняется ко мне, касается щекой моей шеи и скользит вверх, явно оставляя на коже красноватые царапины. Это больно, но так восхитительно запретно... как, блин, все, что относится к Шону Картеру в принципе! А он, тем временем, касается губами моего уха и шепчет:

— Зайти не желаешь?

И я отскакиваю от него, как от прокаженного, потому что для него все игрушки, но я помню слова агента. Я подставляю отца!

— Нет уж, Картер. Вы там как-нибудь с Пани без меня развлекайтесь, — ядовито говорю я. — А у меня на повестке дня построение логических цепочек, покрывание преступников и умасливание агентов на благо общества!

Шона моя тирада, как обычно, не впечатляет. Он просто закрывает дверь и все. Будто ему абсолютно фиолетово согласилась ли я, отказала ли. Что за человек? Не понимаю я его! Касаюсь пальцами саднящей кожи, она горит и болит. Но это так... привычно. Вместо того чтобы отправиться в отель, я иду на пляж и обдумываю наше с отцом будущее. Должна ли я солгать? Смогу ли?

Сегодня довольно прохладно, море волнуется, чуть штормит. Снимаю сандалии и иду к воде. Большая волна тут же приветливо накрывает меня по самые бедра. Вуаля, юбка вся мокрая. Иногда глядя на море я удивляюсь, что живущие на побережье люди ухитрились с ним справиться. По большей части, но все же. Наверное, жившие ранее поколения были гениальнее нас, шире мыслили. В наш век мы не можем решить даже что делать с собственными жизнями, мы избалованы. За нас и до нас было сделано уже столько открытий, что теперь мы просто безбедно паразитируем. Сколько труда было вложено, чтобы узнать, к примеру, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот, сколько неограниченный ум и адекватную самооценку нужно было иметь, чтобы просто предположить, что центр Вселенной не здесь, не на Земле. Мне бы без Шона Картера и в голову не пришло, что я — не венец творения. Но при всем при этом, даже в свои наивные девятнадцать я не считала, что смогу когда-либо солгать агентам ФБР так, чтобы они мне поверили... Не разрушу ли я ложью судеб больше, чем правдой? Что будет, если я честно признаюсь, что материалы дал мне Шон для спасения отца? Что с ним сделают, если узнают, что он столько лет их скрывал, но все-таки посодействовал поимке преступника? Я плохо знаю уголовный кодекс, но одно мне известно наверняка — мой отец сохранит жизнь.

Как бы то ни было, я могу свалить обнаружение документов только на трех человек. Это Шон. Кристофер. Или Монацелли. Первого я потоплю, второй отпадает, а третий... мне поверят или ему? Он же точно знает, что случилось и как. И его версия будет правдоподобнее.

Меня накрывает еще одной волной, и я не удерживаю равновесие, падаю. Теперь мокрая я вся. И платье, и даже волосы. Но разве это важно?

Я невольно оборачиваюсь в сторону бунгало. Шторка на окне гостиной отодвинута. Так и вижу, как там стоит Картер, наблюдает за мной и попивает свой виски. Он спрашивал меня о моей версии, потому что знает, что ее нет, знает, что я выбираю из двух зол. И он знает, что для принятия решения в его пользу моей порядочности может оказаться недостаточно. Когда-то, с Киану, я уже перешла ему дорожку, но страстная и удобная подружка — ничто по сравнению с делом всей жизни. Стоит оступиться, он меня в порошок сотрет.

Соленая вода сильно жжется на оцарапанной коже шеи, напоминая мне о словах Шона.

За каждый поступок приходится платить. Собственно, Картер прав, и жаловаться мне не на что, он сделал все за меня, я могла бы с тем же успехом просто поваляться на пляже. И все, что сейчас от меня требуется — просто выйти на публику и сыграть так, как будто от этого зависит жизнь моего отца. Тем более, так оно и есть.

На меня надвигается еще одна огромная волна. Она накрывает с головой. Но это совсем не страшно. Другое намного страшнее.

На следующий день утром мне передают приглашение в ресторан по случаю окончания проекта. Я же теперь в команде.

Идем мы в лучший ресторан Сицилии, и это значит, что сначала мы насладимся изысканным ужином, а потом... а потом я отдам Монацелли (и, надеюсь, только его) на растерзание Леклеру. От этих мыслей меня подташнивает. Пропускаю завтрак и отправляюсь сразу на пробежку. Нахожу магазин, покупаю диски, на которые на всякий случай перепишу признание, и делаю ксерокопию папки с кодами. Одну. И основная причина отсутствия моего размаха даже не в том, что это стоит небольшое состояние, просто больше двух я не унесу чисто физически. Я не собираюсь отдавать Леклеру библию начинающего взломщика Пентагона, но... на всякий случай-то надо иметь запасной вариант. Эти материалы я отдам, только если станет совсем туго.

Я уже направляюсь в отель, но что-то яркое и сверкающее привлекает внимание. Парк аттракционов. Невероятная, однако, удача. Мне очень нужно зеркало. И не в отеле, где меня может в любой момент поймать за руку Леклер. До парка аттракционов даже прилизанный агент не додумается! И поэтому я покупаю в кассе билет в королевство кривых зеркал.

Моя голова сплющена, словно в песочные часы засунули, отчего на меня пялятся огромные глазищи. Зрелище воистину кошмарное, очень неприятно, нечему тут нравиться. Хочется ощупать лицо и удостовериться, что все в порядке и на своих местах. Но я рассматриваю подобное испытание как своего рода закалку, такой опыт мне не повредит. Данное зеркало, определенно, самое уродливое из имеющихся в моем распоряжении. Но Леклер-то еще страшнее...

Сегодня будний день, и людей почти нет, а потому я выдыхаю и в очередной раз начинаю повторять:

— Поехать в Рим было идеей Шона. Манфред собирался передать ему компанию, а я должна была подписать контракт и присоединиться к рядам Бабочек. Зная, что Марко, как и остальные хакеры, под подозрением, и все дела улажены, он передал мне диск с доказательствами и признался в содеянном...

Звучит как заученный текст второсортного сериальчика в исполнении бездарной актриски. Каждый, кто меня слушал больше пяти минут, поймет, что речь отрепетирована! Я разговариваю более эмоционально. А если я не эмоциональна, то и отклик будет сухой и практичный, и если кто не понял, то с дедукцией у меня не очень. Не хуже всех, но, спорю, квалифицированный агент не парясь заметит каждый недочет, стало быть, Леклера нужно смутить...

О, есть решение. Надо научиться плакать на заказ. У меня же обычно глаза на мокром месте! Вот... проблем возникнуть не должно. Только представьте — они начнут придирается, а я в слезы, и все сбиты с толку. В конце концов, там будут почти одни мужчины. Отличненько!

Но разрыдаться по собственному желанию не выходит никак. Я стою и старательно

вспоминаю все самое злое и обидное, но ничто не помогает. Я могу рыдать часами, но, видимо, только взаправду. Намеренно не выходит. Может, повесить на шею кулончик с луковым соком и поднести его к глазам? Отличная мысль, только не засохнет ли он? И не буду ли я обливаться слезами весь вечер? Черт...

Что ж, попробуем иначе. Нужно вести себя естественно, например, делать отступления не в тему, но обязательно правдивые! Если что мне и удастся сыграть на бис, так это бестолковую идиотку. Это даже не роль, а альтерэго...

— Так вот полетели мы с Картером в Рим, там встретились с Монацелли. Кстати, дом у него ну просто шикарный, я офигела... Там все в дереве и бархате, я еще подумала, как же пройдоха решился отказаться от своих регалий...

В итоге, вместо пяти минут объяснений у меня вышло около двадцати. Я знаю, что на суде в любом случае будут допрашивать как в последний раз, наизнанку выворачивать, вот для него и прибережем сухие комментарии, а пока я надеюсь Леклера запутать малоинформативной болтовней. А для этого нужно что? Правильно, выглядеть так, чтобы и Пани обзавидовалась! Соблазнять не собираюсь, но подразнить-то можно! И иду я по магазинам.

Платье на мне будет бардовое, длинное. С корсетом и струящейся юбкой. К нему просто жизненно необходимы убийственные золотые шпильки и клатч. Наряд называется «контрольный в собственный кошелек». Может у Картера за распараллеливание кода потребовать денег на туфли? Представляю, какое у него будет лицо, если я использую свой джокер таким нелепым, по его мнению, образом. А я, между прочим, на мели.

До вечера в честь окончания проекта остается меньше двух суток. И одни из них я трачу на составление плана по грамотной передаче информации Леклеру. У меня одна попытка, а помех много, и ошибке места нет. Приходится просчитывать все возможные варианты. Это сложно, времени занимает немеряно.

Ну а последние часы я трачу, как думаете, на что? Разумеется, вы угадали. Да-да, друзья, в день икс я не репетирую речь, не заламываю руки, я стою в ванной, врубив на телефоне попсытину, и крашу прядки волос в розовый. Не все, конечно, а некоторые, чтобы было заманчиво. Даже я не понимаю, зачем это делаю, пусть и другие гадают. Мне пойдет, а остальное до лампочки.

Завиваю волосы, наношу на них столько средств для укладки, что поднеси спичку — взорву половину острова. Укладываю локоны в нечто замысловато-небрежное и закалываю все это шпильками. В такой прическе розовый смотрится еще более интересно и неожиданно. Макияж наношу тоже долго и основательно, не халтура, с основами, тональниками разных оттенков, губы подвожу чуть ли не по трафарету, ведь от того, буду ли я самой красивой девушкой Сицилии сегодня, зависит жизнь моего отца! Наконец, натягиваю белье, чулки и халат, беру платье и топаю в комнату Келлерер, чтобы зашнуровала мне корсет.

— Эдди, — стучусь я. — Ты здесь?

Открывает. На кровати стоит ноутбук, на экране — Шон. Келлерер наблюдает за обитателями бунгало. Ну да, молодец, знает с какой камеры изображение смотреть, — Картер в одном лишь полотенце выбирает галстук. Учитывая, сколько для него значит сегодняшний день, к процедуре он подходит со всей серьезностью.

— Оу, вау! Ты прокрасилась... в розовый?

— Оу, вау! А ты пялишься на Картера.

— Думаешь, только тебе можно? — ничуть не теряется она.

— Один-один. Поможешь затянуть корсет или подождем, пока он галстук выберет?

— Подождем, конечно, — хмыкает Келлерер.

Таким образом, мы валяемся на кровати и смотрим антистриптиз в исполнении Шона. И только когда он начинает продевать запонки в манжеты рубашки, я вспоминаю, что надо торопиться.

Когда я снимаю халат, Эддисон, кажется, перестает дышать. Она далеко не сразу находит силы подойти ко мне сзади и коснуться изуродованной кожи.

— Ты должна сделать так, чтобы я была красивее Пани. Я всю жизнь об этом мечтала, в общем, не жалея, окей? — стараюсь отвлечь ее болтовней. Я не один месяц рыдала, пытаюсь смириться с тем, что никогда уже не надену платье с открытой спиной. И только спустя год осмелилась поставить два зеркала сразу и посмотреть на свои шрамы. Мало кого может оставить равнодушным подобное зрелище.

— Ты уверена? — спрашивает Эддисон, но, к счастью, шнурует твердой рукой. Аж искры из глаз.

— На сто процентов! — А когда платье уже достаточно прочно держится на мне, я осмеливаюсь, наконец, спросить: — Эдди, шрамов видно не будет?

— Сантиметров пять запаса, — отвечает она ровно. — Я затяну потуже, чтобы точно не съехало.

— Хорошо. Спасибо.

Но когда она начинает подтягивать шнуровку, я чувствую, как неровности кожи соприкасаются друг с другом, и меня начинает тошнить. Они такие грубые и ужасные, я точно не выдержу подобного напоминания. А мне нужно сконцентрироваться на другом.

— Нет, все! — прерываю я Эддисон. — Спасибо.

Она понимает, о чем я, и дает возможность побыть в ванной наедине с моими демонами. Девушка в зеркале хороша, но корсет затянут слабовато... еще бы чуть-чуть, совсем немного, и было бы не к чему придираться. Кроме того, конечно, что на мне почти нет украшений. Весь мой арсенал состоит из пары золотых серег и цепочки. Раньше я бы ни за что не надела последнюю с вечерним платьем, настолько она простая... но теперь буду носить с гордостью и всегда. Потому что иногда ценны не вещи, а символы. Ее подарила мне мама. На восемнадцатилетие.

Напоследок, уже покидая отель, я нахожу в холле мальчишку-посыльного.

— Ты помнишь, что делать?

— Да, мэм. — Мэм... над ж было так меня называть!

— Ой, стой. Дай сюда на минутку.

Он недоуменно на меня смотрит, но вытягивает из букета цветов коробочку с диском, а я подношу ее к губам и оставляю след помады. У Леклера не должно не остаться никаких сомнений по поводу личности отправителя.

Когда я выхожу из такси, швейцар подает мне руку. Как кинозвезде. Вот в какое место нас пригласили, тут даром что красной ковровой дорожки нет. Я улыбаюсь служащему, он оглядывает меня с неприкрытым восхищением. Посчитаю это комплиментом хотя бы потому что сюда приходят, как правило, более разодетые девицы!

— Приятного вечера, мисс, — кланяется он мне, взглянув на приглашение.

— Благодарю, сеньор.

Снова сверкаю улыбкой, я не жадная, у меня их много. После такого феерического появления осталось минимум — не запутаться в юбке. Со мной ведь и не такое может приключиться. Но, вопреки опасениям, я легко преодолеваю ступеньки, вхожу в распахнутую дверь и спотыкаюсь только внутри, когда вижу, что дожидается меня Манфред Монацелли собственной персоной. Отчаянно ищу глазами остальных, но он один.

— Вы сегодня обворожительны как никогда, — сообщает мне Монацелли, манерно целуя руку.

Я совершенно уверена, что Манфред в курсе происходящего. Более того, уверена, что даже если он и не знал, Шон ему сообщил, чтобы насладиться происходящим. Чувствую себя так, будто меня загнали в клетку со львом.

— Очень рада вас видеть. — Хаха! Еще бы! Не пришел бы он, кого бы Леклер повязал? — Остальные еще в пути?

Но вместо этого он ведет меня к столику, отодвигает мне стул и отвечает:

— Вероятно, сегодня мы лишимся одного человека из нашей скромной команды. — Если это намек, то он не просто прозрачен, он очевиден. Только, подозреваю, Монацелли не станет действовать так грубо. — Вы, наверное, знаете, что Шон Картер ненавидит опаздывать, а Пани не в состоянии собраться меньше, чем за сутки.

Ох уж эти интеллектуальные игры! И ведь на это нужно ответить достойно и в тон...

— О, поверьте, уж ее Шон Картер точно простит. К тому же у него в последнее время на редкость хорошее настроение. — Уф, вроде отбилась. И Монацелли задумчиво откидывается на спинку стула.

— Шон Картер, — тянет он. — Иногда я смотрю на него и думаю, ну почему мой сын не таков? А потом вспоминаю, что от этого человека не дожждаться ни любви, ни признательности, ни даже благодарности. Для него я — пустое место, хотя без меня бы он добивался своего статуса годами.

— Мы оба знаем, что это не так, сеньор, — осторожно отвечаю я. — Он нашел бы лазейку. Но неужели вы совсем не гордитесь своим сыном?

— В этом мире ты либо лучший, либо никто, доктор Конелл. Таков закон природы.

— Я с вами не согласна.

— Я знаю. — После этого он кардинально меняет тему разговора. — Здесь прекрасная винная карта. В ожидании остальных предлагаю выпить.

Он разливает жидкость по бокалам, а меня посещает параноидальная мысль о том, что оно отравлено. Монацелли терять нечего. Кажется, наблюдая за мной, он забавляется, догадывается о моих сомнениях? Не дождется. Храбро делаю глоток.

— Вино восхитительное, хотя вы навряд ли могли бы выбрать более паршивого дегустатора.

Он смеется и начинает рассказывать мне об основных признаках хорошего вина, что нужно делать, чтобы распознать качество. В этот момент, наконец, появляются остальные. Судя по поведению хакеров, Манфред угадал: Пани слишком долго собиралась, и Шон в бешенстве. Не могу удержаться и не подколоть его:

— Надо же, гений пунктуальности опоздал.

Он резко поворачивается ко мне, явно собирается устроить моральную порку, но, кажется, внезапно понимает, что я это специально, и начинает поедать меня глазами. Мы же в приличном месте, ничего такого я в виду не имела. Лично мне неловко! Отворачиваюсь и смотрю на Пани. Разумеется, ее долгие сборы не прошли впустую, а платье дороже моего раз

в десять... Думаю, этой своей шизофренией я свела бы с ума и психиатра. Она старательно избегает моего взгляда, видимо, злится за крылечко.

После прихода недостающей части компании за столом становится значительно веселее, а мне — тревожнее. Картер явно замечает мой нервоз. Он единственный знает причину доподлинно. Мы сидим напротив и встречаемся глазами, кажется, каждые десять секунд. Когда я уже почти готова вскочить со стула и заорать: заканчивайте уже, хватит, не могу больше, перейдите, наконец, к части, где нас всех повяжут! — Манфред встает и говорит.

— Попрошу минутку вашего безраздельного внимания. — И я понимаю — настало время перемен. — Как вы, наверное, догадываетесь, я уже не молод, и ведение дел...

Все хакеры застывают в нечеловечески напряженных позах, жаждут ни словечка не пропустить. Неужели не понимают, что все уже свершилось? Речь Монацелли длинная и витиеватая, думаю, еще чуть-чуть, и из него имя преемника начнут вытряхивать в буквальном смысле. Однако, когда он, наконец, называет Шона, Карина резко отворачивается, Такаши сидит с таким видом, будто его ударили по голове, а Марко вскакивает со стула и уходит в сторону уборных. Кроме Шона только параллельщик Том не расстроен. Он безмятежен и счастлив настолько, что я начинаю подозревать его в принятии психотропных препаратов. Он почти счастливее самого Картера, триумф которого настолько очевиден, что даже мне хочется его стукнуть. С другой стороны, Картер заслужил это место каждым своим действием. Он годами не позволял себя отвлечь никому и ничему, и теперь... теперь стоит за него просто порадоваться. Жизнеспособность собственного великодушия мне удастся поддерживать ровно до тех пор, пока Картер не поднимается со своего стула и не произносит нечто настолько гадкое, что все хорошее отношение забывается в момент:

— Я буду лаконичен. Добро пожаловать. И теперь вы летаете в Сидней.

Лично у меня отношения с перелетами далеко не такие напряженные, как у Шона, но даже мне от его слов становится плохо. Остальные со мной, кажется, солидарны, ведь перелет туда почти из любой точки земного шара по времени занимает больше суток. У Шона настоящий талант портить настроение!

Но надо сказать, справедливости ради, сюрприз бывшего и настоящего сеньоров Хакеров не идут ни в какое сравнение с тем, который на сегодня приготовила я. И стоит он аккурат в роскошном холле ресторана, потрясая стальными браслетами.

Шесть с половиной лет назад

Примерно через две недели после нашего с Киану разрыва прилетел Алекс, и Шон поехал его встречать в аэропорт лично. Если бы я не чувствовала себя виноватой до невероятия, я бы всласть позубоскалила по этому поводу, но ввиду последних событий сдержалась. Перемирие с Шоном и близко не было достигнуто, я не могла ему простить Киану, и даже мысль о том, что сама виновата, не помогала. Он заставил меня остаться. Шантажом и обманом. Чтобы и дальше вытирать об меня ноги. Ну нет, такого отношения я ему больше не спущу никогда!

К приезду мужчин любопытство наложилось на воспитание, и я, рискуя вызвать неудовольствие Картера, все-таки вышла встречать гостя в коридор. Это позволило мне насладиться зрелищем небывалым: Шон разговаривал и улыбался. А Алекс действительно оказался обаятельным красавчиком. У него на щеках были ямочки, совсем как у меня. Ну все, я покорена. Однако только Картер обнаружил в зоне видимости свою подружку, его улыбка померкла. Алекс явно что-то заподозрил и перевел взгляд с Шона на меня.

— Привет, — сказала я Алексу. А он, отказавшись от церемоний, по-дружески обнял меня и что-то сказал Шону.

— Режим переводчика включен, — буркнул тот. — Просит передать, что его ожиданий ты не обманула.

— Взаимно.

И это было правдой. Он оказался на редкость обаятельным парнем. И, по-моему, именно данное качество в себе взрастить невозможно, от природы либо есть, либо нет. Алексу повезло.

Пока я накрывала на стол, они болтали о чем-то абстрактном. Но только села — стала предметом беседы сама.

— Ты новый суперхакер? — спросил Алекс.

— Нет, — немножко смутилась я. — Я теперь вообще не хакер. Сменила специализацию, так сказать.

Алекс моргнул, и Картер, закатив глаза, перевел ему мои слова.

— Из-за Шона? Не удивляюсь, он же временами такой идиот, — доверительно сообщил мне Алекс.

Шутки шутками, но от неожиданности и правомерности его слов, а также от воспоминаний, как именно все случилось, я нечаянно опрокинула чашку с кофе, и часть его вылилась на стол. После этого я вскочила со своего места и начала лихорадочно вытирать расплзающееся пятно, однако успела заметить взгляд, которым наградил Шона Алекс. Осуждение. Возможно даже разочарование. Тот терпеть, разумеется, не стал:

— Не оставишь нас? — спросил он меня.

Мгновение я на него смотрела, а затем швырнула тряпку в раковину и ушла. Вот так. Меня снова выставили за дверь.

Лабораторная не клеилась. Я никак не могла отделаться от навязчивых мыслей о случившемся, лишь смотрела в пространство и щелкала ручкой. Почему меня все еще задевает подобное отношение? Он ничего для меня не значит. Ни-че-го. Неужели я

надеялась, что после Киану что-то изменится? В итоге, вместо учебы я написала письмо родителям, а затем попыталась уснуть. Но в голове стоял один лишь Киану. К трем часам ночи я проголодалась, бросила бесполезные попытки забыться и пошла на кухню искать еду. Но внезапно обнаружила Алекса.

— Не спишь? — спросила я.

— По-нашему еще слишком рано, — пожал он плечами. И вдруг без всяких предисловий и переходов: — Шон мой друг. И я на него могу наорать. А ты? — Он ужасно коверкал слова, и странно строил предложения, но суть я поняла.

— Нет.

— Научись. Поможет.

Поддавшись порыву, я села рядом с Алексом и уронила голову ему на плечо. Почему? Не знаю.

— Я пыталась его убить.

— Ты его любишь?

— Нет, — Алекс явно не понял. — Я его ненавижу.

— А почему ты здесь?

— Он не отпустил. Хотя... не только. Все сложно.

Мне было необходимо выговориться. А человек, который не только меня не знает, но и половину сказанного не поймет, оказался прекрасной кандидатурой. И я это сделала. Хотя, что юлить, имя Киану сказалось ему все недостающее. Кое-как, полувербально, полужестами мы проболтали часа два. Алекс оказался удивительно простым человеком. Проще Шона. Проще меня. Без малейших заморочек. Я попыталась представить рядом с ним мисс Каблучки, но никак не удавалось.

И прежде чем отправиться спать, Алекс вдруг сказал:

— Запомни, Джо, Шон больше лает, чем кусается.

Я так и не смогла уснуть, и рано утром Шон застал меня на кухне с ноутбуком. Мы встретились глазами, но не сказали друг другу ни слова. Он сделал себе кофе, приготовил завтрак, но затем не сел за стол, а встал у меня за спиной и начал пялиться в экран. И, словно по заказу, выполняла я задание не для него, а для Клегга. Пусть обломится, гад! Он стоял истуканом не менее получала, словно оценивал мои шансы на благополучный исход затеи с параллельным программированием, а после просто фыркнул и ушел.

Была суббота, и впервые после разрыва с Киану я решилась поехать с друзьями на пляж снова, попыталась выбраться из панциря, в котором в последнее время пряталась от окружающей реальности.

— Я с друзьями в Ньюкасл.

Сказала это скорее для Алекса, чем для Шона. Перед последним оправдываться не собиралась в принципе. Именно в этот момент раздался гудок клаксона и вопль:

— ДЖО!

Я, не став заморачиваться, распахнула окно и крикнула, что иду, после чего заглотила остатки обжигающего кофе, вымыла и убрала чашку, подхватила плетеную сумку, напялила смешную широкополую шляпу и, подмигнув Алексу, побежала к выходу. Пресловутый пикап Джека был припаркован на подъездной дорожке Шона, и выглядело это в точности как декорации к картинке под названием «счастье Джоанны». Декорации к... Киану. И я ужасно пожалела, что решилась на поездку. Это было ошибкой. Если бы не необходимость объясняться перед всеми и каждым, я бы вернулась и заперлась в своей комнате на целый

день...

Выходные были безнадежно испорчены. Мне не удалось выбросить моего солнечного мальчика из головы ни на секунду. Ну да, плавала и загорала, поддерживала диалог, но не смеялась, не танцевала, и когда вернулась в домик Шона, не сдержав облегчение, привалилась к двери. Однако, расслабиться не удалось, что-то было не так, я даже сначала не поняла, что именно, а затем осознала — музыка. Из гостиной лилась музыка. Веселая, зажигательная мелодия. Страхнув остатки оцепенения, я недоверчиво заглянула в комнату и увидела танцующего Алекса. У меня так и отвисла челюсть. А он заметил меня, улыбнулся и поманил пальцем.

Ситуация была такая нелепая: и музыка в доме Шона ака склепе вампира, и залетный забавный иностранец, по совместительству возлюбленный мисс Каблучки, и его доброе отношение ко мне, в то время как с Шоном мы едва друг друга выносили, — что я аж расхохоталась... и поддержала дурацкую идею. Мы начали танцевать и выкрикивать вслух слова песни. Боже, это была такая попсытина, даже у меня волосы дыбом вставали, но парень их знал и не стеснялся коверкать и так, и эдак. Клянусь, после его исполнения от текста и тридцати процентов правды не осталось! Думаю, он делал это намеренно, чтобы меня смешить, и у него получалось. В конечном итоге, раз пять споткнувшись о диван Шона, мы решили ликвидировать препятствие единственным возможным и безопасным образом: залезли на него и начали прыгать.

И так продолжалось ровно до тех пор, пока мой телефон не зазвонил. Я достала его из кармана, взглянула на дисплей, а увидев, кто звонит, аж покачнулась и присела, чтобы не свалиться на пол. Киану. Алекс же просто убавил с пульта громкость музыки и вдруг схватил меня за запястье. Он запомнил и все понял. Стало вдруг так страшно, ведь если он расскажет о произошедшем Шону, что тогда? Однако, как выяснилось, у Алекса были совсем иные планы. Он заглянул мне в глаза и сказал:

— Уходи, Джо. Не думай, просто беги. Или ты будешь жалеть об упущенной возможности всегда. Сваливай, пока Шон не вернулся.

Телефон продолжал вибрировать, и я не выдержала, решилась. Я схватила трубку.

— Киану...

— Джо, пожалуйста, не отключайся! Послушай, давай встретимся. Я хочу с тобой поговорить.

— О... о чем? — хрипло спросила я.

— О нас. Джо, все так запуталось, но... я снял квартиру... Я сдержал обещание...

— Боже мой, Киану, — воскликнула я, прижав пальцы к губам. — Я... я не могу поверить... Ты серьезно?

— Серьезнее некуда. Там всего пара комнат и не очень хорошие полы, но... — это звучало как речь законченного романтика. Совсем как слова моего сладкого Киану, по которому я так скучала, что, казалось, сердце не выдержит!

— Просто... дай мне собрать некоторые вещи!

Я внезапно разучилась говорить, и все, что было слышно — биение собственного сердца. Я даже не вспомнила о том, насколько все неправильно. Куда там, я даже об угрозах Шона позабыла!

— Тогда я буду ждать тебя в баре, где мы познакомились.

Он засмеялся, и я почувствовала, как бегут по щекам слезы. На этот раз я снова взяла

лишь паспорт, пару комплектов белья, комплект одежды на смену, маленький красный ноутбук, еще немножко по мелочи, но, главное, все деньги и карточки. Я запомнила прошлый урок. После сборов я порывисто обняла Алекса и, не теряя ни секунды, выскочила за дверь. Я бежала до автобусной остановки, на пределе, не медля, не жалея себя. Я бы и до Америки добежала. Не знаю как, но я могла бы, если бы там, конечно, был Киану!

Когда мы встретились, тут же бросились друг другу в объятия и стали целоваться. Было уже темно, воскресный вечер, вокруг было полно парочек, мы даже ничем не выделялись. И было не страшно. Энергетика места располагала к веселью и флирту. То было царство встреч и знакомств.

Наконец, вырвавшись из объятий любимого, я заглянула ему в глаза и забормотала:

— Киану, я была уверена, что ты не простишь меня...

— Постой, я решил, что не могу тебя судить, ведь не знаю, что случилось. Или случилось все это время. Но я не могу тебя потерять. Я не могу оставаться в стороне. Поэтому я начал искать эту чертову квартиру. Оказывается, раздобыть недвижимость не так просто, как мне казалось, но... но я смог! Она не совсем такая, как я ее представлял, но, думаю, тебе понравится. Привыкнем.

Я не сдержалась, бросилась ему на шею и расплакалась, а он воскликнул:

— Не тратить наше время, Джо, я не хочу больше ждать ни минуты!

И мы снова сорвались с места, уверенные, что все сможем, решившие, что ничто нас не остановит. И мы были далеко не единственными, кто смеялся и торопился по своим делам. Повсюду сверкали огни города, то и дело попадались обнимающиеся парочки, уличные музыканты, гуляющие студенты, опрокидывающие рюмку за рюмкой. И я бежала и понимала, что я люблю Сидней. Безумно люблю. Я почти раздумала уезжать. Из-за Киану.

Через несколько кварталов, однако, адреналин прошел, и мы пошли шагом, обнявшись. По мере удаления от центра города улицы становились более пустыми и темными. Но радость и веселье не покинули ни их, ни нас.

— Мы почти на месте, — шепнул мне в ухо Киану.

Мы отошли от центра не так далеко, Киану выбрал хороший райончик, ну а чего я еще могла ожидать от сына известного адвоката? Я начала усиленно отмахиваться от этой мысли, и на этот раз мне это удалось на удивление просто. Потому что мы были вместе. Потому что я собиралась сделать все, чтобы Киану добился успеха и никогда больше не говорил о том, кем является его отец. Правда от мысли, что, фактически, я отказалась от Бабочек Монацелли, начинало предательски щипать в носу. И снова пришлось гнать шальные мысли прочь. Еще успею подумать над собственным будущим. В тот момент это было последнее, о чем стоило беспокоиться. В конце концов, Шон сумел всего добиться без протекции, да и Такаши смог, чем я хуже? Хаха, хуже, конечно. Но я была уверена, что все получится... Получится! От грустных мыслей меня спас Киану. Внезапно он остановился посреди улицы и поднял руку.

— Смотри, — сказал он, указав на красивый дом, нет, на самый красивый дом во всем Сиднее. — Седьмой этаж.

И мне снова захотелось смеяться и плакать от счастья. Я не выдержала, обхватила его плечи и порывисто поцеловала. И казалось, что все так прекрасно, но внезапно... даже сквозь закрытые веки я ослепла, порывисто оттолкнула Киану и уставилась против дальнего света машины. Дьявол, я знала, кто о своем присутствии заявляет именно так.

— БЕЖИМ! — истерически завопила я.

И я бросилась прочь, увлекая за собой Киану. Мы свернули во дворы, путаясь и пытаясь потеряться в местах, где машине не проехать. Детские площадки, щелки между зданиями. Я старалась избежать сети застройки. И если раньше я окрыленной бабочкой порхала над асфальтом, то теперь меня словно бетонной плитой придавило, каждый шаг был подобен пытке, каблуки стали слишком высокими, собранная сумка — слишком тяжелой. Но инстинкт самосохранения гнал вперед, я была уверена, что мы убежим, скроемся... и эта уверенность сохранялась ровно до тех пор, пока мы не оказались в тупике. И что теперь? Оставалось только затаиться и мечтать, чтобы Шон нас потерял. Возвращаться было опаснее. Мы бежали долго, казалось, вечность, он не должен был нас обнаружить слишком уж легко. Ждать. Осталось только ждать.

— Это был он? — отдышавшись, спросил мой мальчик.

— Это был он.

— Он псих?

— Он псих.

— Что дальше?

— Он нас не найдет. Как ему нас найти?

Но мои последние слова потонули в реве двигателя мазды RX7. Машина неслась ровно на нас. Бежать было некуда. В двух метрах от стены сработала система антиблокировки тормозов, хотя я была уже уверена, что он проедет по нам. Да у меня чуть сердце не выскочило! А Шон преспокойненько вышел из машины. Его фигура потонула в слепящем свете фар. Рассмотреть выражение лица стало невозможно, а мы, напротив, оказались как на ладони, испуганные и жалкие. Я заставила себя расправить плечи.

— Как ты нас нашел? — набросилась на него я. Старая, как мир, истина — лучшая защита — нападение.

— По GPS, конечно. Хочешь от меня сбежать — выбрось все электронные устройства, — буднично сообщил мне Картер. Судя по голосу, он не злился вообще...

Я застонала. Ну надо же было оказаться такой идиоткой. Телефон. Конечно, он мог нас отследить в два счета.

— Садись в машину.

— Нет.

— Мне казалось, мы договорились, — протянул он задумчиво.

— Я готова столкнуться с последствиями, — вздернула я подбородок, старательно скрывая дрожь в руках и коленях. А Шон даже язвить не стал:

— Нет. Вы оба не готовы. — Я посмотрела на Киану. Он выглядел вполне уверенным: зубы сжаты, подбородок вздернут. Но Шон даже не попытался пререкаться с парнишкой, он обратился только ко мне. — На что вы собираетесь жить, Джоанна? На деньги его папочки? Что еще у вас есть? Какие перспективы? Ты отказываешься от блестящего будущего, которое совсем рядом, стоит руку протянуть. С ним ты станешь посредственностью, будешь работать за гроши, и всегда вздрагивать при слове ПАНИ. Сказать, что с тобой станет через несколько лет? Ты обвинишь во всем мальчишку, ты никогда ему этого не простишь. А учитывая, что я сдержу угрозу и подам иск, его юридическая карьера пойдет ко дну не успев начаться. Хорошо, допустим, вы и ею рискнете, и его папочка поможет, его пристроят, вас спасут. Но, как думаешь, кого во всем обвинят родственники? Тебя, конечно. Таким образом, отношения у вас не сложатся. И, со временем, мальчишка от тебя тоже отвернется.

— Обычные люди не настолько бессердечны, Картер.

— Чушь! Бессердечны все. Вопрос только в степени закалки. Ни он, ни ты ничего не видели. Вам этих испытаний просто не вынести.

— Да что ты говоришь! С тобой, поверь, я дерьма наелась столько, что на всю жизнь хватит! — всплеснула я руками.

— А что я такого страшного с тобой сделал, Конелл? Изменил? Окей. Ты мне тоже. Чтс дальше?

— Ты преследуешь меня, угрожаешь, ты...

— Ты пыталась меня убить. — Упс, а больше и сказать-то было нечего. — Разница между нами в девять лет и том, что я волосы не обесцвечиваю.

— Вот это чушь! Именно в этом самом месте чушь. Мы абсолютно разные. В отличие от тебя у меня есть друзья. И я умею любить!

— У меня не так много друзей, но они есть. Не с одним ли из них вы так чудно спелись-станцевались? А что до любви. Не смейся меня. Настоящая любовь бывает только в книгах. Только в сказках она неоспорима и всесильна. А в жизни таковой ее может сделать разве что характер. Само по себе это чувство не более чем огромная роскошь, доступная только тем, у кого все действительно хорошо. Это растение, возвращенное и взлелеянное в тепличных условиях. От малейшего холодка погибает. Хочешь не бояться за жизнеспособность своего романа? Сначала сделай так, чтобы тебе было что есть, где спать и на чем стоять. Другая девушка могла бы принять ситуацию, как она есть. Поставить отношения выше всего, смириться и довериться. Но не ты. Не с твоими амбициями. Ты просто цепляешься за собственную нормальность и адекватность, а на деле...

— Это неправда! — выкрикнула я. Как у него получается демотивировать всех вокруг? Умеет же гад находить слова!

— Отлично, Конелл. Докажи. Меня можно переубедить, я свои ошибки признавать умею. Первая в том, что я недооценил степень твоей мстительности. Признаю, ты просто монстр в юбке. И все потому что морально измываешься не только надо мной, но и над собой тоже. Ты готова терпеть что угодно и мучить себя, для того чтобы и меня задеть тоже. Вторая — ты была права, — Клегг как руководитель для тебя предпочтительнее. Я больше не буду препятствовать вашему воссоединению. Напротив, поспособствую в организации проектов, которые будут сочетать в себе и параллельное программирование, и защиту информации, раз уж семестр ты начала под началом моей кафедры. Я оказался слишком упрям, чтобы это признать. Согласен. — Он тряс прямо у меня перед носом такой вожделенной конфетой. От угроз к откровенному заманиванию... и снова к угрозам, ведь в свете фар, от которого слезились глаза, я увидела, что он достал телефон и начал в нем что-то искать. — Но у тебя есть возможность переубедить меня и в третий раз тоже. Сейчас я набираю номер юриста, и вы имеете дело со всеми последствиями собственного выбора. Ну что, готова бороться за свою любовь до последнего?

Я никак не могла понять, блефует Шон или нет...

— Не слушай, — сквозь зубы процедил Киану. — Он ничего нам не сделает. Или мы подадим иск о преследовании.

А я стояла и не знала, что делать. Я чувствовала на себе взгляд Шона, но не видела выражения лица. Не понимала, серьезно ли он говорит...

— Возможно, — прошептала я Киану, а он:

— Я хочу на тебе жениться, Джо! Пожалуйста, только не слушай. Мы сможем. Все, что

захотим.

Свадьба? Мне нужна красивая свадьба, с пышным платьем и толпой гостей, чтобы каждый говорил, насколько я прекрасна, чтобы папа, улыбаясь, вел меня к алтарю. Я же барби. Нет. Это мой день, и я его никому не отдам! Я не согласна по-тихому расписаться от отчаяния! А именно это предлагал мне Киану. С самого начала наши отношения были продиктованы действиями Шона. Сначала его изменой, затем его незримым присутствием, от которого мы старательно прятались, затем — авторитетом в университете, и, в конце концов, он заставляет меня выбирать здесь и сейчас, ломаем ли мы с Киану жизни друг другу... Мы встретились слишком не вовремя, слишком рано...

— Мы все сможем. Я знаю. — Я повернулась к Киану, и обхватила его лицо руками, заглядывая в глаза. — Я знаю.

Сначала он заулыбался, но затем понял, что все не так просто.

— Поодиночке мы можем все на свете. Я стану ученым. Ты станешь блестящим адвокатом. Просто это не наше время. На что ты собрался устраивать свадьбу?

— Громкая церемония нам ни к чему.

— И дети. И дом. Все ни к чему, когда ты не можешь себе этого позволить. Вспомни, я уже говорила. Я не хочу выходить замуж только потому что вынуждена это сделать. Просто мы встретились не вовремя.

— Нет, этого просто быть не может. Джо! Ты издеваешься? Знаешь, как юридически называется то, что он делает? Шантаж и преследование!

Но я закрыла его рот поцелуем. Последним. А затем повернулась к Картеру:

— Ты доволен? — И сделала несколько шагов ему навстречу. Киану же просто стоял позади и задыхался.

— Разумеется, — вежливо кивнул Шон и распахнул для меня дверцу машины.

Внутри меня что-то болело так, как еще никогда в жизни. Словно от меня оторвали некий кусок, под которым обнаружилось нечто воистину страшное. Правда, например. И бары, полные смехом и парочками, теперь казались параллельной реальностью. Чудовище снова заперло в клетке девушку, но совсем не красавицу. Оно вытащило из нее все худшее, до чего вообще ухитрилось добраться. Заговаривало, угрожало, соблазняло... а девушка больше так не могла...

Если бы, ах если бы мы с Киану встретились хоть годом позже, все сложилось бы иначе. Меня тогда уже некоторые знали. И я что-то знала. Что-то значила. У меня была возможность уехать в Мельбурн и снять там общежитие... У меня было даже место на кафедре параллельного программирования. Но в тот момент мы с Киану были слишком юны и зависимы. Он — от родителей, я — от Шона и места в университете имени семьи Картер.

Когда мазда остановилась в гараже Шона, я обернулась к нему:

— Я не уйду с Киану, Шон, но я не стану жить с тобой. Я даже видеть тебя не могу, — прохрипела я. — Я собираю вещи и ухожу.

Я выскочила из машины и бросилась к выходу. Однако Шон схватил меня за запястье и дернул к себе, на мгновение я оказалась окончательно дезориентирована, а когда поняла, что происходит, обнаружила, что распластана прямо на капоте мазды. Топ сильно впился в тело, а затем раздался звук рвущейся ткани. Я вскрикнула от боли и неожиданности, а Шон уже взялся за пояс моих джинсов.

— Твое нежелание на меня смотреть, Конелл... неочевидно. Не ври ни себе, ни мне.

Его поцелуи были такими грубыми. Но именно этого мне не хватало. Я хотела наказать Шона. Причинить боль, заставить пожалеть, обрести пусть подобие, но контроля. Я укусила его губу и начала насильно вытягивать кровь из ранки. Однако ее соленый привкус только больше раззадорил. Я с силой впиалась в его грудь ногтями, и застонала от удовольствия, когда Шон зарычал. Он опустил голову к моей ключице, прижался к коже и сильно провел щекой по шее вверх, оставляя после себя красные борозды. А потом, точно так же, как я, слизнул кровь. И вдруг без предупреждения ворвался в мое тело. Но, против всякой логики, я застонала от удовольствия. Я скучала по нему больше, чем осмеливалась себе признаться. И он, кажется, тоже. Мы кричали так, что, думаю, ни у кого из соседей не осталось на наш счет иллюзий. Только ничто не имело значения. Я ведь хотела заставить Шона признать, что тоже имею над ним власть, что погрязла в этом кошмаре не одна, а с ним. Я отказывалась тонуть в омуте отчаяния в гордом одиночестве!

— Что же ты, Картер, бегаешь за своей пустоголовой и ни на что не годной блондинкой? Или, может, проблема в том, что для одного занятия она очень даже подходит, и это выносит твой компьютерный мозг? Отвечай! — крикнула я, намеренно расцарапывая ему спину.

Внезапно он с пугающей легкостью подхватил меня с капота и пришил к кирпичной стене. Швы кладки больно впились в спину, я обо что-то ударилась плечом, а полки накренились, и с них посыпались какие-то вещи.

— Мне нравится видеть, как она раз за разом ломается и сдается на милость собственной алчности и порочности. Я хочу увидеть, как она продаст и предаст всех и вся за свои желания. Я хочу, чтобы она разглядела, наконец, саму себя, — хмыкнул он. — И признала, что нас возбуждают одни и те же вещи и качества. Или, может, милый мальчик Киану доводил тебя до потери сознания в грязном гараже?

— Ты отвратительный ублюдок! — зарычала я и больно укусила его в плечо.

— Спорю, ему даже в голову не могло прийти запачкаться подобным образом. Без гребаных чистых комнат он никто.

— Заткнись! — заорала я.

— Сама заткнись. Если можешь, конечно!

Его слова были в тему, потому что именно тогда я закричала от удовольствия и снова впиалась зубами в его кожу. Эгоистично, ни о чем вообще и ни о ком вообще не думая. Именно это он мне всегда и предлагал, и именно ради этого все делал: он хотел свести наши отношения к чистому использованию друг друга, без романтической чепухи и поправок на мораль и нравственность. Иногда я спрашиваю себя, не для того ли, чтобы отбить последние романтические иллюзии, Шон изменил мне с Пани. С этого расчетливого подонка ведь станется!

Некоторое время мы с Картером приходили в себя после случившегося. Молча. А затем я встала, натянула рубашку Картера и направилась, наконец, в дом. Он последовал за мной. Мой макияж был размазан, волосы чуть ли не дыбом стояли, а на коже шеи и груди виднелись и красные царапины от щетины. Шон выглядел ни капельки не более целомудренно: прокушенная губа, множественные укусы на плечах и борозды от ногтей на спине.

И, к моему ужасу, в коридоре нас дожидался Алекс. Стало ужасно стыдно, я уже было прошмыгнула мимо, опустив глаза к полу, однако остановилась и обернулась, услышав злые голоса. Алекс что-то прошипел, Шон очень насмешливо ему ответил, а после... в общем я не

понимаю, как такое возможно, но весьма худенький парень врезал моему Картеру, да так, что тот рухнул на пол. Я понятия не имела, что станет делать Шон, но он просто что-то сказал, и Алекс побледнел.

— О чем вы? — спросила я раздраженно.

Ответил мне, разумеется, Шон.

— Говорю, что собственные проблемы в личной жизни не дают ему права портить мою. Не думал же он, что мы сядем рядышком, достанем бутылку, две стопки и поплачем о том, что ты ушла, а мир несправедлив. Это не мой метод. Только его.

Мне стало дурно. И он это сказал Алексу в лицо? Господи, как после подобного можно сохранить дружбу? Даже в самых гадких мыслях я не думала ссорить Алекса и Шона! Эта связь делала Картера чуточку меньшей сволочью. А пока я размышляла о неправильности происходящего, Алекс схватил меня за локоть и на кривом английском объявил, что этой ночью Шон может меня искать в его, Алекса, спальне.

И вот так я оказалась там, где оказалась. Я плакала, а Алекс меня успокаивал. Но мне было так стыдно за свой внешний вид, что я даже не посмела в глаза ему посмотреть. Я не из тех, кто спокойно воспринимает публичное проявление чувств.

Утром следующего дня в доме никого не оказалось. Мне это было на руку, я приняла душ и позавтракала без злых взглядов и выяснений отношений, но когда налила кофе, услышала счастливый собачий скулеж и подошла к окну. Шон, Алекс и Франсин гуляли во дворе. И, кажется, никто ни на кого не злился. Я даже улыбнулась. Против всякой логики я обрадовалась, что они не дулись друг на друга. Но еще больше — тому, что вся левая половина лица Шона заплывла чудеснейшей лиловой гематомой.

В какой-то момент я вдруг задумалась, как так получилось, что с ним это сделал Алекс, а не Киану? Это должен был сделать мой мальчик. О, я не из пацифистов. И не из гуманистов. Я верю, что мы, женщины, заслуживаем того, чтобы за нас дрались. И если судить по битве Шона и Киану, я просто обязана была достаться первому. Все верно. А учитывая, сколько гадостей я натворила и как испортилась за время битвы с Шоном, учитывая, сколько сил отняло противостояние, пора было ставить жирную точку. Пусть прошлое останется в прошлом.

Пока я собиралась в университет, старательно прикрывая одеждой все следы вчерашнего гаражного безумия, Шон и Алекс расположились на кухне. И я просто не смогла пройти мимо — подошла к Картеру, схватила его за подбородок и осмотрела гематому, а потом прошептала:

— Это определенно перелом. Сходи к доктору, Картер. Если ты хочешь продолжать меня иметь, оставайся красавчиком. Ты мне оставил не так много радостей, хотя бы эту позволь!

Уверена, Алекс не услышал ни слова. А вот Шон понял все и как надо и, судя по выражению лица, очень удивился. Ну-ну, то ли еще тебя ждет, дорогой!

Забегая вперед, скажу, что в тот памятный вечер на капоте мазды остались явственные вмятины, но Картер не только не стал их выправлять, напротив, иногда рассматривал и с явным наслаждением ухмылялся собственным мыслям. Только спустя время я узнала, что именно в этом зрелище его так забавляло.

Четыре с половиной года назад

— Сиди в машине, я забегу в старбакс за кофе и пончиками, — сказала я.

— Только быстро, — буркнул Шон в ответ.

Я припарковала машину около старбакса в доме, который давным-давно нашел для нас Киану. Поначалу появляться в этом районе было больно, но со временем зажило. Разумеется, я вспоминала, и бывало чуточку горько, но... забылось. Потому, я без задних мыслей выскочила из мазды, побежала к старбаксу, отстояла очередь, купила два кофе и шесть пончиков, а затем выскочила из дверей и чуть не столкнулась с какой-то парочкой. Пакет с пончиками выскользнул, но мужские руки не позволили им упасть. И, еще не решив, что нужно делать сначала — извиняться или благодарить, — я вскинула голову и уставилась точно в глаза Киану.

— Ох, Джо... — выдохнул он.

— Киану, — пискнула я. — Ах, спасибо, ты меня спас. Буквально. И... извините за это. Я слишком торопилась.

Я стрельнула глазами в сторону спутницы Киану. Миловидная блондинка. Очень симпатичная.

— О, простите. Это Джессика, моя жена, — спохватился Киану. Ни о чем не подозревающая девушка мне улыбнулась, и я ответила ей тем же, хотя эта новость, мягко говоря, удивила. — Это Джоанна. Давняя знакомая.

— Очень приятно, я бы пожала руку, но... — и показала весь свой багаж.

— Ничего страшного. Тоже очень рада, — отмахнулась Джессика. — Кстати, ты ведь американка? — улыбнулась Джессика. — Откуда?

— Миссисипи, — закивала я, сглатывая горечь. — А ты, полагаю, из Джорджии? — Повторюсь, я хороша в диалектах. Папа охотно делился со мной наблюдениями с самого детства, а он очень много где побывал.

— Угадала, — улыбнулась мне Джессика. Повисла короткая неловкая пауза, но почему-то я не хотела взять и уйти вот так сразу, не поговорив.

— Рассказывай, как у тебя дела, — потребовала я у Киану.

— В прошлом году я окончил университет. Работаю в фирме отца. Вчера выиграл свое первое дело. Твоя очередь.

— Окончательно отказалась от защиты информации. Написала цикл статей для диплома. Прошное лето провела в Мельбурне. Помнишь, на семинаре я встретила двух престарелых профессоров? Они обо мне грезят. Но Мельбурн мне никогда не нравился, и после защиты я собираюсь вернуться Штаты. И, не сдаюсь, жажду получить предложение работы от Манфреда Монацелли, — притворяясь смущенной, проговорила я.

— Разве у него работают не только хакеры?

— Нет, не только. В смысле все, кто хорошо знают компьютеры, называются хакерами, но на Манфреда работают не только взломщики...

— Ааа... — повисла короткая пауза, и я поняла, какой вопрос сейчас прозвучит. — Ты... кхм... все еще с Картером?

И словно по заказу, за спиной у Киану и Джессики вспыхнул дальний свет. Комментарии излишни.

— Я не ушла от него, — несколько пристыженно вздохнула я и увидела, как к мазде Шона подошел коп. Видимо, дальний свет в сумерках на оживленной улице ему не очень понравился. Тогда Картер вышел из машины и протянул служителю порядка нечто, что явно являлось не правами, а потом направился к нам.

— Это он? Красивый мужчина, — улыбнулась мне Джессика.

— Да, наверное, — пожала я плечами.

— А здесь что делаете? — спросил Киану и поморщился, глядя на мои покупки, будто спросил первое, что пришло в голову, лишь бы не молчать, хотя ответ был и без того очевиден.

— Я пытаюсь накормить Картера, которого встречала в аэропорту, прежде, чем он вознамерится съесть меня.

Киану и Джессика засмеялись, решив, видимо, что я шучу (ну, конечно!), а Шон подошел ко мне и огрызнулся:

— Я, помнится, сказал, быстро. — И забрал у меня стаканчик кофе. Я опасливо и услужливо протянула ему и пончик тоже. Шон его настороженно оглядел, словно чего-то опасался, но взял.

— Знакомься, это Джессика. Киану, я думаю, ты помнишь. И Шон... Картер.

Разумеется, мой ректор даже руку им не протянул.

— Я просто счастлив и познакомиться, и освежить впечатления, но, Джоанна, ты знаешь, сколько часов разницы у Сиднея с Римом? Девять! А ты знаешь, сколько я времени летел? Двадцать девять часов! Если я сейчас же не окажусь около подушки и бутылки, я задую тебя, и сдохну следом.

Я тяжело вздохнула. Кажется, я предусмотрела не все пути летального исхода!

— Ладно, мы поехали потворствовать подрастающему алкоголизму. Может, еще увидимся.

Напоследок Картер смерил моего мальчика острым взглядом своих пугающих глаз и кивнул.

— Киану, — сказал Шон.

— Профессор Картер, — в тон ему ответил Киану.

Пока мы шли к машине, Шон поедая пончики, которые я только и успевала ему протягивать. Случайные, случайные, случайные встречи. От них никто не застрахован. Я бы хотела поговорить с Киану подольше, но вместо этого вынуждена была ехать прочь, скрываясь в потоке машин. Это был мне урок на тему «жизнь не стоит на месте». День сурка длился только у нас с Шоном, ведь мы оставались вместе снова и снова. Вопреки всему.

Только мы добрались до дома, Картер рухнул на кровать как подкошенный. И закрыл лицо подушкой. Он в то время часто летал, и во избежание откусывания головы я разработала план действий. Принесла ему оставшиеся вкусности из старбакса, а также бутылку бренди, пачку аспирина, стакан воды и минералку, на всякий случай. Этот джентльменский набор означал, что я собираюсь оставить его на целый день. Затем я села рядом и стала стягивать с него рубашку, туфли и брюки. Он не сопротивлялся. Полагаю, он не смог бы при всем желании.

— Конелл, — вдруг хрипло произнес он. — Ищут человека, который взломает Пентагон. — Я замерла. — Если это случится, меня могут начать прессовать ФБР. И тебя тоже. — Я задумчиво укрыла его одеялом, а вслух сказала только:

— Ты, главное, его не трогай. — И губы Шона дрогнули в полуулыбке.

Навряд ли мой ответ был адекватен, но я не могла сейчас вести подобные разговоры. Я вообще едва обратила внимание на его слова. Взломать Пентагон? Вот ведь замахнулись. Это же решительно невозможно! Не поверила я ему, короче.

К тому же, после встречи с Киану все казалось таким далеким, ведь Джессика, миссис Киану Уоллинг, была блондинкой, американкой, южанкой. Но у нее не было и никогда не

будет ямочек на щеках. Но так ли это важно, ведь вместо них у нее Киану. Больно ли теперь, подумала я, поворачиваясь к спальне Шона. Дверь была закрыта, но больше не казалась отталкивающей. Нет, мне не очень-то хотелось уйти. Несмотря ни на что, привыклось.

Глава 17

Час икс

Настоящее время

Мы с Леклером встречаемся глазами, и страх буквально парализует. Это мой выход. И теперь все зависит от того, насколько провидение ко мне лояльно. А Бабочки останавливаются и начинают оглядываться на меня. Чувствую себя так, будто переборщила с лаком для волос, и теперь кожа головы вся болит и пульсирует.

— Доктор Конелл, — говорит Леклер. — Ваша посылка очаровательна. Фрезии, розовая помада на диске. Зная вашу подозрительность, я осмеливаюсь предположить, что копии материалов вы рассовали по всему отелю, парочку закопали на пляже и одну запрятали в корсаж.

— Разумеется, — фыркаю я.

— Это просто фантастически глупо, — закатывает глаза Леклер. — Что ж. Манфред Монацелли, вы арестованы по подозрению во взломе Пентагона, — буднично произносит агент. И мир начинает сходить с ума. Все как-то странно замедляется. Карина вскрикивает от удивления, Такаши прижимает руки к губам. Они даже не догадывались. Марко вопит и рвется к Леклеру в попытке отбить у него отца, но Шон обхватывает его за пояс, и агент беспрепятственно защелкивает на руках Манфреда наручники. Однако тот смотрит только на меня и улыбается. Как-то жутко, словно он действительно сошел с ума. Эта психопатическая улыбка вышибает воздух из моих легких, нервы не выдерживают, непроизвольно отступаю на шаг, но слова Леклера приводят меня в чувства. Те самые жуткие слова:

— А теперь, доктор Конелл, расскажите-ка мне, как вы получили эти данные.

Спокойно, Джо! Давай, ты репетировала, только не переборщи! И, не моргнув глазом, начинаю врать.

— В Риме, конечно, — по возможности легкомысленно пожимаю я плечами. — Отсутствие алиби, кража именно карт... да все указывало именно на Монацелли. Ну, кроме того, что он не мог это сделать. И когда мы приехали в Рим, я, — глубокий вдох, — сказала сеньору, что либо это он, либо его сын. В конце концов, не просто же так последний оказался в психиатрической клинике...

— А при чем тут алиби? — желчно интересуется Леклер. — Они неочевидны. Как минимум два из них — выглядят не иначе, как совпадение.

— В смысле?

— В смысле Картер и Марко...

— Марко могла бы подставить девица, а Картер... это очевидно. Он же Картер.

— Да, это присяжным будет очень просто объяснить эту фразу!

— Слушайте, агент, вы меня сюда из Штатов силком загнали ради чего? Ради убеждения присяжных? Картер здесь, и я его знаю. Зачем было тащить на Сицилию его обиженную бывшую подружку, если вы хотели, чтобы она судила объективно? До меня у вас не было ничего, со мной появилось хоть что-то, а то, что я рассуждала, как умею, ну простите! — Раздраженно откидываю волосы, но, кажется, каждый присутствующий видит, как дрожит моя рука. Это я зря! — Вот и Кристофер думал так же: поставьте бутылку перед алкоголиком, и он ее выпьет, поставьте перед Картером Джоанну Конелл и ждите, он

психанет. — Шон гневно на меня зыркает. Ну-ну, еще скажи, что я вру. — Так вот. Я рассказала Монацелли о своих подозрениях, он, как я и рассчитывала, испугался. — Чувствую, еще парочка слов, и Манфред согнется от хохота! Его психопатическая улыбка с каждым моим словом все ширится. — Он просто отдал мне записку. Я, так сказать, пошла ва-банк. Но это сработало. Оказалось, что алиби Марко не должно было рассеяться как дым. Ну и все...

— Вот так просто? — умиленно говорит Леклер.

— По-вашему это просто? Мне просто не было! — возмущаюсь я и пытаюсь принять вид оскорбленной гордыни. — Это, между прочим, было очень тяжело. Психологически, разумеется. Он же человек, который является, фактически, покровителем всех программис...

— Хватит! — обрывает меня агент. — Келлерер!

Зовет он, и из-за дверей появляется Эддисон. В руках у нее талмуд с кодами, в глазах — раскаяние. Внутри моего мозга проносятся все ругательные выражения, какие я слышала в своей жизни.

— Что это? — шепотом спрашивает Карина. Интуиция — штука чудесная, но не сегодня и не для нее.

— Это коды ваших взломов, которые доктору Конелл не удалось от нас скрыть, — торжественно сообщает Леклер. — Я сразу предположил, что эта мнительная особа будет прятать доказательства, оставалось их только найти.

И все взгляды обращаются ко мне. Спорю, я бледна как полотно. Но Карина все равно зеленее. Мир вращается, земля качается. Мой фарс был обречен с самого начала, как только я спрятала папку. Я идиотка. Нужно было ее отдать или уничтожить, но ведь я девочка запасливая! Мне хочется пойти и удариться головой о стену. Несколько раз. Леклер настоящий подонок, то-то он был таким тихим! Я невольно бросаю взгляд на Шона. На его лице маска абсолютной невозмутимости. Я ничего не выиграла своей ложью, кроме, может его неприкосновенности... И я делаю новую попытку спасти оставшееся.

— Это доказывает, что Монацелли мог...

— Это доказывает, что вы сокрыли улики, доктор Конелл!

— И непосредственно к делу не относится. Доказательства у вас уже есть и...

— Лучше расскажите, когда вы шантажировали Монацелли, где все это время находился Шон Картер? — Вот этот ублюдок и добрался до последнего оплота!

— Рядом со мной, — отвечаю я по возможности легкомысленно, будто в этом ничего странного вообще.

— Вот как! — умиляется агент.

Но у меня в горле так сухо, будто наждачкой прошлись. Все идет не так, все! Он прикопает не только моего отца, но и всех Бабочек, и мою голову сверху повесит, дабы неповадно было!

— Материалы у меня, все у меня, что должен был сделать он? Врезать мне, отобрать улики и вылизать ваши новые погоны? Он всего лишь расставил приоритеты и предпочел повышению одного неблагодарного агента жизнь моего отца!

Как там говорится? Эффект разорвавшейся бомбы. На меня оборачиваются и Карина, и Марко, и Такаши... Все смотрят. Вот сейчас самое время плакать. Давить на жалость и Леклера, и всех остальных. Авось проникнутся. Но я снова не могу выдавить ни слезинки.

— Черт... — шепчет Пани, и я чувствую, что скорее расчувствуется она, чем я. Прекрасно!

— Только к ней он приплюсовал еще и компанию Монацелли. Как удобно, вам не кажется?

— Удобно? Простите, но я вообще не понимаю ваших слов! — нахожу я брешь и бросаюсь в атаку. — Манфред в большом долгу перед Бабочками за то, что он с ними сделал. Он навлек на них вас и вам подобных! После такого подарить им приличное руководство — его прямая обязанность. Так что я не вижу несоответствий!

— И так удачно совпало, что вы оказались там все вместе! Прелесть! Доктор Конелл, вы хоть представляете, насколько очевидно покрываете Картера?

Все, он меня взбесил окончательно! Я всплескиваю руками и выдаю самую честную тираду за весь вечер:

— Если мы играем в игру «посади Картера и выиграй плюс одну жизнь папе», я напишу заявление тут же. За преследование, за причинение физического вреда, подпишу кучу бумаг о переходе в непопозволенном месте и превышении скорости, но ровно столько, сколько знаю. Я отказываюсь безосновательно потакать вашей ненависти. Мне сказано было отдать вам того, кто взял Пентагон. Это сделал Манфред Монацелли. Не Шон Картер. Что вы хотите от меня? Лжесвидетельство? — Я делаю к нему два шага и смотрю глазами, которые и каменную статую могли бы разжалобить. Здесь бы снова не помешали слезы, да побольше, но их нет. Промакиваю пальчиками внутренние уголки глаз, надеюсь лишь на то, что Леклер отсутствие слез с расстояния не рассмотрел. — Послушайте, я ничего, ничего больше не знаю. Допрашивайте меня сколько угодно, делайте, что хотите... но ходатайствуйте за моего отца, прошу.

— Это не мне решать, доктор Конелл. Моя подпись у вас уже есть. Все зависит от полковника.

— Да, полковник, я знаю. Но вы можете с ним говорить, это он меня вам на растерзание отдал.

— Доктор Конелл, я верю, что ваш отец человек хороший и жертва обстоятельств, как и вы. А потому дружеский вам совет: будьте в суде более убедительны, чем сегодня. До встречи, — он отступает к двери и тянет за собой Монацелли, но тот не позволяет себя увести.

— Пойдите, — говорит он. — Дайте мне хотя бы пару слов сказать своему потенциальному убийце.

Мгновение Леклер колеблется, но все же позволяет Манфреду подойти ко мне. Тот останавливается достаточно близко, чтобы больше никто его слов не услышал.

— Лучше бы вы рассказали то, что наплел вам обо мне Картер, доктор Конелл, — хмыкает он. И мне становится страшно. — Прикрывая его, вы здорово подставились.

— Вы виноваты. Остальное неважно, — резко говорю я.

— Да. Виноват. Но и Картер не без греха, правильно? — ухмыляется Монацелли. — Просто вы отказываетесь это замечать, ведь вы так очевидно влюблены в него. — У меня расширяются глаза. Что?! — Девушки, которая утверждала, что жаждет его смерти, больше нет. Что вы творите? Вы навредили и отцу, и себе, и Бабочкам ради мужчины, который умеет о себе позаботиться лучше, чем кто-либо из здесь собравшихся. И вы это знаете, но поступаете как влюбленная дурочка, Джоанна.

Он неправ. Да не может такого быть! Это же смешно. Нет, конечно нет. Или да? Тогда, в Риме... я же подумала, что не смогу посадить Шона... И здесь ради него солгала. Это же бред. Это просто абсурд... Или нет?

— Чуть собачья! — выкрикиваю я в ответ на собственные мысли, но Монацелли лишь смеется.

— Как угодно, признавайте или нет, свой выбор вы сделали, теперь моя очередь. Так вот вашу сказочку я в суде не признаю. Тонуть так вместе. Я уже говорил и повторю: Бабочек я этому ублюдку не отдам. — А затем Монацелли поворачивается и добавляет: — Удачного управления крылатыми, Картер. Вот увидишь, это совсем не просто.

Ему говорят шаблонную фразу о молчании и адвокатах, уводят и запихивают в уже подогнанную машину. А это значит что? Правильно, пока всякие хакеры приходят в себя, надо сваливать. Ведь я же так, черт возьми, всех подставила. Скидываю туфли и бегу к стоянке такси с такой скоростью, будто за мной гонится рой опаснейших насекомых планеты — Бабочек Мо... нет, больше не Монацелли, Картера. Вообще я бегаю быстро, но не в вечернем платье! И не босиком, когда каждый новый шаг обжигает ступни болью. Шпильки пружинят от кудряшек, в которые завиты мои волосы. Одна отлетает, вторая, и вот уже золотисто-розовые завитки щекочут голые лопатки. Должно быть, я представляю собой то еще зрелище! Только замечаю желтые машины с шашечками, запрыгиваю в ближайшую.

— В отель, срочно! — восклицаю я и запускаю руку в лиф платья, где припрятаны на черный день сокровища Алладина. Купюры, которая мне попадается, хватило бы на целый перелет до отеля, да еще и первым классом, но копать в собственном бюсте в поисках банкноты меньшего номинала нелепо. Доставать деньги из столь эксцентричного места нужно либо театрально, либо никак. Зато эффект потрясающий, таксист буквально срывается с места, словно я его снабдила парочкой баллонов закиси азота, и мои сожаления пропадают под гнетом спонтанной радости от осознания, что Я ВОЗВРАЩАЮСЬ В ШТАТЫ! ОДНА! И плевать на суд, и плевать на все. Преступник пойман, мой папа будет помилован!

Помните, помните я говорила, что хуже двойного хлопка дверью машины может быть только зажимание ею юбки? Так вот зажимание ею юбки от шикарного платья еще хуже. Ну почему я не вальжная и роковая? Даже из такси не могу выйти достойно. Угу, достойно выйти с полуразвалившейся прической и растекшейся тушью, без туфель, с дырами на чулках. Только Джоанна Конелл может рассуждать подобным образом. Утешает лишь то, что никто, кроме таксиста не видел, а надо торопиться, надо сваливать отсюда, пока никто меня за содеянное не пришиб! На сплошном адреналине я на всех парах влетаю в холл отеля и оглядываюсь в поисках не знаю чего, очередной катастрофы, наверное. И, о небо, вот же она! Около стойки администратора обнаруживается знакомая спина с военной выправкой.

— ПАПА?!

— Ох, Джо! — оборачивается он и радостно улыбается. Глаза администратора становятся квадратными от понимания, кому этот милый мужчина приходится отцом. Милый и такой наивный, что пристрелила бы его на месте! — А мы тебя ищем...

— Я догадалась! — ядовито сообщаю я. Только... стоп... мы?! Перевожу взгляд левее — а там мама и Брюс. Сидят себе преспокойненько в креслицах, моргают недоуменно. Сюрприз, чтоб мне провалиться на месте! Полный комплект! Мне становится плохо, корсет лишает остатков кислорода. Соображать все сложнее. Но претензии сформулировать я все-таки пытаюсь! — Тебе нельзя, нельзя было покидать Штаты, па!

— Почему? — искренне удивляется он.

— Да потому что теперь ты беглец! — Отец бледнеет, а я хватаю его за руку. — Я же нашла преступника, сдала его агентам, но зачем, зачем ты покинул Штаты?! — Чертов

корсет, снимите его кто-нибудь с меня, из-за него мне в тысячу раз хуже, чем могло бы быть.

Мама встает с места, чтобы отчитать меня за неподобающее поведение, неподобающий внешний вид... да все неподобающее! Но в этот момент дверь отеля открывается, и входят хакеры. Да, верно, они же на машине Шона. Им бежать квартал не пришлось. И копаться в лифах тоже. Я с трудом подавляю желание спрятаться у папы за спиной, а лучше залезть с головой под пиджак. Пусть спасает. Однако, проблемы с этим трио (правильно, ни Марко, ни параллельщика) только у меня. Маме и Брюсу невдомек, что происходит нечто из ряда вон выходящее.

— Джоанна! — начинает Карина совместно с Брюсом, который бросается ко мне и заключает в объятия. Разумеется, Пани недоуменно замолкает. Какой бред!

— Стоп... что, вы сказали, здесь делаете? — спрашиваю я у отца, сноровисто уворачиваясь от поцелуев своего как бы бойфренда и зажимая его рот ладонью.

— Выдаем дочь замуж! — торжественно восклицает мама вместо папы. Теперь смотрю на нее. Но происходит так много всего, что в моей голове все это просто не укладывается. — Ханна, дорогая, я так рада за вас! — Стоп, какое рада? Я разве уже согласилась? Или она согласилась за меня? Или кто вообще тут на что еще меня подписал без моего участия?!

— Вы вообще о чем? Какой замуж?! — восклицаю я и отпихиваю от себя Брюса. — Знаете кто вы? Вы сокрыватели преступника! Беглецы! — А я лжесвидетельница. Яблоко от яблоньки!

У мамы, однако, как всегда иное мнение на счет текущей ситуации. Типично женское.

— Милая, тебе плохо? — она подбегает ко мне и прикладывает ко лбу ладонь. Она не в курсе. И Брюс, думаю, тоже.

— Скажи уже ей! — кричу я на папу. Ой не стоило бы. Это так неприлично, но меня понесло, и остановиться уже никак. — Признайся, наконец, им обоим! Я вообще не понимаю, как ты мог сюда прилететь. Чем ты вообще думал?! И думал ли?

— Ханна! — словно маленькую ругает меня мама. Видимо, мои слова ей кажутся бессмысленным лепетом неразумного ребенка. — Не смей говорить с отцом в таком тоне!

И не успеваю я прийти в себя, как звучит:

— Джоанна, все хорошо, ты просто выходи за меня замуж... — И Брюс встает на колени. У меня в висках начинается болезненная пульсация. Это рвутся наружу остатки здравого смысла. Мне срочно нужна поддержка. Ну хоть откуда-нибудь! Поворачиваюсь к хакерам. Кажется, Карина и Такаши в таком же ступоре, как и я. Перевожу взгляд правее, вижу статую немого укора и презрения имени Шона Картера. Мда, оттуда поддержки тоже не предвидится. И перед Шоном мне почему-то так стыдно. А до Брюса все не дойдет, что отрететированная речь мимо кассы, и он продолжает: — Я понимаю, что ты уехала, но за время твоего отсутствия я все переосмыслил. Прости меня. Пожалуйста. Вот... — И чуть не в руку пихает кольцо.

Чувствую, что сейчас свихнусь окончательно. Меня накрывает паника, хватаюсь за голову.

— Прекратите, остановите это! Замолчите все! — Мир начинает вращаться, все стремительнее и стремительнее. Думать, надо просто подумать, я умничка, всегда была и теперь смогу! — Леклер, мне нужен Леклер, — вырываясь из рук Брюса, бросаюсь к администратору. — Где агенты?

— Они выписались сразу после вашего отбытия в ресторан, — чопорно отвечает он. Что? Как это? — Если вы спросите, велели передать, что у них заказан билет в Соединенные

Штаты. И самолет взлетает... — Он смотрит на часы. — Прямо сейчас.

— То есть как? — ахаю я. Выходит, Леклер знал все заранее? Знал, что я отдам ему преступника именно в это время?!

— Ханна, что происходит? — вопрошает мама. — Ты такая бледная...

— Ты выйдешь за меня замуж? Пожалуйста, Джо, хоть подай знак, что услышала! — никак не замолкнет Брюс.

А мне вот вообще не до этих воплей.

— То есть они улетели... И вы все здесь... И не поправить...

А затем мир окончательно переворачивается с ног на голову, и перед моими глазами почему-то оказывается потолок... и чернеет.

Я прихожу в себя медленно. Понятия не имею, где нахожусь. Небольшое помещение, на номер отеля не похоже, совсем мало места, из обстановки только телевизор, столик с тумбой, диван на котором я лежу, и цветок в горшке. Обстановка ни о чем не говорит. Голова раскалывается. Внезапно надо мной появляется взволнованное лицо администратора. Он передает мне таблетку и стакан воды.

— Как вы? — участливо спрашивает он.

— Где я? — спрашиваю я в ответ, голос звучит слабо и жалко.

— Это мой небольшой уголок отдыха. Я подумал, что вам стоит некоторое время отдохнуть от вашей гипербобщительной компании.

— И любой бы на вашем месте с вами согласился, — вздыхаю я. — Ох, сэр, единственное, что никогда не будет побеждено — человеческая глупость, — доверительно сообщаю я, при этих словах по моим щекам начинают течь слезы.

— Расскажите, что случилось. Полегчает, — советует он.

Некоторое время я сомневаюсь, стоит ли откровенничать с незнакомцем, который мне даже не нравится. Но в противном случае придется выйти и встретиться со всеми последствиями своих и чужих поступков, а я хочу максимально оттянуть этот момент. А потому начинаю рассказывать служащему отеля о том, как все испортилось.

Минут через сорок, наплакавшись на пару с новоприобретенным лучшим другом, я умываюсь, чуть-чуть привожу себя в порядок и выхожу к семье, Брюсу и Бабочкам, да-да тем самым ребятам, которые смотрят на меня так, будто сейчас кишки выпустят. А я вот их не боюсь! Сами гады! В попытке не допустить массового дурдома наподобие того, который случился чуть меньше часа назад здесь же и в той же компании, я беру инициативу в свои руки.

— Я в норме и готова разрабатывать новые планы спасения человечества, — сообщаю я торжественно и выдавливаю безмятежную улыбку, однако Картер лишь фыркает. — Разбираемся. Все и срочно! Полагаю, папа вам уже рассказал, что случилось?

Маму снова «включают»:

— Ох, да, Ханна, мне так жаль...

— МАМА, ОТЛОЖИМ ЭТО НА ПОТОМ! — я не в состоянии сейчас выслушивать все ее излияния. Для того, что растерять решимость у меня будет еще масса возможностей. А потому я поворачиваюсь к Брюсу. — Нет, я сейчас не могу думать о замужестве, но если ты все-таки настаиваешь на объяснениях, разговор будет долгим, детальным, неприятным и, главное, приватным! Дальше. Па. О чем ты вообще думал? Как я теперь докажу, что ты не бежал из страны? Теперь мне придется снова иметь дело с гадким и прилизанным

Леклером, который в Штаты еще часов десять лететь будет! А раз так, то тебе придется мне в этом помогать, потому что договариваться непосредственно с полковником я отказываюсь, этому мерзавцу ничего не докажешь! — А затем поворачиваюсь к Бабочкам. — Мне очень жаль, что так вышло, я не планировала отдавать агентам коды, я не планировала вас подставлять, но...

— Ты в порядке? — прерывает меня Пани, и я замолкаю на полуслове. Стою, вылупившись на нее. Мне очень повезло, что рот раскрыла она, а не Шон или Такаши. Полагаю, их мое самочувствие не заботит! И претензии они сдерживать не станут.

— Вроде да.

— В смысле мы не знали, что с тобой и твоим отцом так поступили...

— Прости, Пани, мне жаль тебя прерывать, но это правда лучше обсудить позже. Мне жаль по поводу Монацелли, я знаю, что вы все были с ним близки. Но, думаю, я поступила правильно. Его действиям нет оправданий.

— О чем ты? — хмурится Карина. — Разумеется, так и должно было случиться. Мы начали понимать, что что-то происходит, когда Шон стал прятать код в библиотеки, но такое... — Она замолкает. И мне тоже нечего сказать. — Ты не против, если мы подождем, пока не решится вопрос с Джоном?

Шон после такого предложения откровенно морщится, а я никак не могу уложить в голове, что за мое часовое отсутствие Пани и отец успели перейти на поименные обращения. Смотрю украдкой на Такаши, он, выглядит расстроенным, но, кажется, все-таки не собирается меня препарировать...

— Я так понимаю, Марко ушел? — меняю я тему.

— Да, — отвечает Шон. — И, учитывая его состояние, думаю, ему не помешает еще один сеанс терапии. Лично прослежу.

Мы с Картером встречаемся глазами, и я вдруг вспоминаю его слова о команде.

— Такаши, а вы почему молчите? — спрашиваю я, покаянно потупившись. — Я знаю, что поступила ужасно, и пойму, если вы со мной работать не захотите... — Мама на меня недоумевающе смотрит, знает, что за штучки я использую. Ханна-подлизка, так она меня называла, когда я практиковала на ней подобные приемчики.

— Джоанна, поверьте, это не проблема... — Тут же начинает разуверять меня он.

— Мне было бы очень горько, если бы из-за последних событий вы не смогли меня простить. Вы ведь помните, как мы познакомились? Именно вы меня надоумили уйти в параллельное программирование, — продолжаю я соловьем заливаться. Разумеется, ему приятно. Это малая компенсация за покалеченное самолюбие, но она есть.

— Очень рад слышать, — улыбается Такаши собственным ботинкам.

Однако, фырканье Картера сообщает мне что он думает по этому поводу. Мог бы и промолчать. Понятно, что без них с Пани ничего бы не было, но посторонним вовсе не обязательно вникать во все наши перипетии!

— Ну, позвоню Леклеру, — нарочито бодро сообщаю я и выхожу на крылечко отеля.

Но я не одна, за мной следует гиперзаботливая и вездесущая мама. Я и рада, и не очень. Я по ней скучала, и поддержка искренне любящего человека не может быть лишней, но она относится к числу женщин, которые полагают, что для леди торговаться недостойно... а в мои планы входит встряхнуть из Леклера душу, лишь бы заполучить пресловутое помилование! Иногда я очень жалею, что сама не такая, как мама, но еще я жалею о том, что реальный мир совсем не походит на тот, в котором обитает она! В ее реальности мужчина —

настоящий прекрасный рыцарь. Он с ней, он ее защищает. И ничуть не удивительно, что как только Зои Херроу исполнилось восемнадцать, она вышла замуж за Джона Конелла, за доброго, честного и самоотверженного военного. И то, что он не достиг высокого воинского звания для нее не беда, он уже герой, потому что заботится о ней. Ее мир прост и понятен. Ее не швыряли на журнальный столик, не отчитывали за испеченный пирог, не хлестали по щекам раз за разом за попытку понравиться...

Набираю Леклера. Сигнала нет. Звонок не проходит. Мрачнею, мне даже не сказали, что он вне зоны действия сети. В трубке тишина. Я пробую дозвониться до агента еще трижды, но ничего не выходит. По моим подсчетам они уже должны были долететь до Рима и включить телефоны, если ФБР вообще выключают их на время полета... Присаживаюсь на перила и сжимаю в ладонях мобильный. Не знаю, что там, на линии, случилось, но буду звонить всю ночь. И весь день. Пока не пробьюсь!

Заметив мое уныние, мама подходит ближе и сжимает плечо.

— Я даже представить не могу, через что тебе пришлось пройти, дорогая. Все мы, — говорит она.

— Спасибо, мам...

— Ты, главное, не переживай. Все получится, все разрешится.

— Все разрешается, мамочка, когда есть кому разрешать. И в моем случае это я.

— А что ты ответила Брюсу? Ты должна ему ответить. — БОЖЕ! — И чем скорее, тем лучше. — Другой проблемы в ее мирке, видимо, не существует.

— Мама, я не могу сейчас думать, как стану жить с человеком, который не вспоминал обо мне почти месяц. Я крутилась как белка в колесе, пытаюсь помочь отцу, а он ничего для меня не сделал. Ни-че-го! Он даже не звонил. Брюс опоздал, мам! Все кончено!

Выплеснув свое раздражение, я спрыгиваю с перил и возвращаюсь в отель. Однако, она не отстаёт.

— Ханна, образумься, что ты творишь? Тебе двадцать шесть, а ты все бегаешь от ответственности! — семенит она рядом. Эти двадцать шесть звучат как приговор, будто я уже пожилая и умирать пора! — Это неправильно, неестественно. Ты должна хотеть обзавестись семьей, любимым человеком. — Но я полностью ее игнорирую, по сей части у меня опыт наработан.

— Шон, звонок не проходит. Сигнала вообще нет. Что это вообще?

— Скорее всего, неисправность систем связи. Или отсутствие сигнала на высоте, — лениво отвечает он, поглядывая на маму. — Позвонишь утром, тебе все равно их не догнать. Сядь и успокойся.

— Вот видишь? — радуется мама. — Все ведь хорошо! Самое время поговорить с Брюсом. — На лице Шона появляется выражение о-господи-я-знаю-в-кого-она-пошла!

— МАМ! — Должно быть, я красная как помидор. Ладно бы она начала свою волюнку просто, так нет же, при Шоне, планета которого бытовых вопросов лишена напрочь! Область пересечения интересов Картера и моей мамы вопиюще пуста!

И тут, видно услышав ее слова, ко мне снова направляется Брюс. Хочется куда-нибудь спрятаться, лишь бы не продолжать все эти разговоры. Но он просто кладет руку мне на плечо и говорит:

— Они ничего нам не сделают. В конце концов, ты была на базе светилом. А Джон — уважаемый военный. Все будет хорошо.

Я улыбаюсь, но про себя вздыхаю. Какой же он наивный. Краем глаза замечаю, как

переглядываются хакеры. Они тоже не считают, что все так просто. Внезапно Карина делает какой-то хищный бросок и протягивает Брюсу фотоаппарат.

— Сфоткай нас, — говорит она. — Мы же должны запечатлеть момент, когда Джоанна к нам присоединилась...

— Нет! — восклицаем мы с Шоном хором.

— Бросьте, этот день нужно запомнить! Джо теперь Бабочка, Шон — новый сеньор Хакер. И все мы ждем приземления самолета ФБР. Теперь все будет иначе. Да и, в любом случае, очнитесь, господа, как бы то ни было, это же день окончания Пентагон-прессинга!

Кажется, эта мысль поднимает им всем настроение на десять пунктов. Черт, а ведь она права. Неважно, что мне не понять, у них праздник. Поэтому мы усаживаемся рядышком на диван, и только затем я вспоминаю еще об одной проблеме.

— Ох, я выгляжу...

— Как после битвы Титанов, — успокаивает меня Карина. — Это тебе за подножку!

И все-таки мне будет памятна эта фотка. Я заранее знаю. Просто потому что я давно мечтала присоединиться к команде Бабочек. Да и, как ни крути, день очень особенный. Щелчок затвора, и Карина забирает фотоаппарат, после чего начинает щелкать все подряд. Нас. Брюса. Моих родителей. Администратора.

А я пользуюсь моментом и иду к папе. Мы с ним садимся в соседние кресла, в уединенном небольшом закутке рядом со злосчастным фикусом. Он рассказывает мне о том, как получилось, что он оказался под трибуналом, а я ему — о Леклере и полковнике. Он обнимает меня за плечи, и я сворачиваюсь клубочком на его груди. Папа здесь. Папа защитит. Даже если это неправда, я должна в это верить. Пока тянутся страшные часы ожидания, мне больше ничего не остается.

Телефон Леклера все еще гордо молчит, я решаюсь пойти переодеться. Моя покалеченная спина больше не может терпеть корсет. Стою под душем и тщательно растираю ее мочалкой. Спать совсем не хочется, а потому я привожу себя в порядок и спускаюсь в холл снова, но лица моей группы поддержки какие-то приунывшие... и плачет мама.

— В чем дело? — спрашиваю я.

Отец смотрит так... Боже правый, что-то случилось. И я даже не хочу озвучивать свою догадку! Но все только смотрят, ни слова не произносят. Памятники неподдельной скорби, мать вашу!

— Иди сюда, — говорит Шон.

Разумеется, ну у кого еще достает бессердечности сказать мне страшную правду? У него в руках ноутбук, думаю, ему его администратор одолжил. В общем, мы отходим подальше от нашей компании. Сейчас уже довольно глубокая ночь, гостей, кроме нас, почти нет, но все залито ярким золотым светом и так обманчиво красиво. Когда я сажусь на один из диванчиков, меня терзают жуткие предчувствия. Шон, однако, с совершенно невозмутимым видом ставит на столик перед нами ноутбук и начинает открывать крышку, но я удерживаю его руку.

— Все плохо? — спрашиваю я.

— Плохо, — кивает он.

Ноутбук был переведен в режим гибернации, и когда он «просыпается», на мониторе сразу появляется видеоролик, на заставке которого кадр с места авиакатастрофы. И я уже знаю, что это рейс Палермо-Рим. Меня слегка подташнивает, но разум четкий и ясный,

просто хочется плакать. Сажу, обхватив себя руками и слушаю Шона, который переводит мне с итальянского репортаж о крушении авиалайнера. Выживших нет. Это был сбой в системе управления... Обломки самолета стремительно погружаются в море, а спасатели продолжают искать тела погибших, но кабина разгерметизировалась, прошло уже много часов, и надеяться не на что. Репортеры не сообщают, кто был на борту. Полагаю, что через несколько дней газетчики откапают сенсационные новости по поводу личностей Леклера, Келлерер и Монацелли, но либо сами замнут, либо замнут их.

— Они не подпишут амнистию, — хрипло говорю я. — Это не взлом местечкового сервера. Это Пентагон. Люди должны знать преступника в лицо, чтобы быть уверенными во всеисилии властей, а тем на суд общественности выставить некого. Монацелли не был объявлен преступником, тут работает презумпция невиновности... Все напрасно. Боже мой. — Я роняю лицо в ладони.

Шон даже ничего не говорит. А что тут скажешь? Ты права? Ха, будто я и без него этого не знаю. Некоторое время мы сидим, и я хочу, чтобы он просто взял меня за руку, коснулся плеча, жду хоть какой-то утешающий жест, но этот человек неумолим, ему в голову не придет выказать мне большую поддержку, чем машинный перевод репортажа. И тогда я сама хватаюсь за его ладонь, потому что я не такая, не железная, а никто из моей семьи не понимает владеющего мной отчаяния. Мама плачет, потому что люди погибли, а папа с Брюсом слепые патриоты, они военные, их воспитали в желании служить Родине, они верят, что Соединенные Штаты — лучшее место в мире, и правительство у нас самое справедливое. А теперь только и остается, что заставить их бежать на территорию другого государства.

— Бери их, Конелл, и возвращайся в Сидней. — Буквально озвучивает мои мысли Шон. — Австралии никогда не было дела до других стран. Твоего отца там никто не тронет.

Я отнимаю руки от лица и смотрю на Шона. Мне вспоминаются слова Монацелли. Я не знаю, насколько он был прав. Но... но даже проверять не хочу. Мне не нравилось то, как Шон меня преследовал и заманивал все это время на Сицилии, и перспектива жить с ним в одном городе совершенно не радует. Потому что я все еще достаточно его хочу, чтобы временами идти на форменное безумие. Стоп! Погодите-ка! Теперь у меня есть Брюс. И причина не вестись на провокации небезызвестных субъектов. Чудненько.

— Помнишь, ты сказал, что я могу выбрать себе вознаграждение за параллельный код?

— Помню, — кивает он.

— Тогда с тебя перелет для всех первым классом и отдельный дом для моих родителей... в Ньюкасле.

— Ньюкасле? — удивляется Шон.

— Картер, не делай вид, что ты идиот. Я люблю родителей, но если они будут жить через улицу, мама меня в могилу сведет своими нравоучениями! Когда мне было девятнадцать, я считала это проявлениями заботы и любви, а потому терпела, но сейчас мне двадцать шесть, и я не собираюсь выслушивать за ужином воспитательные беседы.

Шон усмехается:

— Сколько билетов мне забронировать? — С места в карьер. Да, это Шон. Никаких лишних вопросов.

— Пять, — говорю я, быстренько осуществив мысленный подсчет. Включаю и самого Картера, так как он может воспользоваться промашкой и не взять Брюса.

— И что ты собираешься делать с этим недоразумением? — Он даже не пытается скрыть раздражение.

— Ты о Брюсе?

— А его зовут Брюс? Не удивляйся, что я не запомнил, ведь и ты о нем за все это время вспомнила впервые.

— И ты знаешь почему.

— Ты ему изменила. Думаешь, это со всеми прокатывает так же спокойно, как со мной когда-то?

— Я скажу ему. И о чем ты вообще? Я не думала, что у нас с ним остались какие-то отношения.

— Тогда зачем он тебе в Австралии?

— Он попал в этот переплет из-за меня, он сделал мне предложение, — смотрю в сторону отца и Брюса. — И они с папой друг друга обожают.

— Ммм, так это Джон Конелл его подбил на тебе жениться? Заманчиво! — фыркает Картер. Не знала бы его — решила бы, что ревнует.

— Замолчи. Я еще не настолько отчаялась, чтобы полагать, что на мне можно жениться только с пинка родителей!

— Разуй глаза, Конелл, ты пытаешься навесить на себя мешок с дерьмом! Он же... смеется.

— Что? — чувствую, логика мне стремительно отказывает. — Ну да. Нормальные люди иногда смеются!

— Да не строй ты из себя идиотку! Взгляни, они смеются, пока ты решаешь, что будет с ними дальше, и места себе не находишь. И так будет всегда! — От его слов я закусываю губу. Сицилия стала первым серьезным испытанием в нашей с Брюсом совместной жизни. Я не знаю, как он будет себя вести в критической ситуации... — Конелл, не лезь в эту петлю. Сколько тебя помню, ты никогда собой не дешевила, не стоит начинать сейчас. Подумай еще раз над тем, сколько билетов мне забронировать.

С этими словами Шон встает и уходит. А я возвращаюсь в свой номер и забываюсь беспокойным сном. В девять утра меня будит звонок полковника. Как я и думала, он говорит мне, что раз у них нет Монацелли, то у меня нет Джона Конелла. Он сильно ошибается! Папа здесь, на Сицилии. Он приехал сюда, чтобы «заклучить помолвку в романтическом месте». И, как это ни смешно, именно абсурдное предложение руки и сердца спасло ему жизнь.

Ветер колышет белую органзу на окнах ресторана. Мама и Карина сидят вдвоем за столиком. Разумеется, мне не нравится, что эта женщина общается с моими родителями, но не устраивать же разметку территории! Шум моря настолько силен, что заглушает мои шаги. Он позволяет мне незаметно приблизиться и заглянуть через плечо маме. Они смотрят фотографии. Пани запечатлела нас с Шоном, когда мы сидели на диванчике и говорили о Сиднее. Я на снимках кажусь такой ранимой, такой доверчивой, а Шон, как всегда, хмурится и что-то говорит. Но вместе, черт меня подери, мы смотримся очень гармонично. Мне раз за разом вспоминаются слова Монацелли. Он не мог быть прав, не мог. И, как назло, в этот самый момент Пани перелистывает фотографию на следующую. Там я как раз держусь за ладонь Шона, закрыв лицо свободной рукой. А он смотрит на меня... с сочувствием? Не знаю, как именно, но точно не безразлично. Я сейчас начну отмахиваться от навязчивых фраз Манфреда вживую, лишь бы только оставили меня в покое. Я знаю, как работает психологическая накрутка. Думаешь и думаешь, пока все не становится правдой! Я не хочу

такого для себя, и не знаю, как перестать.

А мама, тем временем, спрашивает у Пани:

— Мм, Карина, я никогда не разговаривала об этом с Ханной, но, может, вы знаете, как звали ее... друга из Австралии?

— Она никогда не называла его? — Ага, Карина в шоке. Ее уши на глазах становятся просто пунцовыми. Класс! Одно дело извиняться передо мной за то, что разрушила наши с Картером отношения (какими бы они ни были), и совсем другое — перед моей матерью. — Да, это был Шон, — быстро говорит она, пряча глаза.

— А почему они расстались? Они кажутся... друзьями.

— Нет, Зои, на друзей они не похожи, — вздыхает Карина. Но я не знаю, что именно она имеет в виду. — По крайней мере, когда Джоанна только приехала сюда, они едва разговаривали. И я не знаю, как они расстались.

— Просто... вчера он ее так поддерживал...

— Некоторые связи не рвутся, — пожимает плечами Карина. Мое сердце начинает биться гулко и часто. Я боюсь, что она права.

— Не совершаем ли мы ошибку? С Брюсом.

— Я бы советовала говорить об этом все-таки не с Кариной, — нарушаю я их чудный междусобойчик. — Эта женщина посторонняя и совершенно меня не знает. Ни меня, ни моих отношений с Шоном! — Мама растерянно смотрит на Пани, та снова гипнотизирует пол. Ну еще бы. И все-таки я должна сказать родителям правду о нам с Картером. — Мы расстались плохо, ма. Так плохо, как это вообще возможно. И отношения у нас были совсем не доверительные.

— Ханна, я не понимаю.

— Мам, не прикидывайся, все ты понимаешь! — закатываю я глаза.

— Но ты подумываешь вернуться в Сидней, — возражает вдруг Карина. Мама удивляется, но только хлопает глазами, ни о чем не спрашивает. — Может, это то, как воспринимаешь ситуацию ты, но что, по-твоему, думает Шон?

— Мне все равно. Тебе ли не знать, что он четыре года наизнанку выворачивался, пытаясь донести до меня мысль, будто я ничего от него не добьюсь. Дошло. Спасибо. Теперь отвалите на хрен.

— Ханна! — ахает мама. — Как ты выражаешься?!

Но я устала играть в приличную девочку. Мне срочно нужен отпуск от притворства и мнительности.

— Где Брюс?

Благо, Карина сразу указывает в сторону террасы. Иду туда. Брюс и папа сидят в плетеных креслах друг напротив друга. И между ними шахматная доска. Сажусь на подлокотник отцовского кресла и делаю за него ход. Он всегда позволяет мне подобные вольности. Наверное, потому что я играю лучше. Брюс старательно смотрит на доску, но моей задумки не понимает.

— Звонил полковник. Амнистию не подпишут, — буднично сообщаю я. — А это значит, что теперь мы все «повязаны». — Слон выпадает из руки Брюса. Он беспомощно на меня смотрит. — И я настойчиво-вежливо спрашиваю: вы полетите со мной в Австралию? — Маму даже не пытаюсь пытаться, как папа скажет, так и будет. Брюс, кстати, тоже ориентируется на реакцию старшего по званию. Решать отцу.

— Почему Австралию, девочка моя? — спрашивает папа. Не спорит, знак хороший.

Хотя, может, просто чувствует себя виноватым.

— По многим причинам. Мы там уже были, и, кажется, она всем нравилась, также там у меня остались друзья, там же живет мой начальник, и не придется летать через полмира ради обсуждения дел.

— А твоя мама?

— Па, мы оба знаем, что решать тебе. Я предлагаю это, потому что другого варианта у меня нет. Там мы можем рассчитывать хоть на какую-то поддержку.

Проходит несколько минут, пока он думает, а затем папа коротко кивает и поднимается. Уходит рассказывать обо всем маме. Занимаю его место за шахматной доской.

— Доиграем?

— Давай, — кивает Брюс и делает новый ход.

— Знаешь, я ведь хотела, чтобы ты сделал мне предложение.

— Знаю.

— Так чего ты тянул? Опомнися, только когда я уехала? — смотрю в его светло-серые прозрачные глаза.

— Понимаю, это нелепо, но... — начинает он сбивчиво.

— Это идея моих родителей? — прямо спрашиваю я.

— Нет, конечно! — ужасается он.

— Просто если бы они выбирали человека, за которого мне стоит выйти замуж, они бы никогда не выбрали другого. Ты — их бесспорный фаворит. — Он гордо улыбается. И его не волнует, что я не сказала ни слова о себе? Смотрю на выбеленный солнечными лучами песок. Я уже не уверена, что хочу за Брюса замуж, но как минимум помолвка мне нужна, хотя бы для вида, она меня спасет. Жаль только, что с родителями будет тяжело объясняться. Шум волн вплетается в мои слова. — Я недоумеваю, Брюс. Почему ты ни разу не позвонил мне сюда?

— Потому что ты не сказала, что уезжаешь. И никто не знал, где ты. А еще ты была такой умной, классной. Что если однажды просто вдруг проснулась и поняла, насколько лучше меня?

— И ты, вместо того, чтобы хоть что-то выяснить, просто самоустранился. Ты даже не подумал, что я могла попасть в переплет. А я попала! Как я теперь могу на тебя положиться?

— Можешь! Конечно можешь!

— Это был не вопрос, Брюс. Я помогала отцу, а ты сидел в Штатах и, кажется, жаловался родителям на то, как я некрасиво с тобой поступила! Жалел себя! Я не спрашиваю тебя, это факт. Я не могу на тебя положиться. И была уверена, что между нами все кончено...

Я снова отворачиваюсь к морю. Как же все это тяжело. Почему моя личная жизнь не может быть простой и понятной? Как получилось, что я легче защищаю диссертации, чем строю отношения? Что со мной не так?

— В смысле? К чему это ты? — настороженно спрашивает Брюс.

— Я спала с другим мужчиной.

— Здесь? — Звучит так, будто он обижен.

— Да.

— Боже, Джо! Ты меня убиваешь. Кто он?

— Шон.

— Шон Картер? Твой новый начальник?

Брюс американец до мозга костей, для него служебный роман — очень дурной тон. В ВВС мы работали в разных подразделениях, потому на наши отношения смотрели сквозь пальцы, но он всегда переживал по этому поводу. И я даже знать не хочу, кем он теперь воображает меня.

— Да, — спокойно отвечаю я.

— Джо, я ничего не понимаю.

— Чего ты не понимаешь? Я прожила в Австралии семь лет. Год в Ньюкасле, год в Мельбурне, пять лет в Сиднее, пока училась в университете, ректором которого являлся и является Шон Картер. Четыре года я прожила с ним под одной крышей. Но, разумеется, теперь между нами никаких личных отношений не будет. Так вот к чему я это? Я не прошу твоего прощения, да и сама тебя еще не простила. Но если ты сможешь жить с мыслью о том, что я работаю на бывшего любовника — я выйду за тебя замуж.

С этими словами я ставлю Брюсу мат. Он долго смотрит на шахматную доску, пытается решить, и это явно не легкое дело, но он все-таки роняет своего короля, достает из кармана кольцо и надевает его мне на палец. Мда, не так я представляла свое обручение... Хотя море, солнце, мама и папа рядом, кольцо с большим бриллиантом (оно мне несколько велико, но не суть)... Осталось только нам с Брюсом стать чуточку идеальнее, чтобы вписаться в декорации. Словно сломанные куклы, мы встаем и двигаемся друг другу навстречу. Я обвиваю руками его шею и молюсь, чтобы почувствовать хоть что-то, кроме грусти. Брюс целуется как надо, как всегда. Однако, если раньше между нами была химия, то сегодня она отсутствует напрочь. Ничего, как только мы приедем в Сидней, я успокоюсь, приду в себя, и все вернется, ведь правда? У нас с Брюсом всегда были очень стабильные и спокойные отношения, я буду рада, если так и продолжится.

Взявшись за руки мы входим в зал. Я собираюсь замуж. Ура! Ну давай, Джо, убери это кислое выражение с лица. Посмотри, как счастливы мама и папа. Они едва не прыгают. Мама так и вовсе намеревается в обморок свалиться. Наверное, я просто алчная стерва, вечно мне чего-то мало! Шона Картера, видите ли, подавай...

Эпилог

Только спокойствие

Настоящее время

Пристегнув ремень безопасности и на максимум его затянув, начинаю нервно оглядываться. Мама и папа счастливо болтают с Брюсом. И то, что их разделяет проход, никого не смущает. Кажется, до моего нервоза никому и дела нет.

Мрачно посматриваю на Шона, который копается в ручной клади на полке. Одет как на похороны. Все черное. Это из-за Монацелли или просто практичности ради? Я невольно люблюсь его фигурой. Черт возьми, черт возьми! Наконец, он зажимает в кулаке пузырек со снотворным, закрывает полку и, так и не удостоив ни одного из нас взглядом, плюхается в кресло. Место рядом с ним свободно. На регистрации он вежливо сообщил девице, что бронирует места по два, чтобы ни один идиот не вздумал с ним в полете пообщаться. Да, за социопатию приходится расплачиваться. Вот и сейчас он подзывает стюардессу, демонстрирует, что ремень безопасности пристегнут и просит принести стакан воды, после чего — оставить в покое на весь полет. Вообще не трогать! Сделать вид, что пустых мест два, а не одно.

А я не могу устроиться в кресле. Билеты в бизнес-классе, но я уже предвкушаю как заболит спина. И будет закладывать уши. А при посадке я вообще, наверное, начну визжать, ведь самолет с Леклером и Эдди упал чуть больше суток назад. С моих губ уже срывается какой-то странный звук.

— В чем дело? — спрашивает Брюс. Он что, правда не понимает?

— Ни в чем. — Я отворачиваюсь, но внезапно мне на колени приземляется переброшенный через спинку кресла пузырек со снотворным.

— Одну таблетку до Рима. По две до Сингапура и Сиднея.

— А что если мы разобьемся? — тут же пытаюсь я поделиться опасениями с единственным человеком, который меня понимает.

— Указанной дозы хватит, чтобы проспать даже это, — «утешает» меня Картер.

Конец первой части

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Благодарности

Я хотела бы поблагодарить каждого человека, который помогал мне в работе над этой книгой! И каждого, кто уделил ей внимание.

Во-первых, я благодарная тем людям, которые вынуждены были прочитать ее в сыром черновике, и потом хором сказали «еще раз пришлешь с таким количеством опечаток, фигушки будем читать!» Эти несчастные, конечно, мой муж и моя сестричка! Мои самые первые читатели, мои самые первые критики и оценщики, на мнение которых я ориентировалась, впервые выкладывая работы в сеть. Именно их поддержка помогла мне решиться на подобное. И огромное им за это спасибо!

Во-вторых, я бы хотела поблагодарить Анюту Шиян-Глову и Розалию Ханзарову, которые помогали мне с вычиткой. По-моему вычитывать авторские книги — самое страшное дело. И знаешь как сказать лучше, и сдерживаешься, чтобы не обидеть. Огромное вам спасибо за труд, терпение и понимание!

В-третьих, также я хотела бы отдельное спасибо сказать человеку с воистину ангельским терпением — Алене Лубенец. За то, что она, кажется, оказала и все еще продолжает оказывать мне всю поддержку, на которую вообще способен друг.

В-четвертых, конечно, спасибо Тане Бабаевой, которая своими волшебными постами освобождала мне драгоценные минутки, которые я тратила на написание проды.

Ну и, конечно, я безумно благодарная каждому, кто поддерживал меня своими отзывами и комментариями. Каждый из вас мне безумно важен и нужен. Вы поднимаете настроение, вы заставляете меня продолжать несмотря ни на что. Бывает, что так не хочется ничего делать, но видишь, насколько читателям важен твой труд, и все равно садишься и пишешь. Спасибо вам. Вы заставляете меня хотеть продолжать творить.

Ну и, конечно, *без читателей автора нет*. Баян, старо, как мир, но правда. Я благодарна каждому, кто нашел и найдет время прочитать эту книгу. Спасибо!